

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 3 • 2023

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

издательство «Проспект», Антопян Е.А., Бодров Н.Ф., Зайцев О.А., Редникова Т.В.

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астапкин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Сарсенбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрало Шакарарулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

Марквард Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, г. Орел)

Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрапин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Туначевский Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамураев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Редактор:

Свещая Елена Владимировна

Помощник редактора:

Махмутова Лилия Ренатовна

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_ykk@mail.ru

<http://crimscience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2023. — № 3.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2023. — 212 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 29.06.2023. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26,5 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 3 • 2023

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Verleger:

Прспект

Der Chefredakteur:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kasationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Vaysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Garban Vladimir Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Grisshko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalalir Omralfi Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der

Pskover Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischni Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Prihodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolyskij Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechts Fakultät der Belorussischen Staats Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryaev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:
Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Redakteur Assistent:

Makhamutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2023. — Nr. 3.

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2023. — 212 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 29.06.2023. in Druck gegeben, Format 60×90 1/8, Offsetdruck Papier. Druckliste 26,5. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 3 • 2023

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Publisher:

Прспект

The Editor-in-Chief:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Bureau member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Vaysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Orban Vladimir Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Leiter des Sektors für Rechtsphilosophie, Geschichte und Theorie von Staat und Recht, Leiter des interdisziplinären Zentrums für philosophisch-rechtliche Studien am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalalir Omrari Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State Uni-

versity, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)

Nomokonov Vitaly Anatolevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Prihodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Justinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryaev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Editor's Assistant:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2023. — No. 3.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2023. — 212 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 29.06.2023. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26,5. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жилкин Максим Геннадьевич

Журнал «Союз криминалистов и криминологов» – платформа для научных дискуссий и профессионального общения 7

Трибуна ВУЗА Пермский государственный национальный исследовательский университет

Афанасьева Светлана Ивановна

Правовое обеспечение информационной безопасности в связи с проведением специальной военной операции 9

Войнич Константин Викторович

К вопросу о наличии специальных знаний у участников процесса в уголовном судопроизводстве (на примере преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних) 18

Килина Ирина Владимировна

Частный интерес в публичном уголовном процессе России: история и перспективы 24

Пастухов Павел Сыроевич, Борисевич Галина Яковлевна

Блестящая карьера, научное наследие, заслуженное признание и уважение! Памяти юриста-международника из Пермского университета Олега Ивановича Тиунова 32

Филиппов Михаил Николаевич

Прошлое, настоящее и будущее криминалистических научных исследований 39

Шумихин Владимир Григорьевич,

Струков Александр Владимирович

Мародерство: новая регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации 52

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Лукьянов Сергей Александрович

Роль полицейских органов Российской империи в пресечении экстремизма со стороны радикального старообрядчества и религиозного сектантства 57

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Шуров Александр Александрович

Индивидуальные меры предупреждения заведомо ложного доноса 66

КРИМИНАЛИСТИКА

Киселев Александр Сергеевич

Тактика обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов преступлений в сфере компьютерной информации 72

КРИМИНОЛОГИЯ

Тангиев Бахаудин Батырович

Экокриминология (oikoscrimenlogos): трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление и его значение в интеграции и синхронизации модульных дисциплин (систем и интегрированных технологий) 81

Хомич Владимир Михайлович

В поиске предметной значимости криминологического знания в эпоху социально-организованного постмодерна (памяти профессора Виталия Ефимовича Квашиса) 92

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Мальцев Олег Валерьевич

Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах как элемент финансовой безопасности: правовые проблемы 96

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,

Осадчая Анастасия Игоревна

Право на реабилитацию вследствие прекращения уголовного дела в Кыргызской Республике 100

Ахпанов Арстан Нокешевич,

Зайцев Олег Александрович,

Сарсенбаев Талгат Есеналиевич

Памяти благородного рыцаря идей справедливости и гуманизма в юридической науке – профессора Сергея Петровича Щербы 106

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ

КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Мацкевич Игорь Михайлович

Фактор времени 114

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

Причины экологических преступлений.

Причинность и детерминация 141

ЮБИЛЕЙ

Александру Григорьевичу Звягинцеву – 75! 169

Стешич Елена Сергеевна

К юбилею Данила Аркадьевича Корецкого 172

Звягинцев Александр Григорьевич,

Мацкевич Игорь Михайлович

«Прокуроры обязаны быть ближе к жизни». Генеральный Прокурор Союза ССР Александр Яковлевич Сухарев 178

К 90-летию выдающегося ученого-юриста

Юрия Мирановича Антоняна 185

НЕКРОЛОГ

Гилинский Яков Ильич

Памяти профессора Виталия Ефимовича Квашиса 187

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 189

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 211

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

<i>Zhilkin M.G.</i> Die Zeitschrift „Verband der Kriminalisten und Kriminologen“ – eine Plattform für wissenschaftliche Diskussionen und professionelle Kommunikation	7
--	---

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT STAATLICHE NATIONALE FORSCHUNGSUNIVERSITÄT PERM

<i>Afanasyeva S.I.</i> Rechtliche Gewährleistung der Informationssicherheit im Zusammenhang mit der Durchführung der militärischen Sonderoperation	9
<i>Voinich K.V.</i> Zur Frage der Spezialkenntnisse der Prozessbeteiligten im Strafverfahren (am Beispiel eines Verbrechens gegen die sexuelle Integrität von Minderjährigen).....	18
<i>Kilina I.V.</i> Privatinteresse im öffentlichen Strafverfahren in Russland: Geschichte und Perspektiven	24
<i>Pastukhov P.S., Borisevich G.Ya.</i> Glänzende Karriere, wissenschaftliches Erbe, wohlverdiente Anerkennung und Respekt! Zum Andenken an einen Völkerrechtswissenschaftler der Universität Perm Oleg Ivanovich Tiunov.....	32
<i>Filippov M.N.</i> Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft der kriminalwissenschaftlichen Forschung.....	39
<i>Shumihin V.G., Strukov A.V.</i> Plünderungen: neue Regelung im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation.....	52

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

<i>Lukyanov S.A.</i> Die Rolle der Polizeibehörden des Russischen Reiches bei der Unterdrückung des Extremismus der radikalen Altgläubigen und des religiösen Sektierertums.....	57
---	----

STRAFRECHT

<i>Shurov A.A.</i> Individuelle Maßnahmen zur Verhinderung von bewusst falscher Anschuldigung.....	66
--	----

KRIMINALISTIK

<i>Kiselev A.S.</i> Taktiken zur Ermittlung und Sicherung digitaler elektronischer Spuren von Verbrechen im Bereich der Computerinformation.....	72
---	----

KRIMINOLOGIE

<i>Tangiev B.B.</i> Ökokriminologie (Oikoscrimenlogos): ein transdisziplinäres und multimodales wissenschaftliches Gebiet und seine Bedeutung für die Integration und Synchronisation in Moduldisziplinen (Systemen und integrierten Technologien)....	81
<i>Khomich V.M.</i> Auf der Suche nach der objektiven Bedeutung kriminologischen Wissens im Zeitalter der gesellschaftlich	

mitorganisierten Postmoderne (in Erinnerung an Professor Vitaly Efimovich Kvashis)	92
---	----

SICHERHEIT DER PERSON, DER GESELLSCHAFT, DES STAATES UND DER INTERNATIONALEN GEMEINSCHAFT

<i>Maltsev O.V.</i> Regelung der Steuer- und Abgabengesetzgebung in der Russischen Föderation als Element der finanziellen Sicherheit: Rechtsprobleme.....	96
---	----

STRAFPROZESSRECHT

<i>Shamurzaev T.T., Osadchaya A.I.</i> Recht auf Rehabilitierung aufgrund der Einstellung des Strafverfahrens in der Kirgisischen Republik	100
<i>Akhpanov A.N., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.Ye.</i> In Gedenken an einen edlen Ritter der Ideen der Gerechtigkeit und des Humanismus in der Rechtswissenschaft – Professor Sergei Petrovich Shcherba	106

AUTOR KRIMINALISTISCHER UND KRIMINOLOGISCHER LITERATUR

<i>Matskevich I.M.</i> Zeitfaktor	114
--	-----

KAPITEL UNSERER BÜCHER

<i>Dubovik O.L., Zhalinsky A.E.</i> Ursachen der Umweltkriminalität. Kausalität und Determinatio.....	141
---	-----

JUBILÄUM

<i>Matskevich I.M.</i> 75. Jahrestag von Alexander Grigoryevich Zvyagintsev!	169
<i>Steshich E.S.</i> Zum Jubiläum von Danil Arkadyevich Koretsky	172
<i>Zvyagintsev A.G., Matskevich I.M.</i> „Staatsanwälte haben die Pflicht, näher am Le ben zu sein.“ Generalstaatsanwalt der UdSSR Alexander Yakovlevich Sukharev.....	178
Zum 90. Geburtstag des hervorragenden Rechtsgelehrten Yuri Miranovich Antonyan.....	185

NEKROLOG

<i>Gilinsky Ya.I.</i> Im Gedenken an Professor Vitaly Efimovich Kvashis.....	187
---	-----

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN	191
--------------------------------------	-----

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER	195
---------------------------------------	-----

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN.....	211
--	-----

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Zhilkin M.G.

The journal "Union of Criminalists and Criminologists" – a platform for scientific discussions and professional communication..... 7

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Afanasyeva S.I.

Legal provision of information security in connection with a special military operation..... 9

Voinich K.V.

Revisiting special knowledge of trial participants in criminal procedure (drawing on the cases of crimes against the non-adult sexual immunity)..... 18

Kilina I.V.

Private interest in the public criminal process in Russia: history and perspectives 24

Pastukhov P.S., Borisevich G.Ya.

Brilliant career, scientific heritage, well-deserved recognition and respect! In memory of an international lawyer from Perm University Oleg Ivanovich Tiunov..... 32

Filippov M.N.

The past, present and future of forensic scientific research 39

Shumihin V.G., Strukov A.V.

Looting: new regulation in the Criminal Code of the Russian Federation..... 52

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Lukyanov S.A.

The role of the police bodies of the Russian Empire in suppressing extremism from radical Old Believers and religious sectarianism..... 57

CRIMINAL LAW

Shurov A.A.

Individual measures to prevent deliberately false denunciation 66

CRIMINALISTIC

Kiselev A.S.

Tactics of detection and fixation of electronic and digital traces of crimes in the field of computer information 72

CRIMINOLOGY

Tangiev B.B.

Ecocriminology (oikoscrimenlogos): a transdisciplinary-multimodal scientific direction and its significance in the integration and synchronization of modular disciplines (systems and integrated technologies)..... 81

Khomich V.M.

In search of the objective significance of criminological knowledge in the era of socially co-organized postmodernity (in memory of Professor Vitaly Efimovich Kvashis) 92

SECURITY OF THE PERSON, SOCIETY, THE STATE AND THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Maltsev O.V.

The legislation of the Russian Federation on taxes and fees as an element of financial security: legal problems..... 96

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Shamurzaev T.T., Osadchaya A.I.

The right to rehabilitation as a result of the termination of a criminal case in the Kyrgyz Republic 100

Akhpanov A.N., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.Ye.

In memory of the noble knight of the ideas of justice and humanism in legal science – Professor Sergei Petrovich Shcherba..... 106

AUTHOR OF CRIMINALISTIC AND CRIMINOLOGICAL LITERATURE

Matskevich I.M.

Time factor..... 114

CHAPTERS OF OUR BOOKS

Dubovik O.L., Zhalinsky A.E.

Causes of environmental crimes. Causality and determination 141

ANNIVERSARY

Matskevich I.M.

75th anniversary of Alexander Grigoryevich Zvyagintsev!..... 169

Steshich E.S.

To the anniversary of Danil Arkadyevich Koretsky 172

Zvyagintsev A.G., Matskevich I.M.

"Prosecutors have a duty to be closer to life." Prosecutor General of the USSR Alexander Yakovlevich Sukharev 178

To the 90th anniversary of the outstanding scientist-lawyer Yuri Miranovich Antonyan 185

NECROLOGUE

Gilinsky Ya.I.

In memory of Professor Vitaly Efimovich Kvashis 187

ABOUT THE AUTHORS 193

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 203

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"..... 211

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЖУРНАЛ «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» — ПЛАТФОРМА ДЛЯ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Жилкин Максим Геннадьевич

Уважаемые коллеги!

Наш журнал «Союз криминалистов и криминологов» не просто следует тенденциям современной научной мысли, но и активно формирует новые направления исследований в области права. С каждым годом мы становимся все более многофункциональной и многогранной платформой, где каждый исследователь может найти свое место и выразить собственную точку зрения.

Особое внимание в ближайшем будущем мы планируем уделить международному сотрудничеству. В эпоху глобализации и цифровизации важно не только сохранять национальные традиции исследований, но и активно взаимодействовать с зарубежными коллегами, обмениваясь опытом, методами и подходами к решению актуальных проблем.

У нас в планах также создание новых рубрик, посвященных применению цифровых технологий в правоохранительной деятельности, а также анализу современных вызовов и угроз в сфере права. Мы планируем привлекать к сотрудничеству молодых ученых, студентов и аспирантов, чтобы дать им возможность представить свои исследования широкой аудитории и получить ценную обратную связь от опытных специалистов.

С гордостью сообщая, что с этого года мы открыли новую рубрику, посвященную истории и теории государства и права. На страницах нашего журнала уже размещены первые публикации, которые освещают историю дореволюционной полиции (2023 № 1) и становление советской пенитенциарной системы (2023 № 2). Эти работы не только представляют интерес с исторической точки зрения, но и позволяют лучше понять корни

и основы современной системы правоохранительных органов.

Но на этом наши планы не заканчиваются. В ближайшем будущем читателей ждут публикации, посвященные борьбе в дореволюционной России с различными вызовами своего времени. Эти материалы позволят увидеть, как менялись методы и подходы правоохранительных органов в зависимости от социально-политической обстановки, а также какие уроки можно извлечь из опыта прошлых поколений.

Мы уверены, что новая рубрика станет настоящим открытием для многих наших читателей. Она позволит не только расширить кругозор, но и углубить знания в области истории и теории государства и права. Надеемся, что каждый найдет для себя что-то новое и интересное, и эти публикации станут еще одним вкладом в развитие науки и культуры.

На рубеже XIX–XX веков, когда Русская группа Международного союза криминалистов занималась активной научной и просветительской деятельностью в переломную для Отечества эпоху, ученые — члены группы, несмотря на трудности того времени, сумели заложить основы развития уголовно-правовой науки, создав целый ряд фундаментальных работ, которые и по сей день являются актуальными и востребованными.

Союз криминалистов и криминологов, будучи творческим наследником этой замечательной традиции, стремится сохранить и развивать достижения своих предшественников. Новая рубрика «Главы наших книг» призвана напомнить о великих именах прошлого, их вкладе в развитие науки и дать возможность молодому поколению юристов

погрузиться в мир классической уголовно-правовой литературы.

В эпоху цифровизации, когда информация становится все более доступной, но при этом часто утрачивает глубину, важно сохранять связь с источниками. Мы верим, что представленные в рубрике фрагменты научных работ помогут молодым специалистам лучше понять историю и основы уголовно-правовой науки, а также вдохновят их на новые исследования и открытия.

Пусть наши страницы станут мостом между прошлым и настоящим, соединяя традиции и новаторство, опыт классиков и энтузиазм молодых исследователей.

Молодые ученые — это двигатель прогресса в любой области науки. Они приходят с новыми идеями, свежим взглядом на старые проблемы и готовностью к экспериментам. Именно поэтому мы с особым вниманием и интересом относимся к публикациям молодых авторов в нашем журнале.

Мы гордимся тем, что можем предоставить платформу для обмена опытом и знаниями между молодыми и опытными учеными. Это дает возможность молодым специалистам представить свои исследования широкой аудитории, что поможет вовлечь в научное сообщество новых интересующихся, активных и мотивированных людей.

Мы убеждены, что просветительская деятельность молодых ученых способствует формированию нового поколения исследователей, готовых брать на себя ответственность за будущее науки и общества в целом. Наша задача — поддерживать их в этом стремлении, предоставляя все необходимые ресурсы и возможности для реализации их идей и проектов.

Рад также объявить о запуске новой рубрики, посвященной нашим учителям. В ней мы будем вспоминать выдающихся ученых, благодаря которым формировалась и развивалась наша наука. Это уникальная возможность познакомить читателей с наследием великих умов, их взглядами и идеями, которые оставили неизгладимый след в истории юридической науки. Надеемся, что данная рубрика станет источником вдохновения для молодого поколения ученых и практиков.

Мы начинаем публиковать увлекательную повесть И.М. Мацкевича «Фактор времени». В этом произведении автор приглашает нас в удивительное путешествие по событиям 2010-х годов, рассказывая о работе военной прокуратуры в период интеграции заграничных тенденций в России. «Фактор времени» — это особый взгляд на историю, который не оставит вас равнодушными. И.М. Мацкевич совершает настоящее литера-

турное погружение в сложности и противоречия той эпохи, раскрывая тайну, которую многие утаивали.

А мы не намерены останавливаться на достигнутом — впереди у нас еще много захватывающих публикаций! В наших планах начать сотрудничество с авторами-публицистами, которые также пишут и увлекательные детективные истории. Мы стремимся предложить разнообразие жанров и тематик, чтобы каждый мог найти чтение по душе.

В заключение хочу выразить благодарность всем авторам, читателям и коллегам за вклад в развитие журнала «Союз криминалистов и криминологов». Вместе мы создаем не просто платформу, а международное пространство для обмена знаниями, опытом и инновационными идеями. Журнал становится каналом, соединяющим профессионалов разных стран и культур. Это уникальная возможность для юристов и криминалистов всего мира делиться достижениями, изучать глобальные тенденции и применять лучшие практики в профессиональной деятельности. Наша миссия — делать знания доступными и понятными для всех, независимо от географического положения, культурных особенностей или языкового барьера. Мы стремимся к тому, чтобы каждый читатель, будь то опытный специалист из Киргизии, начинающий исследователь из Армении или студент из России, мог на страницах журнала найти для себя что-то новое, полезное и вдохновляющее.

Хочу еще раз подчеркнуть, что наша основная цель — создать современный, динамично развивающийся журнал, который будет отражать самые актуальные и важные тенденции в области права, а также станет местом для профессионального и творческого общения специалистов из разных стран. Рассчитываю на вашу поддержку и активное участие в жизни журнала и в дальнейшем!

*С уважением,
главный редактор журнала «Союз криминалистов
и криминологов»*

Максим Жилкин

Трибуна ВУЗА Пермский государственный национальный исследовательский университет

Правовое обеспечение информационной безопасности в связи с проведением специальной военной операции

Афанасьева Светлана Ивановна

Цель: на основе анализа норм КоАП РФ и УК РФ, научных источников, материалов следственной и судебной практики систематизировать меры административной и уголовной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил России, добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих выполнению задач, возложенных на них при проведении специальной военной операции на Украине, с применением информационно-коммуникационных технологий, а также предложить способы коррекции действующего отечественного законодательства.

Методология: общенаучный диалектический, универсальные научные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, структурно-функциональный, формально-логический метод), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, метод системного толкования).

Выводы. Законодателем усилена правовая ответственность за противоправные действия с применением IT-технологий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил России, добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих выполнению задач, возложенных на них при проведении специальной военной операции, в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В дальнейшем необходима системная работа государственных, муниципальных органов, их должностных лиц, общественных объединений и граждан по обеспечению информационной безопасности российского общества мерами правовой и профилактической защиты.

Научная и практическая значимость. Представлен системный анализ мер административной и уголовной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил России, добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих в выполнении задач, возложенных на них при проведении специальной военной операции на Украине, направленных на обеспечение информационной безопасности российского общества. Конкретизированы предложения по усовершенствованию текущего российского законодательства по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: специальная военная операция, вооруженные силы, дискредитация, административная ответственность, уголовная ответственность, информация, безопасность.

Вопросы информационной безопасности российского общества в современных реалиях остаются актуальными и широко обсуждаемы на различных коммуникационных площадках. Для предотвращения негативных последствий воздействия на информационную среду в связи с проведением специальной военной операции

на территории Украины (далее — СВО) законодатель системно и последовательно ужесточает меры правовой ответственности в отношении виновных лиц.

Так, Федеральным законом РФ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ (Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Российская газета*. 2022. 9 марта. № 49) в КоАП РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Российская газета*. 2001. 31 декабря. № 256) была введена ст. 20.3.3, которой установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях. В дальнейшем редакция данной статьи была обновлена дважды. Во-первых, в течение марта того же 2022 г. Федеральным законом РФ от 25 марта 2022 г. № 62-ФЗ (Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Российская газета*. 2022. 29 марта. № 66) была установлена административная ответственность за подобные действия и в отношении российских государственных органов, исполняющих свои полномочия в ранее указанных целях. Во-вторых, Федеральным законом РФ от 18 марта 2023 г. № 57-ФЗ (Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Российская газета*. 2023. 21 марта. № 58) дополнительно была введена административная ответственность за указанные действия в отношении не только ВС РФ, но и добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих выполнению задач, возложенных на ВС РФ.

В 2022 г. судами общей юрисдикции по данной статье рассмотрено 5442 дела, подвергнуто наказанию 4440 лиц, из них — 4439 лиц подвергнуто штрафу (средняя сумма штрафа 34 000 руб.) (*Судебная статистика РФ* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudstat.ru/> (дата обращения: 16.04.2023)). Данные судебной практики свидетельствуют, что дискредитационные действия в отношении ВС РФ, российских государственных органов, добровольческих формирований и иных организаций и лиц, содействующих отечественным вооруженным силам в проведении СВО, за которые предусмотрена административная ответственность,

совершаются в большинстве случаев с использованием интернет-ресурсов.

Например, постановлением судьи Коптевского районного суда г. Москвы от 10 августа 2022 г. по делу № 7–21129/2022 К. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, которое было совершено с использованием аккаунта в сети Интернет, где владелец разместил пост от 18 мая 2022 г., содержащий высказывания о политической ситуации в стране и проведении СВО на Украине. Среди комментариев к данному посту 19 мая 2022 г. был размещен с использованием личной страницы интернет-ресурса Facebook комментарий пользователя К., направленный на дискредитацию ВС РФ в ходе проведения СВО. При этом районный суд установил, что в действиях К. не усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ (Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) «Уголовный кодекс Российской Федерации» // *Российская газета*. 1996. 18 июня. № 113; 1996. 19 июня. № 114; 1996. 20 июня. № 115; 1996. 25 июня. № 118). Это говорит о том, что при анализе такого рода противоправных действий суды должны правильно оценить их характер и квалифицировать данные действия либо как административное правонарушение по ст. 20.3.3 КоАП РФ, либо как уголовное преступление — по ст. 207³, 280³ УК РФ. Сложность в том, что нормы указанных статей весьма схожи, так как предусматривают ответственность за публичные действия (распространение), направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях. На практике для оценки противоправности публичных действий (распространения) проводится комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, поскольку средства выражения автором мнения и оценки предмета речи и формируемые у адресата представления и убеждения, а также цели коммуникации могут быть не только лингвистическими, но и психологическими, а действия — включать не только речевую (вербальную), но и существенную невербальную составляющую [1, с. 43].

Следует заметить, что в ряде случаев по ст. 20.3.3 КоАП РФ в судебном порядке отменяются решения правоохранительных органов и их должностных лиц о возбуждении административного производства из-за неквалифициро-

ванно составленных процессуальных документов. Поэтому в юридической литературе справедливо обращается внимание на актуализацию профессиональной компетентности должностных лиц при составлении соответствующих материалов об административных правонарушениях по указанной статье Кодекса, для чего рекомендуется проводить исследования речевых оборотов, независимо от формы (устной или письменной) их демонстрации, а также осмысление креолизованных текстов, четко фиксировать в протоколах об административных правонарушениях события, происходящие в момент совершения противоправного деяния, с указанием на то, что данные действия направлены на дискредитацию ВС РФ [2, с. 171].

Заслуживает внимания также вопрос о сроках давности привлечения к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 Кодекса составляет 3 месяца. Согласно ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ при нарушении административного правонарушения сроки, предусмотренные ч. 1 данной статьи, начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения. В этой связи можно привести пример из судебной практики Пермского края. Так, 13 марта 2022 г. К. в информационно-телекоммуникационной сети Интернет разместил в одной из социальных сетей пост под заголовком «К. Война или спецоперация?», 6 апреля 2022 г. сделал репост указанного текста на страницу сообщества под названием «Организация гражданских активистов ОГрА — Пермь». Старшим оперуполномоченным ЦПЭ ГУ МВД России по Пермскому краю 06 апреля 2022 г. в ходе мониторинга сети Интернет обнаружены указанные выше публикации на стене пользователя под псевдонимом «К.» и в ОП № 4 (дислокация — Мотовилихинский район) 6 апреля 2022 г. в КУСПе за № 13885 зарегистрирован материал для проверки по данному факту в соответствии со ст. 143–144 УПК РФ. 20 июня 2022 г. материалы обнаруженных в социальной сети публикаций были переданы в СУ СК России по Пермскому краю для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 207³ УК РФ. 12 июля 2022 г. указанные материалы возвращены в ГУ МВД по Пермскому краю для принятия решения о привлечении К. к административной ответственности. 22 июля 2022 г. начальником ОИАЗ ОП № 4 (дислокация — Мотовилихинский район) УМВД России

по г. Перми в отношении К. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, согласно которому правонарушение выявлено 6 апреля 2022 г. Постановлением судьи Мотовилихинского районного суда г. Перми от 1 сентября 2022 г. по делу № 71–853/2022 К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, которое в дальнейшем было обжаловано в Пермском краевом суде. Решением Пермского краевого суда от 6 октября 2022 г. данное постановление было отменено и прекращено производство по делу об административном правонарушении на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. Вышестоящая судебная инстанция указала, что постановление суда I инстанции было вынесено за пределами срока давности привлечения к административной ответственности, который начал исчисляться с 6 апреля 2022 г. и истек 5 июля 2022 г.

В этой связи в условиях проведения СВО, учитывая требования действующего российского законодательства о сроках предварительной проверки сообщения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, направлении материалов в суд для рассмотрения дела об административном правонарушении, определенную сложность при разграничении дефиниций ст. 20.3.3 КоАП РФ, 207³ и 280³ УК РФ, законодателю следует увеличить срок давности привлечения к ответственности за административное правонарушение по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Законодатель вполне ожидаемо усиливает не только административную, но и уголовную ответственность за различные дискредитационные действия в отношении ВС РФ и других структур, обеспечивающих проведение СВО. Ранее упоминались ст. 207³ и 280³ УК РФ, введенные Федеральным законом РФ от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ (*Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 9 марта. № 49*). Статья 207³ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Статья 280³ УК РФ — за публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях

защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

В дальнейшем Федеральный закон РФ от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ (*Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 21 марта. № 58*) дополнил дефиниции указанных статей указанием на аналогичные действия в отношении добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих выполнению задач, возложенных на ВС РФ. Кроме того, Федеральным законом РФ от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ (*Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 28 марта. № 65*) усилена уголовная ответственность за преступления, предусмотренные ст. 207³, 280³ УК РФ, — за соответствующие действия в отношении государственных органов России при исполнении своих полномочий.

Как отмечают некоторые ученые [3, с. 27], общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, состоит в том, что в результате его совершения нарушаются права граждан на получение достоверной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами своих полномочий за пределами ее территории, направленных на защиту интересов нашей страны и ее граждан, поддержание международного мира и безопасности, подрывается авторитет войск и государственных органов России, дестабилизируется их деятельность, снижается их результативность и эффективность. При этом заведомая ложность распространяемой информации связывается с ее несоответствием официальной позиции об использовании Вооруженных Сил РФ и/или о деятельности государственных органов РФ за рубежом [4, с. 23]. Более того, некоторые авторы полагают, что распространение достоверной информации об использовании ВС РФ и о деятельности органов государственной власти РФ за пределами ее территории способствует в большей степени обеспечению не общественной, а государственной безопасности и предлагают в этой связи обновленное структурирование гл. 29 УК РФ [5, с. 35].

Изменения отечественного административного и уголовного законодательства направлены на создание единого правового режима регулирования в отношении всех категорий граждан, участвующих в СВО. Речь идет о публичных действиях, которые подвергают сомнению использование армии, добровольческих формирований, иных содействующих организаций или лиц, а также исполнение российскими госорганами своих полномочий. В 2022 г. судами общей юрисдикции по ст. 207³ УК РФ осуждено 14 лиц, из них приговорено к лишению свободы — 2 лица, к условному лишению свободы — 4, штрафу — 4, исправительным работам — 4; по ст. 280³ УК РФ осуждено 2 лица, которые подвергнуты штрафу (*Судебная статистика РФ // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudstat.ru/> (дата обращения: 16.04.2023)*).

Публичные деяния (публичные призывы к воспрепятствованию деятельности, публичное распространение информации по дискредитации использования ВС РФ, исполнения российскими государственными органами своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия нашим вооруженным силам во многих случаях совершаются с использованием различных информационно-телекоммуникационных ресурсов. Анализ судебной практики по ст. 207³ УК РФ показывает, что злоумышленники используют разнообразные электронные средства коммуникации. Например, судом Первомайского районного суда Кировской области П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, посредством технического устройства, имеющего выход в сеть Интернет. Находясь в Канаде, за пределами России, П. в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице под видом достоверных сообщений систематически распространял для неограниченного круга пользователей, то есть публично, заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом суд I инстанции оправдал П. по эпизоду, когда он под видом достоверных сообщений разместил видеофайл «Россия обстреляла торговый центр в Кременчуге» и свой личный комментарий к данному видеофайлу, содержащий утверждения об использовании ВС РФ для уничтожения городов и населения, в том числе уничтожения гражданского населения Украины в ходе проведения СВО на территории Украины. Суд I инстанции пришел к выводу об отсутствии у П. умысла на распространение заведомо ложной информа-

ции, поскольку она была размещена до официального опровержения Министерством обороны РФ. Суд апелляционной инстанции, отменяя приговор нижестоящего суда, указал, что размещенные П. для ознакомления неограниченному кругу лиц материалы, в том числе и по эпизоду, по которому П. был оправдан, не соответствуют официальной позиции Президента РФ и Министерства обороны РФ, изложенной 24 февраля 2022 г., негативно характеризуют действия ВС РФ на территории Украины, содержат заведомо ложную информацию в виде утверждений о совершении Вооруженными Силами Российской Федерации убийств мирных граждан в ходе специальной военной операции, имеют лингвистические и психологические признаки возбуждения вражды, ненависти (розни), унижения человеческого достоинства по отношению к социальной группе ВС РФ (*апелляционное определение Кировского областного суда от 12 апреля 2023 г. по делу № 22–678/2023*).

Другой пример. Б.Р. разместила в открытом доступе в социальной сети «ВКонтакте» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для просмотра неопределенным кругом лиц публикацию под названием «Минута молчания» с одним видеосюжетом продолжительностью 0 минут 20 секунд с изображением мужчин, несущих на носилках беременную женщину, с заведомо ложными, изначально не соответствующими действительности комментариями о том, что беременная женщина и ее неродившийся ребенок погибли в результате попадания авиабомбы российской армии в роддом города Мариуполя. О том, что указанная информация является ложной и изначально не соответствует действительности, Б.Р. было достоверно известно из размещенного в общем доступе брифинга официального представителя Министерства обороны РФ от 10 марта 2022 г.: информация о нанесении российской авиацией удара по Мариупольской больнице является режиссированной провокацией.

Продолжая свои преступные действия, Б.Р. разместила в открытом доступе в социальной сети «ВКонтакте» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для просмотра неопределенным кругом лиц публикацию под названием «Город-мученик» с одним видеороликом продолжительностью 0 минут 59 секунд с изображением Мариуполя после его обстрела реактивными системами залпового огня «Град» с заведомо ложными, изначально не соответствующими действительности комментариями о том, что город подвергается регулярным обстрелам российской армии. О том, что указанная информация

является ложной и изначально не соответствует действительности, Б.Р. было достоверно известно из размещенного в общем доступе брифинга официального представителя Министерства обороны Российской Федерации от 27 февраля 2022 г.: удары реактивными системами залпового огня «Град» были нанесены украинскими националистами из батальона «Азов» (*приговор Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 22 февраля 2023 г. по делу № 1–14/2023*).

Аналогичным случаям использования сети Интернет для формирования негативного отношения к действиям ВС РФ в ходе СВО дана правовая оценка и в других судебных решениях (*приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 11 июля 2022 г. № 1–371/2022; приговор Тюменского областного суда от 21 июля 2022 г. № 2–11/2022; приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 20 июля 2022 г. № 1–1039/2022*).

Дискредитационную деятельность в отношении Вооруженных Сил РФ и иных структур, должностных лиц следует рассматривать как проявление диверсионной деятельности в связи с проведением СВО, за которую законодатель усилил уголовную ответственность, криминализовав различные формы ее проявления. До начала СВО ст. 281 УК РФ (*Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023) «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*) предусматривала уголовную ответственность за диверсию (совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации). Лицо, совершая такое преступление, покушается на важнейшие конституционные права и свободы человека и гражданина (право на жизнь, свободу передвижения, на благоприятную окружающую среду и др.) (*Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]: URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022*).

Как показывает практика, до начала СВО Вооруженных Сил РФ на территории Украины диверсия не была распространенным преступлением. Так, за период 2009–2021 гг. по ч. 1 ст. 281 УК РФ в России был осужден 1 человек; по ч. 2 ст. 281 УК РФ —

8 человек, из них 4 — на срок от 3 до 5 лет лишения свободы, 2 — на срок от 8 до 10 лет лишения свободы, 2 — на срок от 10 до 15 лет лишения свободы; 5 из совершенных преступлений являются неоконченными (покушениями), что, возможно, также послужило причиной назначения «мягких» сроков наказания (*Судебная статистика РФ* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudstat.ru/> (дата обращения: 16.04.2023)).

После начала СВО на территории Украины количество преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, значительно возросло. За 2022 г. на территории России было зарегистрировано 21 фактическое событие, которое подходит под определение диверсии (*В России зарегистрировали 21 диверсию в 2022 году* // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1440727/2022-12-14/v-rossii-zaregistririvali-21-diversiiu-v-2022-godu> (дата обращения: 28.02.2023)).

В связи с возросшей диверсионной деятельностью возникла необходимость принять определенные правовые меры, так как уголовная ответственность была предусмотрена только за само деяние, тогда как «иные действия» — подготовительные мероприятия, такие как обучение, финансирование, содействие, организация и другие виды содействия диверсионной деятельности — оставались вне правового регулирования, то есть фактически можно было возбудить уголовное дело по ч. 1 и 3 ст. 30 и ст. 281 УК РФ за подготовку и попытку совершения диверсии. Все это в значительной степени ограничивало действия органов ФСБ по предотвращению диверсионных деяний на территории Российской Федерации.

Для надлежащего правового регулирования был принят Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ (*СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 33*), в соответствии с которым в ч. 1 ст. 63 УК РФ был введен пункт «с», предусматривающий в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. Кроме того, данным законом были введены сразу 3 новые статьи Особенной части УК РФ — 281¹, 281² и 281³.

Статья 281¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансирование диверсии. Преступления, указан-

ные в диспозиции ч. 1 ст. 281¹ УК РФ, относятся к категории особо тяжких, за совершение которых предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Также законодателем были введены два примечания, в которых криминализованы некоторые «иные действия» диверсионной направленности. В частности, в примеч. 1 зафиксированы действия криминального финансирования диверсии; в примеч. 2 сформулировано понятие «пособничество диверсии».

Статья 281² УК РФ предусматривает ответственность в виде лишения свободы вплоть до пожизненного срока за прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления диверсионной деятельности либо совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Статьей 281³ УК РФ введена ответственность опять же вплоть до пожизненного лишения свободы за создание диверсионного сообщества в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, а равно руководство таким диверсионным сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также участие в нем. К ст. 281³ УК РФ предусмотрены некоторые примечания. В примеч. 2 легитимировано понятие «поддержка диверсии»; в примеч. 3 — «оправдание диверсии»; в примеч. 4 — «пропаганда диверсии».

Таким образом, новым законом были закреплены нормы, которые дополнили положения ст. 281 УК РФ и расширили список преступных деяний, связанных с диверсионной деятельностью. Введение данных правовых норм в уголовное законодательство стало своевременным ответом законодателя на участвовавшие случаи диверсии за время проведения СВО на территории Украины, поэтому актуализация новых правовых конструкций позволяет правоохранителям вести превентивную работу, а при необходимости — реагировать. В литературе отмечается, что поведение лиц из числа вооруженных сил Украины и их сторонников все

более похожи на деятельность террористических организаций [6, с. 174]. Такими лицами совершаются различные диверсии на территории Российской Федерации, а также в целях подготовки к совершению таких преступных действий проводится соответствующая подготовка.

В этой связи можно заметить, что в действующей редакции уголовного закона поправки имеют весьма широкую правовую трактовку. Диверсионная деятельность в современных условиях осуществляется с использованием цифровой среды: IT-технологий, кол-центров, находящихся на территории недружественных стран, запрещенных сайтов и т.п. Следует поддержать тех авторов, которые предлагают криминализовать кибердиверсию (онлайн-диверсию) как современный способ совершения преступления диверсионного характера, закрепив ее понятие в УК РФ [7, с. 91–92]. Кибердиверсия — это действия, совершенные с помощью компьютерных систем и сетей в указанных в диспозиции ст. 281 УК РФ целях — подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Способы кибердиверсии могут быть самыми разнообразными, но реализуемыми через интернет-пространство, как и другие формы кибернетической преступности [8, с. 71]. Но в рамках действующего российского уголовного закона кибердиверсия охватывается диспозицией ст. 281 УК РФ как «иное действие», направленное на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды в ранее указанных целях. Некоторые авторы, рассуждая об усовершенствовании нормы ст. 281 УК РФ в части объективной стороны преступления, предлагают расширить понятие «иных действий» прямым указанием на кибердиверсию [7, с. 92].

Криминализация противоправных деяний, равно как и привлечение к административной ответственности за их совершение с применением информационных технологий, не исключают системную профилактическую работу по их предотвращению, особенно среди несовершеннолетних. Особое внимание необходимо уделять превентивным мерам противодействия диверсионной деятельности в новых российских субъектах.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в условиях проведения СВО суды принимают решения о признании информации, размещенной в сети Интернет, недостоверной,

направленной на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности на территориях новых субъектов, на осуждение действий Верховного главнокомандующего ВС РФ и Министра обороны РФ, призывающей к введению ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и запрещенной к распространению в России (например, решение Автозаводского районного суда г. Тольятти от 17 октября 2022 г. по делу № 2а-7789/2022; решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 5 мая 2022 г. № 2а-3643/2022; решение Курчатковского районного суда г. Челябинска от 6 сентября 2022 г. по делу № 2а-3839/2022; решение Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11 августа 2022 г. по делу № 2а-616/2022; решение Дзержинского районного суда г. Перми от 28 июня 2022 г. по делу № 2а-2665/2022; решение Ишимского городского суда Тюменской области от 26 мая 2022 г. № 2а-724/2022).

Но особая ответственность возлагается на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий по выявлению такого рода информации, источников ее размещения для внесения в единую систему — Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что реакция законодателя на негативные последствия противоправных действий, осуществляемых посредством информационно-коммуникационных технологий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих выполнению задач, возложенных на них при проведении СВО, в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, выразившаяся в усилении правовой ответственности, призвана нивелировать потенциальный вред охраняемым законом общественным отношениям. Работа соответствующих структур и должностных лиц по реагированию на возникающие современные вызовы и угрозы информационной безопасности российского общества должна носить системный и всеобъемлющий характер.

Литература

1. *Секераж Т.Н.* Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 41–48.
2. *Семенова И.В.* Административная ответственность за дискредитацию Вооруженных Сил РФ: вопросы теории и практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 166–176.
3. *Бугера Н.Н., Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А.* Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25–30.
4. *Дулькина Л.В.* Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: складывающаяся практика применения ст. 207³ УК РФ // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 3 (57). С. 20–24.
5. *Родионов А.И.* Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4 (67). С. 33–43.
6. *Кирichenko Н.С., Александрова Н.Г.* Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 173–176.
7. *Коряковцева И.А., Семенцова И.А.* Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст. 281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 90–94.
8. *Рывкин С.Ю., Гусейнов Т.А.* Особенности расследования кибернетических преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 71–75.

References

1. *Sekerazh T.N.* Metodicheskii podkhod k issledovaniyu informatsionnykh materialov, svyazannykh s publichnoi diskreditatsiei primeneniya Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii [Methodological approach to the study of information materials related to the public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy* [Theory and practice of forensic examination], 2022, v. 17, no. 2, pp. 41–48. (In Russian, abstract in English)
2. *Semenova I.V.* Administrativnaya otvetstvennost' za diskreditatsiyu Vooruzhennykh Sil RF: voprosy teorii i praktiki [Administrative responsibility for discrediting the Armed Forces of the Russian Federation: issues of theory and practice]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences], 2022, v. 8 (74), no. 4, pp. 166–176. (In Russian, abstract in English)
3. *Bugera N.N., Likholetov A.A., Likholetov E.A.* Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoi informatsii o deyatel'nosti Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii: nekotorye voprosy tolkovaniya ugolovnogo zakona [Public dissemination of deliberately false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of the Criminal law]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 2 (61), pp. 25–30. (In Russian, abstract in English)
4. *Dul'kina L.V.* Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoi informatsii ob ispol'zovanii Vooruzhennykh Sil RF i ispolnenii gosudarstvennymi organami RF svoikh polnomochii: skladyvayushchayasya praktika primeneniya st. 207³ UK RF [Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution of their powers by state bodies of the Russian Federation: the emerging practice of applying Article 207³ of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3 (57), pp. 20–24. (In Russian, abstract in English)

5. *Rodionov A.I.* Ugolovno-pravovaya kharakteristika publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoi informatsii ob ispol'zovanii Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii, ispolnenii gosudarstvennymi organami Rossiiskoi Federatsii svoikh polnomochii [Criminal-legal characteristics of the public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the performance by state bodies of the Russian Federation of their powers]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Ugra State University]*, 2022, no. 4 (67), pp. 33–43. (In Russian, abstract in English)

6. *Kirichenko N.S., Aleksandrova N.G.* Ob ugovolnoi otvetstvennosti za deyaniya, svyazannye s diversionnoi deyatel'nost'yu: kratkii pravovoi analiz s uchetom uslovii spetsial'noi voennoi operatsii [On criminal liability for acts related to subversive activities: a brief legal analysis taking into account the conditions of a special military operation]. *Voennoe pravo [Military law]*, 2023, no. 2 (78), pp. 173–176. (In Russian, abstract in English)

7. *Koryakovtseva I.A., Sementsova I.A.* Mery sovershenstvovaniya antidiversionnogo zakonodatel'stva (st. 281 UK RF): politiko-pravovye aspekty i puti preduprezhdeniya diversii [Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management]*, 2022, no. 9 (148), pp. 90–94. (In Russian, abstract in English)

8. *Ryvkin S.Yu., Guseinov T.A.* Osobennosti rassledovaniya kiberneticheskikh prestuplenii [Features of investigation of cybernetic crimes]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]*, 2020, no. 4 (81), pp. 71–75. (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ У УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ)

Войнич Константин Викторович

***Цель:** обосновать необходимость наличия специальных знаний у участников уголовного процесса при расследовании преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, формально-юридический метод.*

***Выводы.** Специальные знания у участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних необходимы для полного и всестороннего расследования и формирования доказательств, а также исключения травмирования психики у несовершеннолетних потерпевших.*

***Научная и практическая значимость.** В статье представлены базовые методологические рекомендации для адвокатов об организации следственных действий в случае с несовершеннолетними потерпевшими при совершении в отношении них преступлений против половой неприкосновенности.*

***Ключевые слова:** половая неприкосновенность, несовершеннолетний потерпевший, психотравмирующее событие, педагог, психолог, специальные знания, допрос несовершеннолетнего, кризисная интервенция, детская психология, психологические знания.*

Институт специальных знаний является неотъемлемой составляющей противодействия любым преступным посягательствам. Ни одно преступление не может быть расследовано без использования специальных знаний. Рассмотрим это на примере преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В настоящее время наблюдается рост преступлений, связанных с сексуальным насилием, изготовлением детской порнографии. Защита прав ребенка в современной России относится к числу актуальных проблем, порожденных явным неблагополучием в положении несовершеннолетних как в обществе, так и в семье.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, так как обусловлена большой социальной значимостью в современном обществе, а также приоритетом охраны прав и законных интересов несовершеннолетних.

При этом, учитывая специфику расследования данной категории дел, часто единственным до-

казательством по уголовному делу являются показания потерпевшего, и такие показания крайне зависимы от возраста, индивидуальных особенностей, последствий психотравмирующего воздействия совершенного преступления и т.д.

Количество уголовных дел данной категории, поступающих в суды, возросло, что обязывает судей, рассматривающих такие дела, а также адвокатов и следователей в совершенстве владеть особыми процессуальными процедурами общения с несовершеннолетними потерпевшими и принимать особые процессуальные решения.

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляют собой преступные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, причем такие действия могут быть как насильственного, так и ненасильственного характера. Ответственность за данные посягательства включает пять составов преступлений:

– изнасилование (п. А ч. 3 и п. Б ч. 4 ст. 131 УК РФ);

– насильственные действия сексуального характера (п. А ч. 3 и п. Б ч. 4 ст. 132 УК РФ);

– понуждение к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ);

– половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ);

– развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Для обеспечения более эффективной защиты прав потерпевших принят Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», которым внесены изменения в ряд действующих нормативно-правовых актов Российской Федерации, в том числе в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в значительной мере касающиеся защиты прав именно несовершеннолетних потерпевших.

Далеко не каждый родитель обладает достаточными психологическими знаниями для того, чтобы помочь своему ребенку выйти из стрессовой ситуации при совершении в отношении последнего преступления против половой неприкосновенности. В связи с чем в уголовном судопроизводстве необходимо участие таких лиц, как адвокат и психолог, которые должны обладать достаточными знаниями в правовой и психологической области.

Особое внимание хотелось бы обратить на обязательное участие педагога или психолога как при непосредственном допросе, так и при производстве других следственных действий в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, то есть при расследовании уголовных дел против несовершеннолетних возможен выбор участия психолога или педагога. Однако участие психолога по уголовным делам против половой неприкосновенности несовершеннолетнего потерпевшего является обязательным. Именно профессиональный психолог способен помочь ребенку выйти из стрессовой ситуации, связанной с насилием над ним, вспомнить происходящее, а также разговорить ребенка и оказать ему помощь в даче показаний.

Нередко равнодушные следователи неоднократно допрашивают несовершеннолетних потерпевших и проводят другие следственные действия, что в принципе недопустимо. Зачастую это сильно

влияет на психическое состояние несовершеннолетнего, который вынужден раз за разом вспоминать ужасные психотравмирующие события. Все это приводит к тому, что несовершеннолетний потерпевший начинает путаться в своих показаниях, а также влечет за собой моральное и психологическое истощение, так как пострадавший несовершеннолетний неоднократно прокручивает в голове все то, что с ним произошло.

Однако при проведении следственных действий с потерпевшими от преступлений сексуальной направленности у следователя и психолога есть возможность руководствоваться основными постулатами взаимодействия с несовершеннолетними потерпевшими, в частности варьировать в зависимости от психологического состояния последнего темп допроса, пояснить перед началом цели допроса, не давать оценки поведению потерпевшего, не убеждать потерпевшего, что ничего страшного не произошло и т.д.

Особое внимание следует уделить особенностям проведения следственных действий с малолетними жертвами сексуального насилия. Любая визуализация совершенного преступления, в частности показ на куклах или графическое изображение преступления, в том числе рисование, должны быть исключены. При этом такое следственное действие, как проверка показаний на месте, допустимо проводить только в случаях, если есть сомнения в достоверности показаний малолетнего потерпевшего.

Также важным является сама форма вопросов и необходимость понимания, какую конкретно информацию хочет получить следователь или адвокат от потерпевшего. Лексика должна быть понятна для допрашиваемого, без сложных терминов, необходимо исключить длинные предложения.

Психика ребенка сложна и многогранна, именно с этим связано законодательное ограничение возможности проводить следственные действия с несовершеннолетними на уровне одного или максимум двух допросов, чтобы исключить повторную травматизацию несовершеннолетнего.

Одним из способов минимизировать психологическую травму от допроса или другого следственного действия с несовершеннолетним является правильный выбор места его проведения. В частности, рекомендуется, особенно с малолетними потерпевшими, проводить следственные действия в привычной для них обстановке, например по месту их жительства. В зависимости от психологического состояния ребенка, а также от его возраста следователь

определяет, где именно уместно проводить допрос: по месту жительства, в школьном классе или в специальной детской комнате дома детского творчества [1, с. 60].

Особое значение при выборе места для проведения следственных действия имеет именно возраст несовершеннолетнего потерпевшего [2, с. 55].

Начинать допрос несовершеннолетнего необходимо с расположения к себе допрашиваемого. Необходимо поговорить на отвлеченные темы, которые интересны допрашиваемому, при этом параллельно заниматься интересными для ребенка делами, например, рисовать или играть. После установления контакта, знакомства, можно, особо не акцентируя внимание, пояснить цель допроса и непосредственно приступить к последнему.

Благодаря таким приемам следователь может расположить к себе малолетнего допрашиваемого, а тот — дать правдивые показания без ущерба для себя. В.Н. Карагодин справедливо отмечает, что психическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего является одним из важнейших факторов, обуславливающих выбор времени и тактики его допроса [3, с. 60].

Участие защитника в уголовном деле обязательно не только в случае, когда несовершеннолетним является подозреваемый (обвиняемый) (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК), но и потерпевший. Подростки в силу различных обстоятельств (психологическая незрелость, отсутствие жизненного опыта, элементарных правовых знаний) не способны самостоятельно и полноценно защищать или представлять и отстаивать свои права и законные интересы (*Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=CMB; n=17882#0> (дата обращения: 10.03.2023)).

Прежде всего при производстве допроса несовершеннолетнего всегда участвует защитник. Это значит, что следователь (дознатель) обязан обеспечить его присутствие, даже если несовершеннолетний отказывается от помощи адвоката [4, с. 93].

Таким образом адвокат, в свою очередь, является звеном между следователем и потерпевшим.

Закон ограничивает продолжительность допроса, допрос несовершеннолетнего может длиться не более двух часов подряд и не более четырех часов в день.

Готовясь к допросу, адвокат должен выбрать линию, при которой будут учтены нравственные и психологические особенности подростка [5].

Законодатель не обозначает, какие вопросы нельзя задавать допрашиваемому лицу, при этом согласно ч. 2 ст. 189 УПК РФ наводящие вопросы задавать нельзя. Адвокату необходимо четко пресекают попытки следователя оказывать давление на несовершеннолетнего, будь то грубый тон или угрозы [6, с. 12].

Защитник исходя из обстоятельств принимает решение по заявлению ходатайства о привлечении к участию в следственных действиях педагога, даже в случае, если несовершеннолетний потерпевший старше шестнадцати лет.

При этом бывает довольно проблематично найти такого педагога или психолога, и даже если с ним есть договоренность заранее, он может не прийти просто в силу личных или непредвиденных обстоятельств. В этом случае адвокат ставит вопрос о переносе следственного действия, при этом причины, по которым педагог не пришел, должны быть впоследствии выяснены [7]. Зачастую, особенно в небольших населенных пунктах, нежелание педагога участвовать в следственных действиях может быть вызвано отрицательными межличностными отношениями. Поэтому адвокату необходимо выяснять, в каких отношениях находится педагог, участвующий в проведении следственных действий, и несовершеннолетний.

Хотя законодательно цели привлечения психолога не определены, среди них можно выделить следующие:

- создание комфортной обстановки допроса;
- обеспечение оптимального эмоционального состояния несовершеннолетнего потерпевшего;
- ограждение несовершеннолетнего от возможного отрицательного влияния допроса на психику;
- оказание следователю помощи в формулировании педагогически корректных вопросов несовершеннолетнему.

Квалифицированный специалист способен методически грамотно подготовить несовершеннолетнего потерпевшего к допросу, убедить говорить о произошедшем только правду в полном объеме и не бояться рассказать, что в действительности с ним произошло.

При этом именно педагог или психолог, зная данного несовершеннолетнего или обладая специальными знаниями об особенностях несовершеннолетних может перед началом следственных действий разъяснить смысл, состав участников и порядок проведения данного следственного действия [8, с. 58–69].

Одной из актуальных проблем является допрос несовершеннолетнего, у которого имеются про-

блемы с психическим развитием, так как крайне проблематично при таких обстоятельствах получить правдивую развернутую информацию про преступление и верно ее интерпретировать [9].

В таких сложных случаях необходимо оценивать показания несовершеннолетнего, проверяя их на логичность, последовательность, соотношение с другими установленными обстоятельствами по делу, а также анализировать, насколько сильно у несовершеннолетнего нарушено или отстает развитие [10].

Особую роль в допросе несовершеннолетнего потерпевшего занимает понятие «кризисная интервенция». Данное явление обозначает краткосрочное психокоррекционное вмешательство в случае нахождения потерпевшего в кризисном состоянии, вызванном совершенным преступлением. Таким образом, если вследствие совершения над несовершеннолетним насильственных действий у него нарушается возможность адекватно реагировать на окружающих и контактировать с ними, что, делает невозможным надлежащий и информационно качественный допрос потерпевшего, появляется необходимость в кризисной интервенции. Такое вмешательство в психоэмоциональную сферу несовершеннолетнего дает ему возможность пережить имеющийся стресс и первые эмоциональные реакции, а также впоследствии осмыслить и принять случившееся, что в будущем позволит преодолеть кризис [11, с. 134].

Проблемы именно на законодательном уровне в настоящее время до сих пор не решены в полном объеме, но в законодательство были внесены изменения, предусматривающие ограничение времени допроса несовершеннолетних, а также обязательное участие психолога в производстве категории уголовных дел против половой неприкосновенности несовершеннолетних. При этом на момент допуска психолога к участию в следственных действиях с участием несовершеннолетних потерпевших он должен обладать специальным образованием, однако в законе отсутствует норма, указывающая, кого именно необходимо привлекать в данном процессуальном статусе.

Отсутствие законодательных норм осложняет фактическое соблюдение появившегося в ч. 4 ст. 191 УПК РФ указания на обязательность участия психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего в отношении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Таким образом, необходимо законодательно закрепить, что привлекаемый участник судопроизводства в статусе психолога должен обладать высшим психологическим образованием (специализация — детская, юношеская и подростковая психология)

Несмотря на обозначенные проблемы, изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, еще раз подтверждают особый статус несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия, способствуют совершенствованию системы защиты их прав, что свидетельствует о переосмыслении приоритетов по данной категории дел.

В соответствии со ст. 45 УПК РФ, защитой должны обеспечиваться несовершеннолетние дети до 16 лет, которые стали потерпевшими, если в отношении их совершено преступление против половой неприкосновенности. Для того, чтобы ребенку был назначен адвокат, родителям необходимо заявить ходатайство об этом.

Как уже было сказано ранее, от правильно выбранной тактики общения как с несовершеннолетним потерпевшим, так и с законными представителями зависит ход расследования дела и конечный результат.

Подводя итоги сказанного, можно сделать вывод, что в настоящее время система судопроизводства и предварительного следствия не обладает достаточными знаниями в области детской, подростковой и юношеской психологии. Однако при расследовании и рассмотрении уголовных дел данной категории все участники должны обладать минимальным знанием психологии. Необходимо сделать обязательным прохождение всеми участниками этого процесса как минимум курсов по детской, юношеской и подростковой психологии.

Литература

1. *Иващенко М.А.* Тактика допроса несовершеннолетнего потерпевшего при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2022. № 1. С. 142–146.
2. *Иващенко М.А.* Интернет-экстремизм: алгоритм действий следователя // *Уголовный процесс.* 2020. № 12 (192). С. 49–57.

3. Карагодин В.Н. Ситуационные факторы, обуславливающие тактику допроса несовершеннолетних потерпевших // Российский следователь. 2018. № 9. С. 9–12.
4. Леонов А.И., Маслова М.Ю. Особенности защиты несовершеннолетних при допросе их в качестве подозреваемого (обвиняемого) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 93–98.
5. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. — 310 с.
6. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: методическое пособие. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. — 34 с.
7. Зерин С.Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших: методическое пособие. М.: Следственный комитет РФ, 2013. — 96 с.
8. Макаренко И.А. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в процессе расследования уголовного дела // Lex Russica. 2015. № 8. С. 58–69.
9. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М.: Юрлитинформ, 2010. — 183 с.
10. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. СПб: Врачи детям, 2014. — 66 с.
11. Тетюев С.В. Использование педагогических и психологических знаний в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / под ред. А.В. Кудрявцевой. М.: Юрлитинформ, 2009. — 332 с.

References

1. Ivashchenko M.A. Taktika doprosa nesovershennoletnego poterpevshego pri rassledovanii prestuplenii protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody nesovershennoletnikh, sovershennykh s ispol'zovaniem seti Internet [The questioning tactics of the non-adult victims during the investigation of crimes against the non-adult sexual immunity and sexual freedom committed with the use of the Internet]. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya* [Crime investigation: problems and solutions], 2022, no. 1, pp. 142–146. (In Russian, abstract in English)
2. Ivashchenko M.A. Internet-ekstremizm: algoritm deistvii sledovatelya [The Internet extremism: the investigator response protocol]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2020, no. 12 (192), pp. 49–57. (In Russian, abstract in English)
3. Karagodin V.N. Situatsionnye faktory, obuslavlivayushchie taktiku doprosa nesovershennoletnikh poterpevshevikh [Situation factors, determining the tactics of the non-adult victims questioning]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2018, no. 9, pp. 9–12. (In Russian, abstract in English)
4. Leonov A.I., Maslova M. Yu. Osobennosti zashchity nesovershennoletnikh pri doprose ikh v kachestve podozrevaemogo (obvinyaemogo) [Aspects of the non-adults defence, if they are questioned as suspected (accused)]. *Ugolovno-protsessual'naya okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh* [Criminally-remedial protection of rights and legally protected interests of the non-adults], 2016, no. 1 (3), pp. 93–98. (In Russian, abstract in English)
5. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliya [The examination psychology of the non-adult law-breakers and sexual maltreatment victims]. Moscow, Genezis Publ., 2014. 310 p. (In Russian)
6. Kochenov M.M., Osipova N.R. Psikhologiya doprosa maloletnikh svitatelei: metodicheskoe posobie [The examination psychology of the non-adult witnesses: methodological rationale]. Moscow, Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Publ., 1984. 34 p. (In Russian)
7. Zerin S.N. Psikhologicheskie metody aktivizatsii pamyati svitatelei i poterpevshevikh: metodicheskoe posobie [Psychological methods of the witnesses' and victims' memory enhancement: methodological rationale]. Moscow, Sledstvennyi komitet RF Publ., 2013. 96 p. (In Russian)
8. Makarenko I.A. Obespechenie prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnego obvinyaemogo v protsesse rassledovaniya ugolovnogo dela [Safeguards for the rights and legally protected interests of the non-adult accused in the process the criminal case investigation]. *Lex Russica*, 2015, no. 8, pp. 58–69. (In Russian, abstract in English)

9. *Skichko O. Yu.* Taktiko-psikhologicheskie osnovy doprosa nesovershennoletnikh svidetelei i poterpevshikh na predvaritel'nom sledstvii [Tactical and psychological basis of the non-adult witnesses and victims' examination during the preliminary investigation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 183 p. (In Russian)

10. Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii i vedeniyu doprosa nesovershennoletnikh v spetsializirovannom pomeshchenii na etape sledstviya [Methodological rationale for the organization of the questioning of the non-adult in the special location during the investigation]. St. Petersburg, Vrachy detyam Publ., 2014. 66 p. (In Russian)

11. *Tetyuev S.V.* Ispol'zovanie pedagogicheskikh i psikhologicheskikh znaniy v proizvodstve po ugovolnym delam s uchastiem nesovershennoletnikh [The use of pedagogical and psychological knowledge in criminal proceedings with the participation of the non-adults]. Ed. A.V. Kudryavtseva. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 332 p. (In Russian)

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС В ПУБЛИЧНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Килина Ирина Владимировна

***Цель:** проанализировать генезис института потерпевшего в уголовном процессе, его роли и степени участия в разрешении конфликтов на различных исторических этапах существования российского государства; определить возможные пути совершенствования уголовного судопроизводства России, направленные на обеспечение баланса частных и публичных интересов.*

***Методология:** методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-научные методы исследования. Методы анализа, синтеза обеспечили возможность формулирования предложений по совершенствованию действующего уголовного материального и процессуального законодательства; методы индукции и дедукции позволили сформулировать выводы; исторический метод использован для изучения развития отечественного законодательства, регламентирующего способы разрешения уголовно-правовых конфликтов.*

***Выводы.** Делается вывод о том, что обеспечение заглаживания вреда потерпевшему является не менее важной целью уголовного процесса, чем восстановление социальной справедливости. Отстаивается мнение, что частный интерес в современном уголовном процессе должен быть обеспечен не только предоставлением жертвам преступлений права распоряжаться уголовным иском в уголовных делах частного и частно-публичного обвинения, но и реальными гарантиями на восстановление нарушенных прав по каждому уголовному делу. Приводятся аргументы в пользу утверждения о том, что в качестве одного из эффективных способов решения проблемы заглаживания вреда потерпевшему выступает институт освобождения лица от уголовной ответственности по альтернативным основаниям, развитие которого должно продолжаться в русле нацеленности на восстановление прав потерпевшего в большей степени, чем на решение фискальных задач государства.*

***Научная и практическая значимость.** Предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного судопроизводства, сформулированные на основе анализа места и роли потерпевшего в уголовном процессе в различные исторические периоды, могут способствовать правильному развитию уголовно-процессуальной политики.*

***Ключевые слова:** публичный интерес, частный интерес, потерпевший, альтернативы уголовному преследованию, освобождение от уголовной ответственности, заглаживание вреда.*

История повествует о различных подходах к явлению преступности в целом и способах борьбы с ней. Потребность в устранении последствий отклоняющегося от нормы поведения человека имела место еще до появления государства. С момента применения архаичных способов разрешения конфликтов (самосуд, самоуправство и др.) до формирования современного уголовного судопроизводства пройдены этапы, в разной степени характеризующиеся превалированием частного

или публичного интереса в уголовной юстиции в зависимости от влияния множества факторов. Сфера разрешения уголовных конфликтов прошла глубокую трансформацию под воздействием исторического, политического, экономического и социального влияния. Понимание природы современного уголовного процесса невозможно без обращения к генезису материальных понятий преступления и наказания и процессуального института потерпевшего в их взаимосвязи.

В догосударственном состоянии наказание понималось в духе возмездия и практически ничем не отличалось от мести. [1, с. 329]. В период зарождения российской государственности преобладает восстановительный подход к разрешению конфликтных ситуаций. По справедливому замечанию Т.Ю. Амплеевой, «характерная для средневекового права неразделенность уголовного и гражданского процесса (имевшая место на Руси в тот период — прим. авт.) объясняется отнюдь не примитивностью правосознания, а тем, что целью судопроизводства в Древней Руси считалось восстановление нарушенного права лица, независимо от характера этого нарушения» [2, с. 21]. В этот период преступление именуется «обидой», под которой понимается причинение вреда конкретному человеку. Возникающие в обществе конфликты первоначально разрешаются авторитетными лицами общины, а впоследствии эти функции становятся прерогативой князя, который вершит суд и чинит расправу на основании норм, включавших обычаи, традиции, а также правила поведения, установленные религией и моралью [3, с. 1]. В период зарождения и развития отечественной государственности потерпевший занимал центральное место в вопросе о возмещении вреда, причиненного преступлением. Первые законодательные акты Киевской Руси определяют преступление как «обиду», из чего вытекает предназначение наказания в тот период — необходимость эту обиду загладить, иными словами, возместить вред потерпевшему. Постепенной трансформации сущности преступления способствует принятие православия, придавшее дополнительное понимание преступности как греховности, что с течением времени приводит к тому, что княжеский суд усиливает роль кары в назначении наказаний. Вследствие этого лицо, пострадавшее от преступных действий, раз за разом теряет свои позиции в процессе разрешения конфликтов. Наряду с обязанностью возмещения вреда (композицией) уже в Русской Правде в качестве меры наказания появляется уголовный штраф (продажа или вира) — мера материального воздействия, применяемая государством. Это свидетельствует о стремлении власти утвердить суд в качестве обязательного посредника в спорах частных лиц и обеспечить приток в казну денежных средств [2, с. 36].

С началом периода феодальной раздробленности на столетия вперед наметилась тенденция усиления карательного характера судебной-административной власти, принимающей на себя функцию разрешения конфликтных ситуаций. Плата начинает удваиваться — одна часть отдается потерпевшему за причиненный вред, а другая по-

ступает в пользу общества или его представителя [1, с. 330]. Таким образом, постепенно происходит одновременно усиление государственной власти и трансформация частнопроводного понимания преступления и способов реакции на него в публично-правовое. Далее в Псковской судной грамоте объем преступных деяний расширяется. Преступными считаются всякие деяния, запрещенные уголовной нормой, даже если они и не причиняют непосредственного ущерба какому-нибудь человеку (например, государственные преступления, преступления против суда) [4, с. 98].

В дальнейшем самодержавный характер власти, сформировавшийся в процессе централизации, предопределяет важнейшие особенности развития уголовно-правовой доктрины Российского государства, правотворческой деятельности и правоприменительной практики. Формируется новое понятие преступления, которым теперь считается всякое действие, так или иначе угрожающее государству, власти или нарушавшее установленный правопорядок [2, с. 25]. Для потерпевшего имеет место тенденция, которая предполагает постепенное его оттеснение на задворки правосудия, когда во главу угла не ставится личный интерес жертвы — для государства не имеет решающего значения желание или нежелание потерпевшего призвать причинителя вреда к ответственности за злодеяние.

В Петровскую и Екатерининскую эпохи достигает своего апогея концепция правопонимания, в рамках которой основным предназначением уголовного судопроизводства является усиление власти правителя и защита интересов государства. В этом контексте нельзя не упомянуть повлиявшую на дальнейшее развитие уголовного судопроизводства идею Петра I о делении преступлений на государственные и партикулярные в зависимости от того, кому причинен вред преступлением, государству, обществу или частному лицу.

Публично-правовой подход к пониманию уголовного судопроизводства окончательно оформляется к моменту принятия первого кодифицированного процессуального акта — Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Однако следует отметить, что в указанном документе акцент публичности впервые смещается с интереса государства (или его отдельного правителя) на интерес общества. Промежуток истории начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до принятия УПК РСФСР 1922 г. относится к периоду позитивных нормативных преобразований в части регламентации прав потерпевшего. С принятием Устава выделяются процессуальные фигуры частного обвинителя, гражданского

истца и собственно потерпевшего. Наибольшие процессуальные возможности обеспечивались частным обвинителям, которые получали право обличения обвиняемых пред судом и выступали стороной в уголовном деле. Лицо, потерпевшее от преступления или проступка, но не пользующееся правами частного обвинителя, в случае заявления иска о вознаграждении во время производства уголовного дела, признается участвующим в деле гражданским истцом.

В отличие от Устава, пропитанного духом законности и обеспечения гарантий прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, послереволюционные памятники уголовного и уголовно-процессуального права (Декрет СНК РСФСР «О суде» № 1 1917 г., Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» 1918 г. и др.) центральное значение придавали борьбе с преступностью, вновь смещая акценты не просто в пользу интересов общественных, а интересов в первую очередь государственных. Одновременно с этим Декрет СНК РСФСР «О суде» № 1, Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» 1918 г., Декрет СНК РСФСР 1919 г. предусматривали категорию непопороченных граждан, к которым могли быть отнесены потерпевшие, наделенные правом поддержания частного обвинения, с учетом существования обвинения общегражданского (публичного) и частно-публичного. Декрет 1919 г. регламентировал право потерпевшего участвовать по всем уголовным делам без ограничения и вне зависимости от поддержания должностным лицом общегражданского обвинения [6, с. 138–139]. Думается, однако, что подобная щедрость по отношению к потерпевшему обусловлена спецификой переходного периода, когда было постановлено «упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры». Тенденция усиления публичного начала уголовного судопроизводства характерна для всего периода существования Советского государства.

Первый уголовно-процессуальный кодекс советской власти уже не предусматривает активной позиции потерпевшего в процессе, что существенно ограничивает его возможности в борьбе за доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда. С принятием УПК РСФСР 1960 г. появляется легальное определение потерпевшего и начинается поступательное движение в пользу поиска оптимального набора прав потерпевшего. Такая прогрессия продолжается по сей день. В частности, с принятием УПК РФ 2002 г. было высказано много критических утверждений

о том, что объем гарантий обеспечения прав потерпевшего куда более скромнен, чем объем гарантий прав подозреваемого и обвиняемого, что подтолкнуло законодателя продолжить путь повышения роли потерпевшего в уголовном процессе. Так, внесением изменений в УПК РФ с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ (*Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»* // *Российская газета*. 2013. 30 декабря. № 295) были предусмотрены такие права потерпевшего, как право на получение копий документов, затрагивающих его права, право на получение значимой информации о передвижениях осужденного к реальному лишению свободы, а также закреплено требование немедленного официального признания лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела. Этот же закон предусматривает пусть единственный, но тем не менее случай обеспечения несовершеннолетнего потерпевшего бесплатным профессиональным представителем — адвокатом (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

Таким образом, исторические, политические, культурные условия, в которых происходил генезис уголовного судопроизводства, оказали решающее влияние на развитие современной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики. Понимание преступности, методов борьбы с ней и оценка места потерпевшего в публичном уголовном процессе взаимообусловлены.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что преступность — есть социально-опасное явление, в искоренении которого заинтересован каждый член общества и борьба с которым является одной из важнейших функций государства. Согласимся с А.А. Арямовым, М.А. Кольванцевой, что «в отличие от частно-правового конфликта, конфликт уголовно-правовой не исчерпывается реституцией (восстановлением попраных прав потерпевшего); государство как участник конфликта преследует также цель исправления преступника и предупреждения совершения новых преступлений, а также восстановления социальной справедливости» [5, с. 12]. Вместе с тем государство в лице правоохранительных органов и судов не может отодвигать на второй план чаяния лица, ощутившего на себе воздействие зла, именуемого преступлением. В современном законодательстве баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве достигается путем деления видов уголовного преследования на частное, частно-публичное и публичное. При этом ст. 52 Кон-

ституции РФ гарантирует каждому гражданину право на доступ к правосудию и на возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Думается, частный интерес в современном уголовном процессе должен быть обеспечен не только предоставлением жертвам преступлений права распоряжаться уголовным иском в уголовных делах частного и частно-публичного обвинения, но и иметь реальные гарантии на восстановление нарушенных прав в каждом уголовном деле. Решение вопроса о необходимости разработки эффективных механизмов заглаживания вреда потерпевшему должно волновать законодателя в не меньшей степени, чем восстановление социальной справедливости. Реальное, а не декларативное обеспечение заглаживания вреда потерпевшему соответствует публичному интересу, равно как и частному, поскольку вселяет в каждого члена общества спокойствие и уверенность в том, что его права будут эффективно восстановлены в случае совершения в его отношении преступления.

Необходимость учета интересов потерпевшего становится предпосылкой к возврату обсуждения уголовного судопроизводства в русле концепции уголовно-правового конфликта, для разрешения которого важно удовлетворить интерес обеих сторон. Как справедливо отмечают А.С. Лукомская и Л.Г. Татьяна, «Конституция 1993 г. заложила фундамент главной цели уголовного судопроизводства, которая должна состоять в разрешении конфликта между сторонами путем защиты прав и интересов, то есть в первую очередь защита или восстановление субъективных прав и личных интересов, а впоследствии интересов публичных, если указывать на их очередность по отношению друг к другу» [6, с. 142].

Вместе с тем приходится констатировать, что традиционное правосудие, предполагающее осуждение и наказание виновного, не всегда способно восстановить социальную справедливость и обеспечить максимальное возмещение пострадавшему от преступления лицу. Только по официальным данным МВД, в 2022 г. ущерб от преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам) составил 700 миллиардов рублей (*Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь-декабрь 2022 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/Dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.04.2023)*). Однако цифры, характеризующие долю возмещенного потерпевшим ущерба, не являются столь впечатляющими. Наиболее репрезентативное виктимологическое исследование (более 16 800 опрошенных из 75 регионов России и более 3200 населенных пунктов) проведено Ин-

ститутом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Его результаты свидетельствуют о том, что возмещение получает в среднем не более чем 9% жертв [7, с. 29].

Высказываемые в науке на протяжении многих лет крайне демократичные и гуманные предложения о том, что каждому потерпевшему от преступления должна быть обеспечена полная и безусловная гарантия государства на возмещение причиненного преступлением вреда (например, за счет выплат из специально созданного фонда), вместе с тем не лишены утопичности в силу их экономической неподатности [8, с. 36]. Думается, необходимо продолжать поиск институтов, стимулирующих самих обвиняемых к возмещению причиненного ими вреда. На преодоление проблемы защиты прав потерпевшего нацелены альтернативы уголовному преследованию, которые находят отражение в российском праве через институты освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Внедрение их в уголовный процесс актуализирует проблему баланса частных и публичных интересов. Непростыми видятся ответы на следующие вопросы. Допустимо ли освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее общественно-опасное деяние, на том лишь основании, что потерпевший доволен возмещением и не желает наказывать преступника? Напротив, допустимо ли не принимать во внимание прямое волеизъявление потерпевшего, направленное на освобождение лица от уголовной ответственности, ссылаясь на то, что такое решение (допустимое и справедливое по мнению потерпевшего) недопустимо и несправедливо с точки зрения интересов общества и государства в целом? Может ли опасный, по мнению потерпевшего, преступник быть признан неопасным для общества и наоборот? Вариантов может быть масса. Ответить на подобные вопросы можно лишь, оценив каждую уникальную ситуацию, в которой имеет место преступление. Вместе с тем законодатель вынужден вырабатывать универсальные нормы, устанавливающие границы, за пределами которых игнорировать публичный интерес становится опасно. На сегодняшний день сферой применения российских альтернатив уголовному преследованию являются преступления небольшой и средней тяжести (за нетипичным исключением для экономической преступности). В основу категоризации преступлений положен критерий общественной опасности (определяемой через ее степень и характер), объективируемый в размерах санкций, предусмотренных законом за их совершение.

Изначально благодатной почвой внедрения различных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов выступили национальные правовые системы, закрепляющие принцип целесообразности уголовного преследования. Последний основан на возможности отказа от применения мер уголовной репрессии в случаях, когда должностное лицо государственного органа, отвечающего за принятие такого решения, приходит к выводу о неоправданности, нецелесообразности, а в некоторых случаях даже неуместности традиционного уголовного преследования. К числу классических примеров стран, придерживающихся идеи целесообразности уголовного преследования, относятся Великобритания и Франция. Основанный на оценке целесообразности уголовного преследования подход к решению вопроса об уголовном преследовании достаточно быстро позволяет обнаружить главный его недостаток — им вновь является игнорирование интересов потерпевшего. Потребность в преодолении этого порока приводит к зарождению таких процедур разрешения уголовных дел, которые решение вопроса об уголовном преследовании ставят в зависимость от постпреступных действий правонарушителя, к числу которых относится в том числе и в первую очередь заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. В западных странах нашли практическое применение такие альтернативы уголовному преследованию, учитывающие интересы потерпевшего, как медиация, штраф по соглашению (когда одним из условий отказа от преследования является возмещение вреда потерпевшему), различные условные альтернативы, предполагающие отказ от уголовного преследования в случае выполнения различных условий (пройти обучение, выполнить общественно-полезную работу и т.д.), ювенальные альтернативы (предусматривающие, как правило, требование к несовершеннолетнему принести потерпевшему извинения и загладить вред иными путями) [10]. С течением времени элементы целесообразности, а вместе с ними и альтернативы уголовному преследованию проникают и в право государств, чье уголовно-процессуальное регулирование традиционно тяготеет к подчинению действию принципа публичности. К их числу относится и Россия.

Российский законодатель не стал идти традиционным путем и к вопросу целесообразности уголовного преследования подошел в несвойственной для права иных государств манере. Так, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет в процессуальном законе принцип законности, а место целесообразности реализуется

в законе материальном через институт малозначительности. В классическом же варианте вопрос о целесообразности разрешается в процессуальной плоскости: должностное лицо на основе анализа всех обстоятельств дела и при соблюдении всех сформулированных в законе условий принимает решение по поводу уголовного преследования или отказа от него. В России в силу ст. 21 УПК РФ «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». А в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Такая регламентация порождает немалые сложности для правоприменителя, который, признав деяние малозначительным, традиционно прекращает уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления). Зачастую отсутствие процессуального сопровождения института малозначительности (отсутствие специального основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) приводит должностное лицо к неправильному выводу о том, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с малозначительностью деяния является реабилитирующим основанием. Указанная проблема во многом предопределяет сужение сферы действия института, когда при внутренней убежденности в малозначительности должностное лицо не прекращает уголовное дело (уголовное преследование), не желая признавать за лицом право на реабилитацию. Достаточно очевидно, что уголовное преследование, осуществляемое до момента прекращения уголовного дела (уголовного преследования), в связи с малозначительностью деяния не является неправомерным (а значит не требует признания за лицом права на реабилитацию): дознаватель, следователь приходят к выводу, что собранные доказательства по уголовному делу позволяют установить все признаки состава преступления, однако оценка общественной опасности как признака преступления указывает на нецелесообразность реализации уголовной ответственности. Вместе с тем из закона прямо описанный тезис не следует — ч. 4 ст. 133 УПК РФ не содержит указания на то, что признание права на реабилитацию не распространяется на случаи,

когда уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению в связи с признанием деяния малозначительным. Сложившаяся ситуация имеет ряд негативных последствий, в числе которых избыточная репрессия и неэффективная трата ценных ресурсов уголовного судопроизводства. Представляется, что существует потребность в дополнении системы оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) реабилитирующим материальным основанием — в связи с малозначительностью деяния.

Кроме этого, целесообразность уголовного преследования реализуется через еще один материально-правовой институт, явившийся воплощением в России альтернатив уголовному преследованию, — институт освобождения от уголовной ответственности. В системе оснований освобождения от уголовной ответственности можно выделить в единую группу те из них, которые предполагают: 1) доказанность обвинения (подозрения); 2) отсутствие объективных препятствий для реализации уголовной ответственности (не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности; не наступила смерть обвиняемого; не издан акт амнистии); 3) возможность реализации уголовно-правового метода поощрения в отношении подозреваемого, обвиняемого, который после совершения преступления своим позитивным поведением доказывает утрату его общественной опасности и нецелесообразность полной реализации уголовной ответственности в его отношении. Указанную группу оснований можно именовать альтернативными, поскольку они обеспечивают возможность неклассической реакции на совершенное преступление. К числу альтернативных оснований с учетом перечисленных признаков можно отнести освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, возмещением ущерба, назначением судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера и назначением несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. Формирование в правовом пространстве России системы перечисленных оснований освобождения от уголовной ответственности свидетельствует об отходе от классического публично-правового понимания уголовного процесса, о смещении акцентов в пользу концепции восстановительной юстиции. Таким образом, законодатель, по сути, дает потерпевшему выбор наиболее востребованной для него возможности реализовать частный интерес в уголовном процессе: потребовать доступа к правосудию (не соглашаясь на прекращение уголовного

дела) либо прибегнуть к институту альтернативного разрешения уголовного-правового конфликта, стимулирующего подозреваемого, обвиняемого к скорейшему и полному заглаживанию причиненного преступлением вреда.

К альтернативным основаниям освобождения от уголовной ответственности, нацеленным на наиболее эффективное заглаживание вреда потерпевшему, относятся освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ).

С другой стороны, относительно популярным и воспринятым практикой оказалось появившееся в 2016 г. основание освобождения от уголовной ответственности с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) (*Федеральный закон от 3 июля 2016 г. (с посл. изм. и доп.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4256*). Однако адресатом денежной выплаты в этой альтернативе уголовному преследованию выступает отнюдь не потерпевший (при условии заглаживания вреда уголовное дело вовсе может быть прекращено без учета его воли), а государство. Именно это обстоятельство вызывает обоснованную критику правовой природы института судебного штрафа, являющегося «иной мерой уголовно-правового характера». Т.Р. Сабитов указывает, что заложенный в основу правового регулирования подход является мощным аргументом в пользу монетизации уголовной ответственности и имущественно-восстановительной трансформации российской уголовной политики [9, с. 19–20]. Данные официальной статистики рисуют следующую картину. Судами в 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 гг. было прекращено: в связи с деятельным раскаянием 11 991, 8889, 7258, 11 606, 12 130 уголовных дел соответственно; в связи с примирением с потерпевшим 125 873, 106 091, 99 115, 103 649, 105 409 уголовных дел соответственно; в связи с назначением меры уголовно-правового характера — судебного штрафа (ст. 25¹ УПК РФ) 33 329, 52 460, 56 980, 36 685, 20 310 уголовных дел соответственно (*Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 11.05.2023)*). Представляется, что освобождение подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности вопреки

воле потерпевшего ограничивает право последнего на доступ к правосудию.

Устремленность законодателя ко внедрению в уголовный процесс альтернатив, нацеленных на пополнение государственного бюджета, проявилась еще до появления освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В 2009 г. с принятием Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ глава 4 УПК РФ дополнена ст. 28.1, предусматривающей возможность прекращения уголовного преследования в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Не прибегая к анализу претерпевшей неоднократные изменения нормы, обозначим ее общий посыл, заключающийся в обязанности должностных лиц освобождать от уголовной ответственности по ряду преступлений в случаях полного возмещения ущерба либо двукратного (изначально пятикратного) возмещения ущерба. Непродуманность института и низкий уровень законодательной техники не позволили новым нормам стать эффективными. Так, в 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 гг. в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности (ст. 28.1 УПК РФ) было прекращено всего 31, 62, 59, 72, 93 уголовных дел соответственно.

Следует отметить, что, закрепляя в законе основания освобождения от уголовной ответственности, предполагающие оценку позитивного постпреступного поведения лица, законодатель не формулирует единого основания для их применения. Отсутствие общего основания не дает правоприменителю четкого понимания того, что необходимо оценивать при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Удачной можно признать конструкцию ст. 75 УК РФ, в соответствии с которой «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если ... вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». В остальных случаях буквальное толкование нормы указывает, что причиной освобождения являются: примирение (ст. 76 УК РФ); заглаживание вреда, причиненного преступлением (ст. 76¹ УК РФ), возмещение ущерба (ст. 76² УК РФ). Вместе с тем дискреционный (по общему правилу) характер альтернативных оснований означает, что самого по себе примирения

недостаточно — для освобождения лица от уголовной ответственности необходим вывод должностного лица о том, что подозреваемый, обвиняемый утратил общественную опасность и полная реализация уголовной ответственности в связи с этим нецелесообразна. Представляется, что именно такой подход к правовой природе альтернативных возможностей при разрешении уголовно-правовых конфликтов соответствует публичным интересам. Вместе с тем зачастую рекомендации Верховного Суда РФ относительно применения норм об освобождении от уголовной ответственности расходятся с предложенным выше пониманием их природы. Так, из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» следует, что «возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75–76² УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами». Такое отклонение от концепции личной ответственности не представляется оправданным — допустимость освобождения от уголовной ответственности при доказанности подозрения или обвинения должна быть связана не с механическим выполнением сформулированных в законе условий, а с реальной оценкой личности лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Подводя черту под изложенными рассуждениями, отметим, что уголовно-процессуальная форма имманентно развивается и дифференцируется под давлением исторических, политических, технических, социальных и экономических изменений. Вместе с тем отечественному законодателю предстоит продолжить поиски разумного баланса частных и публичных интересов и выработку наиболее оптимальных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов, основанных в том числе на развитии института альтернативного уголовному преследованию. При этом развитие различных способов разрешения уголовных дел должно беспрекословно учитывать необходимость обеспечения потерпевшим гарантированного им права на доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда.

Литература

1. *Подройкина И.А.* Виды наказаний в законодательстве Древней Руси и периода феодальной раздробленности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Ч. 1. С. 329–333.
2. *Амплеева Т.Ю.* История уголовного судопроизводства России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01. М., 2009. — 58 с.

3. Основные вехи истории судебной системы России: X в. — 1917 г. Историческая справка. — 21 с.
4. *Геворгян В.М.* Развитие понятия «преступление» в российском уголовном праве // Современное право. 2007. № 6. С. 97–100.
5. *Арямов А.А., Колыванцева М.А.* Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. — 192 с.
6. *Татьянина Л.Г., Лукомская А.С.* История развития правового положения потерпевшего в уголовном процессе в период с распада российской империи и по настоящее время // Вестник удмуртского университета: экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 138–144.
7. *Кнорре А., Титаев К.* Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса (Аналитический обзор). СПб: ИПП ЕУ СПб, 2018. — 36 с.
8. *Багаутдинов Ф.Н.* Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. М., 2004. — 64 с.
9. *Сабитов Т.Р.* Восстановительная линия в депенализационной уголовной политике Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2020. Вып. 1 (55). С. 17–22.
10. *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. М.: Юридический центр Пресс, 2002. — 544 с.

References

1. *Podroikina I.A.* Vidy nakazanii v zakonodatel'stve Drevnei Rusi i perioda feodal'noi razdroblennosti [Types of punishments in the legislation of ancient Russia and the period of feudal fragmentation]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]*, 2014, v. 6, no. 6, part 1, pp. 329–333. (In Russian)
2. *Ampleeva T. Yu.* Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva Rossii [History of criminal trials in Russia]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.01. Moscow, 2009. 58 p. (In Russian)
3. Osnovnye vekhi istorii sudebnoi sistemy Rossii: X v. — 1917 g. Istoricheskaya spravka [The main milestones in the history of the Russian judicial system: X century — 1917. Historical background]. 21 p. (In Russian)
4. *Gevorgyan V.M.* Razvitie ponyatiya «prestuplenie» v rossiiskom ugovnom prave [Development of the “crime” concept in Russian criminal law]. *Sovremennoe parvo [Modern law]*, 2007, no. 6, pp. 97–100. (In Russian)
5. *Aryamov A.A., Kolyvantseva M.A.* Al'ternativnye formy resheniya ugovno-pravovogo konflikta: monografiya [Alternative solutions to criminal law conflict: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 192 p. (In Russian)
6. *Tat'yanina L.G., Lukomskaya A.S.* Istoriya razvitiya pravovogo polozheniya poterpevshego v ugovnom protsesse v period s raspada rossiiskoi imperii i po nastoyashchee vremya [History of the development of the victim's legal position in criminal trials during the period of the collapse of the Russian Empire to the present]. *Vestnik udmurtskogo universiteta: ekonomika i parvo [Bulletin of the Udmurt University: economics and law]*, 2017, v. 27, issue 6, pp. 138–144. (In Russian, abstract in English)
7. *Knorre A., Titaev K.* Prestupnost' i viktimizatsiya v Rossii. Rezul'taty vserossiiskogo viktimizatsionnogo oprosa (Analiticheskii obzor) [Crime and victimization in Russia. Results of the All-Russian victimization survey (Analytical review)]. St. Petersburg, IPP EU SPb Publ., 2018. 36 p. (In Russian)
8. *Bagautdinov F.N.* Publichnye i lichnye interesy v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve i garantii ikh obespecheniya na predvaritel'nom sledstvii [Public and personal interests in Russian criminal trials and guarantees for their enforcement at preliminary investigation]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 2004. 64 p. (In Russian)
9. *Sabitov T.R.* Vosstanovitel'naya liniya v depenalizatsionnoi ugovnoi politike Rossiiskoi Federatsii [Restorative line in the depenalization criminal policy of the Russian Federation]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Yugra State University]*, 2020, issue 1 (55), pp. 17–22. (In Russian, abstract in English)
10. *Golovko L.V.* Al'ternativy ugovnomu presledovaniyu v sovremennom prave: monografiya [Alternatives to criminal prosecution in modern law: monograph]. Moscow, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 544 p. (In Russian)

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ, ЗАСЛУЖЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ И УВАЖЕНИЕ! ПАМЯТИ ЮРИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА ИЗ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОЛЕГА ИВАНОВИЧА ТИУНОВА

Пастухов Павел Сысоевич, Борисевич Галина Яковлевна

Цель: актуализировать научные достижения О.И. Тиунова в сфере соблюдения принципа международного права о добросовестном выполнении международных обязательств, которые в настоящее время стали серьезной научной проблемой, в исследовании которой еще рано ставить точку.

Методология: методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический).

Выводы. Авторы пришли к выводу, что научные и профессиональные успехи О.И. Тиунова имеют значение для всей юридической общественности юристов-международников, современных политологов, занимающихся проблемами геополитики. Особое значение профессиональные успехи имеют для Пермского университета, где Олег Иванович оставил добрый след и память как специалист высочайшего уровня. Светлый, скромный, порядочный и отзывчивый человек, он навсегда сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось знать его и работать вместе с ним.

Научная и практическая значимость. Научное наследие Олега Ивановича Тиунова в сфере соблюдения принципа международного права о добросовестном выполнении международных обязательств в настоящее время изучается политиками, политологами и учеными юристами-международниками ввиду санкционной войны между государствами. Практическая значимость его научных трудов не потеряла актуальности, получила новое дыхание в обострившейся международной обстановке.

Ключевые слова: международное право, международные отношения, добросовестное выполнение международных обязательств, научные и профессиональные успехи.

Статья посвящена памяти Олега Ивановича Тиунова — учителя, видного ученого, юриста-международника, профессора, доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации, заслуженного деятеля науки, коллеги. Его научное наследие в сфере международного права остается актуальным в настоящее время. Оно заключается в разработке научной концепции применения общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе, а также в исследовании иных фундаментальных вопросов теории международного права, права международных договоров, имплементации

ции норм международного права в национальной правовой системе.

Идея написать статью об Олеге Ивановиче вызвана желанием отдать дань уважения ученому, человеку с государственным мышлением, педагогу, коллеге, своему земляку. Он родился в г. Перми, окончил Пермский государственный университет, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работая в Пермском государственном университете, возглавлял кафедру государственного права и советского строительства, был деканом юридического факультета ПГУ. Коллективом Пермского университета он был выдвинут кандидатом в народные депутаты РСФСР, победил на выборах во втором туре голосования и с 1990 г. находился на постоянной основе в Верховном Совете РСФСР. На протяжении 30 лет он отдал развитию Пермского университета много сил и творческой энергии. Пермская университетская профессиональная карьера сформировала ученого-международника, государственного деятеля, преподавателя, способствовала дальнейшему развитию, утверждая имидж Пермского университета.

Мы, авторы статьи, гордимся тем, что наши жизненные и профессиональные пути пересекались, а поэтому хотим поделиться личными впечатлениями об этом человеке, его профессиональных достижениях и научном наследии, отношении к коллегам. Нас, сотрудников кафедры уголовного процесса и криминалистики, связывают с Олегом Ивановичем многие жизненные обстоятельства. Он для нас был учителем и коллегой. Олег Иванович читал лекции по международному и конституционному праву зарубежных стран. Тогда, в условиях информационного дефицита, в отличие от сегодняшней информационной перенасыщенности, его лекции по международным вопросам казались окном в зарубежное правовое пространство. Многим запомнилось участие в кружке по международному праву, который посещали студенты, увлеченные харизмой Олега Ивановича, будившей желание развить коммуникативные способности, выработать навыки ораторского искусства, вникнуть в международные проблемы. Участвовавшие в кружке студенты с докладами по международным проблемам выступали в других вузах города Перми. Авторы данной статьи принимали непосредственное участие в заседаниях кружка, в совместных заседаниях кафедры, межкафедральных научно-практических круглых столах, где обсуждались темы уголовного судопроизводства в различных странах. Вспоминая этот кружок, профессор Т.Н. Неша-

таева пишет, что Олег Иванович на первом курсе обучения заметил ее вольнодумство, предложил заниматься не теорией права, а международным правом. Послушавшись молодого профессора, она действительно перешла с теории права в кружок по международному праву [8, с. 25]. Это были ее лучшие воспоминания студенческого прошлого, ибо именно в этом кружке всегда царила очень свободная, независимая, творческая (как сегодня говорят, креативная) атмосфера. То, что в этом кружке действительно царила свобода творчества, направляемая мудрым Олегом Ивановичем, она оценила гораздо позже, обучаясь в аспирантуре Московского государственного университета. Именно с того времени началась ее профессиональная жизнь, связанная с международным правом, которая продолжается по сей день.

Олега Ивановича связывали с кафедрой уголовного процесса и криминалистики несколько профессиональных и личных интересов. Прежде всего его увлечение фотографией. Дело в том, что сразу после окончания университета он начал работать экспертом-криминалистом в отделе милиции г. Березники Пермской области. Работа в этой должности обязывала профессионально заниматься криминалистической фотографией, а поэтому навсегда привила ему увлечение фотографией, а затем видеосъемкой. В то время именно на кафедре уголовного процесса и криминалистики развивалась криминалистическая фотография в рамках преподаваемого курса криминалистики. Взаимный обмен научными данными и опытом в сфере фотографии, фотографическими средствами связывали Олега Ивановича дружескими узами с нашей кафедрой на начальном этапе профессиональной карьеры. Его увлечение фотографией сохранилось на всю оставшуюся жизнь, позволяя получать интересные кадры. Имея профессиональные навыки пользования видеокамерой, фотоаппаратурой, он до конца своих дней увлекался съемками сюжетов, связанных с достопримечательностями культуры и искусства.

Юриста-международника, увлеченного изучением многих отраслей права, с кафедрой уголовного процесса и криминалистики связывали научные интересы в сфере уголовного судопроизводства. В условиях дефицита зарубежной литературы энциклопедические познания Олега Ивановича становились важным источником информации для профессиональной дискуссии, где главными темами совместного обсуждения были проблемы доказывания, организации деятельности органов предварительного расследования и суда, компетенции должностных лиц,

осуществляющих судопроизводство в различных странах. Вопросы различий правовых систем, особенностей моделей судопроизводства в контексте совершенствования российского уголовного судопроизводства неоднократно поднимались в кружке по международному праву и на научно-практических семинарах нашей кафедры. Обширные энциклопедические познания Олега Ивановича в различных отраслях права других государств помогали сотрудникам нашей кафедры получать профессионально полезную информацию о моделях судопроизводства различных стран.

Как разносторонний человек, Олег Иванович со школьной скамьи увлекался джазовой музыкой, имел коллекцию записей. Любил живопись, произведения старых итальянских мастеров, произведения французских импрессионистов. Все перечисленные увлечения и профессиональные качества сохранили в нашем сознании образ интеллигентного, эрудированного человека, о котором хочется вспоминать, писать и благодарить за совместно проведенное время.

Пермский период профессиональной карьеры Олега Ивановича начинался в 1959 г. после окончания юридического факультета Пермского государственного университета, когда он начал работать экспертом-криминалистом. В 1961 г. он был приглашен на преподавательскую работу в Пермский государственный университет, где занимал должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора. Поступив в 1965 г. в аспирантуру юридического факультета МГУ, окончил ее досрочно, защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Нейтралитет в международном праве». Получив степень кандидата юридических наук, с 1966 г. он продолжил работать в Пермском государственном университете, пройдя путь от старшего преподавателя до декана юридического факультета университета.

Как известно, с 1985 г. в стране началась эпоха гласности, перестройки, которая оказала влияние на многих думающих о судьбе страны людей, побудив их заняться политикой. Переживая за будущее страны, Олег Иванович решил использовать свой накопленный потенциал знаний в государственно-политической сфере. В 1990 г. он был выдвинут коллективом Пермского университета кандидатом в народные депутаты РСФСР и победил во втором туре голосования, набрав 50,07 % голосов избирателей. По своим политическими убеждениям он состоял в КПСС до августа 1991 г., а в сентябре 1990 г. был избран членом ЦК КП РСФСР. На I Съезде народных депутатов РСФСР был председателем рабочей группы по выработ-

ке Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Московский период деятельности начался в 1990 г. с постоянной работы в Верховном Совете РСФСР, где Олег Иванович был избран председателем подкомитета Комитета Верховного Совета РСФСР по международным делам и внешнеэкономическим связям. Он участвовал в разработке Регламента Съезда народных депутатов, законов РСФСР о гражданстве, об иностранных инвестициях, международных договоров РСФСР. Успешно работал в Конституционной комиссии РФ.

Новым этапом его профессиональной карьеры стало избрание 29 октября 1991 г. судьей Конституционного Суда РФ. По этой причине 30 октября он сложил свои депутатские полномочия. 14 февраля 1995 г. О.И. Тиунов был включен в состав первой палаты Конституционного Суда РФ. Кроме того, он возглавлял комиссию судей Конституционного Суда РФ по международным связям. Участвовал в установлении и развитии профессиональных связей с судьями Верховного Суда США, конституционных судов Испании, Турции, Монголии и других государств. Благодаря его коммуникативным способностям организатора и интеллектуала были сформированы постоянные научные связи с правоведами Нью-Йоркского и Сент-Луисского университетов (США), института Макса Планка (ФРГ). Благодаря его усилиям была организована и проведена первая в истории сотрудничества судов встреча — конференция судей и представителей Конституционных Судов России, ФРГ, Италии и Верховного Суда США (1995 г., Флоренция). Блестящее знание английского языка позволило ему принимать активное участие в международных конференциях, симпозиумах и иных научных мероприятиях в Вене (Австрия), Баден-Бадене (Германия), Гаване (Куба), Оттаве (Канада), Париже (Франция), Софии (Болгария), Нью-Йорке (США), Мадриде (Испания), Страсбурге (Франция), Пекине (Китай), Флоренции (Италия), Стокгольме (Швеция) и других странах. В составе делегации судей Конституционного Суда России в Страсбурге (Франция) он участвовал в изучении деятельности Европейского Суда по правам человека и в дискуссии с европейскими судьями.

Полномочия судьи Конституционного суда РФ истекли 31 октября 2002 г. (по достижении 65 лет), но он исполнял обязанности судьи до замены М.И. Клеандровым / Л.О. Красавчиковой 12 февраля 2003 г.

Преподавательская работа вновь возобновилась в 2002 г. в Российском государственном

гуманитарном университете, где Олег Иванович продолжил читать свои любимые курсы лекций «Международное право в области прав человека», «Международное право». Кроме того, он сотрудничал с Московской государственной юридической академией, Московским государственным университетом международных отношений, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Академией труда и социальных отношений.

В 2005 г. Олег Иванович перешел на постоянную работу в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Под его руководством в Институте был создан отдел международного публичного права, который он возглавлял до 2015 г. На базе отдела была создана научная школа международного публичного права, которую успешно развивают его ученики в настоящее время. В 2007 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации был создан диссертационный совет, включивший международно-правовую специальность. Работу диссертационного совета возглавил О.И. Тиунов. Как председатель диссертационного совета, он пользовался большим авторитетом не только в юридическом сообществе, но и в Институте, что ощущалось по его стилю руководства работой этого органа. Заседания совета проходили торжественно и точно в соответствии с регламентом. В отношении председателя совета к соискателям всегда демонстрировалась не только высокая требовательность, но и уважение, что было особенно важно для поддержания общей атмосферы научной дискуссии [3, с. 22].

Однако при всем трепетном отношении к процедуре Олег Иванович давал полную свободу научным прениям, в ходе которых дискуссии накаляли атмосферу пестротой оценок и подходов, будь то обсуждение деятельности Европейского суда по правам человека и имплементации его решений в российской правовой системе или негативных сторон международного процесса в международных уголовных судах. Коллеги не припомнят случая, чтобы председатель каким-либо образом, явным или имплицитным, пытался остудить атмосферу, наоборот, на его лице отражалась радость от того, что представленные диссертации дают пищу столь острым дебатам.

Наряду с работой председателя диссертационного совета Д503.001.03, Олег Иванович был также членом диссертационных советов Д503.001.02 и Д503.001.04 при Институте. Под научным руководством О.И. Тиунова десятки аспирантов

успешно подготовили и защитили кандидатские диссертации. Также Олег Иванович являлся научным консультантом соискателей ученой степени доктора юридических наук. Его творческая научная активность ярко проявилась в работе члена редакционных советов ведущих юридических журналов: «Российский юридический журнал», «Международное публичное и частное право», «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», «Юрист-международник». Он был также индивидуальным членом Всемирной Ассоциации международного права.

Научное наследие связано с изучением и разрешением проблем в сфере международного права. О.И. Тиунов — один из выдающихся отечественных ученых-международников. Он разработал научную концепцию применения общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе, а также исследовал иные фундаментальные вопросы теории международного права, права международных договоров, имплементации норм международного права в национальной правовой системе и т.д. Он громко заявил о себе как ученый на рубеже десятилетий, в 1970–1980-х гг., интересом к проблеме, которая не утратила своего значения в настоящее время и, видимо, не потеряет его еще неизвестное нам количество столетий или даже тысячелетий. Тема его докторской диссертации в то время прозвучала, как выстрел на сцене театра, где давалось представление по заранее согласованному и, в общем, всеми узнаваемому сценарию, который через несколько лет в значительной своей части начнет активно устаревать. Принцип международного права о добросовестном соблюдении международных обязательств, который тогда воспринимался не вызывающей никаких сомнений научной догмой и бесспорным общепризнанным началом международных отношений второй половины XX в., вдруг предстал в новом образе — серьезной научной проблемы, в исследовании которой еще рано ставить точку и в настоящее время. Гибридная война против России обострила вопрос не только о добросовестном отношении государств к своим международным обязательствам, но и о выработке механизмов обеспечения их соблюдения в новых условиях турбулентного состояния миропорядка.

Напомним, творческий путь в сфере международного права начался в 1980 г., когда Олег Иванович в МГУ защитил докторскую диссертацию на тему «Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств». Тема ее была связана с одним из принципов международного пра-

ва — *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Это сейчас мы начинаем осознавать все значение данной темы. Профессор О.И. Тиунов просто, ясно и доступно отметил, что многие из поставленных вопросов легко снимаются, если государства будут неукоснительно придерживаться принципа добросовестного соблюдения международных обязательств.

Научное наследие Олега Ивановича составляет более 120 работ, пять из которых — монографии. Наибольшее значение имеют монография «Принцип соблюдения международных обязательств» [9], «Международные межведомственные договоры Российской Федерации» [7].

Концептуальный подход в его трудах заключается в соблюдении принципа добросовестного выполнения международных договоров, в соблюдении положений Венской конвенции о праве международных договоров, Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и других нормативных актов, касающихся реализации международных договоров России. В монографии «Выполнение международных договоров Российской Федерации» раскрыты содержание и значение, определены особенности их выполнения, проанализированы факторы, влияющие на иерархию международных договоров России, исследованы международные средства обеспечения договоров, рассмотрено значение внутригосударственных юридических актов органов публичной власти Российской Федерации, обеспечивающих выполнение международных договоров России [10].

О.И. Тиунов утверждал, что выполнение международных договоров — сложный правовой и организационный процесс, на который влияют многие факторы международного и внутригосударственного характера. Один из таких факторов — глобализация, которая наряду с определенными благами, например касающимися расширения общения между народами и государствами, таит угрозу разрушений в социальной сфере, в ряде случаев способствует внедрению культа силы, проявлениям международного терроризма и транснациональной преступности. При этом автор отмечал, что глобализация без опоры на право как внутри национальных государств, так и в международных отношениях порождает произвол и нарушения прав человека, зафиксированных в международных документах, конституциях и законодательстве разных стран.

Критически оценивая глобализацию, О.И. Тиунов полагал, что ее внедрение должно способствовать осуществлению равенства, справедливо-

сти, обеспечению интересов всех стран и народов, формированию **многополярного мира** на основе господства права. Именно такая глобализация создает наиболее благоприятные условия для реализации международно-правовых обязательств. Как отмечают в настоящее время исследователи, в мире за Россией признается важная и независимая роль в определении путей развития самой глобализации. Так, центральным фактором глобальной экономики становится фактор расположения России между Востоком и Западом — на самом коротком пути между быстроразвивающимися регионами Западной Европы и государствами Тихоокеанского региона, что представляет собой существенный экономический ресурс государства.

Развитие договорных связей России с другими государствами на основе общепризнанных принципов и норм международного права — один из факторов успешного обеспечения интересов России, укрепления международного правопорядка и развития глобализационных процессов в рамках права. Что касается места самого российского права в мировом юридическом пространстве, то этот вопрос привлекает все большее внимание западных исследователей [1, с. 15–24].

Россия также активно содействует утверждению нового этапа в развитии международного права, связанного с формированием права международного сообщества. Речь идет об обеспечении не только международно-правовых принципов сотрудничества государств, но и интересов международного сообщества государств в целом [2, с. 85–86; 4, с. 174]. Этот процесс в рамках глобализации требует дальнейшей разработки содержания и условий применения общепризнанных принципов и норм международного права, выработки критериев реализации международных договоров, определения их особенностей и имплементации в национальное законодательство.

Оценивая сущность монографии «Выполнение международных договоров Российской Федерации» в творчестве О.И. Тиунова, можно сделать вывод, что центральное место среди условий их реализации занимают основные принципы международного права, а, в свою очередь, среди этих принципов — принципы уважения прав человека и основных свобод, а также принцип «*pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться»). Анализ принципа «*pacta sunt servanda*» как важнейшего положения Устава ООН от 26 июля 1945 г. приводит к выводу о том, что данное положение в современном международном праве наряду с принципом уважения прав человека и другими основными принципами служит утверждению международного

правопорядка и безопасности в мире. Указанные положения выступают в качестве теоретической базы нормативного регулирования выполнения договорных обязательств, то есть действия нормативных правовых актов международного характера (*Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и др.*) и внутрисударственного характера (*Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»; и проч.*).

Особой популярностью пользуется его учебник «Международное право» в соавторстве с профессором Г.В. Игнатенко [5]. Международное гуманитарное право свыше десятилетия входило в сферу его исследований, поэтому он сформулировал в данном пособии широкую концепцию международного гуманитарного права, включавшего не только нормы права, применяемого в вооруженных конфликтах, но и иные сферы международной защиты человеческой личности. Подготовленный учебник несколько раз переиздавался [6].

Заслуженные государственные награды. За многолетнюю творческую и профессиональную деятельность Олег Иванович Тиунов награжден медалями «Ветеран труда» (1988 г.), «В память 850-летия Москвы» (1997 г.). За большой вклад в совершенствование правосудия в Российской Федерации, заслуги в защите прав и законных интересов граждан, добросовестный труд Президиумом Совета судей Российской Федерации награжден наградным знаком Совета судей Российской Федерации «За служение правосудию» (*Постановление президиума Совета судей РФ от 23 сентября 2011 г. № 275*).

Особое значение имеют присвоение почетных званий. За заслуги в научной деятельности в 1997 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ» (*Указ Президента РФ от 9 апреля 1997 г. № 326 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»* //

СЗ РФ. 1997. № 15. Ст. 1774). В 2003 г. присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» (*Указ Президента РФ от 21 января 2003 г. № 64 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»* // *СЗ РФ. 2003. № 4. Ст. 308*).

За активное участие в подготовке проекта Конституции Российской Федерации и большой вклад в развитие демократических основ Российской Федерации в связи с 15-летием со дня принятия Конституции РФ награжден Почетной грамотой Президента Российской Федерации (2009 г.) (*Распоряжение Президента РФ от 12 декабря 2008 г. № 777-рп «О награждении Почетной грамотой Президента Российской Федерации»* // *СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5932*).

Указом Президента Российской Федерации о награждении государственными наградами Российской Федерации работников Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» за большой вклад в развитие юридической науки и совершенствование российского законодательства награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (*Указ Президента РФ от 3 июня 2010 г. № 668 «О награждении государственными наградами Российской Федерации работников федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»*).

Завершая разговор о доброй и светлой памяти учителя, ученого, коллеги, нашего земляка, еще раз подчеркнем, что память об Олеге Ивановиче Тиунове не только как о специалисте высочайшего уровня, но прежде всего как о светлом, скромном, порядочном и отзывчивом человеке навсегда сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось знать его и работать с ним.

Литература

1. Батлер У.Э. Место российского права в мировом юридическом пространстве. М.: б.и., 2010. — 24 с.
2. Капустин А.Я. Международные организации в глобализирующемся мире. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. — 316 с.
3. Капустин А.Я. Профессор Олег Иванович Тиунов: ученый, коллега и неповторимая личность // *Растa sunt servanda* в эпоху перемен: к 85-летию со дня рождения О.И. Тиунова: сборник статей / отв. ред. А.Я. Капустин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2022. С. 19–24.
4. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. — 261 с.

5. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Норма — Инфра-М, 1999. — 315 с.
6. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. М.: Норма — Инфра-М, 2000. — 315 с.
7. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации: монография. М.: Контракт, 2008. — 247 с.
8. Нешатаева Т.Н. Уроки профессора Олега Ивановича Тиунова // Pacta sunt servanda в эпоху перемен: к 85-летию со дня рождения О.И. Тиунова: сборник статей / отв. ред. А.Я. Капустин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2022. С. 25–29.
9. Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. — 183 с.
10. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации: монография. М.: Норма, 2011. — 256 с.

References

1. *Batler U.E.* Mesto rossiiskogo prava v mirovom yuridicheskom prostranstve [The place of Russian law in the global legal space]. Moscow, 2010. 24 p. (In Russian)
2. *Kapustin A. Ya.* Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire [International organizations in a globalizing world]. М.: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 2010. 316 p. (In Russian)
3. *Kapustin A. Ya.* Professor Oleg Ivanovich Tiunov: uchenyi, kollega i nepovtorimaya lichnost' [Professor Oleg Ivanovich Tiunov: scientist, colleague and unique personality]. In *Pacta sunt servanda v epokhu peremen: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya O.I. Tiunova: sbornik statei* [Pacta sunt servanda in the era of change: to the 85th anniversary of O.I. Tiunova: collection of articles]. Ed. A. Ya. Kapustin. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ.; Yurisprudentsiya Publ., 2022, pp. 19–24. (In Russian)
4. *Lukashuk I.I.* Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI vek [Globalization, state, law, XXI century]. Moscow, Spark Publ., 2000. 261 p. (In Russian)
5. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov* [International humanitarian law. Textbook for high schools]. Eds. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. Moscow, Norma — Infra-M Publ., 1999. 315 p. (In Russian)
6. *Tiunov O.I.* Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov [International humanitarian law. Textbook for high schools]. Moscow, Norma — Infra-M Publ., 2000. 315 p. (In Russian)
7. *Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N.* Mezhdunarodnye mezhvedomstvennye dogovory Rossiiskoi Federatsii: monografiya [International interdepartmental agreements of the Russian Federation: monograph]. Moscow, Kontrakt Publ., 2008. 247 p. (In Russian)
8. *Neshataeva T.N.* Uroki professora Olega Ivanovicha Tiunova [Lessons from Professor Oleg Ivanovich Tiunov]. In *Pacta sunt servanda v epokhu peremen: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya O.I. Tiunova: sbornik statei* [Pacta sunt servanda in the era of change: to the 85th anniversary of O.I. Tiunova: collection of articles]. Ed. A. Ya. Kapustin. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ.; Yurisprudentsiya Publ., 2022, pp. 25–29. (In Russian)
9. *Tiunov O.I.* Printsip soblyudeniya mezhdunarodnykh obyazatel'stv [The principle of compliance with international obligations]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1979. 183 p. (In Russian)
10. *Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N.* Vypolnenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii: monografiya [Fulfillment of international treaties of the Russian Federation: monograph]. Moscow, Norma Publ., 2011. 256 p. (In Russian)

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Филиппов Михаил Николаевич

Цель: проанализировать научные исследования в области криминалистики в их историческом развитии, понять, какие вопросы совершения преступлений и их расследования становились актуальными на том или ином этапе развития нашего государства, обосновать вероятные пути совершенствования криминалистической науки с учетом развития техники и происходящих исторических событий.

Методология: анализ, синтез, исторический метод, системный метод, моделирование, описание, дедукция, индукция.

Выводы. Криминалистические научные исследования, несомненно, будут проводиться и дальше и основываться на достижениях как криминалистики, так и других отраслей научного знания с учетом изменений уголовного законодательства Российской Федерации.

Научная и практическая значимость. Проведенный анализ тенденций криминалистических научных исследований позволяет понять вектор развития криминалистики, потребность правоохранительных органов в знаниях, практических рекомендациях по раскрытию и расследованию преступлений. Выводы, к которым пришел автор, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, посвященных изучению развития криминалистики как науки. Кроме того, практическая значимость научной статьи заключается в использовании предложенных рекомендаций для повышения эффективности планирования и организации криминалистических научных исследований с учетом потребностей практики.

Ключевые слова: криминалистика, научные исследования, методы, диссертация, монография, статья, пособие, ученые, криминалисты, преступления, знания, наука, следователи, эксперты.

Человек постоянно познает окружающую его действительность, а потому вполне закономерно перед ним возникают в том числе и такие вопросы, которые он не может решить исходя из имеющейся у него системы знаний. Таким образом, возникает потребность в получении новых знаний, которая может быть удовлетворена в том числе путем проведения научных исследований. Под последними понимается «целенаправленное познание действительности, результаты которого выступают в виде системы понятий, законов и теорий, процесс выработки новых научных знаний является одним из видов познавательной деятельности, характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью и точностью» [1, с. 13].

Сказанное выше напрямую касается и процесса расследования преступлений, который, являясь

познавательной деятельностью, вовлекает должностных лиц в установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данный процесс сопряжен с применением специальных знаний и необходимостью постоянного повышения эффективности расследования противоправных деяний для достижения желаемого результата. Это невозможно без соответствующего уровня знаний, а потому имеет место потребность в проведении исследований в области криминалистики, то есть криминалистических научных исследований.

Вообще, термин «криминалистические исследования» применяется для обозначения как исследований в области науки, так и работы специалиста, эксперта при проведении следственных действий и судебных экспертиз. В нашей статье предметом исследования будут выступать только научные изыскания в области криминалистики.

Проведем анализ научных исследований в их историческом развитии, чтобы понять, какие вопросы в области криминалистики становились актуальными в конкретный период времени. Это позволит охарактеризовать траекторию развития криминалистических научных исследований и выдвинуть обоснованные предположения о возможных научных направлениях в будущем.

Предпосылки создания криминалистики как науки, а потому и проведения исследований возникли еще в глубокой древности, когда в обществе сформировался запрос на решение проблем, вызванных ростом преступности. Так, в одном из первых памятников права «Русской Правде» содержались нормы, предписывающие проводить расследование противоправного деяния определенным образом: «Если вор скроется, должно искать его по следу. Если след приведет к селу или к какой-нибудь торговой стоянке, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, или не пойдут на след, или станут отбиваться, то платить им за воровство. А след продолжают вести с чужими людьми и свидетелями. Если след приведет на большую торговую дорогу, или на пустырь, где нет ни села, ни людей, то не платить ни продажи, ни цены украденного» (*Русская Правда (краткая редакция). Текст по Академическому списку, перевод Б.Б. Кафенгауза // [Электронный ресурс]: URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda> (дата обращения: 20.05.2023)*).

Имеются документальные подтверждения того, что к XV–XVI вв. на Руси были заложены основы сравнительного анализа почерка, проводившегося при разбирательстве наследственных дел и сделок купли-продажи, которые носили спорный характер. В Германии в кодексе Каролины (XVI в.) содержались нормы права, регламентировавшие тактику допроса и вопросы проведения осмотра трупа [2]. В главе 4 Соборного Уложения 1649 г. подлог в царских грамотах и приказных письмах подразделялся на материальный и интеллектуальный.

Данные примеры свидетельствуют о появлении криминалистических знаний, зарождении периода их накопления и оформления. Вместе с тем следует констатировать, что эти знания носили фрагментарный характер и в связи с отсутствием книгопечатания в Европе до середины XV в., а на Руси вплоть до середины XVI в. передавались, как правило, способом «от человека к человеку». В то же время эти знания сыграли важную роль в будущем, выступив своего рода фундаментом в становлении криминалистики как самостоятельной науки.

Вообще, создание предпосылок для проведения научных исследований в области криминалистики вызвано появлением и развитием таких наук, как математика, физика, химия, медицина и другие, выделение которых из философии началось в XVI–XVIII вв. Именно этим можно объяснить появление собственно криминалистических научных исследований только в первой половине XIX в. Следует оговориться, что изначально они проводились в рамках уголовно-процессуальной науки.

Заслуживают внимания следующие труды того периода: Н. Орлов «Опыт краткого руководства для произведения следствий» (1833); Я.И. Баршев «Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству» (1841); Л. Ягеманн «Руководство по судебному расследованию» (1841); В.А. Линовский «Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России» (1849) [3, с. 337]. В указанных источниках исследовались вопросы проведения допроса, очной ставки, повального обыска, выемки, осмотра, освидетельствования, и в целом собирания доказательств. Таким образом, именно в этот период были заложены основы будущего раздела криминалистики «криминалистическая тактика».

Во второй половине XIX в. благодаря научным достижениям и развитию техники были сформированы основы одной из отраслей криминалистической техники «криминалистическая фотография, аудио- и видеозапись». Известны труды О.Г. Рейландера «Краткие советы по фотографированию преступников» (1872), А. Бертильона «Судебная фотография» (1890), М.В. Шимановского «Фотография в праве и правосудии» (1894), Ф. Пауля «Руководство по криминалистической фотографии для служащих суда, прокуроров и органов безопасности», Р.А. Рейса «Судебная фотография» (1903) [4]. Отдельного упоминания заслуживает труд известного русского ученого криминалиста Е.Ф. Буринского «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» (1903), где были описаны передовые на тот момент фотографические методы исследования доказательств — методы цветоделения, методы цветоразличения. Е.Ф. Буринскому уже в то время были очевидны перспективы применения фотографии в расследовании преступлений. В частности, он предлагал применять ее при исследовании документов в трех направлениях: при идентификации почерка, при восстановлении поврежденных документов, для установления подлога и обнаружения признаков подделки [5, с. 40].

В этот же период благодаря научным исследованиям были заложены основы еще одной отрасли раздела «криминалистическая техника», известной как трасология, или следоведение. Потребность в установлении преступника по следам, оставленным им на месте происшествия, и последующей его регистрации подтолкнула ученых к проведению исследований, которые касались в том числе следов рук. В 1880 г. в журнале «Nature» было опубликовано письмо Г. Фулдса «On the Skin-furrows of the Hand», в котором он высказал мысль о возможности идентификации преступника по следам рук. Позднее появились фундаментальные труды по дактилоскопии, среди которых можно выделить книгу Ф. Гальтона «Отпечатки пальцев» (1892), монографию Э. Генри «Классификация и использование отпечатков пальцев» (1900) и исследование Ж. Вучетича «Сравнительная дактилоскопия» (1904).

Однако, пожалуй, самым значимым событием конца XIX в. стало объявление криминалистики в качестве самостоятельной науки. Это стало возможным благодаря ученым и сотрудникам правоохранительных органов, усилия которых позволили создать, обобщить научную базу, объединить результаты разноплановых, разрозненных исследований в единое целое и сформировать объект и предмет криминалистики. Большая заслуга в этом принадлежала австрийскому следователю профессору Г. Гроссу, который, являясь автором термина «криминалистика», сделал важный промежуточный вывод о достижениях человека в области расследования преступлений в книгах «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции» (1892) и «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898). С этого момента у ученых появились все основания называть свои научные изыскания криминалистическими.

Развитие криминалистики начала XX в. связано с именами таких ученых, как Р.А. Рейсс, В.И. Лебедев, С.Н. Трегубов, Б.Л. Бразоль. В 1909 г. был опубликован труд В.И. Лебедева «Искусство раскрытия преступлений», который в основном был посвящен вопросам дактилоскопии. Система словесного портрета, разработанная еще во второй половине XIX в. А. Бертильоном, как основа будущей криминалистической габитологии была детализирована Р.А. Рейссом в книге «Словесный портрет», вышедшей в 1911 г. В 1915 г. был издан труд С.Н. Трегубова «Основы уголовной техники», где поднимались вопросы проведения следствен-

ных действий на месте происшествия, собирания и исследования следов человека, документов и поддельных денежных средств, противодействия расследованию преступлений, основы методики расследования отдельных видов преступлений — вопросы расследования железнодорожных крушений, пожаров, поджогов. Методам и способам проведения следственного осмотра и обыска была посвящена книга Б.Л. Бразоля «Очерки по следственной части. История. Практика», выпущенная в 1916 г.

Следует заметить, что вплоть до конца 30-х гг. XX в. шло становление системы криминалистики, осуществлялась детализация вопросов, прежде всего, криминалистической техники и тактики. Среди работ того периода заслуживает внимания, первая советская монография по криминалистике «Дактилоскопия как метод регистрации» П.С. Семеновского, изданная в 1923 г. В 1925 г. И.Н. Якимовым был опубликован научный труд «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике», где он представил систему криминалистики в виде трех разделов: уголовной техники, уголовной тактики и методологии — объяснив, что такое деление соответствует характеру и особенностям излагаемых в курсе криминалистики предметов [6, с. 29]. Большой вклад в развитие раздела «криминалистическая техника» внес Н.П. Макаренко, который в книге «Техника расследования преступлений» (1925) исследовал вопросы применения средств и приемов для обнаружения и исследования следов крови, зубов, волос, обуви, а также научные основы дактилоскопии и документоведения. Создание и совершенствование отдельных отраслей криминалистической техники стало возможным благодаря трудам и других ученых-криминалистов того времени. В 1926 г. опубликована «Судебная фотография» С.М. Потапова, а в 1937 г. — книга В.Ф. Червакова «Судебная баллистика». Среди исследований зарубежных ученых, несомненно, следует выделить работы Э. Локара, который в шеститомном издании «Руководство по криминалистике» (1931—1935 гг.) опубликовал результаты своей научной деятельности, посвященные вопросам дактилоскопии, пороскопии, исследования микрочастиц, проведения экспертизы машинописных документов и исследования рукописей.

В 40-е и 50-е гг. XX в. криминалистические научные исследования проводились как по общим вопросам теории, так и в рамках частных криминалистических теорий. Базовые аспекты криминалистики нашли отражение в статьях Б.М. Шавера «Предмет и метод советской криминалистики»,

С.М. Потапова «Принципы криминалистической идентификации» и П.И. Тарасова-Родионова «Советская криминалистика», трудах С.П. Митричева «Основные теоретические вопросы советской криминалистики» и В.Я. Колдина «Идентификация при производстве криминалистических экспертиз». В этот период большое внимание уделялось отдельным направлениям криминалистической техники, в частности, криминалистической регистрации. Этой отрасли посвятили работы А.И. Князев «Уголовная регистрация» (1941) и Д.П. Рассейкин «Уголовная регистрация преступников в СССР» (1941). Серьезное развитие получило криминалистическое документоведение благодаря трудам А.И. Винберга «Криминалистическая экспертиза письма» (1940) и Н.В. Терзиева «Введение в криминалистическое исследование документов» (1949). В это же время была опубликована одна из фундаментальных работ Б.И. Шевченко в области криминалистического следоведения «Научные основы современной трактологии» (1947). В указанный период многое было сделано и для становления криминалистической габитологии: проанализированы вопросы идентификации человека по признакам внешности; детализированы признаки внешности; уточнены способы собирания следов частей тела человека; определены основные методы исследования признаков внешности. Среди трудов в данной области заслуживают внимания монография М.М. Герасимова «Основы восстановления лица по черепу» (1949), исследование А.А. Гусева «Установление личности по признакам внешности» (1954) и пособие под авторством В.А. Снеткова «Экспертное отождествление личности по признакам внешности» (1959) [7].

Активно в этот период проводились научные исследования, посвященные криминалистической тактике. Прежде всего, это вопросы тактики проведения отдельных следственных действий. Заслуживают внимания работы С.Г. Кривицкого «Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия» (1941), С.А. Голунского «Допрос на предварительном следствии» (1942), И.Н. Якимова «Следственный осмотр» (1947), В.И. Попова «Обыск и выемка» (1948), Л.Е. Ароцкера «Следственный эксперимент в советской криминалистике» и Г.И. Кочарова «Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии» (1956).

В это же время начинает появляться научный интерес к такому важному направлению, как теория судебной экспертизы, причем не только

к вопросам общего, но и частного характера. В 1945 г. состоялась защита первой диссертации по судебной баллистике на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам» Б.М. Комаринцем. Четырьмя годами позднее была издана монография А.И. Винберга «Основные принципы советской криминалистической экспертизы», где нашли отражение вопросы криминалистической идентификации, оснований выводов эксперта, применения методов криминалистического исследования вещественных доказательств, юридической природы экспертизы. Книга Р.М. Ланцмана «Организационные и теоретические вопросы графической экспертизы» (1959) продолжила развитие указанного выше научного направления.

Вместе с тем следует заметить, что трудов, посвященных методике расследования отдельных видов преступлений, в этот период было написано немного. Среди известных следует выделить кандидатскую диссертацию Г.Б. Карповича «Следственный осмотр и судебная экспертиза по делам об авариях на речном транспорте» (1950) и монографию А.И. Тарасова-Родионова «Предварительное следствие» (1955). Появление же частных криминалистических методик пришлось на более поздний период.

Следующий этап проведения научных исследований в области криминалистики начался в 60-е гг. XX в. и, пожалуй, был одним из самых значимых с точки зрения развития науки. В этот период благодаря усилиям ученых появился четвертый раздел «общая теория криминалистики», были написаны труды, посвященные не только общим проблемам теории криминалистики, но и частным криминалистическим теориям. Такая разносторонность исследований привела к тому, что, во-первых, была создана научная база, позволявшая обеспечить комплексность будущих исследований, а, во-вторых, серьезно повысился уровень изысканий как преступной деятельности, так и деятельности по расследованию преступлений в целом. Наиболее значимыми исследованиями в области теории и методологии криминалистики явились «Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике» (1961) Р.С. Белкина, «Научно-технические средства расследования преступлений (правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития)» (1965) Н.А. Селиванова, «Методология судебной идентификации»

(1970) М.Я. Сегай, «Криминалистическое учение о способе совершения преступления» (1970) Г.Г. Зуйкова, «Криминалистика в системе юридических наук и ее межнаучные связи» (1980) Г.А. Матусовского.

В обозначенный период серьезные научные исследования по вопросам криминалистической техники были проведены в области следоведения. Известны работы таких ученых, как Г.Л. Грановский «Основы трасологии (общая часть)» (1965) и «Основы трасологии. (Особенная часть)» (1974), Б.И. Шевченко «Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике» (1975), Д.А. Турчин «Теоретические основы криминалистического учения о материальных следах» (1989).

Также продолжалась разработка вопросов общей и особенной частей раздела «криминалистическая тактика». Заслуживает внимания работа В.И. Комиссарова «Теоретические проблемы следственной тактики» (1987), а также труды, посвященные тактике проведения отдельных следственных действий: А.Н. Васильев «Осмотр места происшествия» (1960), Р.С. Белкин «Проверка показаний на месте» (1961), П.П. Цветков «Предъявление для опознания в советском уголовном процессе» (1962) и Н.И. Порубов «Научные основы допроса на предварительном следствии» (1977). Что характерно для рассматриваемого периода — это повышенный интерес ученых к вопросам организации, планирования расследования преступлений с целью выработки рекомендации как по эффективному проведению расследования в целом, так и по проведению отдельных следственных действий, в частности. К наиболее значимым трудам следует отнести докторские диссертации В.И. Попова «Розыскная деятельность при расследовании преступлений» (1965) и А.А. Закатова «Криминалистическое учение о розыске» (1987), монографии А.М. Ларина «Расследование по уголовному делу. Планирование, организация» (1970) и Н.И. Порубова «Научная организация труда следователя» (1970), пособие Л.П. Дубровицкой, И.М. Лузгина «Планирование расследования» (1972), работу Я. Пешака «Следственные версии: криминалистическое исследование» (1976), диссертационное исследование Л.Я. Драпкина «Основы криминалистической теории следственных ситуаций» (1987).

Именно на данный период приходится окончательное оформление методики по расследованию отдельных видов преступлений в самостоятельный раздел и начало активного

формирования частных криминалистических методик, что было обусловлено в том числе уточнением предмета криминалистики как науки. Общие вопросы раздела были детализированы в исследованиях А.Н. Колесниченко «Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений» (1967), С.И. Медведева «Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений» (1973), И.М. Лузгина «Моделирование при расследовании преступлений» (1981), В.А. Образцова «Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений» (1985) и И.А. Возгрин «Теоретические основы методики как раздела криминалистической науки» (1986). Особенной части раздела посвятили свои работы В.П. Колмаков «Криминалистические методы расследования и предупреждения преступлений против жизни» (1962), В.В. Степанов «Расследование взяточничества» (1966), В.П. Лавров «Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет» (1972), В.М. Быков «Особенности расследования групповых преступлений» (1980), Н.А. Бурнашев «Расследование краж, совершаемых в условиях крупного города» (1985).

Очень активно в этот период проводились научные исследования, посвященные теории судебной экспертизы. Во многом это было связано с появлением и развитием новых образцов техники, которые позволили решать в рамках экспертных задачи, которые ранее считались невыполнимыми. Анализировались вопросы, посвященные принципам теории судебной экспертизы, ее методологическим, правовым и организационным началам, возникновению научных основ новых видов судебных экспертиз. Указанные вопросы поднимались в работах А.А. Эйсмана «Заключение эксперта» (1967), В.С. Митричева «Научные основы и общие положения криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами» (1971), Ю.Г. Корухова «Организация, нормативное регулирование криминалистических исследований в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов» (1978), А.И. Винберга, Н.Т. Малаховской «Судебная экспертология» (1978), Н.С. Полевого «Методологические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники» (1984). Результаты применения комплекса методов, приемов и средств при проведении судебных экспертиз нашли отражение в трудах Р.М. Ланцмана «Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка» (1968), И.Д. Куче-

рова «Метод длинноволновой люминесценции в исследованиях криминалиста» (1977), Т.А. Седовой «Применение спектроскопии внутреннего отображения в судебной экспертизе» (1977), А.М. Герасимова, В.В. Филиппова «Применение растрового электронного микроскопа для исследования следов на пулях и гильзах» (1983).

С начала 90-х гг. XX в. возник и по настоящее время продолжается современный этап развития криминалистических знаний. Его отличает несколько тенденций. Во-первых, наблюдается рост числа криминалистических исследований, посвященных общей теории криминалистики, что объясняется появлением новых общих и частных криминалистических теорий. Во-вторых, появились предпосылки для обособления знаний науки, выделения объекта и предмета теории судебной экспертизы как самостоятельной науки. В-третьих, фиксируется повышенный интерес к методике по расследованию отдельных видов преступлений, а потому — закономерный рост числа трудов как по общим, так и частным вопросам криминалистической методики.

Как уже было сказано ранее, повышение научного интереса к общей теории криминалистики связано, прежде всего, с разработкой частных криминалистических теорий. Вместе с тем следует заметить, что вопрос систематизации криминалистических теорий и учений продолжает оставаться дискуссионным по той причине, что существует несколько точек зрения об их месте в системе криминалистики. Согласно первой, частные криминалистические теории и учения должны рассматриваться только в рамках общей теории криминалистики, согласно второй, общие криминалистические теории — в первом разделе, частные теории — в криминалистической технике, тактике и методике [8, с. 48]. Не углубляясь в приводимую сторонами аргументацию позиций, заметим, что ученые при разработке теорий и учений вне зависимости от поставленных целей и задач научных исследований закономерно развивают общие вопросы и других разделов криминалистики.

Развитие общей теории криминалистики в рамках современного периода связано с научными достижениями многих ученых-криминалистов. К таковым относится, в частности, работа Е.Р. Россинской «Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств» (1993), где автор определил систему и классифицировал методы судебно-экспертных исследований, разработал

комплекс конкретных методик экспертного исследования вещественных доказательств неразрушающими методами. Научные достижения связаны и с именем Л.Г. Горшенина. Его труд «Теория криминалистического прогнозирования» (1994) содержит цели и задачи данной частной теории, общие положения методики криминалистического прогнозирования: критерии оценки криминалистических прогнозов и формы их реализации. Заслуживает внимания докторская диссертация В.М. Мешкова «Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений» (1995), где предметом анализа выступили закономерности течения времени, которое оказывает влияние как на преступную деятельность, так и на деятельность по расследованию противоправных деяний. Актуальными были и остаются проблемы установления лица, совершившего преступление, а потому поиск их решения представляется важным с точки зрения повышения эффективности расследования. Этим вопросам посвящено исследование В.А. Жбанкова «Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике» (1995), где нашли отражение аспекты построения криминалистической информационной модели личности преступника, существующие источники информации о свойствах личности преступника, а также криминалистические средства и методы получения информации о свойствах личности преступника. В дальнейшем вопросы данной теории продолжили развивать В.Н. Чулахов «Криминалистическое учение о навыках и привычках человека» (2004), Г.И. Поврезнюк «Теория и практика криминалистического установления личности» (2006), Н.И. Малыгина «Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление» (2017) и Е.И. Фойгель «Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений» (2022). Следует отметить, что исследования касаются не только лиц, совершивших преступления. Так, в 2022 г. Р.И. Зайнуллиным была завершена работа на тему «Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей».

Изучение механизма преступления, то есть функциональной стороны преступной деятельности виновного стало возможным благодаря работам А.М. Кустова «Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления» (1997) и А.Ф. Лубина «Методология

криминалистического исследования механизма преступной деятельности» (1998).

Системное рассмотрение основных аспектов криминалистической диагностики при раскрытии и расследовании преступлений провел Ю.Г. Корухов, изложив результаты исследования в книге «Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений» (1998). Развитие данная частная криминалистическая теория получила в трудах С.В. Дубровина «Основы теории криминалистической диагностики» (2006) и О.А. Соколовой «Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям» (2018). Серьезный вклад в развитие теории криминалистической идентификации внесла Д.А. Степаненко. В рамках исследования «Проблемы теории и практики криминалистической идентификации» (2006) ею была разработана концепция системы и элементного состава теории криминалистической идентификации, предложены систематизированные комплексы общих и частных принципов осуществления криминалистической идентификации по отдельным направлениям, видам и формам идентификации.

Продолжают оставаться актуальными вопросы об объекте и предмете криминалистики, ее методологии, системе, криминалистических классификациях, месте криминалистики в системе юридических наук. Эти и другие аспекты нашли детальное отражение в трудах С.И. Коновалова «Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития» (2001), А.А. Топоркова «Проблемы совершенствования традиционных, разработки и внедрения новых криминалистических концепций, методов, рекомендаций» (2001), А.Ю. Головина «Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики» (2003), О.В. Челышевой «Гносеологические основы отечественной криминалистики: теоретико-прикладное исследование» (2003), Е.В. Смахтина «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика» (2010).

Часть подготовленных работ указанного периода, где разрабатывались частные теории и учения, была посвящена отдельным направлениям в криминалистической технике. Среди них можно выделить исследования Н.Н. Лысова «Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений» (1995), А.С. Подшибякина «Криминалистическое учение о холодном

оружии» (1997) и С.М. Колотушкина «Криминалистическая взрывотехника как частная криминалистическая теория» (2004). Система учения о компьютерной информации, механизм образования электронно-цифровых следов, приемы их собирания и исследования были рассмотрены в диссертации В.Б. Вехова «Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки» (2008). Вопросы гомобиоскопии нашли отражение в работе В.А. Мамуркова «Основы криминалистического учения о биологических объектах» (2002).

Благодаря усилиям ученых-криминалистов в этот период активно ведется работа по созданию частных теорий, посвященных вопросам организации и проведения расследования преступлений. Указанные вопросы нашли отражение в диссертационных исследованиях И.М. Комарова «Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве» (2003), И.П. Можяевой «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений» (2014), Н.Ю. Лебедева «Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования» (2017). В работе А.А. Бессонова «Частная теория криминалистической характеристики преступлений» (2017) исследован вопрос о месте и роли указанной теории в системе криминалистики, проведен анализ системы элементов криминалистической характеристики преступлений, определено ее значение на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования. Представляет научный интерес труд А.С. Андреева «Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений» (2020), где объектом исследования выступили не традиционные преступная деятельность и деятельность по расследованию преступлений, а посткриминальная деятельность, а также работа М.Е. Игнатьева «Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений» (2020). Исследование, проведенное Е.И. Поповой «Криминалистическое обеспечение упрощенных форм уголовного судопроизводства: методология, теория и практика» (2020), призвано устранить поверхностный подход в расследовании, снижение качества следствия, возникшие в связи с введением упрощенных уголовных судопроизводств. О познании сущности, структурных характеристик криминалистического мышления с целью последующей автоматизации деятельности участников уголовного судопроиз-

водства с использованием систем искусственного интеллекта говорится в докторской диссертации Д.В. Бахтеева «Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений» (2022).

Криминалистическая техника остается важной составляющей процесса расследования, позволяя расширять его возможности. На современном этапе развития криминалистики нельзя не отметить вклад А.Ф. Волынского в этом направлении. Благодаря его исследованию «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений» (1999) была разработана и научно обоснована система организационных, правовых, научно-методических мер повышения эффективности технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [9]. Также в указанный период были проведены исследования, посвященные отдельным отраслям криминалистической техники, в частности, следоведению. Заслуживают внимание работа Н.П. Майлиса «Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз» (1992) и диссертация С.С. Самищенко «Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития» (2003). Еще одной отраслью криминалистической техники, к которой ученые проявляют интерес, является криминалистическое оружиеведение. Обусловлено это непростой криминогенной обстановкой в нашей стране, которая сложилась в 90-е гг., когда совершалось большое количество насильственных преступлений с применением оружия. К наиболее значимым работам указанного этапа следует отнести докторские диссертации В.М. Плескачевского «Оружие в криминалистике. Понятие и классификация» (2000) и В.Ю. Владимирова «Теория и практика криминалистического оружиеведения» (2002). В это же время появились работы, посвященные вопросам габитологии: А.М. Зинин «Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности» (1997), Ю.Г. Торбин «Теоретические и прикладные проблемы обнаружения и использования в уголовном судопроизводстве следов и особых примет на живых лицах» (2004).

Вопросам криминалистической тактики посвятили свои труды Л.В. Виницкий «Теоретические и практические проблемы следственного осмотра» (1990), А.Р. Белкин «Теория доказывания: криминалистический и оперативно-розыскной аспекты» (2000), А.С. Князьков «Тактико-криминалистиче-

ские средства досудебного производства» (2014), С.В. Швец «Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода» (2016). В то же время нельзя не отметить, что в рассматриваемый период появился целый ряд работ, в которых анализу подлежали организационные аспекты расследования преступления: нейтрализация противодействия расследованию, использование специальных знаний в ходе расследования, криминалистические ситуации расследования, вопросы взаимодействия, алгоритмизация процесса расследования. Причины появления подобных исследований отчасти связаны с возникновением организованной преступности, когда традиционное применение сил и средств правоохранительных органов не позволяло в полной мере решать поставленные задачи по расследованию преступлений. Важный вклад в развитие организационных вопросов расследования внесли В.Д. Зеленский «Криминалистические проблемы организации расследования преступлений» (1991), И.Н. Сорокотягин «Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений» (1992), Т.С. Волчецкая «Криминалистическая ситуология» (1998), А.С. Шаталов «Проблемы алгоритмизации расследования преступлений» (2000). Заслуживают внимания труды В.Н. Карагодина «Преодоление противодействия предварительному расследованию» (1992), И.А. Николайчука «Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию» (2000), В.В. Трухачева «Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию» (2001), Э.У. Бабаевой «Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию» (2006) и И.В. Тишутинной «Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы» (2013).

На современном этапе развития криминалистики продолжается становление теории судебной экспертизы как, возможно, будущей самостоятельной отрасли научного знания [10, с. 27]. Появились новые виды судебной экспертизы, что связано, прежде всего, с научно-техническим прогрессом — развитием компьютерных технологий, разработкой, в частности, методов ДНК-анализа. Общие вопросы теории судебной экспертизы, аспекты организации и проведения судебных экспертиз рассмотрены в трудах В.А. Жбанкова «Получение образцов для срав-

нительного исследования» (1992), Т.В. Аверьяновой «Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебных экспертиз» (1994), Я.В. Комиссаровой «Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве» (2013), Ф.Г. Аминева «Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации» (2016) и Е.В. Чесноковой «Концептуальные основы стандартизации в судебно-экспертной деятельности» (2022). Отдельным видам судебной экспертизы посвятили докторские диссертации Е.И. Майорова «Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы» (1996), Т.Ф. Моисеева «Комплексное исследование пожарных следов человека» (2000), А.И. Усов «Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы» (2002), Е.И. Галышина «Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы» (2002), В.Н. Хрусталева «Концептуальные основы криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них» (2003), Л.П. Климович «Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений» (2004), В.А. Ручкин «Концептуальные основы экспертного исследования оружия и следов его применения» (2004), М.В. Бобовкин «Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии» (2005), А.В. Кокин «Концептуальные основы криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях» (2015). Комплексность проведенных исследований была обеспечена рассмотрением наряду с вопросами проведения экспертиз аспектов, которые касались оценки и использования результатов судебной экспертизы следователем и судом, а также форм теоретической подготовки экспертов к проведению судебной экспертизы конкретного вида.

В настоящее время наблюдается увеличение количества работ ученых-криминалистов по вопросам методики расследования отдельных видов преступлений, что обусловлено в первую очередь потребностью сотрудников правоохранительных органов в качественном методическом обеспечении процесса расследования преступлений. В рамках рассматриваемого этапа серьезное развитие получили общие положения криминалистической методики: изучены основы формирования криминалистических методик расследования преступлений, внесены предложения

по их систематизации, обоснована структура и содержание частной криминалистической методики, проведен анализ ее элементного состава, включая криминалистическую характеристику преступления. Указанные вопросы нашли отражение в работах Ю.П. Гармаева «Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений» (2003), С.Ю. Косарева «Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития» (2005), Р.Л. Ахмедшина «Криминалистическая характеристика личности преступника» (2006), А.М. Каминского «Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования» (2008).

Детальный анализ общих положений криминалистической методики обусловил резкое увеличение числа исследований, посвященных вопросам расследования отдельных видов и групп преступлений. Расследованию преступлений против личности посвятили свои труды А.А. Протасевич «Проблемы предмета и средств раскрытия серийных преступлений, сопряженных с насилием» (1999), Е.А. Логинов «Научные основы борьбы с убийствами, совершенными по найму» (2002), В.Н. Исаенко «Проблемы теории и практики расследования серийных убийств» (2005), С.А. Куемжиева «Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних» (2020), А.Н. Калюжный «Общая методика расследования преступлений против свободы личности» (2022).

В связи с появлением в России в начале 90-х гг. прошлого века института частной собственности, коммерческих организаций и проведением в стране приватизации государственных и муниципальных предприятий особо актуальными стали вопросы расследования преступлений в сфере экономики. Представляют научный интерес докторские диссертации В.Ф. Робозерова «Теория и практика раскрытия имущественных преступлений, совершенных в условиях неочевидности» (1991) и В.И. Рохлина «Проблемы совершенствования методик расследования преступлений в сфере хозяйственной деятельности» (1992). Данной теме посвятили труды И.В. Александрова «Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений» (2003), Н.А. Данилова «Методика расследования преступлений в сфере банковской деятельности: вопросы теории и практики» (2006), А.В. Шмонин «Общие положения методики расследования

преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий» (2007), Е.С. Лапин «Расследование преступлений, совершенных против интеллектуальной собственности» (2011), О.П. Грибунов «Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте» (2016), Р.Н. Боровских «Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования» (2018 г.), А.К. Щербаченко «Базовая методика расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: теоретические основы и прикладные аспекты» (2022).

Не менее важной в 90-е гг. представлялась борьба с организованной преступностью. Перед правоохранительными органами были поставлены задачи по выявлению членов организованных преступных групп, доказыванию совершения ими противоправных деяний и последующему их осуждению. Закономерным в таком случае явилось проведение научных исследований в сфере уголовного права, криминологии, теории оперативно-разыскной деятельности и криминалистики на обозначенную тему. Заслуживают внимания труды В.И. Брылева «Проблемы раскрытия и расследования организованной преступной деятельности в сфере наркобизнеса» (1999), Я.В. Мазунина «Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями)» (2005), С.В. Зуева «Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами: преступными организациями» (2010).

Развитие в России цифровых технологий, внедрение компьютерной техники во многие сферы человеческой деятельности обусловили появление компьютерной преступности. Уголовным кодексом РФ впервые в нашей стране была установлена уголовная ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации. Анализ зарубежного опыта по расследованию преступлений указанного вида, а также накопленный отечественный опыт позволил провести криминалистические научные исследования, результаты которых нашли отражение в работах В.В. Крылова «Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации» (1999), В.А. Мещерякова «Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной инфор-

мации» (2001), Ю.В. Гаврилина «Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы» (2009).

Вопросы расследования преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства были проанализированы в трудах Р.В. Кулешова «Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности» (2017) и В.О. Давыдова «Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера» (2018).

На современном этапе развития криминалистики научные исследования проводятся и по другим направлениям криминалистической методики. Одним из них является борьба с противоправными деяниями в условиях исправительного учреждения, представленная в работах Н.Г. Шурухнова «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях» (1992) и А.В. Акчурина «Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений» (2022). Еще одним направлением, заслуживающим внимания, является расследование противоправных деяний в условиях чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Его разработкой занимались В.Н. Григорьев «Расследование преступлений в чрезвычайных условиях» (1993), И.А. Попов «Расследование преступлений, связанных с пожарами» (1998), А.А. Беляков «Криминалистическая теория и методика выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами» (2003). Иные вопросы особенной части криминалистической методики нашли отражение в трудах А.Н. Халикова «Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений» (2011), Д.С. Хижняка «Методологические основы расследования транснациональных преступлений» (2018), Е.И. Фойгель «Методика расследования адвентальных преступлений: теоретическая модель и механизм реализации» (2019), М.А. Васильевой «Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений» (2021).

Итак, проведенный анализ научных исследований в области криминалистики позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Криминалистические научные исследования как таковые до начала XIX в. почти не проводились. Это было обусловлено текущим на тот момент уровнем развития науки и техники. Пер-

вые исследования, результаты которых впоследствии были положены в основу создания науки, носили прикладной характер, то есть проводились для решения конкретных задач по расследованию преступлений (исследование подписей, проведение допроса).

2. До конца XIX в. исследования, проводимые по вопросам расследования преступлений, не назывались криминалистическими. Накопление эмпирического материала, достижений в области расследования противоправных деяний происходило в тот период в рамках уголовно-процессуального права.

3. Становление криминалистики в качестве самостоятельной области научного знания сопровождалось проведением исследований в таких ее разделах, как уголовные (криминалистические) техника и тактика. Научные изыскания, посвященные общей теории криминалистики и методике расследования отдельных видов преступлений, появились позднее.

4. Исследования в области криминалистики — это не только юридические изыскания, так как они также обладают естественнонаучным и естественно-техническим характером. В ходе проведения криминалистических научных исследований учитываются, активно применяются достижения других наук — естественных, технических, медицинских.

5. С самого начала исследования в области криминалистики носили индуктивный характер, однако в современный период развития науки наблюдается обратная тенденция. Наиболее явно она проявилась в разделе криминалистики, посвященном вопросам расследования отдельных видов преступлений, когда ученые последовательно разработали вопросы общей части, а уже затем приступили к созданию частных криминалистических методик.

Кроме того, проведенный анализ исследований позволяет нам обоснованно высказать предположения о развитии криминалистических научных исследований в будущем:

1. По нашему мнению, развитие общей теории криминалистики, проведение исследований в этой области будет связано, прежде всего, с уточнением системы науки и определением места, условий формирования общих и частных криминалистических учений, теорий. Кроме того, несомненно, будут проводиться научные исследования по разработке новых и уточнению уже имеющихся криминалистических теорий и учений. Так, в частности, в связи с продолжающимся развитием компьютерных технологий, внедрением

технологий искусственного интеллекта во многие сферы деятельности человека дальнейшего совершенствования требует криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки.

2. В криминалистической технике перспективными направлениями для проведения исследований являются области, связанные с разработкой новых и совершенствованием уже имеющихся технико-криминалистических средств и методов, в том числе в рамках генотипоскопии. Ученым следует обратить внимание на возможности, которые открываются при использовании технологий искусственного интеллекта в криминалистической регистрации. Кроме того, требуют дальнейшего осмысления и уточнения позиции ученых о месте криминалистического компьютероведения в системе криминалистики в целом и в криминалистической технике в частности.

3. В разделе «криминалистическая тактика» в связи реформированием уголовно-процессуального законодательства следует ожидать увеличения числа работ, посвященных исследованию линий поведения должностных лиц, действующих в условиях упрощенных форм уголовного судопроизводства. Развитие техники, появление новых знаний в области психологии создают предпосылки для проведения научных исследований, направленных на дальнейшее совершенствование тактики проведения отдельных следственных действий. Так, появление новых образцов компьютерной техники, программного обеспечения требует уточнения тактики проведения следственного осмотра, обыска, где объектом поиска, собирания выступают электронно-цифровые следы.

В рамках общей теории судебной экспертизы закономерно продолжение научных изысканий, посвященных автоматизации и цифровизации процесса проведения судебных экспертиз, что будет способствовать, в частности, совершенствованию отдельных судебно-экспертных методик. Следует заметить, что положительный результат в этом направлении может быть достигнут во многом благодаря организации междисциплинарных исследований. Перспективным научным направлением также представляется использование возможностей искусственного интеллекта в экспертной деятельности при оставлении руководящей роли в этом процессе человеку.

4. В рамках криминалистической методик следует ожидать дальнейшего активного развития ее особенной части благодаря появлению новых частных криминалистических методик, создание

которых в первую очередь будет связано с изменениями уголовного законодательства. Также имеется потребность в проведении исследований, посвященных совершенствованию уже разработанных методик по расследованию отдельных видов преступлений, так как имеющиеся криминалистические знания теряют свою актуальность, прежде всего, в связи с трансформацией преступной деятельности, изменением обстановки, в которой совершаются противоправные деяния, а также отчасти в связи с появлением новых криминалистических средств и методов. Обще-

теоретические положения криминалистической методики также нельзя признать окончательно сформированными по причине продолжающихся научных дискуссий о содержании общих положений раздела, классификациях криминалистических методик, составе структурных элементов частных криминалистических методик.

Сказанное выше позволяет заключить, что развитие криминалистической науки будет продолжаться во многом благодаря исследованиям ученых, которых интересуют вопросы расследования преступлений.

Литература

1. *Бурда А.Г.* Основы научно-исследовательской деятельности: учебное пособие (курс лекций). Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2015. — 145 с.
2. *Лысенко О.Л.* Каролина 1532 г. — памятник права средневековой Германии: цивилизационный подход к изучению // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 5. С. 52–74.
3. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. — 486 с.
4. *Бахтадзе Г.Э.* Спорные страницы истории использования исследовательской фотографии в судебно-экспертной практике // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 35–43.
5. *Буринский Е.Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. — 352 с.
6. *Якимов И.Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. — 471 с.
7. *Зинин А.М.* Два юбилея (значение А.А. Гусева и В.А. Снеткова для становления и развития судебной портретной экспертизы) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 6 (70). С. 53–61.
8. *Малыхина Н.И.* Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.12. Саратов, 2017. — 403 с.
9. *Вольнский А.Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. М., 1999. — 65 с.
10. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза: курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза». М.: Норма, 2007. — 479 с.

References

1. *Burda A.G.* Osnovy nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie (kurs lektsii) [Fundamentals of research activities: textbook (lectures)]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2015. 145 p. (In Russian)
2. *Lysenko O.L.* Karolina 1532 g. — pamyatnik prava srednevekovoi Germanii: tsivilizatsionnyi podkhod k izucheniyu [Carolina of 1532 — a monument to the law of medieval Germany: a civilizational approach to the study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law], 2014, no. 5, pp. 52–74. (In Russian, abstract in English)
3. *Belkin R.S.* Istoriya otechestvennoi kriminalistiki [History of domestic criminalistics]. Moscow, Norma Publ., 1999. 486 p. (In Russian)
4. *Bakhtadze G.E.* Spornye stranitsy istorii ispol'zovaniya issledovatel'skoi fotografii v sudebno-ekspertnoi praktike [Controversial pages in the history of the use of research photography in forensic practice]. *Ekspert-kriminalist* [Forensic expert], 2009, no. 3, pp. 35–43. (In Russian)
5. *Burinskii E.F.* Sudebnaya ekspertiza dokumentov, proizvodstvo ee i pol'zovanie eyu [Forensic examination of documents, its production and use]. St. Petersburg, Trud Publ., 1903. 352 p. (In Russian)
6. *Yakimov I.N.* Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovnoi tekhnike i taktike [Criminalistics. Guide to criminal technique and tactics]. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 471 p. (In Russian)

7. *Zinin A.M.* Dva yubileya (znachenie A.A. Guseva i V.A. Snetkova dlya stanovleniya i razvitiya sudebnoi portretnoi ekspertizy) [Two anniversaries (the meaning of A.A. Gusev and V.A. Snetkov for the formation and development of forensic portrait examination)]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Bulletin of the O.E. Kutafin University]*, 2020, no. 6 (70), pp. 53–61. (In Russian, abstract in English)

8. *Malykhina N.I.* Kriminalisticheskoe uchenie o litse, sovershivshem prestuplenie [Forensic doctrine about the person who committed the crime]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.12. Saratov, 2017. 403 p. (In Russian)

9. *Volynskii A.F.* Kontseptual'nye osnovy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii [Conceptual foundations of technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 1999. 65 p. (In Russian)

10. *Aver'yanova T.V.* Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchei teorii: dlya ispol'zovaniya v uchebnom protsesse po spetsial'nosti «Sudebnaya ekspertiza» [Forensic examination: general theory course: for use in the educational process in the specialty “Forensic examination”]. Moscow, Norma Publ., 2007. 479 p. (In Russian)

МАРОДЕРСТВО: НОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шумихин Владимир Григорьевич, Струков Александр Владимирович

Цель: дать уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного ст. 356¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, и обратить внимание на проблемы ее правоприменения.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, исторический метод.

Вывод. Существует необходимость включения в уголовный закон состава преступления «Мародерство, совершенное военнослужащим».

Научная и практическая значимость. Включение в уголовный закон преступления, предусмотренного ст. 356¹ УК РФ, требует детального научного осмысления. С практической точки зрения реализация предложения авторов должна способствовать правильному применению нормы о рассматриваемом преступлении.

Ключевые слова: мародерство, военное положение, военное время, ведение боевых действий, военнослужащий, хищение.

В правовой науке понятие мародерства в российском уголовном законодательстве исследовалось с выделением дореволюционного, советского и постсоветского периода его развития и подчеркивалось, что оно традиционно относилось законодателем к воинским преступлениям [1, с. 75–78]. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. была в основном воспринята широкая законодательная трактовка мародерства из дореволюционного российского военно-уголовного законодательства XIX века. В главе седьмой «Воинские преступления» ст. 214 определяла мародерство как противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей (Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 10.05.2023)).

Данная законодательная дефиниция была воспринята в начальной редакции Уголовного ко-

декса 1926 г. Однако с принятием ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. нового Положения о воинских преступлениях законодательная дефиниция мародерства была изменена. В главе десятой «Преступления воинские» в качестве видового объекта указывались общественные отношения в сфере установленного порядка несения военной службы, в качестве субъектов этих преступлений были указаны военнослужащие и военнообязанные запаса Рабоче-Крестьянской Красной Армии во время состояния тех или других в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (Уголовный кодекс РСФСР // [Электронный ресурс]: URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926_\(дата_обращения:_10.05.2023\)\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926_(дата_обращения:_10.05.2023)))), а в примечании к этой статье законодатель расширял круг субъектов данного преступления, указывая также лиц строевого и административно-хозяйственного состава Рабоче-Крестьянской Милиции и оперативного состава органов Государственной Безопасности НКВД.

Мародерство определялось в ст. 193.27 УК РСФСР 1926 г. как похищение на поле сражений вещей, находящихся при убитых и раненых. Одно-

временно советским законодателем в ст. 193.28 УК РСФСР была предусмотрена ответственность военнослужащих Красной Армии за разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий. Указанные в статье преступные деяния законодатель мародерством не называл.

Данная законодательная дефиниция мародерства была воспринята Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. В главе двенадцатой «Воинские преступления» ст. 266 определяла это преступление как похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненных (мародерство). (*Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения: 10.05.2023)*). Наряду с составом мародерства в главе «Воинские преступления» в ст. 267 предусматривалась ответственность субъектов воинских преступлений за различные формы посягательства на имущество гражданского населения.

Доктринальное толкование состава мародерства (ст. 266 УК РСФСР 1960 г.) определяло объективную сторону состава этого преступления как похищение тайное или открытое, а также с насилием над потерпевшим. Предметом мародерства рассматривались вещи (деньги, ценности, одежда и т.п.), находящиеся при убитых и раненных военнослужащих армии противника, также военнослужащих Советской Армии. Похищение вещей у мирного населения или у военнопленных образовывало преступление, предусмотренное ст. 267 УК РСФСР. Под местом совершения мародерства — полем сражения признавалось не только пространство, где происходило непосредственное соприкосновение с противником, но и пространство, значительно отдаленное от линии фронта [2, с. 513–514; 3, с. 514].

Законодательная регламентация мародерства в УК РСФСР 1960 г. соответствовала Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. Так ст. 15 конвенции устанавливала: «Во всякое время, и в особенности после боя, стороны, находящиеся в конфликте, немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых и больных и оградить их от ограбления и дурного обращения, обеспечить им необходимый уход, а также к тому, чтобы разыскать мертвых и воспрепятствовать их ограблению» [4, с. 751–772].

Уголовный кодекс РФ 1996 г. в главе 33 «Преступления против военной службы» в редакции до 2022 г. в отличие от УК РСФСР 1960 г. не предусматривал ответственности за совершение воинских преступлений в военное время и в условиях боевой обстановки. Кроме того, законодатель декриминализировал целый ряд воинских преступлений, включая мародерство. Законодатели других государств вопросы уголовной ответственности за воинские преступления решали иначе, признавая ряд воинских нарушений преступлениями только в военное время. Например, в Великобритании уголовная ответственность за мародерство и некоторые другие преступления установлена только на случай войны [5, с. 367], Кодекс военной юстиции Франции устанавливает ответственность за мародерство только в военное время [5, с. 369].

После начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции 24 февраля 2022 г. законодатель внес ряд изменений и дополнений в действующий уголовный закон. Федеральным законом РФ от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», он был дополнен ст. 356¹ «Мародерство».

В этой новелле отечественный законодатель отошел от традиционного подхода к определению мародерства как воинского преступления и отнес его к преступлениям против мира и безопасности человечества. В ст. 356¹ мародерством признаются совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения). Новый состав мародерства отличается предельно широкой трактовкой по объективным и субъективным признакам. Во-первых, субъектом этого преступления являются не только военнослужащие, но и все другие физические лица, достигшие возраста 16 лет и обладающие признаком вменяемости. Во-вторых, объективная сторона мародерства включает широкий спектр действий с указанием признаков времени, места и обстановки совершения этого преступления. Согласно нормам Федерального конституционного закона «О военном положе-

нии» от 28 декабря 2010 г. № 8-ФКЗ, признак обстановки «период военного положения» означает место и время и определяется в соответствии с законодательством как особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации Президентом РФ в случае агрессии против России или непосредственной угрозы агрессии. Признак времени совершения мародерства указан как «военное время», который предельно в ст. 3 указанного выше Федерального конституционного закона как период времени действия военного положения. Признак «в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» указывает главным образом на место совершения мародерства, а также и на обстановку его совершения. Таким образом, местом совершения мародерства закон обозначает не только зону боевых действий, но и прилегающие к ней прифронтовые территории в пределах краев и областей. Объективная сторона мародерства определяется как изъятие или обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц и наделяется всеми признаками хищения чужого имущества, предусмотренными в примечании 1 ст. 158 УК РФ, и дополнительно признаком несвязанности изъятия с вынужденной необходимостью. Субъективная сторона мародерства предусматривает психическое отношение субъекта к совершению этого преступления аналогичное для всех форм хищения чужого имущества, содержащихся в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности»: прямой умысел, формируемый корыстной целью и мотивом. Квалифицированные составы мародерства, содержащиеся в части второй, третьей и четвертой ст. 356¹ также имеют конструкцию форм и видов хищения чужого имущества главы 21 УК РФ. Основным составом мародерства охватываются ненасильственные формы хищения, такие как кража, грабеж и мошенничество, частью второй — насильственный грабеж, а частью третьей и четвертой — разбой. Признаки размера мародерского изъятия чужого имущества в пунктах «б» части третьей и четвертой ст. 356¹ УК РФ также соответствуют номиналам видов хищения главы 21 «Преступления против собственности». Предварительный анализ видовых признаков основного и квалифицированных составов мародерства, содержащихся в ст. 356¹ УК РФ, позволяет охарактеризовать мародерство как форму хищения чужого имущества, совершаемую в период военного положения и в условиях боевых действий.

Очевидно, что такая законодательная регламентация мародерства создаст проблемы в квалификации этих преступлений на практике,

и особенно в решении вопросов отграничения мародерства от краж, грабежей и разбоев, предусмотренных статьями главы 21 Уголовного кодекса РФ, совершенных общими субъектами. Так, составом мародерства охватываются кражи в незначительном размере, совершенные любым вменяемым субъектом, достигшим возраста 14 лет на территориях, находящихся или прилегающих к зонам боевых действий. Однозначное решение, как квалифицировать данные кражи, как преступления, посягающие на мир и безопасность человечества (мародерство), или как преступления против собственности, принять будет затруднительно.

Видовой объект мародерства обозначен законодателем как общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Предмет мародерства в ст. 356¹ УК РФ обозначен как чужое имущество (в том числе имущество, находящееся при убитых и раненых, имущество гражданского населения) и с учетом объективных и субъективных признаков мародерства указывает на имущественный характер данного посягательства, что, в свою очередь, предполагает наличие такого дополнительного объекта, как отношения собственности.

Законодатель включил статью, содержащую состав мародерства, в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» Уголовного кодекса РФ, что соответствует нормам международного права, которое признает мародерство военным преступлением международного характера. Представляется, что это обоснованное решение законодателя, поскольку в крупных военных конфликтах мародерство проявляется также в организованных формах, где приказы на занятие мародерством нередко отдаются командирами воинских подразделений. В годы Второй мировой войны мародерство было направлением государственной политики нацистской Германии на оккупированных территориях, где с помощью военной силы у населения отбирались продукты питания, имущество и другие жизненно важные ресурсы. В современный период отмечается, что мародерство в мировом масштабе приобрело формы транснационального организованного явления, направленного на завладение чужим имуществом не только физических лиц, но и крупных компаний, банков, музеев и других собственников в условиях не только военных действий, но и в условиях природных катаклизмов, массовых трагедий, террористических актов и других бедствий. Предлагалось законодательно определить мародерство как преступление между-

народного характера и предусмотреть за совершение этого преступления ответственность общих субъектов, а также не ограничивать места его совершения зонами военных действий [6, с. 27].

На повышенную опасность мародерских действий в условиях стихийных и общественных бедствий обращал внимание Верховный Суд СССР в своем постановлении № 17 от 23 декабря 1988 г., принятого в связи с чрезвычайной обстановкой, создавшейся в результате землетрясения в Армянской ССР. В преамбуле постановления указывалось: «Особо нетерпимыми являются преступные посягательства отдельных антиобщественных элементов на жизнь, здоровье граждан, общественный порядок и общественную безопасность, социалистическую собственность, личные и имущественные права граждан. Всеобщее негодование вызывают факты завладения имуществом, находившимся непосредственно при погибших и раненых» (*Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1. С. 3*).

Еще один дополнительный объект данного преступления выявляется в случаях совершения мародерства военнослужащими — это общественные отношения, обеспечивающие воинскую дисциплину, без которых армия существовать не может. В научной литературе отмечалось, что мародерство разлагает армию и воевать она уже неспособна [1, с. 76]. И.Л. Трунов отмечал негативное влияние мародерства на воинскую дисциплину: «Быстро падает дисциплина, командир мешает, немедленно возникает подкуп вышестоящих чинов, без труда полученные ценности откупают от нарядов караулов, от тяжелой работы, процветают пьянство и разврат. Появляются перекупщики краденного, воцаряется этика уголовного мира» [6, с. 27].

Дополнительным объектом мародерства выступают отношения собственности, а в случаях совершения мародерства военнослужащими дополнительным объектом являются и отношения, устанавливающие порядок прохождения военной службы. Это дает основание предложить законодателю включить в особо квалифицированные со-

ставы ст. 356¹ Уголовного кодекса РФ квалифицирующие признаки: мародерство, совершенное военнослужащим, а также военнослужащим начальствующего состава, отдавшими приказ о совершении мародерства в следующей редакции:

«Статья 356². Мародерство, совершенное военнослужащим

1. Мародерство, то есть совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения), — наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

2. Мародерство, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, — наказывается лишением свободы на срок до двенадцати лет.

3. Мародерство, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;
б) в крупном размере;
в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

г) военнослужащим, — наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

4. Мародерство:

а) совершенное организованной группой или военнослужащим начальствующего состава, отдавшим приказ о совершении мародерства;
б) совершенное в особо крупном размере, — наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет.

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — один миллион рублей».

Литература

1. Шкаев С.В., Споршева О.А. История возникновения развития понятия «мародерство» и ответственности за его совершение // *Юридическая наука*. 2012. № 3. С. 75–78.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1971. — 559 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Ю.Д. Северин. М., Юридическая литература, 1984. — 528 с.
4. Международное право в документах. М.: Юридическая литература, 1982. — 853 с.

5. Преступления против военной службы: учебник / под общ. ред. канд. юрид. наук Н.А. Петухова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 367 с.
6. Трунов И.Л. Мародерство — преступление международного характера // Адвокат. 2004. № 9. С. 33–41.

References

1. Shkaev S.V., Sporsheva O.A. Istoriya vzniknoveniya razvitiya ponyatiya «maroderstvo» i otvetstvennosti za ego sovershenie [The history of the development of the concept of “looting” and responsibility for its commission]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*, 2012, no 3, pp. 75–78. (In Russian)
2. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 559 p. (In Russian)
3. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Ed. Yu.D. Severin. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 528 p. (In Russian)
4. Mezhdunarodnoe pravo v dokumentakh [International law in documents]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 853 p. (In Russian)
5. Prestupleniya protiv voennoi sluzhby: uchebnyk [Crimes against military service: textbook]. Ed. cand. legal sciences N.A. Petukhov. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 367 p. (In Russian)
6. Trunov I.L. Maroderstvo — prestuplenie mezhdunarodnogo kharaktera [Looting is an international crime]. *Advokat [Lawyer]*, 2004, no. 9, pp. 33–41. (In Russian)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

РОЛЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРЕСЕЧЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА СО СТОРОНЫ РАДИКАЛЬНОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА И РЕЛИГИОЗНОГО СЕКТАНТСТВА

Лукьянов Сергей Александрович

Цель: необходимость освещения и анализа историко-правового опыта противодействия религиозному экстремизму полицейских органов Российской империи в условиях многоконфессионального российского государства. Изучение данного опыта актуально для современной России в силу активной антигосударственной и антиобщественной деятельности ряда религиозных организаций, характеризующейся как экстремистскими проявлениями в сфере информационно-пропагандистского воздействия на общество, так и непосредственно противоправными действиями экстремистской направленности.

Методология: общенаучные методы, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования процессов социально-политического развития.

Выводы. Успешная деятельность правоохранительных органов по противодействию религиозному экстремизму прямо зависит от последовательно осуществляемой государством политики в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Научная и практическая значимость. Исследование историко-правового опыта борьбы полицейских органов Российской империи с проявлениями религиозного экстремизма в конфессиональной среде позволяет определить характер прямых и потенциальных угроз национальной безопасности, исходящих от религиозных и псевдорелигиозных организаций радикально-экстремистского толка. Изучение ранее применявшихся форм и методов полицейской деятельности в данной сфере необходимо для выработки оптимальных и наиболее эффективных способов предупреждения, выявления и пресечения религиозно-экстремистской деятельности.

Ключевые слова: полицейские органы, религиозный экстремизм, религиозный фанатизм, религиозное преступление, религиозная секта, религиозное сектантство, церковный раскол, старообрядчество, поповщина, беспоповщина, массовые самоубийства, хлысты, хлыстовство, скопцы, скопчество.

В Российской империи государство и государственная церковь крайне отрицательно относились к любым проявлениям религиозного экстремизма. Вероисповедная политика государства нацеливалась на предупреждение ересей и расколов внутри государственной религии и церкви, а также внутри признаваемых инославных и иноверных исповеданий охранительно-полицейскими методами.

Одной из функций полицейских органов Российской империи являлось выявление и пресечение религиозного изуверства как проявления крайней активно-экстремистской формы индивидуального, группового и массового религиозного фанатизма. Эти проявления имели место в первую очередь в среде русского религиозного подполья, формировавшегося с середины XVII в. на основе старообрядческого и сектантского движения.

В русском старообрядчестве уже во второй половине XVII в. сложилась антигосударственная идея активного противодействия «Царству Антихриста», под которым понималась светская и церковная власть. Протопоп Аввакум в «Совете святым отцем преподобным» уверял своих учеников, что «на том свете» соловецкие иноки, погибшие в ходе восстания 1667–1676 гг., наказывают царя Алексея Михайловича за «никонианскую ересь» и свои страдания, распиливая его тело пилами [1, с. 271]. Идея неприятия никонианства и «Царства Антихриста» стала обоснованием активного участия старообрядцев в социальных потрясениях XVII–XVIII вв.: в Хованщине 1682 г., в Крестьянской войне 1667–1671 гг., в Булавинском восстании 1707–1708 гг., в Крестьянской войне 1773–1775 гг.

Радикально настроенная часть старообрядчества стремилась использовать любой повод к активному противостоянию власти, дестабилизации общественного порядка и безопасности. Например, в сентябре 1771 г. в качестве основных провокаторов и инициаторов «чумного бунта» в Москве были московские старообрядцы, использовавшие как предлог для беспорядков введенные карантинные меры на проведение богослужений и личный запрет московского архиепископа Амвросия на поклонение считавшейся чудотворной иконе Боголюбской Богородицы у Варварских ворот Китай-города. В результате этого толпа ворвалась в Донской монастырь и зверски убила скрывавшегося там архиепископа Амвросия, после чего начались погромы, с которыми не смогла справиться столичная полиция. Открытое сопротивление было подавлено лишь решительными мерами с использованием гвардии под командованием графа Г.Г. Орлова. Пять старообрядцев, признанных зачинщиками бунта и непосредственными убийцами архиепископа Амвросия, были повешены на месте совершения убийства [2, с. 219–283].

Значительный ущерб государственным интересам содержался и в старообрядческой идее массового ухода в «пустыни и безлюдье» с целью уклонения от государственных налогов и повинностей.

Поражение старообрядчества в его открытой борьбе с властью во второй половине XVII в. способствовало его дифференциации, дроблению на множество направлений внутри двух основных старообрядческих течений: поповщины и беспоповщины. К середине XVIII в., согласно «Обличению неправды раскольнической» тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, русское религиозное подполье было представлено около

40 разнообразными «толками» и «согласиями», причем даже названия некоторых сами говорили о специфике их вероучений: «морельщики», «сожигатели», «гробополагатели», «детоубиватели» [3, с. 384–409].

Наиболее радикальной частью старообрядчества являлась беспоповщина, представлявшая собой множество замкнутых общин во главе с проповедниками-начетчиками, обладавшими практически абсолютной властью в общинах и произвольно толковавшими христианское вероучение. По мнению П.И. Мельникова, в 1812 г. во время оккупации наполеоновскими войсками Москвы, старообрядцы-беспоповцы Преображенского кладбища пошли на сотрудничество с оккупантами, присягнув Наполеону Бонапарту и наладив у себя на кладбище производство фальшивых русских ассигнаций. Преображенское кладбище охранялось французскими жандармами, Наполеон и маршал Мюрат лично посетили его, и беспоповцы не подвергались разграблению мародерами [4, с. 78–79]. Известно также, что беспоповцы провозгласили Наполеона Бонапарта «Сыном Божиим», и в их среде образовался новый «толк» — «наполеоновщина» [5, с. 490].

Замкнутость общин беспоповщины и абсолютная власть их лидеров сами по себе способствовали формированию в этой части старообрядчества настроений, характеризовавшихся крайним фанатизмом и проявлявшихся в различных формах религиозного изуверства. Это проявлялось уже во второй половине XVII в. в форме массовых суицидов старообрядцев, в основном также принадлежащих к беспоповщине. Учение об «огненном крещении» сформировалось в старообрядчестве в результате слияния идеи сопротивления государству и церкви и идеи добровольного страдания как пассивного протеста против «Царства Антихриста». Изначально это учение и практика действий получили поддержку в старообрядческой среде, на что повлияло распространение эсхатологических настроений в конце XVII — начале XVIII в. Проповедь самосожжения отождествлялась с погружением в очищающее апокалиптическое пламя и нашла отклик среди наиболее фанатичных приверженцев «старой веры» [6, с. 54–70]. Этому, в частности, способствовало и одобрение самосожжений протопопом Аввакумом в «Письмах к Симеону» [1, с. 242–243]. По некоторым данным, только первые «гари» конца XVII в. унесли жизни 8416 человек [7, с. 63].

В период царствования Петра I был принят ряд мер по обеспечению полицейского надзора за старообрядческой средой, в результате чего, как

считал Д.И. Сапожников, «должно было последовать постепенное, но медленное исчезновение этого изуверства с исторической сцены» [8, с. 52]. Но до конца XVIII в. в разных регионах страны имело место 103 зафиксированных акта массовых самосожжений старообрядцев. Последнее самосожжение, произошедшее в 1860 г. в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, унесло 14 жизней [8, с. 158].

Самосожжения в подавляющем большинстве случаев являлись результатом активной пропагандистской деятельности старообрядческих начетчиков, склонявших к самоубийству своих последователей. Предпринимаемые властями меры по своевременному пресечению самосожжений, в том числе и репрессивные, как правило, не были эффективны. Тем не менее, как указывает М.В. Пулькин, имели место случаи предотвращения массовых суицидов старообрядцев полицейско-воинскими командами, несмотря на активное сопротивление, вылившееся в прямые вооруженные столкновения [7, с. 97–133].

Сложность своевременного пресечения массовых самоубийств заключалась в отсутствии на тот момент налаженной системы получения оперативной информации о месте, времени и составе участников планируемой «гари». Система полицейских органов и учреждений в тот период еще не сложилась и не охватывала своим контролем большую часть территории страны. На динамику и массовость самосожжений старообрядцев начиная со второй половины XVIII в. все же повлиял характер основанной на принципе «полной терпимости» вероисповедной политики в эпоху царствования Екатерины II. Смягчение репрессивных мер со стороны власти в отношении старообрядцев, снятие значительной части правовых ограничений и появление легальных центров старообрядчества в Москве способствовали снижению эсхатологических настроений в расколе.

Вместе с тем с конца XVIII в. обозначилась тенденция к изменению способов самоубийства. Когда самосожжения почти полностью прекратились, на первый план стали выходить самоотопления и самопогребения. Например, в 1782 г. десять крестьян «по прельщению лжеучителя» утопились в озере Сазыкуле. В декабре 1896 г. и феврале 1897 г. совершили акт массового самоистребления старообрядцы-метрикоборцы села Терновки Тираспольского уезда Херсонской губернии. По благословению возглавлявшей местную общину некой «инокини» Виталии 23 и 27 декабря 1896 г. в погребных ямах были заживо зарыты 17 членов общины. Местным полицейским властям об этом

стало известно лишь после того, как Виталия открыто заявила об отказе участия во всероссийской переписи. Заключенные в острог, старообрядцы объявили голодовку и были освобождены. В ночь на 27 февраля оставшиеся члены общины совершили суицид тем же способом. В общей сложности самоубийство совершили 25 старообрядцев. Случившееся стало возможным в результате бездействия местных полицейских властей, не принявших мер к своевременной изоляции лидеров и активных членов старообрядческой общины [9, с. 211–213].

Сам факт массовых самоубийств старообрядцев можно рассматривать как полное отступление радикальной части старообрядчества от постулатов христианства.

В XVIII–XIX вв. религиозное подполье активно формировало общины фанатиков-изуверов, например, «бегунов-странников», пропагандировавших отказ от всех правовых и социальных обязанностей и ведение бродяжнического образа жизни. «Странничество» достаточно быстро трансформировалось в секту фанатиков-изуверов, в которой появилось течение «красносмертов», убивавших своих неизлечимо больных последователей путем удушья [10, с. 410].

На фоне распадавшегося старообрядчества еще во второй половине XVII в. начало формироваться русское религиозное сектантство в форме религиозных общин мистического «христоверия» [11, с. 569]. Вероучение и богослужебная практика «хлыстов» и «скопцов» характеризовались крайней степенью религиозного фанатизма и изуверства, сопряженных с разрушением семейных и родственных связей, различными противоправными и безнравственными действиями, нанесением вреда физическому и психическому здоровью своих последователей. Даже элементы учения «христоверия» являлись для государства и государственной церкви прямым доказательством ереси как религиозного преступления. Для таких выводов было достаточно краткого анализа отдельных постулатов «хлыстовского» учения, сформулированных его основателем неким Даниилом Филипповичем, именовавшим себя «Богом Саваофом»: «Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Нет другого бога, кроме меня... Нет другого учения. Не ищите его... Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость» [12, с. 42].

Характерной особенностью «хлыстовщины» была тщательная конспирация. Если принадлежность к старообрядчеству относительно легко устанавливалась по обязательным для старообрядцев внешним элементам вероучения и поведения (двуперстие, восьмиконечный крест, принципиальный отказ от посещения храмов государственной религии, установленной ежегодной исповеди и причастия и т.д.), то «хлысты» стремились не «оказывать» себя, не проявлять каких-либо отличий от других мирян и священнослужителей, тщательно скрывая свою принадлежность к «хлыстовской» общине — «кораблю». Однако уже в первой половине XVIII в. «хлыстовство» было выявлено полицейскими органами. В 1732 г. в Москве был «открыт» «корабль» по доносу главаря разбойничьей шайки Семена Караулова градоначальнику графу С.А. Салтыкову. Полицейской командой непосредственно во время «хлыстовских» богослужений-радений было схвачено 78 человек, среди которых были как миряне, так и монахи и монахини московских монастырей. По результатам работы следственной комиссии «хлыстам» было вменено создание «богопротивной ереси», пропаганда противного церкви учения и вовлечение в секту православных, богохульство, совершение «богомерзких» обрядов, блудное сожителство и разврат. Руководители общины были казнены в Санкт-Петербурге обезглавливанием в октябре 1733 г., еще 116 человек биты кнутом и сосланы в Сибирь и в отдаленные монастыри [13, с. 281–282].

В 1745 г. московским сыщиком Иваном Осиповым (Ванькой Каином) была «открыта» новая «хлыстовская» секта, дело о которой расследовалось комиссией Сената до 1752 г. Были выявлены «корабли» не только в Москве, но и в Петербурге, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Тверской, Вологодской губерниях. Всего по делу проходило 416 человек, в том числе 68 монахов и монахинь, 7 беглых клириков, 17 мещан и купцов, 284 крестьянина (из них 135 монастырских, 75 дворцовых, 74 помещичьих), 33 лица неопределенного звания и места жительства. Лидеры секты были приговорены к смертной казни, замененной на каторгу в Рогервике, 62 «учителя и пророка», в том числе 28 женщин, были наказаны кнутом и также сосланы на каторгу. Монахи и монахини были отправлены в монастырские тюрьмы дальних монастырей для покаяния, крестьяне биты кнутом и сосланы на каторгу или отданы в солдаты и матросы, а 47 человек освобождены от уголов-

ной ответственности как «действовавшие без разумения» [14, с. 226–227].

«Хлыстовство» породило новое уникальное сектантское движение — «скопчество». Его появление было спровоцировано широко распространенной в «кораблях» «хлыстов» сексуальной распущенностью, что осуждалось частью «хлыстовства»: «Разврат самый гнусный и противозаконный царил в самых широких размерах; радения хлыстов превратились в языческие вакханалии» [12, с. 110].

Первые официальные сведения о «скопцах» были получены в результате расследования «орловского дела», когда 2 июля 1772 г. указом императрицы Екатерины II полковнику Волкову было поручено провести следствие по доношению помещика Турчанинова о появлении кастрированных из религиозных соображений крестьян в деревне Богдановке Орловской губернии (*Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собрание 1. Т. XIX. 1770–1774. № 13.838*). Следствием был установлен беглый крепостной Андрей Иванов, который склонил к добровольному осклоплению 13 человек. Иванов был бит кнутом и отправлен в нерчинскую каторгу, а осклопленные им крестьяне освобождены от наказания и отправлены в прежние места жительства. Однако, как считал К.В. Кутепов, от следствия скрылся помощник Иванова Кондратий Селиванов, который и стал основателем «скопческого» учения [12, с. 107–109]. Через два года Селиванов был схвачен полицией по доносу «хлыстов» враждебного ему «филимоновского корабля», бит батогами и сослан на поселение в Сибирь [13, с. 293].

В основе «скопческого» учения лежала та же идея «христоверия», но учение «скопцов» отличалось от «хлыстовского» тем, что единственным «христом» признавался только Кондратий Селиванов, а все последующие лидеры «скопчества» могли быть лишь его земным воплощением. Другой особенностью было признание Селиванова императором Петром Федоровичем III, в лице которого он якобы и явился в мир, что придавало личности Селиванова сакрально-монархический статус [12, с. 345–380]. В учении «скопцов» присутствовал важнейший для них элемент грядущего «страшного суда», согласно которому Селиванов как «батюшка искупитель» и «государь Петр Федорович» в назначенный им час вернет свой трон и созовет в Россию всех других монархов, станет вершить «праведный суд», физически истребив всех, противящихся «скопческому» учению, после чего «смирят явного царя и весь его синод»

и воцарится во всем мире как «царь-бог» [12, с. 375–378].

Как и «хлысты», «скопцы» вели активную прозелитскую деятельность, используя достаточно эффективные способы вовлечения в секту неофитов: оскпление малолетних членов семей «скопцов», экономическое закабаление путем дачи значительных сумм в долг с условием последующего «убеления» (оскпления) в случае невозможности или нежелания возвращения кредитов, выкуп «скопческими» общинами крепостных крестьян при условии их последующего оскпления, соблазнение неофитов деньгами или открывающимися в результате «убеления» материальными возможностями.

Культовые предписания «скопцов» были более жесткими, нежели в «хлыстовстве». Как и «хлысты», они должны были избегать православных крестин и свадеб, но предписывалось посещение православных храмов и «наружное» соблюдение православных обрядов, чтобы не «оказать» себя. В отличие от «хлыстов», выявление принадлежности к «скопчеству» облегчалось наличием следов «оскпления», причем как у мужчин, так и у женщин. На применение обряда «убеления» женщин разными видами «печатей» указывал Н.С. Бокариус [15, с. 191–203]. Однако на деятельность российских полицейских органов в части выявления и пресечения религиозных и общеуголовных преступлений в старообрядческо-сектантской среде значительное влияние оказывал характер вероисповедной политики, зависящей от личной точки зрения монархов-самодержцев на вопросы религиозной терпимости и отношения к инаковерию.

В первой четверти XIX в. в силу крайне либеральной вероисповедной политики правительства Александра I сектанты получили возможность практически легально осуществлять свою деятельность, а полицейские органы оказались дезориентированы и практически нейтрализованы. Кондратий Селиванов был освобожден из Обуховской больницы, проживая в Петербурге, открыто проповедовал свое учение. «Скопцы» сумели проникнуть в высшие аристократические круги общества, пропагандируя идею создания «скопческого» теократического государства. В Михайловском замке с 1815 г. по 1826 г. легально действовала «хлыстовско-скопческая» секта во главе с баронессой Е.Ф. Татариновой, объявившей себя «пророчицей» и организовававшей «радения», в которых участвовали представители аристократии и интеллектуальной элиты. По мнению С.В. Булгакова, секта Татариновой «представляла собой образец слияния мистицизма с хлыстов-

щиной, из которой были заимствованы радения как средство достижения экстаза, но не были заимствованы ни догматическое, ни нравственное учение» [10, с. 328–329].

Лишь после 1819 г., когда стал известен факт оскпления нескольких солдат гвардейских полков и матросов флотского экипажа, а петербургский генерал-губернатор граф М.А. Милорадович узнал, что два его племянника, посещавшие общество Татариновой, были вовлечены в «скопческий корабль», были приняты относительно строгие меры к изуверам. В июне 1820 г. Селиванов был тайно арестован полицией и отправлен в суздальский Спасо-Ефимиев монастырь [12, с. 209–211].

Государственная вероисповедная политика по отношению к русскому инаковерию радикально изменилась в царствование Николая I. Его правительство «не признавало за расколом юридического бытия и, если еще предоставляло расколу уже существующему доживать свой век, то в следующем поколении не желало знать ни раскола, ни раскольников» [16, с. 93]. В данном вопросе император возлагал свои надежды на активную деятельность политической и общей полиции империи. Созданному в июле 1826 г. III отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии была вменена функция осуществления гласного и негласного надзора за религиозными сектами и старообрядческими общинами [17, с. 91].

Пик борьбы с расколом пришелся на 1838–1852 гг., когда по всей стране развернулась широкая полицейско-репрессивная кампания в отношении старообрядцев и сектантов. Однако результаты этой кампании оказались противоречивыми, репрессии породили ответные негативные процессы в среде раскола: «Некоторые из сектантов менее вредных согласий, страха ради, стали переходить в более вредные, по той простой причине, что там богослужение и обрядовая сторона были проще, а следовательно их легче было укрыть от административного наблюдения; беспоповцы начинают дробиться на множество толков, а скопцы и хлысты находят себе массу последователей из того же раскола» [18, с. 82].

На изменение в последующем вероисповедной политики в отношении старообрядчества и сектантства во многом повлияли научные исследования сектантской и старообрядческой среды, к которым в статусе чиновников по особым поручениям МВД были привлечены известные религиоведы и этнографы, в частности, Н.И. Надеждин, П.И. Мельников, В.И. Даль. На основании их выводов в 1864 г. были внесены поправки в класси-

фикацию всех сект и «толков» раскола по степени их вредности, то есть радикализма и экстремизма в учениях и религиозной практике. Сектами «более вредными» были признаны те, «которые в противном учении Святой Апостольской Церкви: а) не признают пришествия в мир Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа; б) не признают никаких таинств и никакой власти Богопоставленную; в) допускают, при наружном общении с церковью, человекообожание; г) посягают на оскпление себя и других на основании богохульного учения; д) отвергают молитву за Царя, и е) отвергают брак или допускают срочные или временные супружеские союзы» [19, с. 272–273]. К «более вредным» сектам могли быть по-прежнему отнесены «скопцы», «хлысты», «духоборы», «молокане», «субботники», а также отдельные «толки» и «согласия» беспоповщины. Все прочие секты и «толки» признавались «менее вредными».

В соответствии с данной классификацией 18 сентября 1874 г. была издана «Инструкция чинам полицейских управлений для объявления и записи браков лиц, состоящих в расколе от рождения, для свидетельств о сих объявлениях, для предбрачных подписок, для выписок из метрических книг, для объявления о записи детей раскольников, рождения и смерти раскольников и для свидетельств о сих объявлениях», которой устанавливалась тщательно разработанная система полицейского надзора за старообрядческими общинами (*ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XLIX. 1874. № 53886*). В последующем была принята новая классификация русского инаковерия, согласно которой все секты, «толки» и «согласия» старообрядчества были разделены на «секты более вредные» и «менее вредные», причем «более вредными» признавались лишь «скопцы» и «хлысты», а все прочие учения сектантов и старообрядцев были отнесены к «менее вредным» [18, с. 192–193].

Принятыми во второй половине XIX в. законодательными и организационными мерами в значительной степени удалось стабилизировать ситуацию внутри русского старообрядчества. Сформированная к началу XX в. система полицейского надзора позволяла в целом достаточно эффективно противодействовать тем или иным экстремистским действиям религиозного сектантства. Однако глубокий религиозно-духовный кризис русского общества на рубеже XIX–XX вв. повлек за собой широкое распространение учений сектанско-мистического «богоискательства» и «богостроительства». В частности, это выразилось в появлении сект, дискредитирующих государственную церковь.

В конце XIX в. в окружении пользовавшегося огромным авторитетом в России настоятеля кронштадтского Андреевского собора протоиерея Иоанна была создана секта, признанная впоследствии «хлыстами киселевского толка». Сектанты именовали себя «иоаннитами», разъехались по стране, распространяя свое учение и совершая уголовные преступления, включая отравления, кражи, похищение людей, шантаж, вымогательство. По данным фактам Департаментом полиции было инициировано расследование, производство по которому в марте 1906 г. Санкт-Петербургским окружным судом было прекращено под предлогом «недоказанности факта составления... шайки и по недостаточности улики» (*Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1906. ДП ОО. Д. 9, ч. № 1А*). Это решение свидетельствовало о том, что «иоанниты» пользовались покровительством со стороны влиятельных лиц.

Необъяснимое покровительство со стороны власти ярко прослеживалось и в деле о создании изуверской секты иеромонахом Иннокентием (И.В. Левизором) в 1906 г. в православном Балтском Феодосовском монастыре в Бессарабии. Там Иннокентий создал сектантскую общину, провозгласив себя пророком нового учения. В сентябре 1909 г. Департамент полиции уведомил оберпрокурора Синода В.К. Саблера о получении Бессарабским охранным отделением агентурных сведений о «предосудительном образе действий» Иннокентия, «который, успев создать себе славу искусного врачевателя и привлекая к себе таким образом массы больных, пользуется этим... в крайне порочных видах», так что прихожанки, посещавшие Иннокентия, «становятся либо беременными, либо психически расстроенными» (*ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1912. Д. 263. Л. 1*). В феврале 1912 г. Иннокентий был переведен в отдаленный Мурманский монастырь Олонецкой губернии, но в декабре его последователи организовали ритуальный «поход» в Олонецкую губернию с целью освобождения «пророка». Поход завершился гибелью в результате лишений и болезней нескольких сотен человек, в том числе и детей. Арестованный жандармами Иннокентий решением Синода в августе 1913 г. был отправлен в Соловецкий монастырь, но, будучи освобожден в декабре 1917 г., вернулся в Бессарабию и был убит в пьяной драке своими «апостолами» в 1919 г. Секта «иннокентьевцев» и впоследствии была известна своим крайним фанатизмом и изуверскими обрядами, убийствами адептов в тайных «комнатах смерти» [20, с. 140].

В 1911 г. получил широкую огласку другой скандал, связанный с деятельностью иеромонаха Илиодора (Сергея Труфанова), создавшего в Царицыне монархическую «черносотенную» секту, которая фактически захватила город, шантажируя местные власти. Лишь в результате личного вмешательства Николая II Департаменту полиции удалось пресечь деятельность Илиодора, который сумел впоследствии бежать за границу, где продолжал осуществлять антиправительственную пропаганду [21, с. 455].

Своеобразной «вершиной» деятельности религиозного сектанства стало проникновение хлыстовского учения в высшие слои придворной аристократии благодаря Г.Е. Распутину. Фактически создав в ближайшем окружении царской семьи «хлыстовский корабль», Распутин оказывал огромное негативное влияние на внутреннюю политику страны, дискредитируя не только царскую семью и ее ближайшее окружение, но и всю систему власти и управления. Деятельность Распутина находилась под пристальным надзором Особого отдела Департамента полиции, накопившего

большой объем информации, крайне негативно характеризующей личность «старца» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 242. 1912. Д. 297. Ч. 1.; Оп. 246. 1916. Д. 357). Для высшего эшелона власти, находящегося в плену суеверного мистицизма, это не имело никакого значения, что стало одним из немаловажных факторов крушения российской монархической государственности.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на противоречивую и непоследовательную государственную вероисповедную политику, полицейским органам Российской империи в целом удавалось удерживать уровень и масштабы распространения религиозного экстремизма и радикализма в социально допустимых пределах. Противодействие политической и общей полиции распространению наиболее опасных форм религиозного изуверства позволило не допустить в Российской империи широкомасштабных социальных катаклизмов, выражавшихся в массовых религиозно-политических движениях, провоцировавших религиозные войны, как это не раз имело место в истории Западной Европы.

Литература

1. Житие протопопа Аввакума. М.: Эксмо, 2011. — 576 с.
2. *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Вузовская книга, 2006. — 468 с.
3. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Счисление раскольников // Полное собрание сочинений. Том седьмой. Издание второе. СПб.: Издание товарищества А.Ф. Маркс. Приложение к журналу «Нива» на 1909 год. С. 384–409.
4. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Письма о расколе // Собрание сочинений в 8 т. Том 8. М.: Правда, 1976. С. 63–122.
5. *Третьякова Н.В.* Социально-правовой статус старообрядчества в дореформенной и пореформенной России // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 476–498.
6. *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII–XVIII веков // Проблемы типологии русской литературы. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение: Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 645. Тарту, 1985. С. 54–70.
7. *Пулькин М.В.* Самосожжения старообрядцев в конце XVII — XVIII вв. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 336 с.
8. *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. — до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891. — 166 с.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII, (Сал–Сам). Самоистребление. СПб., 1890–1907.
10. *Булгаков С.В.* Православие: Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной, Русской и Западной Церквей. М.: Современник, 1994. — 576 с.
11. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. — 719 с.
12. *Кутепов К.В.* Секты хлыстов и скопцов. Казань: Типография Императорского университета, 1882. — 576 с.
13. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: Издательство политической литературы, 1983. — 448 с.

14. *Попов А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Исследование Ардалиона Попова. Казань: Типография Императорского университета, 1904. — 516 с.
15. *Бокариус Н.С.* Краткий курс судебной медицины в конспективном изложении для студентов. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1911. — 426 с.
16. Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802–1902). СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1901. — 225 с.
17. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Учебное пособие / ред. В.М. Курицын. М.: Изд-во «Щит-М», 1998. — 200 с.
18. Обзор мероприятий Министерства Внутренних Дел по расколу с 1802 по 1881 год. Издание Департамента Общих Дел. 1903 год. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1903. — 340 с.
19. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Том третий. Часть II. СПб., 1902. — 315 с.
20. *Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1969. — 184 с.
21. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. — 672 с.

References

1. Zhitie protopopa Avvakuma [Life of protopope Habakkuk]. Moscow, Eksmo, 2011. 576 p. (In Russian)
2. *Supotnitskii M.V., Supotnitskaya N.S.* Ocherki istorii chumy: v 2-kh kn. Kn. 1 [Essays on the History of the Plague: in 2 v. V. 1]. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 2006. 468 p. (In Russian)
3. *Mel'nikov P.I.* (Andrei Pecherskii). Schislenie raskol'nikov [Counting of schismatics]. In *Polnoe sobranie sochinenii. Tom sed'moi. Izdanie vtoroe. Prilozhenie k zhurnalu «Niva» na 1909 god [Complete works. Volume Seven. Second edition. Supplement to the Niva journal for 1909]*. St. Petersburg, tov. A.F. Marks Publ., pp. 384–409. (In Russian)
4. *Mel'nikov P.I.* (Andrei Pecherskii). Pis'ma o raskole [Letters about schism]. In *Sobranie sochinenii v 8 t. Tom 8 [Collected works in 8 volumes. Volume 8]*. Moscow, Pravda Publ., 1976, pp. 63–122. (In Russian)
5. *Tret'yakova N.V.* Sotsial'no-pravovoi status staroobryadchestva v doreformennoi i poreformennoi Rossii [Social and legal status of the Old Believers in pre-reform and post-reform Russia]. In *Voprosy istorii SSSR [Questions of the history of the USSR]*. Moscow, 1972, pp. 476–498. (In Russian)
6. *Plyukhanova M.B.* O nekotorykh chertakh narodnoi eshatologii v Rossii XVII–XVIII vekov [On some features of folk eschatology in Russia in the 17th-18th centuries]. In *Problemy tipologii russkoi literatury. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie: Uchenye zapiski Tartuskogo un-ta. Vyp. 645 [Problems of typology of Russian literature. Works on Russian and Slavic Philology. Literary criticism: Scientific notes of Tartu University. Issue 645]*. Tartu, 1985, pp. 54–70. (In Russian)
7. *Pul'kin M.V.* Samosozhzheniya staroobryadtsev v kontse XVII — XVIII vv. [Self-immolation of the Old Believers at the end of the 17th-18th centuries.]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2015. 336 p. (In Russian)
8. *Sapozhnikov D.I.* Samosozhzhenie v russkom raskole (so vtoroi poloviny XVII v. — do kontsa XVIII v.). Istoricheskii ocherk po arkhivnym dokumentam [Self-immolation in the Russian schism (from the second half of the 17th century to the end of the 18th century). Historical essay on archival documents]. Moscow, 1891. 166 p. (In Russian)
9. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIII, (Sal–Sam). Samoistreblenie [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. V. 18, (Sal–Sam). Self-destruction]. St. Petersburg, 1890–1907. (In Russian)
10. *Bulgakov S.V.* Pravoslavie: Prazdniki i posty. Bogosluzhenie. Treby. Raskoly, eresi, sekty. Protivnye khristianstvu i pravoslaviyu ucheniya. Zapadnye khristianskie veroispovedaniya. Sobory Vostochnoi, Russkoi i Zapadnoi Tserkvei [Orthodoxy: Holidays and fasting. Worship. Requirements. Schisms, heresies, sects. Teachings opposed to Christianity and Orthodoxy. Western Christian denominations. Cathedrals of the Eastern, Russian and Western Churches]. Moscow, Sovremennik Publ., 1994. 576 p. (In Russian)
11. Russkoe pravoslavie: vekhi istorii [Russian Orthodoxy: milestones in history]. Ed. A.I. Klibanov. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 719 p. (In Russian)
12. *Kutepov K.V.* Sekty khlystov i skoptsov [Sects of whips and eunuchs]. Kazan', Imperatorskogo un-ta Publ., 1882. 576 p. (In Russian)

13. *Nikol'skii N.M.* Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1983. 448 p. (In Russian)
14. *Popov A.V.* Sud i nakazaniya za prestupleniya protiv very i npravstvennosti po russkomu pravu. Issledovanie Ardaliona Popova [Court and punishment for crimes against faith and morality under Russian law. Research by Ardalion Popov]. Kazan', Imperatorskogo un-ta Publ., 1904. 516 p. (In Russian)
15. *Bokarius N.S.* Kratkii kurs sudebnoi meditsiny v konspektivnom izlozhenii dlya studentov [A short course in forensic science in an outline for students]. Khar'kov, Tip. i lit. M. Zil'berberg i synov'ya Publ., 1911. 426 p. (In Russian)
16. Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskii ocherk (1802–1902) [Ministry of the Interior: A Historical Sketch: (1802–1902)]. St. Petersburg, Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1901. 225 p. (In Russian)
17. Istoriya politsii Rossii. Kratkii istoricheskii ocherk i osnovnye dokumenty. Uchebnoe posobie [History of the Russian Police. A brief historical sketch and basic documents. Tutorial]. Ed. V.M. Kuritsyn. Moscow, «Shchit-M» Publ., 1998. 200 p. (In Russian)
18. Obzor meropriyatii Ministerstva Vnutrennikh Del po raskolu s 1802 po 1881 god. Izdanie Departamenta Obshchikh Del. 1903 god [An overview of the activities of the Ministry of the Interior on the split from 1802 to 1881. Publication of the Department of General Affairs. The year is 1903]. St. Petersburg, Ministerstva Vnutrennikh del Publ., 1903. 340 p. (In Russian)
19. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov. Tom tretii. Chast' II [Historical review of the activities of the Committee of Ministers. Volume Three. Part II]. St. Petersburg, 1902. 315 p. (In Russian)
20. *Grekulov E.F.* Tserkov', samodержavie, narod (2-ya polovina XIX — nachalo XX v.) [Church, autocracy, people (2nd half of the 19th — early 20th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 184 p. (In Russian)
21. *Ol'denburg S.S.* Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The Reign of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg, Petropol' Publ., 1991. 672 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

Шуров Александр Александрович

Цель: выработка рекомендаций по совершенствованию индивидуальных мер предупреждения заведомо ложного доноса. Отсутствие криминологических исследований заведомо ложного доноса и определяемое этим отсутствие рекомендаций по предупреждению данного преступления требует разработки методики его предупреждения на индивидуальном уровне.

Методология: диалектический метод, общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, абстрагирование), системно-структурный метод, метод системного анализа.

Выводы. Специфика заведомо ложного доноса как вида преступного поведения в контексте индивидуального предупреждения проявляется в том, что выявление преступника происходит преимущественно уже в процессе осуществления преступной деятельности, то есть при непосредственном контакте лица, намеренного совершить заведомо ложный донос, с сотрудниками правоохранительных органов с целью информационного воздействия на них и формирования ложного представления о факте совершения преступления. Указанное определяет концентрирование мер индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса на выявлении ложности сообщаемой лицом информации, а также разоблачении ее недостоверности и коррекционном воздействии на поведение.

Научная и практическая значимость. Исследование механизма совершения заведомо ложного доноса на индивидуальном уровне позволяет выработать новые научно обоснованные рекомендации относительно предупреждения данного преступления с учетом практических аспектов деятельности правоохранительных органов. Предложенная методика позволяет сотрудникам правоохранительных органов использовать в целях выявления ложности доноса комплексный подход к оценке известных имеющих отношение к делу обстоятельств и наблюдаемого поведения заявителя, учитывать его личностные особенности и предполагаемые мотивы, а также контекст ситуации для осуществления всестороннего анализа всей имеющейся и поступающей от заявителя информации.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, личность преступника, мотивация, механизм, преступное поведение, индивидуальное предупреждение, ложь, информация, методика, выявление лжи, разоблачение лжи, убеждение, принуждение, оказание помощи, поощрение.

Индивидуальное предупреждение преступного поведения неразрывно и органично связано с общесоциальным и специально-криминологическим уровнем предупреждения преступности, однако в то же время имеет существенное преимущество — возможность учета при осуществлении предупредительного воздействия индивидуальных характеристик и особенностей, присущих каждому конкретному лицу, и реализации с учетом этого наиболее эффективных мер воздействия. Индивидуальный уровень предупреждения позволяет

выявлять факторы детерминации преступности и воздействовать на них на уровне конкретной личности [1, с. 161].

Рассматривая преступление с точки зрения механизма индивидуального преступного поведения, следует учитывать, что существенную роль в его реализации играют психологические факторы, проявляющиеся в потребностно-мотивационной сфере личности преступника и его преступного поведения, а также мотивационные и волевые факторы, побуждающие активность и обеспечива-

ющие достижение поставленных целей [2, с. 126–132]. Фактическим основанием применения мер индивидуального предупреждения является потенциально криминальное поведение конкретного лица, а правовым основанием является как противоправный характер такого поведения, так и правомерный характер применяемых предупредительных мер.

Специфика заведомо ложного доноса как вида преступного поведения в контексте индивидуального предупреждения проявляется в том, что выявление преступника происходит преимущественно уже в процессе осуществления преступной деятельности, то есть при непосредственном контакте лица, намеренного совершить заведомо ложный донос, с сотрудниками правоохранительных органов с целью информационного воздействия на них и формирования ложного представления о факте совершения преступления.

Указанное определяет концентрирование мер индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса на выявлении ложности сообщаемой лицом информации, а также разоблачении ее недостоверности и коррекционном воздействии на поведение.

Отсутствие криминологических исследований заведомо ложного доноса и определяемое этим отсутствие рекомендаций по предупреждению данного преступления требует разработки методики индивидуального предупреждения на индивидуальном уровне.

Эффективность индивидуального предупреждения преступности зависит от правильного выбора и применения совокупности мер и средств, необходимых для достижения целей данной деятельности. Не меньшую важность в контексте индивидуальной профилактики преступности представляет вопрос методов, благодаря которым реализуются индивидуально-профилактические действия. Очевидно, что индивидуальное предупреждение — это сложный процесс, связанный с применением всего методологического инструментария индивидуального воздействия на человека [3].

Методы индивидуального предупреждения представляют собой специфическую группу подходов, способов и приемов криминологического воздействия, позволяющих упорядочить, направить и эффективно организовать реализацию превентивных функций на индивидуальном уровне. Сущность методов данной группы определяется характером воздействия субъекта превентивной деятельности на объект, обусловленный спецификой последнего и целями воздействия на него, характеристиками субъекта и средствами, которые используют для воздействия на объект.

Анализ теории и практики противодействия преступности позволяет среди разнообразных подходов к классификации мер индивидуального антикриминального воздействия на личность выделить следующие основные методы индивидуального предупреждения: 1) убеждение; 2) принуждение; 3) оказание помощи; 4) поощрение [4, с. 41].

Разработка методики индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса предполагает определение двух групп методов: 1) выявления ложности сообщаемой лицом информации; 2) разоблачения ложности сообщаемой лицом информации. Реализация данных методов позволяет выявить намерение лица совершить преступление и предотвратить или пресечь его совершение путем коррекционного воздействия на его поведение.

Для выявления ложности информации, сообщаемой лицом при заведомо ложном доносе, сотрудники правоохранительных органов должны владеть методами выявления (распознавания) лжи в процессе межличностной коммуникации на психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом уровне функционирования психики.

Сообщение заведомо ложных сведений предполагает наличие трех составляющих:

- 1) ложной (объективно не соответствующей действительности) по своему содержанию информации;
- 2) осознания лицом того, что сообщаемая им информация является ложной;
- 3) стремления придать ложной информации вид истины и ввести оппонента в заблуждение.

Передача человеком информации возможна лишь посредством знаковых систем, то есть в процессе вербальной и невербальной коммуникации. Противоречивость или рассогласованность вербальной и невербальной информации позволяет усомниться в ее истинности и сделать предположение о попытке введения адресата информации в заблуждение.

Если человек искажает информацию, а тем более откровенно лжет, то это практически всегда проявляется в произвольных действиях. Наблюдение за поведением человека в процессе предоставления им информации и адекватная интерпретация его поведенческих актов как наблюдаемых показателей позволяет выявить факт лжи [5, с. 95–108].

Процесс предоставления ложной информации (неискренности общения) сопровождается соответствующими проявлениями (показателями, признаками, индикаторами) на различных

уровнях функционирования психики: психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом.

1. На психофизиологическом уровне.

1.1. Вегетативная форма проявления показателей неискренности: задержка или изменение дыхания (частое/редкое, глубокое/поверхностное), кожные реакции типа покраснения/побледнения, потоотделение, подрагивание губ, расширение зрачков, частое моргание во время ответа на вопрос, микронапряжение лицевых мышц и прочее.

1.2. Кинетическая форма проявления показателей неискренности: тремор, излишние мелкие движения (манипуляторного или иллюстрационного характера, например, теребление мелких предметов в руках, пуговиц на одежде, частое прикуривание сигарет или сбивание пепла), микроэкспрессия (например, защита рта рукой, прикосновение к носу или мочке уха, потирание век, частое приглаживание или взьерошивание волос, оттягивание воротничка рубашки) и прочее.

2. На психологическом уровне.

2.1. Поведенческая форма проявления показателей неискренности: скованность или неуместная раскованность в движениях и действиях, избегание контакта глаз с собеседником, неконгруэнтность слов и поведения и прочее.

2.2. Мыслительная форма проявления показателей неискренности: ускоренное или замедленное мышление, неосознаваемые алогичности, нелогичность и непоследовательность речи, противоречия при повторах и рассогласовании с уже известными фактами и прочее.

2.3. Зрительно-моторная форма проявления показателей неискренности: отсутствие взгляда, напряженный, бегающий взгляд, уменьшение частоты контактов глаз, изменение глазодвигательного паттерна и прочее.

3. На социально-психологическом уровне.

3.1. Вербальная форма проявления показателей неискренности: оговорки, проговорки, тирады, слова-отрицания, речевые ошибки (междометия, например, «Гм», «Ну» и «Э-э»; повторы, на пример, «я, я, я имею в виду, что я...» и т.п.), отрицание очевидного, неопределенность ответов и прочее.

3.2. Паравербальная форма проявления показателей неискренности: изменение интонации, тона голоса, темпа речи и прочее.

3.3. Экстравербальная форма проявления показателей неискренности: неожиданный смех, запинки, заминки, паузы и прочее [6, с. 138–173; 7, с. 67–74].

При оценке истинности предоставляемой лицом информации необходимо учитывать лич-

ностные особенности, определяющие предрасположенность индивида к искажению информации. Так, например, личности с акцентуациями демонстративного типа (особенно конфабуляторы или патологические лгуны) более склонны к искажению информации [6, с. 138; 8, с. 471–478].

Психофизиологические особенности необходимо учитывать и в случае оценки поведения левши и правши. Так, при оценке движения глаз (направление взгляда) следует иметь в виду, что, если взгляд вверх и вправо для типичного правши означает конструирование образов, взгляд горизонтально и направо — аудиальное конструирование (конструируемая речь), то у левши воспоминания и конструкции зеркально меняются местами. При неискреннем ответе глаза у правши быстро перемещаются по диагонали сначала вправо вверх, затем влево вниз, а у левши по зеркальному шаблону — влево вверх, вправо вниз) [7, с. 69].

Используя методы наблюдения, беседы, а при необходимости и экспертных оценок, сотрудник правоохранительных органов на основании диагностирования указанных признаков в поведении лица способен выявить факт сообщения ему ложной информации о совершенном (совершаемом или подготавливаемом) преступлении, а также лицах, к этому причастных.

Необходимо учитывать, что диагностика проявления лжи имеет особенности, определяемые гендерным фактором лица, воспринимающего информацию. Так, мужчины в большей мере определяют неискренность общения и ложность информации на основании кинетических, паравербальных, а также зрительно-моторных форм их проявления. В свою очередь, женщины в большей мере определяют неискренность общения и ложность информации интуитивно, на уровне чувств, обращая внимание прежде всего на неестественность поведения и вегетативные формы проявления показателей неискренности оппонента [6, с. 9–10]. Данную особенность необходимо учитывать при организации и реализации мер индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса.

Также необходимо учитывать косвенный характер многих показателей искажения информации. В целях выявления ложности доноса необходимо с учетом типологии личности преступника использовать комплексный подход к оценке известных имеющих отношение к делу обстоятельств и наблюдаемого поведения заявителя, учитывать его личностные особенности и предполагаемые мотивы, а также контекст ситуации предоставления сведений для осуществления всестороннего

анализа всей имеющейся и поступающей от заявителя информации.

Для критической оценки истинности предоставляемой заявителем информации сотрудники правоохранительных органов должны обладать знаниями технологических приемов предоставления ложной информации. Особенно это касается совершения заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения. Лица, дающие ложные показания, могут использовать целую систему различных приемов и средств инсценировки и фальсификации [9, с. 416–442; 10, с. 324; 11, с. 197–204]. При этом, как отмечает В.В. Дементьев, «лицо, которое искусственно создало доказательства обвинения другого лица в совершении преступления, зачастую вынуждено «подтверждать» свои действия притворным поведением и сообщением ложных сведений. Эти ложные сведения оно может сообщить как окружающим (соседям, знакомым, посторонним лицам и др.), так и следователю в виде заявления о происшедшем событии, объяснений на месте происшествия, показаний на допросе. Факты, содержащиеся в этих сведениях, их анализ, а также сравнение с фактами, установленными в ходе осмотра места происшествия, могут иметь существенное, а зачастую и решающее значение в разоблачении лица, создавшего инсценировку» [12, с. 25–26].

Для разоблачения ложности информации, сообщаемой при заведомо ложном доносе, и коррекционного воздействия на поведение заявителя сотрудники правоохранительных органов могут использовать следующие методы индивидуального воздействия.

1. *Метод убеждения.* Применение данного метода характеризуется использованием разнообразных способов и средств психологического воздействия на сознание и поведение лица с целью понимания им опасных последствий (вредности) и переосмысления своего негативного поведения, логического обоснования мысли об отказе от антиобщественных намерений и поведения, а также детерминирующих его антиобщественных установок. Метод убеждения применяется на эмоциональном уровне и развивает самокритичность, активизирует интеллектуальную деятельность лица, поскольку убеждение подразумевает аргументированное доказательство моральной позиции и определенной оценки актуальных событий. Основной организационно-тактической формой применения метода убеждения является беседа. Главная цель применения метода убеждения заключается в том, чтобы сформиро-

вать у лица установку и решимость не нарушать закон не из-за страха, а по убеждению.

Применение метода убеждения в целях индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса заключается в воздействии на сознание заявителя и стимулировании его правомерного поведения посредством предъявления ему фактов, изобличающих ложность сообщаемой информации, и разъяснения преступности и наказуемости, соответственно, недопустимости такого поведения.

2. *Метод помощи.* Применение данного метода предполагает установление доверительных отношений с лицом, на которое оказывается индивидуальное предупредительное воздействие. При установлении доверительных отношений лицу будет проще поделиться всем, что его беспокоит, что позволяет определить направления и способы наиболее действенной помощи. В основе преступного поведения на индивидуальном уровне чаще всего лежит стремление преодолеть реальные или мнимые (субъективно воспринимаемые таковыми) трудности и проблемы, лежащие на пути реализации потребностей. Таким образом, основной целью применения метода помощи является формирование при непосредственном участии лица, оказывающего индивидуальное предупредительное воздействие, таких фактических условий, при которых лицо отказывается от намерения совершить преступление или довести его до конца. Сотрудник правоохранительных органов способен оказать моральную поддержку, а также, в рамках предусмотренных законодательством полномочий, конкретную помощь лицу, предотвращая тем самым совершение им преступления или пресекая его.

Применение метода помощи в целях индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса заключается в воздействии на сознание заявителя и стимулирование его правомерного поведения посредством выработки стратегий и оказания конкретного содействия в разрешении сложившейся жизненной ситуации, явившейся поводом совершения преступления (меры защиты, разрешение семейного конфликта, розыск утраченного имущества и т.п.).

3. *Метод принуждения.* Применение данного метода предполагает воздействие на сознание и поведение лица под угрозой наступления неблагоприятных для него последствий. Использование данного метода подразумевает угрозу применения или фактическое применение различных по своей юридической природе (предусмотренных административным, уголовным, гражданским и другими отраслями законодательства), содержанию и направленности мер принудительного воздействия.

Метод принуждения в системе мер индивидуального предупреждения играет, как правило, вспомогательную роль, применяется в случае неэффективности иных методов воздействия.

Применение метода принуждения в целях индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса заключается в воздействии на сознание заявителя и стимулирование его правомерного поведения посредством угрозы применения санкций за совершение данного преступления.

4. *Метод поощрения.* Применение данного метода заключается в поддержке и стимулировании положительных изменений в поведении лица, его общественно полезных устремлений и действий. Меры поощрения могут быть морального, материального и правового характера. Рассматривая методы поощрения, необходимо уделить особое внимание системе поощрительных норм уголовного закона, реализация которых, прежде всего с целью добровольного отказа от совершения преступления, составляет частный случай компромисса с преступником. Главная цель применения метода поощрения заключается в том, чтоб сформировать у лица установку на правомерное поведение как более выгодную по сравнению с противоправным модель поведения и стимулировать ее реализацию в практической деятельности лица.

Применение метода поощрения в целях индивидуального предупреждения заведомо ложного

доноса заключается в воздействии на сознание заявителя и стимулирование его правомерного поведения посредством применения предусмотренных законодательством поощрительных норм (освобождение от ответственности за иные деяния, ответственности которой лицо стремилось избежать путем заведомо ложного доноса, поощрительные меры в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве и т.п.).

Таким образом, выявление преступника преимущественно уже в процессе осуществления преступной деятельности, то есть при непосредственном контакте лица, намеренного совершить заведомо ложный донос, с сотрудниками правоохранительных органов с целью информационного воздействия на них и формирования ложного представления о факте совершения преступления определяет концентрирование мер индивидуального предупреждения заведомо ложного доноса на выявлении ложности сообщаемой лицом информации, а также разоблачении ее не Достоверности и коррекционном воздействии поведение. Применение комплекса методов выявления и разоблачения не Достоверной информации, коррекции поведения лица на стадии обращения в правоохранительные органы позволяет эффективно реализовать задачи предупреждения заведомо ложного доноса на индивидуальном уровне.

Литература

1. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Изд-во МГУ, 1984. — 204 с.
2. *Игнатов А.Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 126–132.
3. *Бурлаков В.Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. — 235 с.
4. *Устинов В.С.* Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1989. — 96 с.
5. *Жиляев А.И.* Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Н. Новгород, 2002. — 179 с.
6. *Коноваленко М.Ю.* Продуктивность решения социально-перцептивных и коммуникативных задач в условиях неискреннего делового общения: дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.13. М., 2005. — 207 с.
7. *Козулева А.А.* Подходы к пониманию лжи и ее проявления на психофизическом, психологическом и социально-психологическом уровнях функционирования психики // Сибирский юридический вестник. 2009. № 3 (46). С. 67–74.
8. *Игнатов А.Н.* Акцентуированная личность насильственного преступника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 4 (79). С. 471–478.
9. *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. — 448 с.
10. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

11. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Зерцало, 2000. — 352 с.
12. Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Саратов, 2004. — 26 с.

References

1. Kuznetsova N.F. Problemy kriminologicheskoi determinatsii [Problems of criminological determination]. Ed. V.N. Kudryavtsev. Moscow, MGU Publ., 1984. 204 p. (In Russian)
2. Ignatov A.N. O kategoriakh «mekhanizm prestupnogo povedeniya», «mekhanizm prestupleniya» i «mekhanizm soversheniya prestupleniya» [On the categories “mechanism of criminal behavior”, “mechanism of crime” and “mechanism of committing a crime”]. *Gumanitarnye, sotsial’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences]*, 2017, no. 6–7, pp. 126–132. (In Russian, abstract in English)
3. Burlakov V.N. Kriminogennaya lichnost’ i individual’noe preduprezhdenie prestuplenii: problemy modelirovaniya [Criminogenic personality and individual crime prevention: modeling problems]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii Publ., 1998. 235 p. (In Russian)
4. Ustinov V.S. Metody predupreditel’nogo vozdeistviya na prestupnost’ [Methods of preventive influence on crime]. Gor’kii, GVSh MVD SSS R Publ., 1989. 96 p. (In Russian)
5. Zhilyaev A.I. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie zavedomo lozhnykh pokazanii svidetelei i poterpevshikh [Criminological characteristics and prevention of deliberately false testimony of witnesses and victims]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. N. Novgorod, 2002. 179 p. (In Russian)
6. Konovalenko M. Yu. Produktivnost’ resheniya sotsial’no-pertseptivnykh i kommunikativnykh zadach v usloviyakh neiskrennego delovogo obshcheniya [The productivity of solving socio-perceptual and communicative tasks in conditions of insincere business communication]. Diss. ... kand. psikh. nauk. 19.00.13. Moscow, 2005. 207 p. (In Russian)
7. Kozuleva A.A. Podkhody k ponimaniyu lzhi i ee proyavleniya na psikhofizicheskom, psikhologicheskom i sotsial’no-psikhologicheskom urovnyakh funktsionirovaniya psikhiki [Approaches to understanding lies and its manifestations on the psychophysical, psychological and socio-psychological levels of the functioning of the psyche]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Legal Bulletin]*, 2009, no. 3 (46), pp. 67–74. (In Russian)
8. Ignatov A.N. Aktsentuirovannaya lichnost’ nasil’stvennogo prestupnika [Accentuated personality of a violent criminal]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*, 2019, no. 4 (79), pp. 471–478. (In Russian)
9. Obraztsov V.A., Bogomolova S.N. Kriminalisticheskaya psikhologiya [Forensic psychology]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
10. Ratinov A.R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei [Forensic psychology for investigators]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 352 p. (In Russian)
11. Shikhantsov G.G. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov [Legal psychology: a textbook for universities]. Moscow, Zertsalo Publ., 2000. 352 p. (In Russian)
12. Dement’ev V.V. Nauchnye i prakticheskie problemy rassledovaniya instsenirovki kak sposoba sokrytiya prestupleniya [Scientific and practical problems of investigating staging as a way to conceal a crime]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.09. Saratov, 2004. 26 p. (In Russian)

КРИМИНАЛИСТИКА

ТАКТИКА ОБНАРУЖЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Киселев Александр Сергеевич

Цель: изучить новые подходы и приемы, позволяющие повысить раскрываемость преступлений в сфере компьютерной информации, которые, в свою очередь, могут улучшить профессиональную квалификацию сотрудников правоохранительных органов и специалистов в области кибербезопасности, занимающихся предотвращением и пресечением преступной деятельности в сфере информационных технологий.

Методология: материалистический, метафизический и диалектический методы, а также анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и системный метод.

Выводы. Определено, что тактика обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов преступлений в сфере компьютерной информации включает в себя умение обнаруживать следы преступных действий в компьютерных системах, собирать и анализировать цифровые данные, а также фиксировать найденную информацию в качестве улик. Тактические действия следователя могут быть выстроены следующим образом: проведение анализа состояния информационной системы после совершенного преступления; сбор и анализ цифровых данных, включающие извлечение электронно-цифровых следов, таких как лог-файлы, базы данных, файлы, реестры, метаданные и др.; фиксация цифровых следов на электронных и материальных носителях, сохранение важной информации о преступлении (дата, место совершения, способ, используемые правонарушителем технические устройства, программы) путем фото- и видеофиксации, записи информации на флеш-накопители или диски, создание резервных копий; глубокий анализ, изучение и интерпретация цифровых данных; обращение за экспертной помощью при необходимости; составление отчетов.

Научная и практическая значимость. Изучение тактики помогает усовершенствовать и развивать методические подходы и инструментарий для успешного выявления и фиксации цифровых следов. Знание и применение тактики обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов в работе правоохранительных органов позволяет им эффективнее и качественнее расследовать преступления в сфере компьютерной информации, повышать компетентность сотрудников в области кибербезопасности. Ввиду роста количества преступлений в сфере компьютерной информации за последние годы изучение тактики обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов поможет улучшить меры защиты от различных киберугроз и добиться высокого уровня информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровой след, тактика обнаружения цифровых следов, тактика фиксации цифровых следов, тактика обнаружения, тактика фиксации, следствие, киберпреступления, киберпреступность, преступления в сфере компьютерной информации, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии.

Традиционно в криминалистике выделяют два вида следов — материальные и идеальные. Истоки криминалистического представления термина «след» восходят к работам отечественного криминалиста Б.И. Шевченко, который писал:

«Для обозначения всех самых разнообразных материальных явлений, которые обязаны своим происхождением тем или иным действиям преступника, связанным с совершением преступления во всех его стадиях, пользуются в кримина-

листике обобщающим и охватывающим все эти изменения названием — следы преступления» [6, с. 75]. Но в последнее время, в связи с активным внедрением в повседневную человеческую жизнь кибернетического пространства, появлением и развитием цифровой криминалистики, все чаще обращают внимание на выделение еще одного самостоятельного вида следов — виртуальных. В этой связи в современной трактовке «след» можно понимать как закрепленную на материальном носителе информацию.

Появление новых криминалистических объектов — компьютерной информации, компьютеров, цифровых сетей связи и машинных носителей информации привело к тому, что почти 20 лет назад в криминалистике была высказана мысль о существовании новой категории следов (виртуальных), обязанная своим появлением развитию компьютерной техники и цифровых систем связи. Для этой категории следов было определено промежуточное положение между традиционно рассматриваемыми в криминалистике материальными и идеальными следами.

Воспринятое вначале с энтузиазмом новое доктринальное предложение впоследствии подверглось критике и трактовалось различно, зачастую менялся сам смысл введенной категории. Так появились «бинарные следы», «информационные следы», «компьютерные следы», «компьютерно-технические следы», «цифровые следы», «электронные следы», «электронно-цифровые следы» и т.д. Из всех названных выше следов, возникающих в процессе расследования преступлений в сфере компьютерной информации, для отражения существа рассматриваемого явления наиболее приемлемы термины «цифровые следы» и «электронно-цифровые следы».

Отметим, что в юридической науке нет единого устоявшегося определения понятия «цифровой след». В.А. Мещеряков под этим термином понимает «различное изменение автоматизированной системы, сопряженное с преступлением и зафиксированное как компьютерная информация» [7, с. 423]. В свою очередь, А.А. Бессонов представляет в качестве цифрового следа «информацию, зафиксированную в цифровом формате, содержащуюся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах» [1, с. 47]. По справедливому замечанию В.А. Петрова, «вне зависимости от указанных точек зрения все ученые-криминалисты сходятся в одном. Следообразование происходит в результате взаимодействия физических объектов материального мира, а следом является некое новообразование, появившее-

ся после такого взаимодействия и причинно связанное с расследуемым событием преступления» [8, с. 109].

Таким образом, электронно-цифровой след в криминалистике относится к любой цифровой информации, которая может быть использована для идентификации или повышения вероятности виновности подозреваемого в преступлении. Он может включать в себя такие данные, как записи о звонках или сообщениях, сведения о местоположении, данные карты платежей, информацию из социальных сетей и т.д.

Бесспорна позиция М.С. Большакова о том, что «электронные следы позволяют получить необходимые доказательства при расследовании преступления, совершенного дистанционным способом, с использованием как мобильных средств сотовой связи, так и иных средств связи» [2, с. 214]. Электронно-цифровой след становится все более важным понятием в криминалистике из-за увеличения количества устройств и сервисов, которые хранят цифровые данные, а также из-за привычки людей делиться информацией в сети Интернет. Однако в то же время, как отмечают специалисты, правильная фиксация электронных следов является одним из самых сложных моментов [4, с. 46].

Электронный след является важным инструментом при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Он может содержать информацию о том, кто и когда получал доступ к электронным данным, какие действия были произведены с этими данными и откуда они были получены. При расследовании преступлений в сфере компьютерной информации следователи и эксперты используют специальные программные и аппаратные средства для сбора и анализа электронно-цифрового следа: программы для восстановления удаленных файлов, обнаружения скрытых данных и вирусных программ-«троянов», средства анализа сетевого трафика и многое другое. Электронно-цифровой след может быть использован в качестве доказательства в суде. Однако в связи с тем, что электронный след может быть заменен и изменен, следователям необходимо собирать доказательства с максимальной скоростью и точностью, чтобы предотвратить возможность изменения данных. Здесь кроется еще одна проблема — допустимость и признание судом доказательств с точки зрения уголовного процесса. Как отмечает профессор А.В. Перов, «электронный след может возникать не только в результате действия людей, но и в результате действий электронной системы, осуществляемых

в отдельных случаях без участия или, если быть более точным, с ограниченным участием человека» [8, с. 109].

Понятие «электронно-цифровой» происходит из комбинации двух сочетаний «цифровой» и «электронный». Это подчеркивает, что информация представлена в цифровом виде, обрабатывается, передается и хранится с использованием электронных технологий. Следы, выявленные, зафиксированные и сохраненные соответствующими уполномоченными субъектами в установленном уголовно-процессуальном законодательством порядке, служат основой формирования доказательств, которые используются судом при рассмотрении уголовного дела.

В соответствии со ст. 85 УПК РФ процесс доказывания состоит из собрания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Криминалистическое содержание собрания доказательств строится на обнаружении, фиксации и изъятии доказательственной информации. При этом обнаружение является деятельностью по поиску доказательственной информации, базирующейся на знании закономерностей возникновения следов преступления, приемов и средств их выявления.

Согласимся с мнением А.В. Шигурова и Е.И. Шигуровой, что «уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать особый механизм работы с электронными носителями информации, учитывающий особенности самих источников информации, содержащихся в них электронных следов, а также способов работы с ними» [10, с. 55]. В настоящее время пока не разработан единый механизм выявления и фиксации цифровых следов, данное обстоятельство может приводить к проблемам в правоприменительной практике.

Для получения цифровой информации в рамках уголовного дела существует несколько процессуальных способов.

1. *Обыск* — это один из основных способов получения компьютерной информации. В его рамках следователь имеет право изъять информацию с компьютера, носителей данных, а также провести осмотр территории, помещений и объектов, связанных с хранением информации.

2. *Изъятие* — это одно из дополнительных средств получения компьютерной информации. При изъятии следователь изымает носители информации. Необходимость в этом возникает, когда информация, которая может служить доказательством, находится на носителе, недоступ-

ном для обыска. Изъятые носители информации оцениваются судебным экспертом, который определяет их ценность в качестве доказательства.

3. *Компьютерно-техническая экспертиза* — один из видов судебной экспертизы, под которой в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» понимается оказание содействия следователю, дознавателю, судам и т.д. в контексте установления обстоятельств, принципиальных для рассмотрения дела, посредством разрешения вопросов, требующей специальной подготовки в сфере науки, техники, искусства или ремесла [9]. К примерам таких преступлений можно отнести кибератаки, нарушение авторских прав, кражу и утечку конфиденциальных данных, хакерские атаки и т.д.

Компьютерно-техническая экспертиза включает в себя не только извлечение данных с жестких дисков, мобильных устройств, социальных сетей, но и анализ метаданных, поисковых запросов, истории браузера и других источников, которые могут помочь в поиске доказательств. Специалисты по компьютерно-технической экспертизе используют специализированные программные средства и методики, которые позволяют сохранять целостность и конфиденциальность данных, полученных в рамках исследования.

Сегодня в этой связи назрела необходимость создания алгоритма действий для следователей, с помощью которого они смогут успешно фиксировать цифровые следы и приобщать их как допустимые, достоверные и достаточные доказательства в суде. Хотя следует отметить и тот факт, что судебная практика также неоднородна, и зачастую суды приходят к диаметрально противоположным решениям при заявлении ходатайства о приобщении цифрового следа на материальном носителе в качестве доказательства.

На текущий момент существует несколько независимых друг от друга способов поиска, обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов. Считаем целесообразным раскрыть их сущность и коротко охарактеризовать их для понимания того, какую пользу они могут принести следствию.

Так, обнаружение электронно-цифровых следов может быть достигнуто с помощью следующих инструментов.

1. *Лог-файлы* — это файлы, которые содержат информацию о том, какую работу выполнил компьютер или приложение (какие программы были запущены, файлы были открыты, веб-сайты посещались и т.д.).

Лог-файлы содержат информацию о действиях и событиях, происходящих в компьютерной системе, таких как доступ к файлам, выполнение команд, установка и удаление программ и т.д. Эта информация может быть использована в качестве доказательства при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации для выявления и анализа подозрительных действий. Современные программы позволяют производить мониторинг системы в автономном режиме [5, с. 14–21].

Также немаловажно, что лог-файлы могут помочь в идентификации потенциальных нарушителей, так как они обычно содержат информацию о входящих в систему аккаунтах, IP-адресах и других идентификационных данных пользователей. Это позволяет организациям и правоохранительным органам определить, кто имел доступ к системе во время совершения преступления. Более того, можно с точностью до секунды проследить последовательность действий, совершенных тем или иным пользователем.

Анализ лог-файлов может помочь следователю в обнаружении аномалий и необычных паттернов активности в сети. Это может указывать на потенциальные угрозы безопасности, такие как хакерская атака, несанкционированный доступ к системе или сайту. Самым главным плюсом лог-файлов, на наш взгляд, является тот факт, что человеку, работающему с ними, в принципе не требуется долгое обучение, большинство действий понятны на интуитивном уровне, а сведения лог-файлов могут быть использованы как достаточное доказательство в суде.

2. *Интернет-архивы* — информационные ресурсы, которые сохраняют копии веб-страниц и других онлайн-ресурсов на различных временных отрезках. Главный положительный фактор для следователя заключается в том, что даже если информация была удалена или изменена, ее можно восстановить с помощью архивов. Особую важность они приобретают при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, связанных с хакерскими атаками или взломами веб-сайтов, когда злоумышленники могут попытаться замести свои следы.

Интернет-архивы могут подтвердить содержание веб-страниц в определенный момент времени и служить доказательством в случае изменения, дополнения или удаления информации. Изучение архивных версий страницы может помочь выявить изменения, внесенные в нее с течением времени. Это особенно полезно при анализе изменений важных документов, таких как контракты

по закупкам, отчетная бухгалтерская информация, которые могут быть изменены с целью скрыть преступную деятельность. Соответственно, интернет-архивы могут помочь при расследовании экономических преступлений.

Таким образом, интернет-архивы позволяют сохранить ценную информацию, которая может быть использована для выявления преступлений в сфере компьютерной информации, также они являются важным инструментом для выявления электронно-цифровых следов и сбора доказательств для суда. Доступ к интернет-архиву для органов следствия обычно предоставляется путем обращения с соответствующим запросом. Правом на обращение обладают органы внутренних дел РФ, сотрудники ФСБ РФ, Следственного комитета РФ, прокуратуры и ряда иных государственных органов власти. Органы следствия обязаны представить официальный запрос, обосновывающий необходимость доступа к интернет-архивам в рамках расследования конкретного уголовного дела. В запросе, как правило, следует указывать, какие сайты в какой промежуток времени и какая конкретно информация требуют проверки. Без детализации получить интересующую следствие информацию будет очень сложно из-за огромного объема данных, хранящихся на серверах.

3. *Cookies (далее — куки)* — небольшие файлы, которые хранятся на компьютере во время использования сети Интернет и содержат информацию о предыдущих посещениях).

Данные файлы содержат такие данные, как идентификатор сессии, предпочтения пользователя, историю посещений, авторизацию и другую информацию [12]. По сравнению с интернет-архивами использование куки для следствия может быть более практичным инструментом, поскольку позволяет более оперативно определить, какие сайты посещал подозреваемый, какие аккаунты использовал, какие операции выполнял и т.д. Это помогает воссоздать цепочку событий, выявить связь между действием лица и наступлением общественно опасных последствий, а также более оперативно получить необходимые доказательства.

Однако для получения доступа к данным куки, правоохранительным органам обычно требуется либо разрешение суда, либо согласие владельца учетной записи или интернет-провайдера. В некоторых случаях могут использоваться специализированные инструменты и методы для извлечения информации из куки. Более того, данные куки подходят для сбора электронных следов только в определенных ситуациях.

4. *История браузера* может быть использована для выяснения, какие веб-сайты посещал подозреваемый, какие действия он выполнял в сети, какие материалы и файлы скачивал, какие просматривал комментарии или какие сообщения отправлял другим пользователям. Это может помочь выявить связи между подозреваемым и другими лицами, определить его мотивы и намерения. Также по потребляемому контенту можно составить личную характеристику подозреваемого и лучше подготовиться к последующему допросу. Как и в рассмотренных нами ранее ситуациях для получения доступа к истории браузера при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации требуется получить разрешение в установленном законом порядке. Это обеспечивает соблюдение и защиту прав подозреваемых и предотвращение злоупотребления информацией со стороны лиц, которые могут получить персональную информацию в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей.

5. *DNS (Domain Name System)* данные в криминалистике — это информация, которая связывает доменные имена с IP-адресами. DNS-данные хранятся на серверах DNS и используются при обмене информацией в сети Интернет [13, с. 275]. Органы следствия могут использовать DNS-данные для выявления организаторов кибератак и тех, кто пытается скрыть свое участие в криминальных действиях в сети.

DNS является ключевой системой, обеспечивающей преобразование доменных имен в IP-адреса. Она может использоваться для выявления электронно-цифровых следов. Приведем несколько примеров:

1) используя данные DNS, можно определить источник электронного письма, что позволяет выявить фишинговые атаки и злонамеренные попытки получить личную информацию;

2) применяя DNS-информацию и геолокационные данные, можно определить место нахождения устройства. Это может помочь в защите от кибератак, а также в поиске пропавших людей или утерянной техники;

3) некоторые DNS-сервисы автоматически блокируют доступ к вредоносным ресурсам, используя их IP-адреса;

4) к DNS можно прибегнуть для выявления прокси-серверов, которые применяются злоумышленниками для скрытия своего местоположения и действий;

5) определить неправильное использование зоны DNS. Некоторые пользователи могут применять неправильно настроенную зону DNS для

обеспечения доступа к нелегальному контенту или распространения вредоносных программ. DNS-данные могут помочь в выявлении таких случаев.

6. *Резервные копии* файлов и системы — ресурсы, содержащие информацию о предыдущих действиях пользователя. Они могут быть полезными инструментами для выявления электронно-цифровых следов в случае кибератак или в рамках обеспечения информационной безопасности.

Когда система компьютера подвергается атаке, злоумышленники могут попытаться стереть следы, чтобы скрыть свое присутствие в системе. Однако, если есть доступ к резервным копиям, можно проанализировать изменения, произошедшие в файловой системе и реестре, и выявить аномалии, которые могут указывать на наличие вредоносного программного обеспечения. Резервные копии также могут быть полезны для проведения цифровой экспертизы при расследовании многих преступлений в сфере компьютерной информации.

Когда установлен факт нарушения безопасности информационной системы, следователи могут использовать резервные копии, чтобы проанализировать файлы и обнаружить, какие данные были украдены или изменены. Однако следует иметь в виду, что резервные копии не всегда создаются, помимо этого они могут быть повреждены или безвозвратно уничтожены в результате атаки на систему. Соответственно, для эффективного использования резервных копий в качестве инструмента выявления электронно-цифровых следов необходимо иметь грамотный план восстановления и резервирования данных и регулярно проверять их на наличие повреждений.

7. *Файл-следы* — физические и электронные доказательства, оставленные на «месте преступления», которые используются в криминалистике для идентификации преступника или установления факта преступления. Они включают в себя информацию о том, какие файлы были открыты и изменены, какие программы были запущены, какие веб-сайты были посещены и многое другое. Эта информация может помочь определить, какие действия были совершены на компьютере, кем и когда. Использование файл-следов также может помочь восстановить удаленные данные или информацию, которая была закрыта или изменена. Файл-следы применяются, когда нужно найти информацию:

- 1) об активности пользователя на компьютере;
- 2) о системе, которая была скомпрометирована;
- 3) в случае кражи или утери устройства;
- 4) о времени использования компьютера в преступной деятельности и о связанных с этой деятельностью данных и др.

Кроме того, такие файлы применяются, когда нужно провести аудит безопасности компьютерной системы. Файл-следы могут быть собраны с помощью различных инструментов, в том числе посредством программ специального назначения или операционной системы. Важно защитить их от несанкционированного доступа, так как они могут содержать особо важную информацию для безопасности системы и персональных данных пользователей.

8. *Метаданные файлов* в криминалистике — это информация, которая содержится в файлах и относится к их свойствам и характеристикам, таким как автор, размер файла, тип файла и его формат, дата создания, дата изменения, местоположение и т.д. [15, с. 298]. Такие данные часто применяются в качестве доказательств при расследовании, так как могут помочь установить время и место создания или изменения файла. Например, если файл, содержащий нарушающий закон контент, был создан или изменен на компьютере подозреваемого в определенное время, метаданные могут помочь в установлении его причастности к делу.

Эти данные могут быть использованы для выявления и фиксации электронно-цифровых следов. Например, метаданные фотографии могут указать дату и место съемки, а также информацию об устройстве, с помощью которого была сделана фотография. Эта информация может быть использована для определения мест, где находилось устройство в момент съемки, а также для выявления связей между различными фотографиями и местами, людьми, которые на них изображены и прочее.

Метаданные также применяются для установления электронно-цифровых следов в электронной почте, например, информации об отправителе и получателе, а также даты отправки и времени получения, что позволит установить акт взаимодействий между людьми на определенном отрезке времени. Использование метаданных для выявления электронно-цифровых следов может быть полезно не только при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, но и при поиске пропавших людей, в контрразведывательных операциях и т.д. Однако стоит помнить, что метаданные могут быть изменены или удалены, поэтому необходимо использовать и другие методы сбора электронных следов для подтверждения полученной информации.

9. *Информация об учетных записях пользователей* — важный инструмент для выявления электронно-цифровых следов при расследовании таких противоправных действий, как сетевые атаки,

фишинг, персональные кибератаки. Информация об учетных записях (например, история авторизации и данные профиля) может дать представление о предыдущих действиях пользователя.

В процессе анализа данных об учетных записях можно выявить следующие элементы:

1) вход в систему. Это может быть полезно для установления факта несанкционированного доступа к системе;

2) активность пользователя. Информация об учетных записях может содержать данные о частоте и времени прибывания в сети, об этом свидетельствует открытие файлов, установка программ, посещение веб-сайтов и т.д. Это может помочь выявить незаконную деятельность пользователя и уличить его в совершении преступления;

3) наличие у пользователя особых функциональных привилегий (к примеру, права администратора, модератора, редактора) и расширенного доступа в системе. В качестве примера можно привести приговор Октябрьского городского суда (Республика Башкортостан) от 29 июля 2020 г., в котором установлено, что г-жа Д., работая специалистом офиса обслуживания и продаж в г. Октябрьский ПАО «Вымпел-Коммуникации» — Казанский филиал, используя индивидуальный и конфиденциальный логин и пароль для работы в компьютерной программе «1С», содержащей персональные данные клиентов ПАО «Вымпел-ком» и персональные данные их лицевых счетов, используя свое служебное положение, из корыстной заинтересованности совершила неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, что повлекло модификацию компьютерной информации (подсудимая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ) (*Приговор Октябрьского городского суда от 29 июля 2020 г. № 1–243/2020*).

4) изменения в учетных записях. Информация об изменениях в учетных записях может помочь выявить попытки злоумышленников поменять пароли, получить доступ к системе и т.д. Кроме того, данные об учетных записях могут быть использованы для создания профилей пользователей и формирования правил безопасности. Например, можно установить правило, согласно которому только избранные пользователи могут обходить определенные протоколы защиты на компьютере.

Таким образом, информация об учетных записях является важным инструментом для выявления электронно-цифровых следов и защиты системы от киберугроз, а также значимым инструментом кибергиены [3, с. 46].

10. *Виртуальные машины* в криминалистике — это программные средства, которые используются для создания изолированной среды, имитирующей работу реального компьютера или устройства. Применение виртуальных машин может помочь получить информацию о предыдущей деятельности пользователя в изолированной среде [14, с. 62–70; 11, с. 47–58].

Такие машины позволяют специалистам анализировать информацию и собирать данные на основе метода моделирования, но при этом не изменять данные, которые могут быть использованы в качестве доказательств в уголовном процессе. С помощью данных технологий можно провести эксперимент, к примеру, симитировать действия подозреваемого и потерпевшего в сети, понять принцип работы вредоносного программного обеспечения и многое другое. Виртуальные машины могут быть использованы для расследования кибератак и алгоритмов действий хакеров, мошенников, изучения вирусов и т.д.

Таким образом, нами было определено, что на сегодняшний день существуют следующие способы фиксации электронно-цифровых следов: лог-файлы, интернет-архивы, cookies, история браузера, Domain Name System, резервные копии, файл-следы, метаданные, информация об учетных записях пользователей, виртуальные машины. Приведенные нами способы получения информации не являются исчерпывающими. Можно отметить, что универсального способа фиксации и обнаружения электронно-цифровых следов не существует, каждый из них обладает как преимуществами, так и недостатками. Для их использования следователю в любом случае потребуется разрешение суда, поскольку работа по поиску электронно-цифровых следов предполагает иногда незначительное, а порой и масштабное вмешательство в работу систем, в которых хранятся персональные данные пользователей. Компетентному следователю требуется знать и владеть как можно большим арсеналом инструментов сбора и фиксации электронно-цифровых следов.

Следует учитывать важное правило при фиксации электронно-цифровых следов — это обеспечение режима неизменности и защищенности данных. Запись образа данных всегда должна производиться на чистый носитель. Чтобы убедиться в том, что в процессе копирования в электронно-цифровой след не будет внесено никаких изменений, используются программно-аппаратные средства — блокираторы записи. Идентичность полученной копии и оригинала обеспечивается хеш-значениями — значениями фиксированной

длины, состоящими из уникальной шестнадцатеричной комбинации символов.

Хеш-значение — это уникальная строка символов, которая получается путем применения определенного алгоритма хеширования к определенному набору данных — файлу или сообщению. Хеш-значение используется в криминалистике для идентификации и анализа электронных доказательств, таких как электронная почта, файлы, сообщения в социальных сетях и другие данные, полученные во время расследования преступлений. Эта технология действует как цифровые «отпечатки пальцев», поскольку хеш-значения уникальны для тех исходных данных, для которых были рассчитаны. Чтобы удостовериться, что исходные данные были сохранены во время создания образа, хеш-значения создаются для них и для копии. Если значения совпадают, оригинал и образ идентичны.

В ходе процесса сбора данных:

- обеспечивается сохранение компьютерной информации для неоднократного ее использования в процессе доказывания: при назначении экспертиз, предъявлении в ходе допроса и пр.;

- устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания (дата и время совершения преступления, электронный адрес, абонентский номер устройства в сети оператора связи, физический адрес места нахождения устройства и пр.);

- решается вопрос о относимости компьютерной информации;

- закрепляются сведения о процессуальных способах получения компьютерной информации для решения вопроса о ее допустимости.

Таким образом, мы можем сделать заключение о том, что реализация тактических действий по обнаружению и фиксации электронных следов преступлений в области компьютерной информации включает в себя несколько этапов. В первую очередь следователю требуется согласовать проведение всех процессуальных действий, предусмотренных законом, произвести осмотр места преступления. Только в таком случае электронно-цифровые следы могут быть использованы в уголовном процессе. Дальнейшие тактические действия следователя могут быть организованы следующим образом: проведение анализа состояния информационной системы после совершения преступления, сбор и анализ цифровых данных, включая извлечение электронных следов, таких как лог-файлы, базы данных, файлы, реестры, метаданные и т.д. Также важным этапом является фиксация цифровых следов на электронных и материальных носителях, а также сохранение информации о преступлении:

дата, место совершения, используемые технические устройства и программы. Следователь может использовать фото- и видеосъемку, осуществлять запись на флеш-накопители или диски, создавать резервные копии и др. После этого следует про-

вести глубокий анализ, изучение и интерпретацию цифровых данных, а в случае необходимости обратиться за экспертной помощью. Наконец, следователь на завершающем этапе должен составить отчет о выполненных действиях.

Литература

1. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 46–52.
2. Большаков М.С. Особенности получения электронных следов при расследовании дистанционных мошенничеств // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7–1. С. 213–215.
3. Гуляева О.А., Андреев А.В., Мардас Д.А. Роль кибергигиены, биометрии в обеспечении цифрового суверенитета компаний в современных экономических условиях // Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 46–50.
4. Куприянов Д.Ю. Способы фиксации электронных следов при расследовании мошенничества в денежно-кредитной сфере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–4 (55). С. 45–49.
5. Кутыев А.Т., Бекенева Я.А. Среда имитационного моделирования генерации лог-файлов при мониторинге событий // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. 2022. № 1. С. 14–21.
6. Мещеряков В.А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике: монография. М.: Проспект, 2022. — 176 с.
7. Мещеряков В.А. Следы цифрового века // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 423–426.
8. Перов В.А. Электронные следы при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалют // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 108–111.
9. Трошенкова А.И. Роль судебной компьютерно-технической экспертизы в раскрытии преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12–2 (51). С. 91–94.
10. Шигуров А.В., Шигурова Е.И. Проблемы правовой регламентации использования электронных следов и электронных носителей информации при производстве по уголовному делу // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 53–63.
11. Штеренберг С.И., Москальчук А.И., Красов А.В. Разработка сценариев безопасности для создания уязвимых виртуальных машин и изучения методов тестирования на проникновения // Информационные технологии и телекоммуникации. 2021. Т. 9. № 1. С. 47–58.
12. Kristol D.M. HTTP Cookies: Standards, privacy, and politics // ACM Transactions on Internet Technology. 2001. Т. 1. № 2. С. 151–198.
13. Claire E.L. Broad Band: The Untold Story of the Women Who Made the Internet. New York: Portfolio/Penguin, 2018. — 288 с.
14. Kirov D.E., Toutova N.V., Vorozhtsov A.S., Andreev I.A. Feature selection for predicting live migration characteristics of virtual machines // T-Comm. 2021. Т. 15. № 7. С. 62–70.
15. Wodtke C., Govella A. Information Architecture: Blueprints for the Web. London: Pearson Education, 2009. — 312 с.

References

1. Bessonov A.A. O nekotorykh vozmozhnostyakh sovremennoi kriminalistiki v rabote s elektronnyimi sledami [On some possibilities of modern criminalistics in working with electronic traces]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Bulletin of the O.E. Kutafin University]*, 2019, no. 3 (55), pp. 46–52. (In Russian, abstract in English)
2. Bol'shakov M.S. Osobennosti polucheniya elektronnykh sledov pri rassledovanii distantsionnykh moshennichestv [Features of obtaining electronic traces in the investigation of remote frauds]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii [Public safety, legality and law and order in the III millennium]*, 2021, no. 7–1, pp. 213–215. (In Russian, abstract in English)

3. Gulyaeva O.A., Andreev A.V., Mardas D.A. Rol' kibergigieny, biometrii v obespechenii tsifrovogo suvereniteta kompanii v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [The role of cyber hygiene, biometrics in ensuring the digital sovereignty of companies in modern economic conditions]. *Innovatsii i investitsii [Innovations and Investments]*, 2021, no. 11, pp. 46–50. (In Russian, abstract in English)
4. Kupriyanov D. Yu. Sposoby fiksatsii elektronnykh sledov pri rassledovanii moshennichestva v denezhno-kreditnoi sfere [Methods of fixing electronic traces in the investigation of fraud in monetary sphere]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 2021, no. 4–4 (55), pp. 45–49. (In Russian, abstract in English)
5. Kut'yev A.T., Bekeneva Ya.A. Sreda imitatsionnogo modelirovaniya generatsii log-failov pri monitoringe sobytii [Environment for simulation of log file generation during event monitoring]. *Izvestiya SPbGETU LETI [News SPbSETU LETI]*, 2022, no. 1, pp.14–21. (In Russian, abstract in English)
6. Meshcheryakov V.A. Teoreticheskie osnovy mekhanizma sledoobrazovaniya v tsifrovoi kriminalistike [Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital criminology]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 176 p. (In Russian)
7. Meshcheryakov V.A. Sledy tsifrovogo veka [Traces of the digital Age]. *Voprosy ekspertnoi praktiki [Questions of expert practice]*, 2019, no. 1, pp. 423–426. (In Russian, abstract in English)
8. Perov V.A. Elektronnye sledy pri rassledovanii ugovolnykh del o prestupleniyakh s ispol'zovaniem kriptovalyut [Electronic traces in the investigation of criminal cases of crimes using cryptocurrencies]. *Vestnik Moskovskoi akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]*, 2020, no. 4 (26), pp. 108–111. (In Russian, abstract in English)
9. Troshenkova A.I. Rol' sudebnoi komp'yuterno-tekhnikeskoi ekspertizy v raskrytii prestuplenii [The role of forensic computer-technical expertise in solving crimes]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 2020, no. 12–2 (51), pp. 91–94. (In Russian, abstract in English)
10. Shigurov A.V., Shigurova E.I. Problemy pravovoi reglamentatsii ispol'zovaniya elektronnykh sledov i elektronnykh nositelei informatsii pri proizvodstve po ugovolnomu delu [Problems of legal regulation of the use of electronic traces and electronic media in criminal proceedings]. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya [Humanitarian and political-legal studies]*, 2020, no. 1 (8), pp. 53–63. (In Russian, abstract in English)
11. Shterenberg S.I., Moskal'chuk A.I., Krasov A.V. Razrabotka stsensariiev bezopasnosti dlya sozdaniya uyazvimykh virtual'nykh mashin i izucheniya metodov testirovaniya na proniknoveniya [Development of security scenarios for creating vulnerable virtual machines and studying penetration testing methods]. *Informatsionnye tekhnologii i telekommunikatsii [Information Technologies and Telecommunications]*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 47–58. (In Russian, abstract in English)
12. Kristol D.M. HTTP Cookies: Standards, privacy, and politics. *ACM Transactions on Internet Technology*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 151–198. (In English)
13. Claire E.L. Broad Band: The Untold Story of the Women Who Made the Internet. New York, Portfolio/Penguin Publ., 2018. 288 p. (In English)
14. Kirov D.E., Toutova N.V., Vorozhtsov A.S., Andreev I.A. Feature selection for predicting live migration characteristics of virtual machines. *T-Comm*, 2021, vol. 15, no. 7, pp. 62–70. (In English)
15. Wodtke C., Govella A. Information Architecture: Blueprints for the Web. London, Pearson Education Publ., 2009. 312 p. (In English)

КРИМИНОЛОГИЯ

ЭКОКРИМИНОЛОГИЯ (OIKOSCRIMENLOGOS): ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНО-МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИНТЕГРАЦИИ И СИНХРОНИЗАЦИИ МОДУЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН (СИСТЕМ И ИНТЕГРИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)

Тангиев Бахаудин Батырович

***Цель:** обосновать научное направление «экокриминология» (oikoscrimenlogos) как частную дисциплину отечественной криминологии.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** В рамках экокриминологии обеспечена как неразрывная комплексность самих исследований, так и эффективность подготовки кадров в целях создания действенной национальной системы экобезопасности, что и является трансдисциплинарно-мультимодальным подходом. На основе анализа учебных программ, пособий, методических указаний и проводимых исследований (НИР) в области экокриминологии выявлены типичные ошибки, на которые автор, основатель данного научного направления (одной из ведущих отраслей криминологии), обращает внимание, дает разъяснения и рекомендации. На практике при разработке учебно-методических материалов приобретает существенное значение создание не отдельных компонентов, а их систем (многофункционального научно-образовательного конгломерата), формируемых как объединение отдельных видов учебных (научно-практических) изданий на основе общего теоретического, методического, эмпирического фундамента с использованием модульного принципа построения контента настоящей трансдисциплинарно-мультимодальной дисциплины.*

В решении основной задачи подготовки высококвалифицированных специалистов в области теории и практики, овладения научно-исследовательскими навыками и вовлечения мыслящих криминолого-криминалистическими категориями молодых соискателей в поиск экокриминологической истины автор излагает свое видение и пройденный научно-практический путь в становлении и международном признании экокриминологии. Ее развитие обуславливается закономерностями компаративистского подхода, взаимодействия и вовлечения в данный трансдисциплинарно-мультимодальный процесс всех заинтересованных отраслей науки.

Знаменательно, что в 2023 г. к своему 25-летию отечественная экокриминология подходит в статусе трансдисциплинарно-мультимодального научного направления. Это связано в первую очередь с тем, что использование эмпирической базы экокриминологии позволило разработать авторскую концепцию взаимосвязанных и взаимообусловленных модулей, входящих в архитектуру экокриминологического мониторинга и построения единой системы экобезопасности. Действенность обеспечивается соответствующими блоками поддержки — модулями.

- 1. Модуль — экodeвиантология.*
- 2. Модуль — экoвиктимология (криминогенная экoвиктимизация социума).*
- 3. Модуль — криминалистика охраны окружающей среды (экокриминалистика).*
- 4. Модуль проблем обеспечения действенности системы экобезопасности и создания единого экомониторинга, включающего экокриминологические параметры, инновационные технологии.*

5. Модуль проблем противодействия национальной и транснациональной экотеррористической преступности.

6. Модуль проблем обеспечения национальной безопасности, связанных с экотерроризмом, экодиверсиями, экоэкстремизмом, экокоррупцией, незаконной торговлей компонентами окружающей среды, экоопасной для здоровья нации продукцией — трансгенной пищевой продукцией (генетически модифицированной), запрещенными биотехнологиями и технологиями генной инженерии, экоконтрабандой, незаконной торговлей отходами, опасными веществами и прочими аспектами, входящими в юрисдикцию обеспечения безопасности.

7. Модуль информационно-криминологическо-криминалистических методов и технологий (АСЭКМ, ГИЭКС, ЭКОВОС, ИКТ) экокриминологии по выявлению, оценке, прогнозированию экокриминогенных рисков, экокриминологических требований при проведении экокриминологической экспертизы (ЭКЭ).

8. Модуль цифровой экокриминологической трансформации и экокриминологического моделирования.

9. Модуль — система управления экокриминогенными рисками и их профилактики (СУПЭР). Диверсификация экорисков.

10. Модуль международной экокриминологии. Проблемы и пути развития в многополярном мире.

Без тщательного изучения (исследования) и внедрения указанных модулей и комплексного, компаративистского подхода в подготовке высококвалифицированных специалистов — экокриминологов, криминалистов охраны окружающей среды, специалистов (на уровне экспертов) уголовного, уголовно-процессуального и экологического права, контрольно-надзорных и судебно-следственных органов в данной сфере, включая специализированные адвокатские экокabinеты, добиться действенности системы экобезопасности, решения проблем квалификации, расследования экологических преступлений на практике будет проблематично.

Таким образом, развитие экокриминологии как трансдисциплинарно-мультимодального научного направления позволило не только разработать присущие ей методы информационно-криминологических технологий (ИКТ), экокриминологических экспертиз (ЭКЭ), но и сформулировать принципы и требования к методам и средствам разработки указанных модулей, оценить их значение в подготовке специалистов, проведении исследований в данной области и востребованность в правоприменительной практике. В силу регламента ряд вопросов освещается в настоящей статье в кратком формате, желающим более детально ознакомиться с темой в заключении представлены источники и рекомендуемая литература.

Научная и практическая значимость. Статья будет полезна для учащихся и преподавателей юридических учебных заведений, а также юристов, изучающих проблемы экологической преступности и борьбы с ней. Она также будет способствовать развитию инновационных технологий в криминологической науке.

Ключевые слова: экокриминология, *oikoscrimenlogos*, этимологическая и терминологическая система, трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление, мультимодальность и трансдисциплинарность российской экокриминологии, криминалистика охраны окружающей среды, система управления экорисками, экобезопасность, учебно-методический комплекс экокриминологии.

Постановка проблемы

1. Типичные ошибки в определении названия дисциплины и предмета научного исследования

Отсутствие учебно-методического комплекса, учитывающего единые терминологические подходы и методические принципы построения образовательного контента по направлению «экокриминология», а также унифицированных технологических и инновационных эмпирических разработок при проведении междисциплинарных экокриминологических исследований приводит к типичным ошибкам, порой переходящим в системные.

В этой связи выдающийся ученый в области природоресурсного и экологического права О.С. Колбасов в своей работе «Терминологические блуждания в экологии» отмечал, что «развитие права всегда сопряжено с обсуждением и фор-

мированием терминологии. Право как регулятор человеческого поведения тем эффективнее выполняет свою роль, чем более верно концептуалистически и лингвистически выражены его констатации, предписания, дозволения и запреты. Необходимость осмысления юридической терминологии существует всегда. Но знание этой необходимости повышается в периоды, когда происходят существенные структурные изменения в праве, обусловленные историческими потребностями. В эти периоды приходится особенно тщательно обдумывать и смысл происходящих перемен, и значение соответствующих им терминологических преобразований» [1].

Дабы исключить терминологические противоречия или блуждания, для начала разберемся в экзистенциально-онтологическом обосновании, этимологическом происхождении относитель-

но синонимичных терминов «экокриминология» и «экологическая криминология» и допустимости терминологической синонимии.

С академической научно-методической позиции назвать учебную или научную дисциплину (отрасль, научное направление, предмет исследований) «экологическая криминология» с использованием двух «логос» недопустимо (у каждой из этих дисциплин своя парадигма, предмет и методология). Две парадигмы в названии одной дисциплины (отрасли) — абсурд, грубейшее нарушение терминообразования (терминологических и этимологических систем), при этом употребление допустимо только как синонимический термин в общелитературном метафорическом понимании, но в не названии научной (учебной, учебно-методической) дисциплины и одноименных НИР (диссертации по данной дисциплине с двумя «логос» также были отклонены).

Экокриминология (*oikoscrimenlogos*) включена в Реестр новых научных направлений (№ 0382 РАЕ). Первая монография вышла в свет под эгидой и рецензированием ведущих ученых СПбУ МВД России [2].

Ведущими экспертами — экокриминологами, социологами, экологами, учеными естественных наук и других областей науки принят за основу **получивший международное признание термин «экокриминология — *oikoscrimenlogos*»** (за весь период ни одной дискуссии и отрицательного отзыва).

Экокриминология (*oikoscrimenlogos*) произошла от греч. *oikos* (эко) — дом, место обитания; лат. *crimen* — преступление; греч. *logos* — учение. Если дословно, учение (наука) о преступлении, совершенном в общем доме — доме, в котором живет человечество. Общее название дома (экосистема планеты Земля) — *oikos* (эко), отсюда *oikoscrimenlogos* — наука о преступлениях, посягающих на общий дом — окружающую среду [3].

Отсюда все составные родовые термины с корнем «эко» если имеют «логос», то непременно только один: эколог, экологическое право, экологизация, экологичность, экоцентр, экоцид, экогенез, экосфера и т.п. Все слова, которые начинаются на «эко» и содержат «логос», являются международными и не требуют перевода, то же касается термина «кримен», отсюда экокриминология — международный термин, не требующий перевода. «Эко» произошло от древнегреческого *oikos*, *logos* — тоже от древнегреческого слова, *crimen* — от древнеримского (латынь), отсюда — *oikoscrimenlogos*.

В основе этого термина лежат также **закрепленные законодателем дефиниции**, производные

с корнем «эко» — от древнегреческого *oikos*, связанные с дословным (прямым) переводом, а именно в области уголовного законодательства, куда входит уголовное право с единственным его источником — Уголовным кодексом. Но коль скоро и криминология вышла из недр этого права, то и криминологам (сомневающимся) предлагается открыть ст. 358 УК РФ, которая так и называется «Экоцид», и ни у кого не возникает сомнений, что это «экологический цид».

Напрашивается закономерный вопрос: чем руководствовался законодатель (регулятор) при определении названия ст. 358 УК РФ, и что помешало указать полную версию «экологический цид». Экоцид — от греч. *oikos* «дом» + лат. *caedo* «убиваю». При анализе происхождения термина «цид» законодатель также рассматривал этимологическое происхождение и сопоставлял термин «экология» (от др. — греч. *oikos* — жилище, местопребывание и *lógos* — учение) — естественная наука (раздел биологии) о взаимодействиях живых организмов между собой и с их средой обитания, об организации и функционировании биосистем различных уровней (популяции, сообщества, экосистемы) (*Словари и энциклопедии на Академике // [Электронный ресурс]: URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 10.07.2023)*).

Очевидно, что законодатель объективно и научно обоснованно исходил из того, что экоцид — убийство (*caedo* — убиваю) нашего общего дома (окружающей среды, экосистемы). В противном случае при полном наименовании ст. 358 УК РФ «**Экологический цид**» — убиваю (убийство) естественную науку (или убиваю раздел учения о биологии) о нашем общем доме (окружающей среде). Поэтому словосочетание с учением (*logos*) в данном контексте недопустимо (приводит к абсурду).

Что, по сути, тождественно, если при полной версии словообразования «экологический цид» означает «убиваю учение», то в полном термине «экологическая криминология» то же самое, только вместо «убиваю», дословно переводится как учение (логос) о преступлении, посягающем на логос — учение, науку, изучающую окружающую среду (преступление в отношении учения об общем доме — экосистеме).

По аналогии разберем, какое наименование трансдисциплинарно-мультимодального научного направления и учебной дисциплины наиболее обоснованно: «экокриминология» (*oikoscrimenlogos*) или «экологическая криминология». На первый взгляд это синонимичные определения. В целом разночтений здесь нет, эти термины можно воспринимать как синонимы, но лишь отчасти. По-

судите сами, «экологическая криминология», первое слово от «экология» — учение о нашем общем доме (экосистеме), второе «криминология» — учение о преступлении (преступности), то есть получается учение в учении. Тогда вопрос: какое в каком, криминологическое в экологическом или наоборот? К чему могут привести два логоса? Если учение выделяется как относящееся к одноименной отраслевой науке, то это конкретно должно выражаться в термине (наименовании), в противном случае, если на первом месте учение (наука) об экологии (с логосом), то и заниматься ею должны экологи. По существу, каждая из них является самостоятельной наукой, имеет свой предмет и методологию.

Необходимость выделения конструкции предмета в классическом понимании связана в первую очередь с тем, что это исходная точка, отправной момент определения места экокриминологии в системе научных знаний (направлений), наряду с другими направлениями и отраслями (дисциплинами). В настоящее время невозможно правильно решать проблемы экологической преступности, их влияния на экобезопасность, возрастающего рецидива и латентности по отдельным составам экологических преступлений на основе традиционных методов. Более того, использование устаревших методов для решения усложнившихся задач и повышенных экорисков может привести к негативным последствиям и необратимым процессам, определяющим фактором которых является экологическая преступность с причинами и условиями ее порождающими. Решать эти проблемы и призвана экокриминология, а предложенный термин наилучшим образом отражает суть предмета и четко очерчивает область научных изысканий.

Еще раз вникнем в этимологию: только вдумайтесь, и вы поймете от каких производных образуется лаконичный термин «экокриминология» — от греч. *oikos* (дом, место обитания), от лат. *crimen* (преступление), от греч. *logos* (учение).

Таким образом, при толковании по прямому назначению должен употребляться термин «экокриминология», а термин «экологическая криминология» может восприниматься как синоним только в обыденном восприятии (но не в строго научном или учебном), то есть это слово будет иметь как непосредственное, так и метафорическое значение (см. также другую криминологическую дисциплину, которую известный криминолог М.П. Клейменов назвал «этнокриминология», а не «этнологическая криминология»). Также никогда не будет дисциплины «экологическая цидо-

логия», а если кто-то и приступит к ее разработке, то назовет «экоцидология».

При этом важно отметить, что неслучайно известные криминологи основатели Первого специализированного криминологического онлайн-университета при создании Института частной криминологии наряду с другими кафедрами в состав включили кафедру под названием «экокриминология». Институт частной криминологии включает следующие 25 кафедр (рубрик): 1) криминотеология; 2) криминоглобалистика; 3) криминофамилистика; 4) криминоювенология; 5) криминопенология; 6) криминовиоленсология; 7) киберкриминология; 8) **экокриминология**; 9) этнокриминология; 10) наркокриминология; 11) криминомилитарология; 12) криминокультуроология; 13) криминосексология; 14) политическая криминология; 15) экономическая криминология; 16) гендерная криминология; 17) криминология организованной преступности (мафиология); 18) криминология преступного профессионализма; 19) спортивная криминология; 20) криминопедагогика; 21) криминоэнергетика; 22) управленческая криминология; 23) криминоюстициология; 24) сравнительная криминология; 25) зарубежная криминология (*Российский криминологический взгляд. Общая информация // [Электронный ресурс]: URL: <http://криминология.рф/journals/> (дата обращения: 07.08.2023)*).

На наш взгляд, дальнейшие дискуссии здесь не имеют под собой научно обоснованной дискуссионной платформы, но все же, если после приведенных доводов (аргументов) остаются оппоненты, то им следует первоначально добиться внесения соответствующих изменений в ст. 358 УК РФ, определиться с предметной составляющей термина «экологическая криминология», то есть логос в логосе расставить приоритеты, какое в каком из этих учений (наук) находится и допустимо ли это с филолого-лингвистической точки зрения, и допустимо ли переносное значение как дословное производное от исторически сложившейся этимологии словообразований (традиционно сложившейся в русской — российской науке) — производных древнегреческой и латинской терминологической системы, являющейся родовой этимологической основой.

Исходя из этимологии здесь важно то, что изучает представленное научное направление, емко и лаконично выражено в термине, вот почему необходимо внести ясность и официально лексикализовать название научной и учебной дисциплины. Очевидно, что назвать дисциплину «экологическая криминология», которая включает

в себя две самостоятельные науки (два логоса) — экологию и криминологию, каждая из которых имеет свою парадигму (предмет и метод), недопустимо, тем более что две парадигмы в одном названии не объединяются, и следует недопустимый дословный перевод, как мы ранее указывали (учение о преступлении посягающем (совершенном) на учение об общем доме (на науку об окружающей среде)).

При этом следует отметить, что монография впервые в международной и отечественной практике была издана под названием «Экокриминология (oikoskrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения». Вышла в свет под эгидой Министерства юстиции РФ, СПбУ МВД России, СПбГУВК и рецензированием заслуженных деятелей науки РФ, выдающихся ученых: В.М. Боера, Д.В. Гаскарова, Д.В. Ривмана, В.П. Сальникова, Д.А. Шестакова, а также редакционной коллегии в составе известных ученых: А.И. Бойцова (отв. ред.), Н.И. Мацнева (отв. ред), Б.В. Волженкина, Ю.Н. Волкова, Ю.В. Голика, И.Э. Звечаровского, В.С. Комиссарова, В.П. Коняхина, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, С.Ф. Милюкова, М.Г. Миненка, А.Н. Попова, М.Н. Становского, А.П. Стуканова, А.Н. Тарбагаева, А.В. Федорова, А.А. Эксархопуло. Данная монография также была одобрена и получила поддержку всемирно известных ученых В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Долговой и выдающихся ученых, выступивших на презентации данной книги в Русском географическом обществе (15 марта 2006 г.), среди них А.М. Воронцов, И.А. Соболев, Я.И. Гилинский, Б.А. Смыслов, Э.И. Слепян, В.В. Колесников, С.У. Дикаев, О.А. Лиходей, М.Н. Никанорова, В.Л. Попов, С.О. Барышников и другие ученые и практики в различных смежных областях науки [2, с. 428]. С момента издания не было ни одной отрицательной рецензии и отзыва.

Вывод. В поисках истины зарождаются новые научные направления — отрасли отечественной науки. На этом тернистом пути первооткрыватель сразу же сталкивается с проблемами формирования терминологического научно-понятийного аппарата для своего научного детища. И от того, насколько автор будет владеть эмпирической этимологией, семантической методологией, соблюдать обязательные требования (научные процедуры) по использованию определений терминосистемы, настолько предлагаемые термины (дефиниции) будут иметь успех в научном сообществе, пользоваться поддержкой при внедрении в научный оборот. Но даже

в этом случае надо быть готовым к тому, что найдутся отдельные оппоненты, стремящиеся опровергнуть устоявшиеся на протяжении длительного времени термины. Не желая рассматривать неопровержимые этимологические доказательства рождения этих терминов, вместо объективной критики они преследуют совсем иные цели, далекие от научного этикета и конструктивных дискуссий. В то же время отсутствие нормативной дефиниции термина, нуждающегося в определении, в системе российского права приводит к неправильному толкованию и, как следствие, необоснованному использованию разнородных (заимствованных) оценочных терминов. По мере возрастания количества междисциплинарных исследований требования к унификации терминов отечественной науки приобретают первостепенное значение.

II. *Криминалистика охраны окружающей среды (экокриминалистика)*

В своих ранних публикациях автор обосновывал необходимость выделения данного научного направления, требующего специальной подготовки экокриминалистов, обладающих междисциплинарными знаниями и правореализационными навыками, обеспечивающими достоверность проводимых экокриминалистических экспертиз. В период междисциплинарного развития экокриминологии, смежных дисциплин и был сформулирован автором термин «криминалистика охраны окружающей среды».

Криминалистика охраны окружающей среды (criminalistics of environmental protection) — от лат. *criminalis*, англ. *criminalistics* — относящийся к преступлению, посягающему на окружающую среду, экологическую безопасность. Это междисциплинарная отрасль криминологии, разрабатывающая средства и механизмы (технологии), частные методы расследования экологических преступлений, поисково-познавательные модели выявления и закрепления доказательной базы для судебно-следственной практики, меры профилактики и предупреждения данных преступлений.

Как мы отмечали, необходимо рассматривать все модули в единстве, так достигается мультимодальность (мультидисциплинарность) в обеспечении эффективности учебной и научной дисциплины (проводимой НИР). Выйти за границы предмета экокриминологии позволяет созданный НЭКК — научный эколого-криминологический комплекс по обеспечению экобезопасности и противодействию экопреступности [7]. По сути, НЭКК — это все же экокриминология,

но позволяющая выйти за рамки очерченных границ, расширить диапазон мультимодального (ничем не ограничиваемого) познания и достичь трансдисциплинарности в решении указанных проблем. Тем более что и сама транснациональная экопреступность, и ее необратимые последствия загрязнения не обременены какими-либо границами.

Для понимания представим, что есть музыканты, кто-то музицирует на фортепиано, кто-то на саксофоне, на ударных инструментах, есть соло-, ритм- и бас-гитарист, скрипач, клавишник и т.п. Все они виртуозы, но находятся в разных местах. Задача собрать их, сколотить хорошую музыкальную группу, провести репетиции и выйти на публику. Музыкантами в данном исполнении выступают специалисты различных областей науки: экологи, химики, представители технических специальностей, юристы и т.п., а в качестве организатора-дирижера — экокriminalология. Поскольку приоритетная роль экокriminalологии в борьбе с экопреступностью очевидна, то думается, что ее дирижерство никто не будет оспаривать. В этом и заключается суть трансдисциплинарности.

Наряду с этим экокriminalология служит теоретическим базисом для дальнейшей разработки **методологии криминалистического исследования окружающей среды** по закреплению вещественных доказательств (следов экологических преступлений), в области совершенствования экологического контроля, экологического надзора, проведения объективной экокriminalистической экспертизы. Так зародилась идея создания криминалистики охраны окружающей среды.

Более детальной разработке методов криминалогической цифровой трансформации и криминалого-криминалистического моделирования на примере экокriminalологического мониторинга и концепции противодействия экологической преступности с помощью авторских информационно-криминалогических технологий посвящена монография «Кriminalология. Контроль и противодействие экологической преступности» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 342 с.).

Для понимания сути информационно-криминалогических технологий, апробированных и предложенных автором для включения в систему экобезопасности (в качестве блока криминалого-криминалистической поддержки), в упрощенном виде их можно представить следующим образом.

1. В геоинформационный блок на заданной (обследуемой) территории закачивается искомая информация по предприятиям, представляющим потенциальную угрозу превышения ПДК загрязня-

ющих веществ в выбросах и сбросах, вплоть до молекулярного строения таких соединений. Одни предприятия при изготовлении продукции выделяют фенолы, другие бензапирен и прочие токсичные вещества, связанные с нелегальной или аварийной эмиссией химических соединений, представляющие угрозу населению в заданном квадрате.

2. При обнаружении осадков (выбросов) этих загрязняющих веществ в атмосфере, аквасфере берется пробник и помещается в блок обработки, который идентифицирует, отождествляет его с размещенными в первом блоке образцами по количественному и качественному составу. Так определяется предприятие — источник загрязнения, которому присущи эти токсичные вещества (погрешность не более 5%). Информация передается в третий блок, который располагает действующей судебно-следственной практикой и соотносит деяние с нормами законодательства — соответствующей статьи КоАП РФ или УК РФ (квалификация состава экопреступления или экоправонарушения). Четвертый блок выдает экспресс-анализ возможных последствий экокriminalогенной ситуации или ЧЭС, включая порядок действий заинтересованных лиц. Пятый блок профилактики (экодевиантологии) указывает, были ли ранее на выявленном предприятии нарушения обязательных требований в обеспечении экобезопасности и какие меры предпринимались по их устранению, каков уровень экодевиантности сотрудников. Эковиктимологии устанавливают число жертв и их типологию, проводят эковиктимологическую профилактику.

3. Отсюда инспектору или другому заинтересованному лицу, осуществляющему контрольно-надзорную функцию, дознавателю или следователю остается только, вооружившись исходным экспресс-анализом, проследовать к установленному предприятию, провести проверку, неотложные следственные действия и назначить криминалистическую экспертизу. Практика показывает, что при представлении очевидных фактов в виде экспресс-анализа руководители этих предприятий становятся более покладистыми в даче показаний и желании установить очистные сооружения надлежащего качества, оплатить штраф, провести профилактические мероприятия. При обнаружении повторного нарушения им грозит приостановка деятельности предприятия до 90 дней с предусмотренными санкциями, в зависимости от состава экопреступления. Более детально работа всей системы и блоков поддержки рассмотрена автором в научно-практических изданиях (также в отдельных публикациях, см. список литературы).

Таким образом, весьма перспективным для получения наиболее полной и объективной картины экологической преступности представляется широкое использование прикладных методов исследования, отражающих современный отраслевой уровень научно-технического прогресса, на основе разработанных автором геоинформационных экокriminalогических систем и сопобов при проведении КОВОС — криминалогической оценки воздействий на окружающую среду. Также это автоматизированные системы экокriminalогического мониторинга (АСЭКМ) и другие экокriminalогические геоинформационные технологии. Их применение актуально и позволяет расширить спектр решаемых криминалогической и криминалистической наукой проблем по выявлению, оценке и прогнозированию экологической преступности, а также по проведению полной, всесторонней и объективной эколого-криминалогической экспертизы, что будет способствовать улучшению судебной-следственной практики и повысит эффективность профилактической деятельности правоохранительных и природоохранительных органов. Это в совокупности позволяет достичь более высоких результатов в обеспечении неотвратимости наказания, ответственности всех участвующих субъектов и предотвращения экокriminalогических рисков.

Экокriminalология за указанный период развития получила международное признание. А выделение в отдельную отрасль криминалогии позволило привести ее в соответствие с современной экологической доктриной, систематизировать и классифицировать экопреступления, сформулировать понятие экопреступника, экопреступности, обосновать ее причины и условия, дать анализ социальных последствий, а также выработать комплекс правореализационных механизмов, необходимых и достаточных для борьбы с такого рода преступлениями.

Экокriminalология прошла апробацию, в том числе путем внедрения в учебный процесс в ведущих вузах, публикаций в изданиях ВАК РФ и под эгидой РАН, и получила международное признание с 2005 г., ученые в данной сфере становились лауреатами всероссийских и международных конкурсов, обладателями различных наград, премий и номинаций, в т.ч. ООН и ЮНЭСКО, Данное направление активно внедряется за рубежом.

Создание отечественной экокriminalологии как нового научного направления позволило разработать систему управления экологическими рисками на основе присущей ей методологии информационно-криминалогических технологий и сфор-

мулировать принципы и требования к методам и средствам криминалистического исследования природных сред (различных экосистем). В рамках экокriminalологии было проведено междисциплинарное мультимодальное исследование, позволившее сформировать модуль криминалистики охраны окружающей среды, включающий комплексную экокriminalолого-криминалистическую экспертизу (ЭКК) и матричную профилактическую модель (превенции и предупреждения) — экосдевиантологию (экологическую девиантность), эковиктимологию (эковиктимность — учение об экожертве). Таким образом, автором была разработана концепция системы управления и профилактики экорисками, включающей систему обеспечения экобезопасности с соответствующими подсистемами, представленными в виде информационно-криминалогических (криминалистических) программных блоков поддержки) в структуре экокriminalолого-криминалистического мониторинга.

Особое внимание РАН обратила на исследования, проводимые Б.Б. Тангиевым в области прикладных правоприменительных изысканий экокriminalологии на междисциплинарной основе, на базе СПб НИЦЭБ РАН совместно с А.М. Воронцовым, М.Н. Никаноровой и В.К. Донченко. По результатам этих исследований возникло Постановление № 16 от 2 июня 2005 г., в котором Президиум Санкт-Петербургского научного центра РАН (СПбНЦ РАН) отметил своевременность развития данного направления, поскольку до сих пор негативное воздействие на окружающую среду, связанное с нелегальной или аварийной эмиссией химических соединений, представляет большую проблему в работе правоохранительных органов как с точки зрения выявления самого факта воздействия, так и с точки зрения экспертно-криминалистической деятельности при раскрытии и расследовании экологических преступлений. Своевременное выявление факта негативного воздействия на окружающую среду и определение источника загрязнения обеспечивают неотвратимость наказания и реальную возможность возложить бремя компенсационных мероприятий на виновника загрязнения в соответствии с действующим законодательством (например, в России это предусмотрено ФЗ «Об охране окружающей среды»). Так, под эгидой РАН РФ вышло в свет междисциплинарное научно-практическое издание «Научный эколого-криминалогический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности. Монография РАН РФ (в приложении — про-

граммы для подготовки специалистов)» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. — 515 с.).

В заключение следует отметить, что благодаря поддержке РАН РФ, СПб НИЦЭБ РАН, МАНЭБ, РАЕ, Российской ассоциации криминологов, СПБМКК, Академии безопасности, МАИСУ, ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова, СПбУ МВД России, СПбУ ГПС МЧС России и всесторонней популяризации российской экокriminalологии основные результаты отражались в журналах «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Криминологический взгляд», «Гражданин и право», «Право и государство», «Аграрное и земельное право», «Государство и право», других ведущих изданиях и международных сборниках НПК. Важно, что процесс внедрения продолжается.

Подводя итоги, отметим главное: благодаря нашим разработкам и предложениям, внесенными в исполнительные органы власти и профильные структуры, комитеты Госдумы, администрацию Президента РФ, было принято решение о внедрении этих прошедших длительную апробацию спецметодик для обеспечения действенности системы экобезопасности (ГИС, ИКТ, АСЭКМ, ЭКОВОС, ЭККЭ) и о включении этих разработок в новый единый экологический мониторинг на территории всей России. Президент

России В.В. Путин дал прямое указание о создании экомониторинга, включающего экокriminalологические ГИС-технологии, обеспечивающие не только выявление экопреступлений (экоправонарушений), но и оценку причиняемого вреда и неотвратимость наказания, например, см. Указ Президента, Поручение Правительству РФ (ответственный М. Мишустин), законодательный проект, готовящийся Минприроды, ГИС-технологии и внедрение их на электронной платформе ГосТех (материалы в свободном доступе на сайте Минприроды и др. источниках) (*Экология в России // [Электронный ресурс]: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Экология_в_России#2022 (дата обращения: 07.08.2023)*).

Государственная Дума РФ уже приступила к рассмотрению проекта федерального закона. Возможно, одновременно или отдельными законодательными актами будут внесены изменения во все нормативные правовые акты, связанные с проведением экомониторинга и экокriminalолого-криминологических экспертиз.

Знаменательно, что в 2023 г. к своему 25-летию экокriminalология невольской Школы преступных подсистем Д.А. Шестакова вносит достойный вклад в научную копилку российской правовой науки!

Список основной литературы при составлении учебно-методических комплексов и рабочих программ по дисциплине «экокriminalология»

1. *Тангиев Б.Б.* Экологическая преступность — основная угроза национальной безопасности России (уголовно-правовое исследование): монография. СПб.: ГеоГраф, 2004. — 182 с.
2. *Тангиев Б.Б.* Криминология экологической преступности (криминологический, уголовно-правовой анализ): монография. СПб.: ГеоГраф, 2004. — 156 с.
3. *Тангиев Б.Б.* Экокriminalология (oikoscrimenlogos). Экокriminalология = Ecocriminology: (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — 432 с.
4. *Тангиев Б.Б.* Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 342 с.
5. *Тангиев Б.Б.* Правоохранительные органы России и их деятельность в области обеспечения экологической безопасности, надзора и охраны окружающей среды. Учебное пособие. СПб.: ПаркКом, 2007. — 159 с.
6. *Тангиев Б.Б.* Научный эколого-криминологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. — 512 с.
7. *Тангиев Б.Б.* Экологическая девиантология. Эколого-криминогенные девиации // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2009. № 4 (5). С. 20–27.
8. *Тангиев Б.Б.* Теоретические и практические проблемы частных криминологических методик расследования экологических преступлений и предупреждения чрезвычайных экологических ситуаций // Право. Безопасность, Чрезвычайные ситуации. 2010. № 2 (7). С. 74–83.
9. *Тангиев Б.Б., Сазеева Н.Н.* Биоэлектромагнитная экология. Проблемы управления рисками при обеспечении жизнедеятельности // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2010. № 1 (6). С. 52–61.

10. *Тангиев Б.Б.* Экологическая девиантология: эколого-криминогенные девиации поведения // Гражданин и право. 2010. № 8. С. 51–58.
11. *Тангиев Б.Б.* Энциклопедия уголовного права. Т. 23. Экологические преступления. СПб., Изд. профессора Малинина — СПб ГКА, 2013. — 559 с.
12. *Тангиев Б.Б.* Автоматизированные системы эколого-правового мониторинга (АСЭПМ) и геоинформационные криминологические системы (ГИКС, ГИЭКС) как инновационная технология противодействия транснациональной экологической преступности // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 5 (9). С. 146–150.
13. *Тангиев Б.Б.* Экологическая криминология. Проблемы теории и методологии исследования экологической транснациональной преступности. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2014. — 450 с.
14. *Тангиев Б.Б.* Совершенствование геоинформационных технологий и автоматизированных систем экологического мониторинга по обеспечению безопасности аквасистемы региона на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области: монография. СПб.: СПГУВК, 2003. — 243 с.
15. *Тангиев Б.Б., Третьяков И.Л.* Геоинформационные технологии и автоматизированные системы эколого-правового (криминологического) мониторинга в решении проблемы обеспечения контроля экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 80–85.
16. *Тангиев Б.Б.* Экологическая безопасность водных объектов // Региональная экология. 2006. № 1–2 (26). С. 35–39.
17. *Тангиев Б.Б.* Экокриминология и ее научно-понятийный аппарат // Государство и право. 2006. № 4. С. 107–110.
18. *Тангиев Б.Б.* в соавторстве. Классификационный анализ экологической преступности как метод выявления приоритетных угроз экологической безопасности // Материалы Международной НПК «Правовые проблемы охраны окружающей среды» (17 мая 2006 г.). СПб., 2006.
19. *Тангиев Б.Б.* Проблемы правового обеспечения безопасности портов и мультимодальных транспортных систем. Концепция и приоритеты // Международная конференция «Безопасность портов и транспортных комплексов» (17–18 июня 2008 г.). СПб., 2008.
20. *Тангиев Б.Б., Сазеева Н.Н., Атаманова Н.О.* Экологическая девиантология (oikosdeviantology) как инструмент создания и развития гражданского общества, или Над экологической пропастью во лжи. Монография. Под общ. редакцией Б.Б. Тангиева. Свидетельство о депонировании произведения Российского авторского общества КОПИРУС (реестре) зарегистрировано в базе данных № 011–000818, от 17 марта 2011 г.
21. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Медимнов А.В., Тангиев Б.Б.* Модернизация системы экологической безопасности на основе инновационных методов оперативного реагирования на загрязнение вод и морской среды // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 6 (20). С. 13–18.
22. *Тангиев Б.Б., Курис И.В.* Безопасность жизнедеятельности в трансвом поле под влиянием ЭИВ // Тезисы XV Международного научного конгресса «Наука Информация Сознание» (1–3 июля 2011 г.). СПб., 2011.
23. *Тангиев Б.Б.* Научная криминологическо-криминалистическая инноватика в обеспечении модернизации системы экобезопасности и предупреждения ЧЭС // Дом ученых РАН им. М. Горького (СПб, 21.02.2012). СПб.: НИУ ИТМО, ИМБИП, 2012.
24. *Тангиев Б.Б.* К условиям ВТО: экокриминология и криминалистика охраны окружающей среды в решении проблем обеспечения безопасности продовольствия // IV Международный форум «Продовольственная безопасность России». 23–24 октября 2012 г. Правительство ЛО, СЗНЦ РАСН, Министерство сельского хоз-ва РФ. 2013.
25. *Ковалева Ю.В., Тангиев Б.Б.* Модульные технологии. Методология построения модульного образования по юридическим дисциплинам // Таможенные чтения — 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности. СПб., 2012. С. 281–285.
26. *Тангиев Б.Б.* Единая концепция обеспечения геоэкологической безопасности евроазиатского пространства // Евразийский научный форум: «Евразийская экономическая интеграция. Становление и развитие» (23 ноября 2012 г.). СПб., 2012.

27. *Тангиев Б.Б.* Экокриминология и экодевиантология как наука обеспечения экологической безопасности // IV Всемирный научный конгресс «Наука человеку и человечеству. Что дает и может дать современная наука» (22–23 ноября 2012 г.). СПб., 2012.

28. *Тангиев Б.Б.* Система «ЕврАзЭкоб» (единая ЕвроАзиатская система экобезопасности): информационно-правовая модель обеспечения экологической безопасности евроазиатского пространства // Евразийский научный форум «Евразийская экономическая интеграция: становление и развитие». СПб., 2013. С. 369–383.

29. *Тангиев Б.Б.* Международная экологическая криминология (International Oikoskrimen). Концепция, международно-правовые приоритеты борьбы с транснациональной экологической преступностью // Международная научно-практическая конференция «Правовые проблемы сотрудничества европейских государств по борьбе с транснациональной (международной) преступностью» (11–12 июля 2005 г.). СПб., 2005.

30. *Тангиев Б.Б., Габидова А.Е., Галынкин В.А.* Глобальный риск-менеджмент окружающей среды. Проблемы и перспективы системы управления // Евразийский научный форум «Интеграционные процессы на евразийском пространстве: успехи, проблемы, перспективы». Часть II. СПб., 2014. С. 152–164.

31. Правоведение: учебник для студентов (курсантов) высших учебных заведений морского и речного транспорта / науч. ред. Б.Б. Тангиев. СПб., Юридический центр Пресс, 2008. — 564 с.

32. *Тангиев Б.Б.* Экологические преступления. Раздел IV // Частная криминология: учебник / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 476–504.

33. *Тангиев Б.Б. Гносеология В.И. Вернадского и ее науковедческое значение для исследований* // Гражданин и право. 2013. № 6. С. 72–86.

34. *Гельдибаев М.Х., Тангиев Б.Б.* Прокурорский надзор: учебник по специальности «Юриспруденция». СПб.: Гидрометеоздат, 2004. — 388 с.

Список источников к отдельным темам модульных дисциплин «экокриминология»

1. *Тангиев Б.Б.* Концептуальные основы правового обеспечения системы экологической безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3 (26). С. 27–31.

2. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Тангиев Б.Б.* Классификационный анализ экологической преступности как метод выявления приоритетных угроз экологической безопасности // Правовые основы обеспечения экологической безопасности: материалы науч. — практ. конф. Санкт-Петербург. 27–28 ноября 2006 г. СПб., 2009. С. 48–56.

3. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Тангиев Б.Б. и др.* Водная экосистема как нетрадиционный объект криминологического исследования // Методологические проблемы экологической безопасности. СПб., 2008. С. 126–137.

4. *Воронцов А.М., Донченко В.К., Никанорова М.Н. и др.* Химико-токсикологический контроль морской среды на трассе Северо-Европейского газопровода // Материалы VIII Международного экологического форума «День Балтийского моря». СПб., 2007. С. 253–257.

5. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н.* Проблемы экологической преступности и поиск путей ее снижения // Государственный доклад о состоянии окружающей среды СПб и ЛО в 1998 г. Т. 2. СПб., 1999. С. 280–297.

6. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Мелентьев К.В.* Экспресс-контроль суммарного содержания органических веществ в водной среде методом озонохемилюминесценции // Водные объекты Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 73–79.

7. *Новикова Н.В., Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Пацовский А.П.* Озонохемилюминесцентные датчики для получения оперативной информации о состоянии водных объектов // Известия Орловского государственного технического университета. Серия: Информационные системы и технологии. 2008. № 4–3. С. 79–90.

8. *Воронцов А.М., Пацовский А.П., Никанорова М.Н.* Возможности применения озонохемилюминесценции для оценки содержания органических веществ в природной воде // Водные ресурсы. 2011. Т. 38. № 5. С. 548–552.

9. *Тангиев Б.Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos). Экокриминология = Ecocriminology: (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — 432 с.

10. *Тангиев Б.Б.* Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 342 с.
11. *Тангиев Б.Б.* Экологическая девиантология: эколого-криминогенные девиации поведения // Гражданин и право. 2010. № 8. С. 51–58.
12. *Тангиев Б.Б.* Научный эколого-криминологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. — 512 с.
13. *Фаткулин С.Т.* Виктимологический аспект экологических преступлений (в плане постановки проблемы) // Виктимология. 2015. № 4 (6). С. 41–45.
14. *Фаткулин С.Т.* Виктимологический аспект экологических преступлений // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 31–33.
15. *Страуниг Ю.А.* К вопросу об экологической виктимности в мегаполисе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 179–180.
16. *Квашис В.Е., Случевская Ю.А.* Виктимологический аспект экологической криминологии // Виктимология. 2018. № 4 (18). С. 6–13.

Литература

1. *Колбасов О.С.* Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27–37.
2. *Тангиев Б.Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos). Экокриминология = Ecocriminology: (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — 432 с.
3. Интервью *Тангиева Б.Б.* Международное признание // Гражданин и право. 2009. № 8. С. 24–32.
4. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1963. — 259 с.
5. *Прохорова В.Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет МГУ, 1996. — 125 с.
6. *Ивина Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминисистем. М.: Академический проект, 2003. — 301 с.
7. *Тангиев Б.Б.* Научный эколого-криминологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. — 512 с.

References

1. *Kolbasov O.S.* Terminologicheskie bluzhdaniya v ekologii [Terminological wanderings in ecology]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 1999, no. 10, pp. 27–37. (In Russian)
2. *Tangiev B.B.* Ekokriminologiya (oikoscrimenlogos). Ekokriminologiya = Ecocriminology: (oikoscrimenlogos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika primeneniya [Ecocriminology (oikoscrimenlogos). Ecocriminology = Ecocriminology: (oikoscrimenlogos). Paradigm and theory. Methodology and practice of application]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
3. Interv'yū Tangieva B.B. Mezhdunarodnoe priznanie [Interview with Tangiev B.B. International recognition]. *Grazhdanin i pravo [Citizen and law]*, 2009, no. 8, pp. 24–32. (In Russian)
4. *Shanskii N.M.* Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Essays on Russian word formation]. Moscow, MGU Publ., 1963. 259 p. (In Russian)
5. *Prokhorova V.N.* Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexico-semantic education)]. Moscow, Filologicheskii fakul'tet MGU Publ., 1996. 125 p. (In Russian)
6. *Ivina L.V.* Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem [Linguo-cognitive foundations for the analysis of branch term systems]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 301 p. (In Russian)
7. *Tangiev B.B.* Nauchnyi ekologo-kriminologicheskii kompleks (NEKK) po obespecheniyu ekologicheskoi bezopasnosti i protivodeistviyu ekoprestupnosti [Scientific Ecological and Criminological Complex (SECC) to ensure environmental safety and combat environmental crime]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2010. 512 p. (In Russian)

В ПОИСКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЗНАЧИМОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНО-СООРГАНИЗОВАННОГО ПОСТМОДЕРНА (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВИТАЛИЯ ЕФИМОВИЧА КВАШИСА)

Хомич Владимир Михайлович

Цель: раскрыть значимость научного и человеческого наследия выдающегося советского и российского ученого-юриста В.Е. Квашииса.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и системный метод.

Выводы. В.Е. Квашиис считал, сегодня важным представляется возрождение естественно-социального и гуманистического подхода к оценке правового статуса и состояния всех элементов социальной системы (человека, общества, государства). Это есть единственно возможный научный противовес политике тотальной насильственной роботизации человека и научный метод объективно криминологического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем.

Научная и практическая значимость. Приведенное авторское мнение может быть полезно для юристов и всех интересующихся развитием юридической науки и использовано при изучении российского права.

Ключевые слова: криминология, криминалистика, уголовное право, постмодерн, научное знание, правовые принципы, социально-правовая политика, борьба с преступностью, В.Е. Квашиис.

17 июля 2023 г. не стало Виталия Ефимовича Квашииса — доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, легендарного и самобытного советского и российского криминолога. Он ушел из земной жизни в мир вечного божественного бытия и человеческого успокоения необычно, но криминологически оправдано и спокойно. Он достиг в науке и в жизни того состояния, что необходимо для проявления и социального возвышения человеческого естества и собственной научной нормальности. Вот почему в последние годы он все более раздражался по поводу ненормальности в криминологической науке, которая сформировалась в эпоху постмодерна, не верил тому, что из постмодерна выхода нет, продолжал мужественно пользоваться собственным умом в поисках выхода криминологической науки и криминологического знания из маргинально-

го состояния. И за это мы должны быть ему по-человечески и по-научному благодарны.

Всегда, но особенно в последнее десятилетие, он был самостоятельным и независимым, прямым и дерзновенно точным в оценках криминологического знания, правовых принципов, состояния, тенденций и перспектив развития криминологической и уголовно-правовой науки, равно как и правоприменительной практики использования объективного криминологического контента для выстраивания реальной и бесконфликтной социально-правовой политики. В своих помыслах, научных посылах и изысканиях в таком опасном промысле, как борьба с преступностью, отстаивал социально-гуманитарный компромисс, протестовал против покорной кампанейщины и рискованного оптимизма в преодолении преступности исключительно силовыми методами, которые потенциально имеются в арсенале уголовного права и пред-

ставляют опасность и для современных создателей уголовного права.

По его мнению, криминология и уголовное право всегда должны сохранять единство содержательной конструктивности в социальной и законодательной политике государства, что обеспечивало бы гуманитарный общечеловеческий контекст в развитии уголовного права, сохранение социальной и правовой исключительности в определении преступного и наказуемого. Серьезное занятие криминологическим объяснением преступного всегда выступало и выступает социальным щитом от возможных планируемых и безрассудных манипуляций в уголовной политике государств. Поэтому современная российская криминология должна избавляться от интригующего «баловства» и серьезно заняться осмыслением криминологических детерминант современной преступности.

Он понимал, что криминология (криминологическое объяснение уголовного права, преступления и наказания) — занятие исключительно серьезное и небезопасное в эпоху криминологической неопределенности глобального социального и гуманитарного кризиса и конфликта политически и экономически организованных элит как на международном, так и на внутренне-государственном уровнях. Свидетельство тому — его последние работы, неоднозначно воспринимаемые современными творцами объективного права.

Передо мной третье издание избранных его трудов [1]. И как сам он заметил, «оно является последним». Поэтому автор включил в него целый ряд статей по современным проблемам криминологии и уголовной политики с высоким градусом оценочного кипения. По мнению В.Е. Квашиса, наш правовой режим незримо (?) для всех нас перешел в состояние, где правовое пространство законности нерационально и без общественной необходимости замещается репрессивным «регу-

лированием» социальных девиаций без уяснения их криминологического происхождения. Поэтому в рамках заданного памятного повествования обозначу только две его статьи в указанном издании: «Понятие уголовного права» [1, с. 276–289] и «Криминология: настоящее и будущее (пессимистические заметки оптимиста)» [1, с. 377–390].

Виталий Ефимович, взяв за основу концепцию понимания уголовного права, предложенную Ю.Е. Пудовочкиным в его работе «Учение об основах уголовного права» [2], *суть которой заключена в том, что уголовное право не может быть сведено к набору уголовно-правовых норм, что оно включает в себя три составные части: идеи, нормы и общественные отношения*, делает принципиальное заключение относительно определения метода и предмета уголовного права и уголовно-правового регулирования: «Существует <...> определенная группа общественных отношений, — заключает он, — которые не могут быть урегулированы какими-либо иными отраслями права, кроме уголовного права в качестве предмета уголовно-правового регулирования». И далее самое главное: «В качестве таковых следует рассматривать только одну группу общественных отношений — те, которые складываются в связи с совершением преступления между государством и лицом, совершившим преступление». Это не какие-то позитивные общественные отношения, регулируемые другими отраслями права. Это отношения запретительно-правоохранительные, отношения неотвратимости уголовной ответственности и наказания лица, совершившего преступление, отношения допустимости и обоснованности применения насильственного принуждения к преступнику со стороны государства, наконец, обоснованности отнесения определенных человеческих девиаций к числу преступных.

Охрана значимых социальных интересов общества от интересов, разрушающих его естественно-правовой порядок и систему обеспечения безопасности людей от *общественно опасных действий* человека путем объявления их в качестве преступных и наказуемых законами государства, — основообразующая **правовая функция** уголовного права. В этом, в общем-то, правильном методологическом положении на протяжении длительного исторического развития человеческих сообществ накопилось много политико-идеологических противоречий, теоретико-правовых конструкций и правовых позиций (и не без участия уголовно-правовой доктрины), которые на фоне социальных и далеко не гуманистических практик поведения субъектов социальной системы (чело-

века, общества, государства) дегуманизировали право и правовое регулирование различных сфер человеческой деятельности, включая и охранительную функцию уголовного права. Сегодня человек все больше вытесняется из правового поля защиты не только государственных интересов, но и интересов обеспечения собственной безопасности и общесоциальной свободы поведения. Инакомыслие все более постулируется как реальная угроза для установленного в обществе правопорядка. И все это происходит на фоне распространения идей об онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, обостряющейся его проблематизацией, и на этой основе постулируется субъективно-объективное допущение и принятие социальной сконструированности современного **мироправопорядка** вопреки его общечеловеческой данности и сущности. Отсюда и современная преступность — это те **ее особые проявления**, которые обусловлены не социальной данностью и нормальностью человеческого бытия в политико-организованном сообществе, а глобально изменяющимися технологическими конструкциями социального бытия человека. При этом мы исходим из того, что преступность не есть простая совокупность конкретных преступлений и их определенных видов, а криминогенно провоцирующее деструктивное состояние социальных систем, способных порождать преступность и ее качественно изменять до состояния социальной субъективной конструкции, а отсюда — и до правовой неопределенности.

Истоки такого состояния в сфере уголовной политики, по мнению В.И. Квашиса, связаны с отсутствием общественного спроса и востребованности со стороны государства объективного знания о криминологических детерминантах сохранения и воспроизводства преступности в современных человеческих сообществах. «Налицо <...> явное игнорирование криминологии властью, не желающей знать реальную картину криминальной ситуации» [3]. Криминологические знания должны формировать криминологическую реальность реального преступления — «границы преступного и наказуемого и понимание их сути. Но у нас эта реальность, уголовное законодательство и практика его применения существуют автономно ...» [3].

Переживая за нынешнее состояние криминологического знания, В.Е. Квашис, конечно же, верил в то, «что когда-нибудь наше общество поправится, и криминология вновь станет наукой востребованной, а проекты законов будут приниматься лишь после криминологической

экспертизы» [3]. При этом он исходил из того, что в России всегда была и ныне есть серьезная эмпирическая и практическая **составляющая** современной криминологии, несмотря на наличие методологических разногласий относительно ее предмета, структуры, функционального содержания и предназначения. Правда, однако, и то, что ее результаты пока не функциональны для формирования гуманитарной уголовной и судебно-уголовной политики, поскольку ориентируют уголовное право на самосохранение человека и его безопасности, а не на самосохранение интересов властвующих элит. В такой криминологии как научном знании и в таком ее существовании в системе юридического образования государство не в радости.

Сегодня криминологический дискурс формирования того, что должно признаваться преступным, формируется на государственных платформах (концепциях) национальной безопасности. В этом понятии сфокусированы болевые точки и недоразумения нашей отечественной криминологии. С точки зрения элитарных интересов власти, в обеспечении национальной безопасности в ее понимании наблюдается избирательный подход к криминологическим исследованиям и ее результатам. Отсюда достоверное и объективное криминологическое знание не востребовано и не функционально. Национальное уголовное право и деятельность уголовной юстиции сегодня также систематизируется и развивается в дискурсе обеспечения национальной безопасности. Отсюда функциональный разрыв между предметностью криминологических исследований и использованием их результатов в законодательной и правоприменительной деятельности уголовной юстиции.

Российское государство (и не только российское) сегодня ориентировано на сохранение элитарности власти, ее незыблемости под девизом обеспечения национальной безопасности. К тому же внешнеполитическая ситуация в мире, действительно существующие внешние угрозы этому потворствуют и это провоцируют.

Поэтому первостепенная задача российской криминологии — это многомерный структурированный криминологический анализ феномена и платформы национальной безопасности посредством человекомерной и естественно-правовой ее оценки. Методологические основания для этого в криминологической российской науке есть (см. работы Н.В. Щедрина).

Онтологическим основанием для обеспечения единства уголовного права и криминологии может

быть только человек и его интересы. Без *улучшения качества его внутренней жизни* решить базовые задачи, стоящие перед криминологией, невозможно. Отсюда сегодня совокупность тех криминологических, а посему и правовых позиций, которыми должны руководствоваться государства при определении понятия преступного деяния, находится в хаотически разбалансированном состоянии в отношении защиты базовых общечеловеческих ценностей.

Объективная криминологическая реальность, и только она должна формировать границы преступного и наказуемого поведения и понимание их сути — иного пути у криминологии и уголовного права нет и не может быть. Что касается криминологии, то она должна уходить из системы политического контроля и политического обслуживания и методологически выстраиваться как социальная и антропологическая технология оценки и прогнозирования возникновения, существования и самоуничтожения преступности.

Сегодня важным представляется возрождение естественно-социального и гуманистического подхода к оценке правового статуса и состояния всех элементов социальной системы (человека, общества, государства) как единственно возможного научного противовеса политике тотальной насильственной роботизации человека и научного метода объективно криминологического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая принятие предположения о том, что любое преступление есть следствие и результат не удовлетворяемой социальной потребности человека в его личностно-общественном бытии.

Таковым лично мне представлялся субъективный призыв корректно бунтующего криминолога, замечательного ученого и правоведа о вечности науки уголовного права и криминологии в их субъективном, но человеческом измерении. Спасибо ему за это.

Литература

1. *Квашис В.Е.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1067–2021 гг.). СПб.: Юридический центр, 2021. — 1164 с.
2. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. — 240 с.
3. *Квашис В.Е.* Криминология: настоящее и будущее (пессимистичные заметки оптимиста) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1(76). С. 76–82.

References

1. *Kvashis V.E.* Izbrannyye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii (1067–2021 gg.) [Selected writings in criminal law and criminology (1067–2021)]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2021. 1164 p. (In Russian)
2. *Pudovochkin Yu.E.* Uchenie ob osnovakh ugovnogo prava: leksii [The doctrine of the basics of criminal law: lectures]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 240 p. (In Russian)
3. *Kvashis V.E.* Kriminologiya: nastoyashchee i budushchee (pessimistichnye zametki optimista) [Criminology: Present and Future (pessimistic notes of an optimist)]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1(76), pp. 76–82. (In Russian)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О НАЛОГАХ И СБОРАХ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мальцев Олег Валерьевич

Цель: предложить авторское видение проблем, существующих в современном законодательстве о налогах и сборах, и научно обоснованные подходы к совершенствованию механизма правового регулирования в налоговой сфере.

Методология: методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический).

Выводы. Автор приходит к выводу о необходимости более критического отношения к законодательству о налогах и сборах для формирования возможности его совершенствования в интересах органов, осуществляющих налоговый контроль и исполнение обязанности налогоплательщиками.

Научная и практическая значимость. В статье рассмотрены отдельные проблемы налогового регулирования в РФ и определены возможные направления их решения как элемента укрепления и гармонизации отношений налогоплательщиков и государства в рамках построения института финансовой грамотности и безопасности. Предлагаемые рекомендации по совершенствованию законодательства о налогах и сборах позволят сформировать единообразный подход при применении его положений, избежать двойственности его толкования и обеспечить снижение финансовых рисков. Сформулированы рекомендации по совершенствованию нормативного, организационного, функционального и контрольного элементов законодательства, которые позволят оптимизировать деятельность органов власти и налогоплательщиков.

Ключевые слова: законодательство, налоговое законодательство, налог, риск, проблемы, безопасность.

Анализ налогового законодательства России, научной литературы, судебной практики позволяет выявить и обобщить имеющиеся в законодательстве проблемы, связанные с регулированием налогообложения как элемента финансовой безопасности. Понятие финансовой безопасности является составной частью более широкого понятия экономической безопасности, регламентируемой соответствующим федеральным законом «О безопасности» и Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической без-

опасности Российской Федерации на период до 2030 года». Угрозы финансовой безопасности могут не только исходить от внешнего контура, но и находиться внутри российского законодательства и быть связаны с противоречиями, неточностями и коллизиями, ведущими к невозможности правильного толкования и применения его положений участниками данных правоотношений. В статье предлагается рассмотреть некоторые проблемные, на наш взгляд, вопросы правовой регламентации налогообложения, что ведет к спор-

ным ситуациям при доказывании правомерности позиции сторон.

Среди таких проблем, считаем, можно указать на несовершенство понятийного аппарата, проявляющееся в несоответствии его внешнего выражения в конкретных нормах права, представленных в НК РФ, его содержанию; на постоянное внесение поправок в действующий кодекс, вследствие которых у налогоплательщиков могут возникать определенные сложности с адаптацией к новым условиям, которые в дальнейшем могут привести не только к налоговому нигилизму, но и формированию и развитию стойкой тенденции к уходу или уклонению от налогообложения недопустимыми способами. Это неминуемо потребует от государства ответной реакции в связи с формированием выпадающих бюджетных доходов в виде установления и введения новых налогов или трансформации имеющихся в сторону увеличения налоговой нагрузки или необходимости изменения трактовки допустимости и добросовестности поведения налогоплательщика.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на проблему, наличие определенных несоответствий в налоговом законодательстве, примером чего служить отсутствие четкой регламентации процедуры установления налогов, так как в НК РФ нет специальной статьи и расшифровки, какие же налоги являются законно установленными, а какие нет. Неясным остается вопрос разграничения ухода от налогообложения, необоснованной налоговой выгоды и правомерности применения налоговых вычетов и т.д. Примером такого подхода могут являться агрессивное налоговое планирование, недобросовестная реструктуризация на основе искусственного дробления бизнеса или замена трудовых отношений на договоры гражданско-правового характера с самозанятыми. Это проявляется в многочисленных жалобах, поданных в суды различных инстанций, в том числе Конституционный Суд РФ, что нашло свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 17-П. Именно по этой причине еще в 1997 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18 февраля 1997 г. № 3-П дал разъяснения содержания понятия «законно установленные налоги». Об этом же свидетельствует и факт внесения в НК РФ в ст. 54.1 положений о реконструкции сомнительной сделки, поскольку при выявлении сомнительности сделки налоговые органы исходили при доначислении налога из выручки организации, а не из прибыли.

Второй проблемой, на которую хотелось бы обратить внимание, является приведение нало-

гового законодательства в соответствие с принципом его понятности для налогоплательщика, хотя и сам термин «налоговое законодательство» весьма сомнителен, так как в НК РФ речь идет о совершенно ином понятии — законодательстве о налогах и сборах. О данной проблеме мы уже писали в статье «Формирование практики применения законодательства о налогах и сборах в нестабильных социально-экономических условиях», опубликованной в № 1 Вестника Прикамского социального института в 2020 г., а также в статье «Проблема определенности налогового законодательства», опубликованной в сборнике «Наука и образование в обеспечении устойчивого развития региона в условиях перехода к цифровой экономике» в 2019 г.

Считаем, что к третьей проблеме можно отнести выпадающие доходы бюджетов территорий, что напрямую связано с положениями налогового и гражданского законодательства и обусловлено уплатой налога на прибыль не по месту нахождения имущества, на основе которого формируется объект налогообложения, а по месту нахождения налогоплательщика, который юридически может находиться в любой точке России, так как в данной ситуации местом его нахождения считается место нахождения его органов управления. Считаем возможным пересмотреть данные положения налогового и гражданского законодательства и тем самым уменьшить масштаб проблемы нехватки средств в доходной части бюджетов регионов. Так, только Пермский край ежегодно теряет от 700 до 800 миллионов рублей от реорганизационных процедур, проводимых компанией «ЛУКОЙЛ». Этот процесс, начавшийся в 2015 г., сократил налогооблагаемую прибыль в Пермском крае от деятельности данной компании на 679,6 миллиона рублей. Смена места регистрации одной из структур «ЛУКОЙЛа» «ЛУКОЙЛ-Пермнефтепродукт» с Пермского края на Удмуртию обернулся потерей дохода от налога на прибыль в 2016 г. на сумму 788,5 миллиона рублей. Процесс, к сожалению для пермского бюджета, продолжается и по сей день.

Еще одной проблемой является налогообложение на рынке ценных бумаг. Налогообложение в данной области предполагает применение двух налогов, а именно налога на прибыль и налога на доходы физических лиц. В данном подходе нельзя говорить о двойном налогообложении, как пишет ряд авторов, так как в данном случае объекты налогообложения «прибыль организации» и «доход физического лица» различны. При этом нельзя не отметить и определенную степень правоты, содержащуюся в таких позициях. Со-

гласно главе 25 НК РФ, организация исчисляет и уплачивает налог на прибыль с налогооблагаемой базы по основной деятельности, а на выплату дивидендов идет уже определенный общим собранием размер чистой прибыли, остающейся после уплаты налогов. Именно эта чистая прибыль трансформируется в дивиденды, которые снова подвергаются налоговому изъятию РФ у иного налогоплательщика, например физического лица, в соответствии с положениями главы 23 НК РФ. Именно поэтому и создается впечатление о двойном налогообложении. Аналогичная ситуация складывалась ранее применительно к транспортным средствам, обложение которых шло по налогу на имущество, в силу главы 30 НК РФ, и одновременно по необходимости уплачивать транспортный налог согласно главе 28 НК РФ. Создавалось впечатление, что и в том, и в другом случае объектом налогообложения являлось одно и то же транспортное средство, но это не так. В первом случае по налогу на имущество объектом является стоимость транспортного средства как имущества, а во втором — по транспортному налогу факт юридического обладания транспортным средством с определенными техническими характеристиками в лошадиных силах. Именно такую позицию занял Конституционный Суд РФ в Определении № 451-О от 14 декабря 2004 г. В действующем законодательстве о налогах и сборах эта проблема решена кардинально, поскольку объектом налогообложения на имущество являются только объекты недвижимости, а так как транспортные средства к таковым не отнесены, за исключением морских и воздушных судов, можно сказать, что и вопрос считается закрытым. Но так ли это в действительности? Думается, что проблема кроется в самом подходе к налогообложению целого, не запрещающего обложение его частей впоследствии при отсутствии приращения дохода или наличии иного экономического эффекта. Так, вполне понятно появление налога на доходы от банковских вкладов, так как налогоплательщик размещает в банк или иную кредитную организацию средства, уже подвергшиеся налогообложению. На них банк начисляет проценты, что является самостоятельным объектом налогообложения, а вот как быть с фондом оплаты труда и зарплатой, которые подвергаются обложению НДФЛ и отчислениям во внебюджетные фонды. Не это ли является сдерживающим фактором для выплаты со стороны работодателей более высоких заработных плат своим сотрудникам? Исходя из логики, высказанной ранее, здесь вообще не должно быть места для сомнений в правомерности такого подхода, так

как в одном случае речь идет о налоге на доход, а в другом — об отчислениях во внебюджетные фонды, то есть о сборах.

Для решения этой проблемы во многих странах уже применяются различные меры. Так, в некоторых странах, например Дании, Нидерландах и Италии, для налогообложения дивидендов применяется специальная пониженная ставка. В других странах, таких как Швеция, Финляндия и Норвегия, функционируют налоговые системы, в которых ставка налога на доходы в виде заработной платы выше, чем на доходы от капитала. В Италии, где система налогообложения является прогрессивной, ставка подоходного налога для итальянцев со средним доходом (от 28 до 55 тыс. евро в год) установлена на уровне 38 %, в то время как ставка налога на дивиденды равна 26 %. В Швеции при ставке НДФЛ от 30 % до 55 % и при ставке налога на прибыль организаций 21,4 %, ставка налога на прирост капитала для физических лиц составляет 30 %, а для юридических лиц доход от акций и вовсе освобожден от налога на прибыль. Вопрос о том, стоит ли использовать этот опыт в России, остается открытым [3, с. 60].

Другой проблемой является неэффективность налогового законодательства в борьбе с налоговыми нарушениями. В связи с неуплатой налогов в первом полугодии 2020 г. было возбуждено свыше 1700 уголовных дел. В абсолютном значении это на 6 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Но при этом, если в 2019 г. возбуждение уголовных дел совершалось лишь в половине случаев, то на данный момент этот процент увеличился до 55. Кроме того, больше дел было направлено в суд с обвинительным заключением — только за первые шесть месяцев 2020 г. их число достигло 510. Такая ситуация свидетельствует не столько о неэффективности деятельности налоговых и следственных органов, сколько о возрастающем желании налогоплательщиков уйти от соблюдения конституционной обязанности. В Следственном комитете утверждают, что такое значительное повышение эффективности в борьбе с налоговыми преступлениями было достигнуто за счет сотрудничества комитета с ФНС и МВД. Во всех федеральных субъектах были введены межведомственные группы, рассматривающие различные вопросы борьбы с налоговыми правонарушениями, а в 12 наиболее крупных в экономическом плане регионах были сформированы специализированные следственные подразделения, занимающиеся расследованием налоговых преступлений [4, с. 56].

Кроме того, последние годы налоговыми органами постоянно меняются критерии отбора налогоплательщиков, попадающих под налоговые проверки. Можно отметить сокращение количества контрольных мероприятий, но при этом растет эффект от их проведения. Так, количество камеральных проверок в 2018 г. составило 67 889 986, а в 2020 г. их число составило 61 490 686, что свидетельствует об их сокращении на 9,4%. Аналогичная динамика наблюдается и применительно к выездным проверкам, а именно в 2018 г. — 14 167, а в 2020 г. — 6 143 проверки. Это позволяет отметить сокращение числа выездных проверок на 56%. ФНС за последние несколько лет оптимизировала систему отбора организаций для проведения налоговых проверок, что позволило сократить их общее количество, но при этом повысить их результативность. Как указал руководитель ФНС РФ Д. Егоров, налоговые органы выигрывают в судах более 85% дел. Основным изменением стало повышение пороговых значений сумм неуплаченных налогов и сборов, при кото-

рых административная ответственность переходит в уголовную [2, с. 23].

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что совершенствование налогового законодательства является важнейшей, необходимой частью механизма налоговой системы РФ. Однако это достаточно долгий процесс, требующий постоянного анализа и выявления имеющихся недостатков как в самих нормах права, так и в способах и методах расчета налоговой нагрузки. Представляется возможным достичь сокращения количества налоговых споров, в том числе посредством более детальной проработки понятий и категорий, используемых в законодательстве о налогах и сборах. Нововведения должны иметь не только фискальную составляющую, позволяющую бесцельно аккумулировать денежные средства в бюджете страны, они должны представлять собой способ исполнения социальных обязательств перед гражданами страны, которые гарантированы им Конституцией РФ.

Литература

1. *Ефремова Т.М., Кольцова Т.А., Пряхина А.А.* Оценка эффективности налогового регулирования специальных налоговых режимов в Тюменской области // *Агропродовольственная политика России*. 2017. № 7 (19). С. 32–35.
2. *Лесовая Н.В., Андрухова С.В.* Уровень собираемости налогов в РФ как показатель качества налогового администрирования страны // *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика*. Пенза, 2019. С. 23–25.
3. *Маслова О.С., Черноусова К.С.* Налогообложение на рынке ценных бумаг: состояние, проблемы, пути решения. Российский и зарубежный опыт // *Colloquium-journal*. 2019. № 12–8 (36). С. 60–62.
4. *Перов А.В.* *Налоги и налогообложение. Учебное пособие*. М.: Юрайт, 2021. — 800 с.

References

1. *Efremova T.M., Kol'tsova T.A., Pryakhina A.A.* Otsenka effektivnosti nalogovogo regulirovaniya spetsial'nykh nalogovykh rezhimov v Tyumenskoi oblasti [Assessment of the effectiveness of tax regulation of special tax regimes in the Tyumen region]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii [Agro-food policy of Russia]*, 2017, no. 7 (19), pp. 32–35. (In Russian)
2. *Lesovaya N.V., Andrukhova S.V.* Uroven' sobiraemosti nalogov v RF kak pokazatel' kachestva nalogovogo administrirovaniya strany [The level of tax collection in the Russian Federation as an indicator of the quality of the country's tax administration]. In *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika [Innovative scientific research: theory, methodology, practice]*. Penza, 2019, pp. 23–25. (In Russian)
3. *Maslova O.S., Chernousova K.S.* Nalogooblozhenie na rynke tsennykh bumag: sostoyanie, problemy, puti resheniya. Rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Taxation in the securities market: state, problems, solutions. Russian and foreign experience]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 12–8 (36), pp. 60–62. (In Russian, abstract in English)
4. *Perov A.V.* *Nalogi i nalogooblozhenie. Uchebnoe posobie [Taxes and taxation. Textbook]*. Moscow, Yurait Publ., 2021. 800 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВО НА РЕАБИЛИТАЦИЮ ВСЛЕДСТВИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,
Осадчая Анастасия Игоревна

Цель: провести анализ эффективности института реабилитации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики, так как данный институт требует особого внимания в связи с введением в новом Уголовно-процессуальном кодексе дополнительных оснований для возникновения прав на реабилитацию вследствие прекращения уголовного дела; рассмотреть основания возникновения права на реабилитацию; проанализировать отечественную следственно-судебную практику.

Методология: дедукция, аналитический и сравнительно-правовой методы.

Выводы. На основе анализа уголовных дел отечественной следственно-судебной практики делается вывод о встречающихся нарушениях прав обвиняемых на реабилитацию при прекращении уголовных дел в правоприменительной деятельности, а также неэффективности некоторых оснований прекращения уголовных дел, наделяющих субъекта правом на реабилитацию вследствие незаконного преследования / обвинения. Обоснована необходимость пересмотра и совершенствования некоторых положений Уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики в области функционирования института реабилитации.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть полезными для законодателя и могут повлиять на дальнейшее совершенствование института реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: обвиняемый, осуждение, правомерность деяния, право на реабилитацию, прекращение дела, реабилитация, следственно-судебная практика, событие преступления, состав преступления, уголовное преследование, ущерб.

Согласно Конституции «Кыргызская Республика (Кыргызстан) — независимое, суверенное, демократическое, унитарное, правовое, светское и социальное государство» (ст. 1 Конституции Кыргызской Республики, принятой референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения 18.08.2023)). Одним из основных признаков правового государства является возможность наделять человека и гражданина правами и свободами и гарантировать их соблюдение.

В современных реалиях возникает необходимость в существовании таких правовых норм, которые направлены, прежде всего, на защиту жертв незаконного или необоснованного уголовного преследования или осуждения.

Конституция Кыргызской Республики закрепляет гарантию защиты от незаконного преследования и осуждения: «Каждое лицо, задержанное или заключенное под стражу, имеет право на возмещение ущерба за счет государства, с выплатой компенсации в порядке и размерах, установленных законом» (п. 6 ст. 59 Конституции Кыргызской Республики, принятой референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения 18.08.2023)).

«Одним из направлений судебно-правовых реформ в Кыргызской Республике является совершенствование деятельности государственных органов, ведущих уголовное судопроизводство, внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательство и правоприменитель-

ную деятельность с целью укрепления законности и обеспечения гарантий соблюдения прав и свобод личности при отправлении правосудия» [1, с. 144].

На сегодняшний день, в науке уголовного процесса существуют несколько подходов к понятию реабилитации. Большинство авторов понимают под реабилитацией сам факт оправдания лица и прекращение уголовного преследования по уголовному делу.

Так, М.И. Пастухов определял реабилитацию как «признание в установленном порядке невиновности гражданина, привлеченного к уголовной ответственности без достаточных к тому оснований с последующим восстановлением его в правах и честного имени» [2, с. 19].

Б.Т. Безлепкин под реабилитацией понимает «оправдание подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого, за отсутствием события или состава преступления или недоказанностью участия указанных лиц в совершении преступления» [3, с. 13].

Аналогичный подход наблюдается и у Т.Т. Таджикива, который под реабилитацией подразумевает «определенную группу процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в случаях: вынесения оправдательного приговора, прекращения дела по реабилитирующим основаниям в стадиях расследования, предания суду, а также в кассационном и надзорном производстве» [4, с. 14].

В.М. Савицкий считал реабилитацией «восстановление прав и репутации невиновных граждан, подвергнувшихся необоснованному уголовному преследованию» [5, с. 48].

А.Н. Глыбина и Ю.К. Якимович отмечают, что «понятие “реабилитация” включает в себя два взаимосвязанных элемента:

1) официальное признание лица невиновным в совершении преступления;

2) возмещение причиненного вреда и восстановление в иных правах, нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования и/или осуждения» [6, с. 42].

Данная позиция относительно понятия «реабилитация» заслуживает внимания, так как отражает все стороны возмещения вреда, причиненного незаконными действиями и решениями уполномоченных лиц. Во-первых, подлежит отмене акт, в соответствии с которым в отношении лица осуществлялось уголовное преследование. Во-вторых, одновременно такое лицо наделяется правом на возмещение вреда и восстановление

нарушенных прав, что полностью соответствует цели реабилитации.

В уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики «под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему материального ущерба и (или) морального вреда» (п. 46 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129).

Право на реабилитацию включает в себя довольно обширный объем прав, в качестве основных законодатель закрепляет право на возмещение имущественного ущерба, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах (п. 1 ст. 132 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129).

Первые понятие «реабилитация» было введено в отечественное уголовное судопроизводство с принятием УПК КР в 2017 г. (п. 33 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20). Следует также отметить, что, помимо закрепления данного понятия, сама реабилитация была определена одной из задач уголовного судопроизводства, а именно «незамедлительная и полная реабилитация в случаях незаконного обвинения или осуждения невиновного» (ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129).

Как отмечал Л.В. Головкин, «механизм восстановления прав и возмещения государством вреда, причиненного в связи с незаконными (необоснованными) действиями и решениями в ходе производства по уголовному делу, является комбинированным (межотраслевым), так как он состоит из двух элементов: 1) уголовно-процессуального (вред возмещается в порядке деятельности суда в стадии исполнения оправдательного приговора или в рамках реализации решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию); 2) гражданского процессуального (вред возмещается в порядке гражданского судопроизводства). При этом оба элемента являются судебными, поскольку только суд компетентен решать вопросы возмещения вреда» [7, с. 1194].

Выбор основания прекращения дела влияет на соблюдение прав и законных интересов человека и гражданина. Каждое основание влечет за собой соответствующие последствия, и неправильный их выбор может привести к нарушению основополагающих принципов уголовного

судопроизводства. Основание прекращения дела влияет на дальнейшую судьбу лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела.

С введением института реабилитации в отечественное уголовное судопроизводство (в редакции УПК КР от 2 февраля 2017 г.) были предусмотрены следующие основания прекращения дела, по которым лицо приобретало право на реабилитацию:

- отсутствие события преступления;
- отсутствие состава преступления;
- правомерность деяния (*п. 1–3 ч. 1 ст. 33 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20*).

В правоприменительной практике «особенно категоричное отношение выработалось к фактам прекращения уголовных дел по основаниям отсутствия события и состава преступления. Каждый случай прекращения уголовного дела по указанным основаниям расценивается как свидетельство необоснованного возбуждения уголовного дела, и если намечается тенденция к увеличению количества прекращенных дел за отсутствием события и состава преступления в общем числе прекращенных, то это рассматривается уже как снижение качества следствия» [8, с. 48].

Под правомерным деянием следует понимать деяние, которое формально, может, и попадает под признаки состава преступления, но фактически оно направлено на достижение полезных целей для государства, общества, личности.

Согласно действующему законодательству Кыргызской Республики к таким деяниям относятся, прежде всего, необходимую оборону, крайнюю необходимость, физическое или психическое принуждение, задержание лица, совершившего преступление, исполнение закона, приказа (распоряжения), обязанностей по должности, выполнение специального приказа и обоснованный риск (*ст. 46–52 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения 18.08.2023)*).

Как правило, все эти деяния так или иначе совершаются не из-за преступных помыслов, а наоборот, чаще всего для предотвращения преступных деяний.

На наш взгляд, отнесение данного основания к условиям возникновения права на реабилитацию не совсем уместно, так как фактически преступление совершается и лишь цель — правомерность деяния — спасает лицо от привлечения к ответственности. Как показывают материалы следственно-судебной практики, зачастую очень сложно провести грань между правомерным де-

янием и неправомерным, особенно это касается необходимой обороны, из-за чего ежегодно сотни людей привлекаются к уголовной ответственности за превышение ее пределов.

Именно перечисленные условия и стали основаниями возникновения права на реабилитацию в результате прекращения уголовного дела, так как чаще всего из-за следственных ошибок правоприменителя люди необоснованно подвергались уголовному преследованию. Необходимо затронуть и другую сторону. Например, при прекращении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления нередко право реабилитации возникало и у виновных лиц. Но право возникало ввиду того, что доказать виновность просто было невозможно из-за отсутствия доказательств, некомпетентности должностных лиц и др. В результате виновное лицо освобождалось от преследования и, следовательно, имело право на реабилитацию.

Как показывают материалы отечественной следственно-судебной практики, имеют место нарушения прав на реабилитацию лиц вследствие прекращения уголовного дела.

Так, решением Первомайского районного суда г. Бишкек от 6 ноября 2019 г. исковое заявление Х.Г.Н. о возмещении морального вреда (причиненного вследствие привлечения к уголовной ответственности) было оставлено без удовлетворения, ввиду того что не был соблюден досудебный порядок разрешения спора (*Определение Первомайского районного суда города Бишкека по делу № ГД-2170/19.БЗ от 6 ноября 2019 г.*).

Гражданка Р.З.А. обвинялась в совершении преступления — сбыте наркотических средств. Пользуясь своим правом, она обратилась в Токмокский городской суд Чуйской области для возмещения морального и материального вреда, причиненного вследствие привлечения к уголовной ответственности. Однако ее заявление было удовлетворено частично. После этого определением коллегии по гражданским и экономическим делам Чуйского областного суда от 4 февраля 2021 г. решение Токмоцкого суда было отменено, и было вынесено определение, согласно которому производство по данному иску в части имущественного ущерба было прекращено. После чего она обратилась в Верховный суд КР, однако решение Чуйского областного суда было оставлено в силе, и гражданке Р.З.А. был уплачен лишь моральный ущерб в размере 50 000 сомов (*Постановление Верховного Суда Кыргызской Республики по делу № 5-598/21ГД от 25 марта 2021 г.*).

Анализируя вышеуказанные уголовные дела, мы приходим к выводу, что на практике не всегда

потерпевшим от уголовного преследования разъясняются их права на реабилитацию, не разъясняется в должной мере порядок реализации этих прав, дает о себе знать и недостаточная правовая грамотность граждан, ввиду чего зачастую лишь единицы пытаются реализовать свои права.

С принятием нового УПК КР от 22 сентября 2021 г. перечень оснований для возникновения права на реабилитацию значительно расширен. Так, помимо таких оснований, как правомерность деяния, отсутствие события и состава преступления, были включены и другие основания, а именно отсутствие заявления потерпевшего в предусмотренных законом случаях:

– в отношении лица, о котором имеется вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению либо иное неотмененное судебное решение, установившее невозможность уголовного преследования;

– в отношении лица, о котором имеется неотмененное постановление следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении дела по тому же деянию;

– в отношении лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца;

– в отношении лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние.

Рассмотрим каждое из них более подробно.

Как отсутствие заявления потерпевшего может повлечь за собой право на реабилитацию? Человек совершил преступление, имелся умысел, вина, и единственное, что спасло его от привлечения к уголовной ответственности, — это отсутствие заявления потерпевшего. Фактически было совершено преступление, человек его совершил, следовательно, он должен понести наказание. Если трактовать данную норму, то получается: за то, что человек совершил преступление, он еще и имеет право на определенные выплаты? Имеет право на реабилитацию?

На наш взгляд, данное основание на реабилитацию вызывает сомнения. К чему это может привести? Преступники будут спокойно ходить на свободе, так еще и получать от государства компенсации за то, что они совершили преступление, но по той или иной причине потерпевший не стал обращаться с заявлением в правоохранительные органы. Возможно, в худшем случае это может послужить определенной мотивацией для совершения новых преступлений.

При рассмотрении таких оснований, как возникновение права на реабилитацию ввиду пре-

кращения дела в отношении лица, о котором имеется вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению либо иное неотмененное судебное решение, установившее невозможность уголовного преследования, и в отношении лица, о котором имеется неотмененное постановление следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении дела по тому же деянию, также возникает много вопросов. Не исключены и следственные ошибки. «Проблемы следственных ошибок в их двойной опасности. С одной стороны, невиновный осуждается или требования добросовестной стороны не удовлетворяются, а с другой — истинный виновный остается ненаказанным, а недобросовестная сторона получает поддержку» [9, с. 6].

Возможно, должностное лицо не обратило внимания на то, фигурировало ли лицо ранее в досудебном либо судебном производстве, и ввиду незнания возбудило уголовное дело в отношении данного лица. Возможно, для того чтобы провести все необходимые действия для выяснения всех обстоятельств должностному лицу просто не хватило времени, что повлекло за собой вынесение повторного постановления о возбуждении уголовного дела. Обстоятельств может быть много, главное, что в дальнейшем дело было прекращено из-за допущенных ошибок.

В этом случае считаем целесообразным не применять данные обстоятельства как основания для возникновения права на реабилитацию. Достаточно того, чтобы виновные должностные лица понесли ответственность. Ведь, как и в первом случае, здесь существуют большие риски того, что виновные лица будут злоупотреблять этой нормой, надеясь на то, что по ошибке в отношении них наступят данные обстоятельства, и они смогут завладеть правом на реабилитацию. Не исключены и сговоры между знакомыми лицами, которые, владея всей информацией, злоупотребляя правом на реабилитацию, могут написать заявление, ожидая один из двух исходов. Первый: должностное лицо примет их заявление, потом выявится допущенная ошибка, и в конце второй «соучастник» заполучит право на реабилитацию. Второй: должностное лицо примет заявление, выявит, что данное дело уже рассматривалось, внесет ходатайство прокурору об отмене постановления о прекращении дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д. и начнет досудебное производство по данному делу. Как следствие, ничто не помешает в любой момент заявителю забрать свое заявление, и в итоге ни заявитель, ни его сообщник ничем не рискуют.

Что касается возникновения права на реабилитацию у лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, то здесь тоже все неоднозначно. Человек планировал преступление, имел умысел и уже даже начал воплощать все это в действительности, по тем или иным причинам он отказался от совершения преступления на определенном этапе. Имеет ли этот человек право на восстановление своих прав, затронутых вследствие привлечения к уголовной ответственности? Мы считаем, что нет. Права и интересы данного лица были затронуты не из-за следственной ошибки, а по причине того, что данное лицо оступилось, встало не на тот путь, покушалось на то, чтобы затронуть права и интересы других лиц. Так почему же государство должно возмещать причиненный ущерб такому лицу, если лицо самостоятельно выбрало этот путь, зная, что его ожидает в случае совершения противоправных действий.

Нельзя не оставить без внимания и такой факт, как смерть лица, подвергшегося уголовному преследованию или обвинению. Может возникнуть такой вопрос, а как же быть в том случае, если данное лицо подверглось незаконному обвинению, но скончалось до принятия итогового решения по делу? Смерть подозреваемого (обвиняемого) лица законодатель не отнес к числу реабилитирующих оснований в результате прекращения уголовного дела, однако наделил правом на реабилитацию родственников умершего лица. Так, УПК КР закрепляет, что дело в отношении умершего к моменту осуществления уголовного судопроизводства подлежит прекращению, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или расследования дела в отношении других лиц (*п. 7 ст. 27 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129*).

При продолжении уголовного судопроизводства в случае смерти подозреваемого или обвиняемого в целях возможной реабилитации умершего лица имеют место два варианта развития событий.

В первом случае в ходе досудебного производства, если возникнут правовые основания, следо-

ватель прекращает дело в отношении умершего лица по одному из реабилитирующих оснований. В другом случае, если в процессе досудебного производства не будет обнаружено оснований для прекращения уголовного дела, то дело направляется в суд, и с учетом особенностей, обусловленных отсутствием такого участника, как обвиняемый, дело подлежит рассмотрению в общем порядке. Рассмотрев дело в рамках судебного разбирательства, суд принимает одно из решений, а именно: выносит оправдательный приговор и закрепляет за родственниками умершего право на реабилитацию, либо, не найдя реабилитирующих оснований, суд выносит постановление о прекращении уголовного дела ввиду смерти обвиняемого.

Из этого следует, что если уголовное судопроизводство в отношении умершего лица было прекращено по реабилитирующим основаниям или был вынесен оправдательный приговор, то суд, прокурор и следователь обязаны признать в своем решении право на реабилитацию, которое в случае смерти лица в установленном законом порядке переходит к его наследникам, а в части получения пенсий и пособий, выплата которых была приостановлена, — к тем членам его семьи, которые относятся к кругу лиц, обеспечиваемых пенсией по случаю потери кормильца. Также такое требование о возмещении имущественного ущерба может быть заявлено и законным представителем реабилитированного (*п. 3 ст. 132, п. 3 ст. 134 Уголовно-процессуального Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129*).

Таким образом, смерть подозреваемого, обвиняемого не является препятствием для признания их реабилитированными.

На наш взгляд, новый УПК КР предоставил виновным лицам много неоправданных привилегий, что в будущем может привести к росту преступности, злоупотреблению определенными правами, подрыву одной из задач уголовного судопроизводства, направленной на изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

Литература

1. Шамурзаев Т.Т., Куланбаева З.А., Абдукеримов Б.Б. Полномочия прокурора в устранении следственных ошибок в досудебном производстве Кыргызской Республики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23. № 7. С. 143–146.
2. Пастухов М.И. Реабилитация невиновных. Основы правового института. Минск: Университетское, 1993. — 176 с.
3. Безлепкин Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии. Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1975. — 36 с.

4. *Таджиев Т.* Реабилитация в советском уголовном процессе. Ташкент: Фан, 1986. — 168 с.
5. *Савицкий В.М.* По поводу уголовно-процессуальных гарантий прав невиновного на реабилитацию // Советское государство и право. 1965. № 9. С. 48–56.
6. *Глыбина А.Н., Якимович Ю.К.* Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — 146 с.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. — 1278 с.
8. *Шамурзаев Т.Т.* Реформа уголовного судопроизводства в Кыргызстане: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. Бишкек, 2012. — 48 с.
9. *Курченко В.Н.* Судебная ошибка: ответственность, но не право // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 4–17.

References

1. *Shamurzaev T.T., Kulanbaeva Z.A., Abdukerimov B.B.* Polnomochiya prokurora v ustranении sledstvennykh oshibok v dosudebnom proizvodstve Kyrgyzskoi Respubliki [Powers of the prosecutor to eliminate investigative errors in pre-trial proceedings of the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University]*, 2023, vol. 23, no. 7, pp. 143–146. (In Russian, abstract in English)
2. *Pastukhov M.I.* Reabilitatsiya nevinovnykh. Osnovy pravovogo instituta [Rehabilitation of the innocent. Fundamentals of the Legal Institute]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1993. 176 p. (In Russian)
3. *Bezlepkin B.T.* Voprosy reabilitatsii na predvaritel'nom sledstvii [Rehabilitation issues during the preliminary investigation]. Gor'kii: Gor'k. vyssh. shkola MVD SSSR Publ., 1975. 36 p. (In Russian)
4. *Tadzhiev T.* Reabilitatsiya v sovetskom ugovnom protsesse. Tashkent: Fan, 1986. — 168 s. (In Russian)
5. *Savitskii V.M.* Po povodu ugovno-protsessual'nykh garantii prav nevinovnogogo na reabilitatsiyu [Regarding criminal procedural guarantees of the rights of the innocent to rehabilitation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]*, 1965, no. 9, pp. 48–56. (In Russian)
6. *Glybina A.N., Yakimovich Yu.K.* Reabilitatsiya i vozmeshchenie vreda v poryadke reabilitatsii v ugovnom protsesse Rossii [Rehabilitation and compensation for harm in the order of rehabilitation in criminal proceedings in Russia]. Tomsk: Tom. un-ta Publ., 2006. 146 p. (In Russian)
7. Kurs ugovnogo protsesssa [Course in criminal procedure]. Ed. L.V. Golovko. 2nd ed., rev. Moscow, Statut Publ., 2017. 1278 p. (In Russian)
8. *Shamurzaev T.T.* Reforma ugovnogo sudoproizvodstva v Kyrgyzstane [Criminal Justice Reform in Kyrgyzstan]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Bishkek, 2012. 48 p. (In Russian)
9. *Kurchenko V.N.* Sudebnaya oshibka: otvetstvennost', no ne pravo [Miscarriage of justice: responsibility, but not a right]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian law: education, practice, science]*, 2019, no. 3 (111), pp. 4–17. (In Russian)

ПАМЯТИ БЛАГОРОДНОГО РЫЦАРЯ ИДЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГУМАНИЗМА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ – ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА ЩЕРБЫ

Ахпанов Арстан Нокешевич,
Зайцев Олег Александрович,
Сарсенбаев Талгат Есеналиевич

***Аннотация.** Статья посвящена памяти выдающегося ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сергея Петровича Щербы, чья гуманитарно-процессуальная научная школа оказывает значительное влияние на формирование в постсоветском пространстве институтов восстановительного уголовного судопроизводства в противовес обвинительно-карательному уклону.*

***Ключевые слова:** Сергей Петрович Щерба, уголовный процесс, криминалистика, юридическая психология, прокурорская и правоохранительная деятельность, гуманитарно-процессуальная научная школа.*

В странах Востока слово Учитель всегда пишут с заглавной буквы — с великим почтением и глубочайшим уважением. Служение идеям просветительства не знает выходных и праздничных дней, требует от человека всех его сил и способностей без остатка. Это в полной мере относится и к нашему Учителю — заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заслуженному работнику прокуратуры Российской Федерации, заслуженному работнику МВД Российской Федерации, почетному работнику прокуратуры Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Щербе Сергею Петровичу. Совсем недавно — 22 сентября 2023 г. мы поздравляли Учителя с 85-летием, а 13 октября 2023 г. его не стало.

Ушел из жизни не только признанный ученый, но и великолепный педагог, который отечески вел нас в большую науку, прививал научную скрупулезность и добросовестность исследователя, щедро делился своими разносторонними познаниями и богатым жизненным опытом, был строг и справедлив. Сергей Петрович, олицетворяя самые важные качества ученого, воспитывал в учениках пытливым ум, добрые нравы, любовь к Отчизне.

Наш Учитель был ярким примером преданности науке и добросовестного отношения к делу. Он был из тех, для кого профессиональный долг превыше всего — превыше амбиций и корысти. Слово «успех» у него ассоциировалось с достижениями в профессии, а не с карьерой и личным благосостоянием. Сергей Петрович, несомненно, личность харизматическая, человек эрудированный, доброжелательный. Его обаянию было трудно противостоять. Однако в вопросах профессиональной чести, науки и отношения к труду он занимал принципиально твердую позицию

и бывал абсолютно непреклонным. Очевидно, что такие качества не всегда приносили ему дополнительные бонусы и дивиденды. Однако именно эти качества отличали его от других и вызывали глубокое восхищение и уважение.

Учитель научил нас думать не узкими юридическими категориями, а философски, исторически широко. Каждый его ученик ощущал на себе его отеческую заботу, получал уроки познания теории и правоприменительной практики, проникался его любовью к правовой науке. Неслучайно под научным руководством профессора С.П. Щербы подготовлено несколько поколений ученых: 7 докторов юридических наук (профессора Г.В. Абшилава, А.Н. Ахпанов, О.А. Зайцев, Т.Е. Сарсенбаев, Л.В. Сердюк, А.Е. Федюнин, О.И. Цоколова) и более 30 кандидатов юридических наук, которые продуктивно работают в различных регионах Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Молдова и Украины.

С каждым учеником Сергей Петрович делился неиссякаемой позитивной энергией, дельными советами, оказывал поддержку в самые трудные этапы жизни. Навсегда в наших сердцах останется благодарность за мудрые уроки Учителя, которые помогли нам открыть дорогу в науку.

Научные заслуги профессора С.П. Щербы огромны. Он широко известен в Российской Федерации и далеко за ее пределами как выдающийся и авторитетный ученый, проводивший масштабные исследования в области уголовного процесса, криминалистики, юридической психологии, прокурорской и правоохранительной деятельности. Он был высоконравственным гражданином и патриотом своей Родины, внесшим существенный вклад в развитие отечественной юридической науки, воспитание и подготовку научных кадров.

Научные интересы Сергея Петровича охватывали широкий спектр правовых и гуманитарных проблем защиты прав и законных интересов процессуально недееспособных участников уголовного процесса, а также охраны исторических, научных, художественных и культурных ценностей России.

Еще будучи студентом Саратовского юридического института им. Д.И. Курского, С.П. Щерба увлекся научными исследованиями. На третьем курсе он подготовил свою первую статью «Об ответственности за детоубийство по УК союзных республик», которая была опубликована в 1963 г. На следующий год вышла в свет его вторая студенческая публикация «Некоторые вопросы рас-

следования детоубийств». Важно отметить, что некоторые проблемы, поднимаемые в данных работах, актуальны и по сей день.

Особо ценными являются фундаментальные разработки Сергея Петровича в области теоретических основ и особенностей уголовного судопроизводства по делам лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять защиту своих прав. Он создал уникальную научную школу по исследованию юридических, гуманитарных и психологических проблем усиленной охраны прав и свобод самых обездоленных и уязвимых участников процесса.

Полагаем, что это неслучайно. В самом Сергее Петровиче изначально были заложены чувства справедливости, сострадания, милосердия и гуманизма. Именно эти человеческие качества являются наиболее ценными именно в той сфере юридической науки, которой он посвятил свою жизнь, — деятельность органов уголовного преследования. В научной и практической работе всегда руководствовался, прежде всего, правилом разумного сочетания публичного и частного интересов.

Исследованием особенностей уголовного процесса с участием лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, наш Учитель увлекся сразу после окончания с отличием Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. С 1965 по 1976 г. он работал старшим следователем прокуратуры г. Кишинева, прокурором отдела Прокуратуры Молдавской ССР. Именно в этот период вышли его первые серьезные научные труды, посвященные результатам исследования процессуальных особенностей предварительного следствия по делам лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, психологических основ и процедур допроса таких лиц, их процессуального положения, специфике производства психологических экспертиз по делам рассматриваемой категории и др. [1–5]

Итогом проведенной работы стала блестящая защита кандидатской диссертации под руководством доктора юридических наук, профессора Василия Аввакумовича Познанского на тему «Предварительное следствие по делам лиц с физическими и психическими недостатками» (официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Д.С. Карев; кандидат юридических наук, доцент Ю.К. Сущенко), которая состоялась в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского в 1971 г.

Особым событием для юридической науки стало издание в 1975 г. монографии Сергея Петровича «Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками» [6]. В ней были выявлены наиболее существенные процессуальные, психологические и тактические особенности предварительного следствия и судебного разбирательства по делам обвиняемых, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Впервые в доктрине нашли всестороннее освещение проблемы общей и специальной методики расследования преступлений, совершенных указанными лицами; особенности психологии глухих, немых, слепых, глухонемых и обвиняемых с психическими недостатками; процессуальные особенности участия этих лиц в следственных действиях (допросах, осмотрах, опознаниях); психологические основы и тактические приемы производства следственных и судебных действий. На основе результатов изучения судебной практики, сурдопсихологии, тифлопсихологии и медицины показаны способы выявления физических и психических недостатков, практические возможности психологической экспертизы по делам указанной категории, ее компетенция и круг вопросов, на которые могут ответить психологи [6].

Основные идеи Сергея Петровича нашли воплощение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» и, оставаясь актуальными, они рецептированы российским законодательством.

В последующие годы наш Учитель продолжал исследование различных аспектов участия в уголовном процессе лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. Важно отметить глубину его исследований, так как они выходили далеко за рамки уголовного судопроизводства: всесторонне изучались уголовно-правовые, криминологические, уголовно-исполнительные и иные аспекты данной проблематики [7–11].

Важно привести слова выдающегося советского и российского ученого, профессора Александра Михайловича Ларина, который еще в 1990 г. в отзыве на докторскую диссертацию С.П. Щербы «Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками» отметил: «Сейчас, когда понятия милосердия, сострадания только начинают входить в наш обще-

ственно-политический обиход, прокладывает себе дорогу понимание того, что жестокость, бездушные являются собой не меньшую угрозу для человека и человечества, чем перегрев атмосферы, озоновые дыры, сорвавшийся с цепи атом. К С.П. Щербе же это понимание пришло еще в шестидесятых годах, когда в избранной им сфере приложения сил — в уголовном судопроизводстве — только и слышно было о беспомощной борьбе, искоренении, о земле, горящей под ногами, и т.п. Эта прогностичность — одна из ценных сторон научной работы автора. В целом основой данной работы является гуманитарная концепция охраны прав личности, присущая научной школе С.П. Щербы» [12, с. 10].

Высоко оценила работу нашего Учителя профессор Лариса Геннадьевна Татьяна: «Профессор С.П. Щерба, защитивший докторскую диссертацию по проблемам уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками, является основоположником школы по защите интересов в уголовном процессе лиц, имеющих физические и психические недостатки» [13, с. 6].

Профессор Александр Михайлович Баранов в своей рецензии на монографию С.П. Щербы, О.А. Зайцева, Т.Е. Сарсенбаева «Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам» (2001 г.) констатирует, что «авторский коллектив рецензируемой работы является прекрасным примером творческого сотрудничества представителей разных поколений одной из школ в науке уголовного процесса, Институт теории уголовного процесса, посвященный особенностям судопроизводства по уголовным делам с участием лиц с физическими и психическими недостатками, в том числе и пострадавших от преступления, обеспечения их интересов и защиты был заложен в трудах учителя — Сергея Петровича Щербы. Его ученики — среди них доктор наук О.А. Зайцев и кандидат наук Т.Е. Сарсенбаев — продолжают исследования в этом направлении. Каждый из соавторов самодостаточен и известен специалистам в сфере уголовно-процессуального права своими публикациями, поэтому одно их сотрудничество свидетельствует о качестве работы» [12, с. 657–658].

В 1991 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР состоялась успешная защита диссертации на тему «Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками» (официальные

оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Л.М. Карнеева; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР А.М. Ларин; доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР А.А. Эйман), по результатам которой Сергей Петрович получил ученую степень доктора юридических наук.

Чрезвычайно важно, что это была первая в отечественной юридической науке комплексная монографическая разработка процессуально-правовых, криминалистических и психологических основ судопроизводства по делам лиц с физическими или психическими недостатками, в результате которой были получены существенные теоретические выводы и практические рекомендации, направленные на решение проблемы, имеющей важное народно-хозяйственное, социальное и политическое значение.

Профессор С.П. Щерба ввел в научный оборот понятие физических недостатков, имеющих процессуальное значение, а также понятие психических недостатков, имеющих уголовно-процессуальное значение; обосновал научные положения, раскрывающие внутренние психологические механизмы влияния конкретных физических или психических недостатков на полноту, достоверность и объективность показаний обвиняемого (подсудимого) и его отношение к обвинению; разработал конкретные предложения по усилению охраны прав и законных интересов физически или психически неполноценных обвиняемых.

В диссертации повышенное внимание уделено разработке научно обоснованных рекомендаций о психологических основах и процессуальных особенностях: деятельности переводчика по делам глухих, немых, глухонемых; осуществления защиты по делам лиц с физическими или психологическими недостатками; производства судебно-психиатрических, судебно-психологических и других необходимых в каждом конкретном случае экспертиз для выявления у обвиняемого психофизических свойств и состояний, препятствующих самостоятельному осуществлению своего права на защиту, разоблачения симуляции и агграваций физических недостатков и психических аномалий, а также установления фактов умышленного их сокрытия от органов следствия и суда.

На доктринальном уровне впервые были разработаны теоретические положения, раскрывающие процессуальные, психологические и тактические особенности расследования пре-

ступлений, совершенных лицами с физическими или психическими недостатками; научно обоснованы выводы о специфике предмета доказывания и особенностях установления обстоятельств, его составляющих; сформулированы конкретные предложения о процедуре и гарантиях обоснованного предъявления обвинения и избрания мер пресечения с учетом физических или психических недостатков; предложены научно-методические рекомендации по тактике и методике производства наиболее сложных следственных и процессуальных действий с участием рассматриваемой категории лиц.

Особый интерес вызвали теоретические положения об обстоятельствах, влекущих особенности судебного разбирательства по делам лиц с физическими или психическими недостатками; предложения о демократизации стадии предания суду и усилении гарантий права обвиняемого; научно-практические рекомендации по методике и тактике судебного следствия, проведения допроса глухих, немых, слепых, глухонемых и подсудимых с психическими недостатками в условиях гласности и коллегиальности; предложения по исследованию данных о физических или психических недостатках в ходе судебного следствия, а также по их оценке и учету при индивидуализации наказания [14].

В конце прошлого — начале текущего веков Сергей Петрович продолжал развитие своей научной школы. Им был опубликован как единолично, так и в соавторстве с учениками целый ряд научных работ, посвященных процессуальным и гуманитарным проблемам участия сторон уголовного процесса, страдающих физическими или психическими недостатками (обвиняемых, подозреваемых, беспомощных потерпевших) [15–18]. Юридической общественностью была особо отмечена монография «Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам» [19], посвященная исследованию проблем участия в уголовном судопроизводстве жертв преступлений, не способных в силу своих психофизических свойств и состояний в полной мере понимать свое процессуальное положение или не в состоянии самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Данная книга впоследствии в 2002 г. была переведена на казахский язык и издана издательством «Балашак» (г. Караганда, Республика Казахстан).

Следует отметить, что профессор С.П. Щерба опубликовал единолично и в соавторстве свыше 300 научных работ, в том числе более 60 монографий, учебников, пособий и комментариев,

которые убедительно свидетельствуют об авторе как ярком представителе гуманистического, прогрессивного направления российской юриспруденции. Многие из них стали заметным событием в юридической науке. Сергей Петрович является соавтором шести изданий учебника «Уголовный процесс», трех изданий Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, Курса криминалистики в двух томах.

Профессор С.П. Щерба совмещал научную работу с нормотворческой деятельностью. Он участвовал в разработке проектов УК, УПК РФ; Конвенции государств-участников СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам; соглашений (договоров) СНГ о пресечении правонарушений в области интеллектуальной собственности, о борьбе с терроризмом, о защите участников уголовного процесса и многих других международных документов и федеральных законов РФ. Принимал активное участие в проведении ряда парламентских слушаний по актуальным проблемам российского уголовного права и процесса. Неоднократно приглашался в Совет Федерации и Совет Безопасности Российской Федерации в качестве эксперта.

Где бы ни работал наш Учитель, его всегда отличало редкое трудолюбие: он мог ночи напролет без выходных и праздников работать с документами для решения поставленных задач. Он всемерно способствовал развитию научного потенциала руководимых им подразделений, расширению сферы научных исследований. В то же время Сергей Петрович был всегда непреклонен, когда речь шла об упрощении в работе, недисциплинированности. Он проявлял принципиальность в отстаивании своих научных взглядов, нетерпимость к недобросовестности в науке и нарушениям этических норм. При этом был внимательным и предупредительным, пунктуальным и организованным. Взыскательный спрос, тщательный разбор допущенных ошибок помогли многим его подчиненным стать настоящими профессионалами.

Сергей Петрович большое внимание уделял работе научных обществ и аттестационной работе: он являлся членом Международной ассоциации уголовного права (МАУП), Международной ассоциации прокуроров (МАП), Экспертного совета МВД РФ по нормотворческой работе, Экспертного совета ВАК России по праву, ряда диссертационных советов.

За большие заслуги в разработке приоритетных направлений науки, создании научных школ,

воспитании и подготовке научных и научно-педагогических кадров Сергей Петрович награжден многочисленными международными, государственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе орденом Организации Объединенных Наций и Европейского комитета по наградам и премиям «Деяния во благо народов», медалями «Ветеран труда», «За безупречную службу» II степени, «За 10 лет безупречной службы», «За 15 лет безупречной службы», «За 20 лет безупречной службы», «В память 850-летия Москвы», «200 лет МВД России», медалью Общероссийского комитета по наградам «Во славу Отечества — достойному от благодарного народа», медалью «За развитие русской мысли» им. И.А. Ильина Общероссийского общественного движения «Россия православная», нагрудным знаком Прокуратуры РФ «За безупречную службу» и др.

Сергей Петрович — человек творчества, прекрасный талантливый художник. Мало кто знает, что до службы в армии он работал учителем рисования в Будлянской семилетней школе Брянской области. Не зря говорят, что талантливый человек талантлив во всем. Все, кому доводилось видеть у него в кабинете и дома великолепные полотна с пейзажами, портретами и памятниками истории, отмечают, что они отличаются ярким натурализмом, богатством красок и света. Другое увлечение Сергея Петровича — его лирическая поэзия, воспевающая любовь, красоту, милосердие. Кто знает, возможно, наш Учитель стал бы выдающимся художником или поэтом, если бы не его осознанный выбор будущей профессии [20, с. 120].

Сергей Петрович очень любил своих учеников. Смеем утверждать, что это являлось одним из главных приоритетов его жизни. И это взаимно. Высколенная им плеяда ученых, равняясь на Учителя, сегодня вносит посильный вклад в развитие теории и практики уголовного процесса, криминалистики во всем постсоветском пространстве и передает его заветы новому поколению.

В наших сердцах Сергей Петрович Щерба всегда останется недостижимым образцом, наставником, глубоко эрудированным и тонким знатоком права, достойным примером служения избранной профессии и просто интеллигентным человеком.

При написании работы использованы статьи:

— Ахпанов А.Н. *Благородный рыцарь уголовного процесса // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 15.*

— Зайцев О.А. *Научная школа профессора Сергея Петровича Щербы об особенностях уголовно-*

го судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 10–14. — Сарсенбаев Т.Е., Зайцев О.А. К 70-летию С.П. Щербы // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.zakon.kz/redaksiia-zakonkz/203386-k-70-letiju-s.-p.-shherby.html> (дата обращения: 17.10.2023).

Литература

1. Щерба С.П. Процессуальные особенности предварительного следствия по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Вопросы предварительного следствия. Кишинев, 1969. С. 35–56.
2. Щерба С.П. Психологические основы и процессуальные особенности допроса лиц, страдающих физическими недостатками (глухие, немые, слепые, глухонемые, тугоухие, заикающиеся) // Вопросы предварительного следствия. Вып. 2. Кишинев, 1970. С. 38–49.
3. Щерба С.П. Психологическая экспертиза по делам лиц, страдающих физическими недостатками // Правоведение. 1971. № 2. С. 117–120.
4. Щерба С.П. Правовые и психологические основы судопроизводства по делам глухих, немых, слепых и глухонемых // Советская юстиция. 1973. № 15. С. 19–21.
5. Щерба С.П. Участие лиц с физическими недостатками в осмотрах и опознаниях // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 65–67.
6. Щерба С.П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. М.: Юридическая литература, 1975. — 144 с.
7. Щерба С.П. Законодательство в отношении инвалидов // Исправительно-трудовые учреждения. 1978. № 6. С. 21–23.
8. Щерба С.П. Криминологическая характеристика лиц с физическими недостатками как субъектов преступлений // Советская юстиция. 1980. № 22. С. 13–14.
9. Щерба С.П. Правовая оценка инвалидности подсудимого (осужденного) // Советская юстиция. 1981. № 8. С. 23–24.
10. Щерба С.П., Плешаков А.М. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом // Советская юстиция. 1982. № 3. С. 21–22.
11. Щерба С.П. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении инвалидов. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. — 56 с.
12. Щерба С.П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: Научная школа профессора Сергея Петрович Щербы. СПб: Юридический центр Пресс, 2008. — 772 с.
13. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. Ижевск, 2004. — 53 с.
14. Щерба С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими и психическими недостатками: дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. М., 1990. — 499 с.
15. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Опора слабейших // Социальная защита. 1995. № 4. С. 80–86.
16. Щерба С.П. Процессуальные и гуманитарные проблемы применения некоторых научно-технических средств по делам обвиняемых с физическими или психическими недостатками // Проблемы предварительного следствия и дознания. Сборник научных трудов. М., 1995. С. 102–109.
17. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства // Российская газета. 1995. № 5. С. 19–21.
18. Щерба С.П. Влияние физических и психических недостатков обвиняемого на его показания и позицию по уголовному делу // Уголовное право. 2005. № 5. С. 89–93.
19. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2001. — 193 с.
20. Ережипалиев Д.И. От сельского учителя до выдающегося ученого // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 119–126.

References

1. Shcherba S.P. Protsexual'nye osobennosti predvaritel'nogo sledstviya po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami [Procedural features of the preliminary investigation in cases of persons suffering from physical or mental disabilities]. In *Voprosy predvaritel'nogo sledstviya [Questions of the preliminary investigation]*. Kishinev, 1969, pp. 35–56. (In Russian)
2. Shcherba S.P. Psikhologicheskie osnovy i protsexual'nye osobennosti doprosa lits, stradayushchikh fizicheskimi nedostatkami (glukhie, nemye, slepye, glukhonemye, tugoukhie, zaikayushchiesya) [Psychological foundations and procedural features of interrogation of persons suffering from physical disabilities (deaf, mute, blind, deaf-mute, hard of hearing, stuttering)]. In *Voprosy predvaritel'nogo sledstviya [Questions of preliminary investigation]*. V. 2. Kishinev, 1970, pp. 38–49. (In Russian)
3. Shcherba S.P. Psikhologicheskaya ekspertiza po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi nedostatkami [Psychological examination in cases of persons suffering from physical disabilities]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1971, no. 2, pp. 117–120. (In Russian)
4. Shcherba S.P. Pravoye i psikhologicheskie osnovy sudoproizvodstva po delam glukhikh, nemykh, slepykh i glukhonemykh [Legal and psychological foundations of legal proceedings in cases of the deaf, dumb, blind and deaf-mute]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*, 1973, no. 15, pp. 19–21. (In Russian)
5. Shcherba S.P. Uchastie lits s fizicheskimi nedostatkami v osmotrakh i opoznaniyakh [Participation of persons with physical disabilities in examinations and identifications]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist Legality]*, 1974, no. 9, pp. 65–67. (In Russian)
6. Shcherba S.P. Rassledovanie i sudebnoe razbiratel'stvo po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami [Investigation and trial of persons suffering from physical or mental disabilities]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 144 p. (In Russian)
7. Shcherba S.P. Zakonodatel'stvo v otnoshenii invalidov [Legislation regarding disabled people]. *Ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya [Correctional labor institutions]*, 1978, no. 6, pp. 21–23. (In Russian)
8. Shcherba S.P. Kriminologicheskaya kharakteristika lits s fizicheskimi nedostatkami kak sub"ektov prestuplenii [Criminological characteristics of persons with physical disabilities as subjects of crimes]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]*, 1980, no. 22, pp. 13–14. (In Russian)
9. Shcherba S.P. Pravovaya otsenka invalidnosti podsudimogo (osuzhdenного) [Legal assessment of the disability of the defendant (convict)]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]*, 1981, no. 8, pp. 23–24. (In Russian)
10. Shcherba S.P., Pleshakov A.M. Naznachenie bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno zakonom [Assignment of a more lenient punishment than provided for by law]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]*, 1982, no. 3, pp. 21–22. (In Russian)
11. Shcherba S.P. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii invalidov [Execution of punishment in the form of imprisonment in relation to disabled people]. Moscow, VNII MVD SSSR Publ., 1982. 56 p. (In Russian)
12. Shcherba S.P. Ugolovnoe sudoproizvodstvo po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami: Nauchnaya shkola professora Sergeya Petrovich Shcherby [Criminal proceedings in cases of persons suffering from physical or mental disabilities: Scientific school of Professor Sergei Petrovich Shcherba]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2008. 772 p. (In Russian)
13. Tat'yanina L.G. Protsexual'nye problemy proizvodstva po ugolovnym delam s uchastiem lits, imeyushchikh psikhicheskimi nedostatkami (voprosy teorii i praktiki) [Procedural problems of criminal proceedings involving persons with mental disabilities (issues of theory and practice)]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Izhevsk, 2004. 53 p. (In Russian)
14. Shcherba S.P. Teoreticheskie osnovy i osobennosti ugolovnogo sudoproizvodstva po delam lits, stradayushchikh fizicheskimi i psikhicheskimi nedostatkami [Theoretical foundations and features of criminal proceedings in cases of persons suffering from physical and mental disabilities]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 1990. 499 p. (In Russian)
15. Shcherba S.P., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.E. Opора slabeishikh [Support of the weakest]. *Sotsial'naya zashchita [Social protection]*, 1995, no. 4, pp. 80–86. (In Russian)
16. Shcherba S.P. Protsexual'nye i gumanitarnye problemy primeneniya nekotorykh nauchno-tekhnicheskikh sredstv po delam obvinyaemykh s fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami [Procedural and humanitarian problems of using some scientific and technical means in cases of accused with physical or

mental disabilities]. In *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya. Sbornik nauchnykh trudov [Problems of preliminary investigation and inquiry. Collection of scientific works]*. Moscow, 1995, pp. 102–109. (In Russian)

17. *Shcherba S.P., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.E.* Poterpevschii v bespomoshchnom sostoyanii: osobennosti sudebnogo razbiratel'stva [The victim is in a helpless state: features of the trial]. *Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper]*, 1995, no. 5, pp. 19–21. (In Russian)

18. *Shcherba S.P.* Vliyaniye fizicheskikh i psikhicheskikh nedostatkov obvinyaemogo na ego pokazaniya i pozitsiyu po ugovnomu delu [The influence of the physical and mental disabilities of the accused on his testimony and position in the criminal case]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2005, no. 5, pp. 89–93. (In Russian)

19. *Shcherba S.P., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.E.* Okhrana prav bespomoshchnykh poterpevschikh po ugovnym delam [Protecting the rights of helpless victims in criminal cases]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 193 p. (In Russian)

20. *Erezhipaliev D.I.* Ot sel'skogo uchitelya do vydayushchegosya uchenogo [From a rural teacher to an outstanding scientist]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]*, 2023, no. 2, pp. 119–126. (In Russian)

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: передача накопленного опыта и знаний в художественной форме.

Методология: цитирование.

Выводы. Повесть И.М. Мацкевича «Фактор времени» окунет читателя в гущу событий, связанных с каждодневной работой военной прокуратуры в начале 2000-х годов — в период бурной интеграции заграничных веяний в государственные институты страны и жизнь граждан.

Научная и практическая значимость. Читатели получают в сжатом виде и увлекательной форме множество полезных фактов о функционировании военной прокуратуры России, а также других познавательных исторических справок. Приведенный текст может быть интересен как студентам юридических вузов при изучении отечественной криминалистики, так и сотрудникам правоохранительных органов, а также всем, кто интересуется вопросами прокурорской работы.

Ключевые слова: военная прокуратура, прокуратура, криминология, криминалистика, прокурор, трибунал, военный суд.

1 марта

Крисп бодро шагал в сторону военной прокуратуры города Москвы. Теперь она называлась так, хотя он, конечно, привык к другому, более милому сердцу названию — военная прокуратура Московского гарнизона, или МосГар.

Наверное, новое название более точно отвечало современным реалиям. Действительно, сколько можно жить в условиях военного, ну или полувойенного времени. Армию сократили до предела, враги сказали, что они больше не враги (хотя все их военные базы, в отличие от наших бывших советских военных баз, никуда не делись, если только еще не увеличились в количестве и в размерах), поэтому хватит пугать народ всякими трибуналами и гарнизонами.

Криспу осталось до пенсии несколько месяцев. Он это ощущал каждой клеточкой организма. Самое ужасное заключалось в том, что его работа перестала приносить ему не только удовольствие, но и удовлетворение результатами.

Он по-прежнему хорошо расследовал дела, у него были многочисленные помощники, кото-

рые его очень ценили и вслушивались в каждое его даже иногда случайно произнесенное слово, но не было ощущения, как говорили его молодые коллеги, драйва. Он не расследовал дела, он их оформлял. И это было для Криспа тяжелое испытание.

На дворе был март. На улице морозно, вокруг лежал снег, но дыхание весны ощущалось буквально во всем.

Крисп зашел в здание военной прокуратуры, и дежурный офицер, ответив на его приветствие, остановил его взмахом руки и сказал:

— Товарищ полковник, вас просит зайти военный прокурор.

Крисп удивился, и дежурный офицер, несомненно, это отметил. Нечасто прямо-таки с порога Криспа вызывал к себе военный прокурор. Собственно говоря, это было впервые. И любой служака понимал, что ничего хорошего от такого вызова ждать не приходится.

Крисп пошел в сторону кабинета военного прокурора, на ходу пытаясь сообразить, где он, по выражению его молодых коллег, накосячил.

Особо сложных дел не было, и все вроде шло по графику.

«Может, блатной фигурант в каком-то деле», — подумал Крисп и зашел в приемную военного прокурора.

Офицер в приемной встал и поздоровался с Криспом. Тот пожал руку и хотел было усесться в кресло, но офицер сказал:

— Товарищ полковник ждет вас. Проходите.

Крисп удивился второй раз подряд за это утро. Офицер в приемной тоже это отметил, как и то неловкое движение, благодаря которому Крисп как бы оказался в позе человека, который начал садиться, но был остановлен во время даже не середины, а только начала этого процесса.

«Наверное, это выглядело смешно», — подумал Крисп и усмехнулся в ответ на напряженное лицо офицера из приемной, который изо всех сил пытался не улыбнуться, а может быть, даже пытался не рассмеяться.

Крисп выпрямился, тем самым выйдя из полуприседа, и вошел в кабинет военного прокурора.

Военный прокурор был молодым человеком тридцати с небольшим лет. В советское время в таком возрасте стать военным прокурором, тем более огромного города, было совершенно невозможно. Но времена были новые, карьерный рост был стремительным (особенно если он находил поддержку во властных кругах и особенно если эта поддержка базировалась на родственных отношениях вышестоящего начальства и молодого протеже), и даже в Главной военной прокуратуре были офицеры на более высоких должностях и имеющие более высокие звания, чем нынешний непосредственный начальник Криспа.

Военный прокурор оторвался от бумаг, вышел из-за рабочего стола и поздоровался с Криспом за руку. После этого он указал ему рукой на стул, а сам сел напротив с другой стороны небольшого приставного стола.

Большой рабочий стол был единственным предметом мебели, что осталась от прежнего руководства военной прокуратуры Московского гарнизона. Все остальное было новым, дорогим, привезенным явно из-за границы. Кабинет, конечно, стал выглядеть более изящно. Криспу этот вариант мебели в кабинете военного прокурора нравился больше, чем старый, но скучал он по старому.

«Старею», — подумал Крисп, продолжая тереяться в догадках, зачем его прямо с порога позвал к себе военный прокурор.

Методы руководства у нового военного прокурора были современные. Он не допускал ни с кем панибратства и никого сознательно не третировал.

Как говорится, все для него были равноудаленные, и Крисп не был исключением. Он был равноудален наравне со всеми.

Кстати, рабочие совещания военный прокурор никогда не проводил в своем кабинете. Для этой цели был освобожден другой кабинет (благо сокращения в армии коснулись абсолютно всех, включая военных прокуроров и следователей, которые вроде бы были в штате Генеральной прокуратуры, но получали денежное, как и прочее, довольствие за счет Министерства обороны, за которым они повседневно надзирали), который теперь назывался залом заседаний. Никаких заседаний там не было, но называть его залом совещаний новому военному прокурору, видимо, показалось некреативно (еще одно словечко из лексикона молодых помощников Криспа).

Военный прокурор внимательно посмотрел на Криспа и спросил:

— Полковника Хромчева знаете?

«Это вместо здравствуйте», — отметил про себя Крисп и сказал:

— Конечно. Заместитель начальника университета Министерства обороны по научной работе.

— Вы ведь там преподаете? — спросил военный прокурор.

— Да. По субботам. В свободное от службы время. Я вам писал по этому поводу рапорт, — сказал Крисп.

— Да, я помню. Сегодня ночью полковника Хромчева арестовали, — сказал военный прокурор и замолчал, внимательно смотря на Криспа.

Крисп растерялся. Это было уже в третий раз за сегодняшнее утро, и очевидно, это не укрылось от военного прокурора. Мысли в голове Криспа лихорадочно крутились. Он понимал, что спрашивать «за что?» или «что случилось?» по меньшей мере глупо, потому что военный прокурор этого не скажет, даже если знает. Но, скорее всего, он не знал, потому что, как догадался Крисп, арестовали Хромчева не следователи военной прокуратуры, а кто-то другой. А этот кто-то другой мог быть только оперативниками ФСБ (достойной правопреемницы КГБ).

Крисп молчал. Военный прокурор подождал, понял, что Крисп сам ничего не скажет, и спросил:

— Вы ведь дружили с Хромчевым?

— Дружил, — сказал Крисп и через несколько секунд сам себя поправил. — Дружу.

Военный прокурор снова подождал. Крисп молчал.

— Я сейчас наберу номер телефона, и вы сможете поговорить с Хромчевым. Но только в моем присутствии, таковы условия фээсбэшников.

— Хорошо, — сказал Крисп и посмотрел на военного прокурора.

Тот понял этот взгляд и сказал:

— Нет. Это не их инициатива. Моя. Вы ведь дружили с Хромчевым, — вновь теперь уже утвердительно сказал военный прокурор и тоже себя поправил. — В смысле, дружите. Я хочу оказать вам услугу. Мне это ничего не стоит, тем более что дело Хромчева в любом случае будете вести не вы. Собственно говоря, думаю, даже не наша прокуратура. Итак, вы готовы?

— Да, — после небольшой паузы сказал Крисп.

Военный прокурор встал, зашел за свой рабочий стол, снял трубку радиотелефона, протянул ее Криспу и набрал номер.

Крисп приложил трубку к уху и вскоре услышал:

— Слушаю.

— Полковник Крисп, — сказал Крисп.

— Здравия желаю, — произнес голос на другом конце, впрочем не представившись, и продолжил, — передаю трубку.

Через несколько секунд Крисп услышал подавленный голос Хромчева:

— Алло?

— Привет, — сказал Крисп, стараясь говорить ровно и спокойно, — что случилось?

— Привет, — ответил Хромчев, — честно сказать, сам толком не пойму. Ночью домой пришли из ФСБ, провели обыск, потом забрали к себе и теперь вот несколько часов допрашивают.

— В чем обвиняют? — спросил Крисп.

— Пока не очень понимаю. В хищениях. Только не понимаю в каких.

— Понятно, — сказал Крисп, хотя, конечно, ничего ему понятно не было, но он понимал, что больше Хромчеву сейчас все равно ничего не дадут сказать, и вообще их разговор могли прервать в любую секунду.

Поэтому Крисп сказал:

— Я поищу адвоката. Дай оперативникам мои координаты для связи. Когда станут предъявлять обвинение, без адвоката ничего не подписывай.

— Хорошо, — сказал Хромчев, и тут же в трубке зазвучали короткие гудки.

Крисп передал трубку военному прокурору. Тот взял ее и положил на базу телефонного радиопаратора.

Крисп встал и спросил:

— Я могу идти.

— Да, — ответил военный прокурор, — идите, товарищ полковник, спокойно работайте. Если, конечно, в подобной ситуации это возможно. Ищите Хромчеву адвоката, он ему понадобится в самое ближайшее время и, думаю, надолго.

Крисп вышел в коридор и пошел к двери своего служебного кабинета, по пути соображая, что это было со стороны военного прокурора — дружеское участие или подстава. Как только он вошел в кабинет, тут же схватился за трубку телефона и набрал по очереди несколько номеров из своей записной книжки.

У него было несколько знакомых сильных адвокатов, в том числе из тех, кто относительно недавно сами работали в военной прокуратуре. Но он решил сделать выбор в пользу довольно известного в узких адвокатских кругах человека, который хотя и зарабатывал очень неплохие деньги на попавших в беду людях, на каких-то других делах, о которых Крисп не знал (и знать не хотел, честно говоря), но не делал на этом себе рекламы и не отсвечивал на телевидении. В общем, просто работал. Звали адвоката Ефим Соломонович Бутман. Крисп с ним даже, что называется, поддруживал, потому что дружить с адвокатами представителям прокуратуры было не комильфо (очередное словечко из лексикона молодежи). Кстати, Ефим Соломонович Бутман как-то сказал ему, в чем состоит особенность работы адвокатов, не вылезавших с экранов телевизоров.

— Если ты хочешь за большие деньги в присутствии репортеров под телевизионные камеры с ослепительными юпитерами, с фанфарами и большим шумом просрать дело, обращай к ним, — так сказал как-то Ефим Соломонович Бутман.

Собственно говоря, эту банальную истину Крисп знал и без Бутмана. Такие телевизионные адвокаты много говорили и мало делали для клиента. Зато потом красочно описывали в своих книгах, как и почему они проиграли очередное шумное дело, кто и какие невидимые силы им помешали отстоять интересы человека, который, ну разумеется, никакого преступления не совершал и был подставлен под уголовную статью собственными коллегами и друзьями. Но так хорошо и язвительно сформулировать квинтэссенцию работы этих адвокатов, как Ефим Соломонович Бутман, Крисп, конечно, не смог бы. Это мог сделать только человек из самой адвокатской среды.

Крисп, в отличие от многих следователей, любил работать с адвокатами. Он старался, чтобы у его подозреваемого и обвиняемого адвокат появлялся на самой ранней стадии предварительного следствия. Делал это Крисп из эгоистических соображений. Адвокат помогал ему своими ходатайствами устранять те неточности и технические погрешности, которые неизбежно возникали в ходе любого следствия (ведь следователь никогда

не вел одно дело, личный рекорд Криспа был 35 дел одновременно, впрочем, это было в так называемые лихие девяностые).

Только спустя три часа Криспу удалось поймать Ефима Соломоновича Бутмана в перерыве какого-то судебного процесса, когда один из его помощников передал просьбу Криспа о необходимости срочного телефонного разговора.

Крисп попросил Бутмана связаться с родственниками Хромчева и мчаться туда, где тот находился, для того чтобы официально стать его защитником. Крисп нисколько не сомневался, что Хромчеву не только сегодня предъявят обвинение, но и арестуют (сотрудники ФСБ не будут ночью проводить обыск, чтобы потом отпустить человека домой).

— Дела, — вслух нараспев произнес Крисп, благо в кабинете он был один.

Такой почести (быть одному в кабинете) он удостоился, во-первых, потому что этого заслужил, как справедливо считали окружающие его коллеги, а, во-вторых, потому что в армии произошли те самые масштабные сокращения. Поэтому во-вторых скорее было во-первых.

«Ладно, — уже про себя сказал Крисп, — начнем работать».

Он достал из сейфа дело, которым по плану должен был заниматься сегодня, положил его на стол, задумался, взял карандаш, еще раз задумался и отшвырнул карандаш в сторону.

«Какая уж тут сегодня работа, — подумал Крисп, — надо будет вечером встретиться с Ефимом, узнать, что же все-таки случилось с Хромчевым».

Крисп взял карандаш, погрыз его и подумал:

«Меня ведь тоже будут допрашивать. Обязательно. Мои дружеские отношения с Хромчевым ни для кого не секрет... Что же случилось? Куда он вляпался?»

В это время раздался стук в дверь, после чего та распахнулась настежь и на пороге появился совсем юный лейтенант Филимонов.

Крисп хотел было его отчитать за то, что тот открыл дверь, не дождавшись ответа на стук, но быстро спохватился (он сам неоднократно учил молодежь, что на работе, если дверь не заперта, то незачем ждать разрешения, чтобы войти, какие такие секреты могут быть у следователя военной прокуратуры от своих коллег?).

— Товарищ полковник, доброе утро! — радостно поздоровался Филимонов.

— Доброе, — мрачно отозвался Крисп.

Филимонов, как будто не замечая хмурого настроения начальника, продолжил:

— Сегодня у нас по плану дело о ДТП, верно?

— Верно, — подтвердил Крисп, — надо будет дооформить бумаги по судебной-технической экспертизе, вот этим и займешься.

— Отлично, — сказал Филимонов, — тогда с вашего разрешения я прямо сейчас двинусь к эксперту, тем более он работает рядом с церковью, где венчался Пушкин. Заодно свечку поставлю.

— Кому? — машинально спросил Крисп.

— Всем. И за здоровье, и за упокой. Сегодня же начало поста.

— Хорошо, — сказал Крисп и передал Филимонову бумаги.

Дверь за подчиненным закрылась.

Крисп никак не мог привыкнуть, что многие его молодые коллеги, если не большинство, так ревностно относятся к соблюдению церковных обычаев. Он не считал себя законченным атеистом, но и не питал иллюзий в отношении себя по поводу соблюдения всех церковных праздников. К церковным обычаям он относился с большим уважением. Именно так, с уважением, ни больше и ни меньше.

Крисп вспомнил как они с Хромчевым по этому поводу спорили. Хромчев убеждал Криспа в необходимости и значимости церкви для современной России. Крисп в ответ говорил, что он крестился самостоятельно в возрасте тридцати лет и большего подвига для церкви от него вряд ли можно еще ждать.

Хромчев наоборот был человеком почти что религиозным, соблюдал большинство постов, регулярно ходил на церковные службы, дружил со многими в том числе известными священнослужителями. Затеял и почти построил церковь на территории университета.

«Осталось немного, парк вокруг разбить и колокольню достроить, но теперь вряд ли достроит», — подумал Крисп, взял карандаш и откинулся на спинку кресла (да, теперь у него было настоящего рабочее кресло, а не стул, как в старые, но, разумеется, добрые времена).

Крисп какое-то время вертел карандаш между пальцами и потом сам себе под нос произнес:

— Черт возьми, церковь.

Он невольно усмехнулся сказанному вслух богохульному случайному каламбуру. Но благодаря ему Крисп понял, почему и за что арестовали Хромчева.

2 марта

Крисп сидел в кафе. Это было кафе в центре, в котором он часто бывал, когда надо было с кем-то встретиться и коротко переговорить. На работе

не всегда было удобно, да и не рабочая обстановка в небольшом кафе за чашкой кофе или чая больше располагала к свободному общению.

Напротив него за столиком сидел Ефим Соломонович Бутман. Ефим Соломонович зарабатывал на порядок больше, чем Крисп (может, и не на один, большую часть своих гонораров он получал, как и практически все адвокаты, наличными, поэтому сколько у него было денег, знал только он сам и больше никто), но кофе его угощал Крисп.

Так принято. Ведь о встрече попросил Крисп.

Строго говоря, Ефим Соломонович, взявшись (или пока не взявшись) за дело Хромчева, оказывал Криспу услугу, Крисп это прекрасно понимал. Ефим Соломонович мог спокойно обойтись без этого дела, в клиентах (и очень богатых клиентах) у него недостатка не было.

— Ну что же, — отхлебнув ароматного кофе, сказал Ефим Соломонович. — Дело ясное, что дело темное.

— Хорошее начало, — сказал Крисп.

— Да, — подтвердил Ефим Соломонович. — Вашего приятеля обвиняют в хищении средств, которые он собирал на строительство храма на территории университета.

— Вот как? — сказал Крисп.

— Вижу, вы не удивлены, — сказал Ефим Соломонович.

— Что-то такое я предположил.

— Да, — подтвердил Ефим Соломонович. — Пикантность ситуации заключается в том, что деньги, которые собирал ваш Хромчев от всевозможных спонсоров, бизнесменов и культурных деятелей, в тот самый момент, когда они поступали на счет университета, становились государственными. Поэтому его, как, я уверен, вы тоже догадались, обвиняют в хищении государственных, то есть бюджетных средств.

Крисп утвердительно кивнул головой.

— А деньги эти немалые, — продолжил Ефим Соломонович. — В советское время за ту сумму, которую ему инкриминируют, его запросто могли бы расстрелять.

Крисп про себя отметил, что Ефим Соломонович вернул в оборот наукообразный термин. Когда-то Ефим Соломонович защитил диссертацию, и Крисп даже ему помогал со сбором материала для нее. Эмпирического, как тогда говорил Ефим Соломонович. С тех пор довольно часто Ефим Соломонович позволял себе играть красивыми терминами, в том числе во время судебных заседаний, чем немало раздражал судей, которые априори (так сказал бы Ефим Соломонович) относились к адвокатам с недоверием, впрочем, как и прокуроры.

— Но ведь храм построен, — сказал Крисп.

Он по приглашению Хромчева и начальника университета был на торжественном открытии и хорошо помнил, с каким размахом это было сделано. Только что патриарха не было, но его приближенные, а также почти что высшие чиновники администрации президента, не говоря уже о заместителе министра обороны — были все как один.

— Наверное, — сказал Ефим Соломонович. — Вам виднее. Но только построен он за гораздо меньшие деньги, чем были на него собраны. А эти самые гораздо большие деньги, которые оказались лишними, куда-то исчезли со всех счетов. С государственных счетов банка, заметьте.

Крисп помолчал и сказал:

— Поэтому дело ведет ФСБ.

— Точно так, — подтвердил Ефим Соломонович.

Крисп задумался.

«Странно, — про себя стал рассуждать Крисп, — дело ведет ФСБ, но я много раз был последнее время вместе с Хромчевым, и никакой слежки не заметил. Так хорошо работали оперативники?»

Ефим Соломонович расценил молчание Криспа как то, что Крисп решил, что он, Ефим Соломонович, не собирается браться за это дело, и продолжил разговор:

— Я возьмусь за это дело, хотя шансов немного. Во всяком случае шансов на то, чтобы полностью избежать уголовной ответственности. Сами понимаете, ФСБ.

Помолчав, Ефим Соломонович сказал:

— Несколько удивительно, что нет шумихи в прессе. Сейчас это модно — раздувать, где надо и тем более где не надо, шум. Мол, вот еще одного мздоимца взяли. Особенно если мздоимец в погонах.

— Да, странно, — согласился Крисп, продолжая думать о своем.

— Впрочем, нам это на руку, — сказал Ефим Соломонович. — Меньше шума, больше вариантов.

Крисп отхлебнул кофе. Ефим Соломонович внимательно на него посмотрел и спросил:

— Как вам работаете в Следственном комитете при прокуратуре.

Крисп словно очнулся и уставился на Ефима Соломоновича:

— А что?

— Ничего. Просто интересно. Мы с вами давно знакомы, и мне интересно, что вы обо всем этом думаете.

— О чем? — спросил Крисп.

— Ну об этой очередной реформе.

5 июня 2007 года Федеральным законом № 87 были внесены изменения в уголовно-процессуаль-

ный кодекс (УПК, как всегда говорили следователи) и закон «О прокуратуре». В прокуратуре был создан формально подчиненный Генеральному прокурору, а фактически совершенно самостоятельный Следственный комитет, который состоял из Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре России, следственных управлений Следственного комитета по субъектам федерации и приравненных к ним специализированных следственных управлений, в том числе следственных управлений военных прокуратур.

В Центральный аппарат Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации вошли Главное следственное управление, которое структурно подразделялось на Управление по расследованию особо важных дел о преступлениях против личности и общественной безопасности, а также на Управление по расследованию особо важных дел о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики. Кроме того, были созданы Управление методико-аналитического обеспечения, Главное управление процессуального контроля, Главное организационно-инспекторское управление, которое, в свою очередь, структурно подразделялось на организационно-контрольное управление, информационно-методическое управление, управление оперативно-технологического обеспечения и управление служебных проверок и обеспечения собственной безопасности. Также были созданы Главное управление криминалистики, Главное управление обеспечения деятельности Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации и Следственные управления по федеральным округам.

Имелось теперь самостоятельное Управление кадров (при том, что в прокуратуре тоже было свое управление кадров), Управление взаимодействия со средствами массовой информации, Правовое управление, Управление международно-правового сотрудничества, Управление по рассмотрению обращений граждан и документационному обеспечению (такие же управления были непосредственно и в прокуратуре), Управление физической защиты, а также обособленные отдел процессуального контроля за расследованием особо важных дел в федеральных округах и отдел по защите государственной тайны.

— Управлений много, — дипломатично ушел от конкретного ответа Крисп.

— Понятно, — сказал Ефим Соломонович.

Крисп понял, что тот немного обиделся, и добавил:

— Нас пока не сильно это коснулось. У нас военно-следственное управление как было фактически в Министерстве обороны, так и осталось.

Ефим Соломонович согласно кивнул головой:
— Да, хотя юридически вы ведь были в составе прокуратуры. Не было ли здесь противоречия? Получали заработную плату в министерстве, за которым надзирали?

— Ну, во-первых, не заработную плату, а денежное довольствие. А во-вторых, не вижу здесь никакого противоречия. Прокуроры и следователи получают деньги из государственного бюджета, и получают они эти деньги как раз для того, чтобы следить прежде всего за тем, чтобы эти государственные деньги тратились на нужды государства, а не разворовывались. Мы получаем денежное довольствие для того, чтобы наше Министерство обороны чувствовало себя защищенным.

— От кого? — ехидно спросил Ефим Соломонович.

— Понимаю ваше ерничество, — в тон ему ответил Крисп. — Да, в том числе от тех, кто там служит. Но я вас уверяю, что мне, например, это никогда не мешало поступать по закону.

— Вам нет, а другим? — спросил Ефим Соломонович.

— По-разному, конечно, — признал правоту вопроса Крисп. — Но это уже от человека зависит, а не от того, от какого ведомства он получает деньги, так ведь?

— Так, — согласился Ефим Соломонович.

Немного помолчав и отхлебнув остывшее кофе, Ефим Соломонович сказал:

— Знаете, я вот недавно вернулся из Тайбэя.

— Да? — невольно удивился Крисп. Удивился он не тому, что Ефим Соломонович вернулся из-за границы, а тому, что тот решил побывать на Тайване. Место достаточно экзотичное для путешествий.

— Я там был в командировке, — словно прочитав мысли Криспа, сказал Ефим Соломонович. — По научной линии. Формировалась делегация от института адвокатуры, где я преподаю, и меня попросили выступить с лекцией на английском языке о судебной реформе, которая идет в России.

— И как вам Тайвань? — спросил Крисп и помахал рукой официанту.

К их столику немедленно подбежал официант азиатской внешности, что в свете рассказа Ефима Соломоновича было символично. Крисп попросил официанта принести еще две чашки кофе. Мысленно он отметил, что впервые видит этого официанта, хотя часто здесь бывает. Впрочем, в кафе состав официантов частенько менялся, скорее всего, официантами подрабатывают трудовые мигранты и студенты.

— Очень любопытно, — ответил после паузы, связанной с дозаказом Криспом кофе, Ефим Соломонович. — Между прочим, руководство института согласовывало поездку с посольством КНР, во избежание, так сказать, недоразумений.

— И что сказали в китайском посольстве? — спросил Крисп.

— Сказали, что они за культурные связи со своей провинцией, — сказал Ефим Соломонович.

Крисп невольно усмехнулся. Известный спор между КНР и островным государством, которое тоже называло себя Китаем, имел давнюю историю. Из-за этого спора были серьезные осложнения в ООН, когда советская делегация в знак протеста участия делегации режима Чан Кайши в заседании Совета Безопасности ООН (войска, возглавляемые Чан Кайши, терпели одно поражение за другим от коалиции Мао Цзэдуна и хотя еще держались на юге страны, но вот-вот должны были бежать на остров Тайвань) решила бойкотировать работу Совета Безопасности, поскольку, как справедливо считали представители СССР, реально Китаем Чан Кайши не управлял. Но в результате этого не очень хорошо продуманного бойкота американцам и их союзникам удалось провести резолюцию о введении войск на Корейский полуостров, что, в свою очередь, коренным образом изменило расклад сил в гражданской войне юга и севера Корейского полуострова.

Самое интересное заключалось в том, что Сталин до последнего момента колебался и не мог выбрать между Мао Цзэдуном и Чан Кайши, кто будет руководить Китаем, и который из них должен стать верным и надежным союзником СССР не только в Азии, но и во всем мире. В результате Сталин выбрал Мао Цзэдуна, и Чан Кайши немедленно переключился к американцам, которые помогли ему сохранить, пусть даже на отдельно взятом острове, свою власть.

Так или иначе, но благодаря американским денежным вливаниям китайцы Тайваня стали жить значительно лучше, чем китайцы на материковом Китае. Во всяком случае, до начала реформ Дэн Сяопина (Дэн Сяопин волею судьбы получил образование как в капиталистической Франции, так и в коммунистическом Советском Союзе. Причем в Советском Союзе он был свидетелем реформ новой экономической политики (НЭП) и острых споров между большевиками по этому поводу).

— Так вот Тайвань мне понравился, — продолжил разговор Ефим Соломонович. — Они, естественно, считают себя настоящими китайцами. И надо отдать должное, в технологическом

плане пока что они впереди КНР. Хотя цены там намного выше и жизнь, очевидно, дороже, правда качественнее. Но речь о другом. Они попросили меня выступить с лекцией в Институте повышения квалификации прокурорских работников.

— Прокурорских работников? — уточнил Крисп.

— Да, — подтвердил Ефим Соломонович. — У них там правоохранительная система, как ни странно, очень похожа на нашу, советскую.

«Ничего странного», — подумал Крисп. Он знал, что Чан Кайши многое позаимствовал от СССР, когда неоднократно встречался со Сталиным и другими советскими руководителями.

— Так вот, — продолжал Ефим Соломонович. — Я начал им рассказывать про выделение следствия из прокуратуры у нас.

— У них следствие в прокуратуре? — уточнил Крисп.

— Да, прямо как у нас в СССР. Очень похоже, — повторил Ефим Соломонович. — В общем, рассказал я про нашу очередную реформу, а они меня, знаете, что спросили?

— Что?

— Они меня спросили, зачем мы все это у себя делаем. В смысле, зачем мы следствие делаем отдельно от прокуратуры.

— Для объективности? — попытался угадать ответ Ефима Соломоновича Крисп.

— Именно так я им ответил, — подтвердил догадку Криспа Ефим Соломонович. — Я сказал, что прокуратура надзирает, и нехорошо, когда она надзирает за следствием, которое сам же и ведет.

— И? — спросил Крисп.

— А они у меня тогда спросили «а раньше нам это мешало?», — продолжил свой рассказ Ефим Соломонович.

— И? — с интересом спросил Крисп.

— Я сказал, что нет. Но для объективности надо следствие выделить из прокуратуры, — ответил Ефим Соломонович и замолчал.

Крисп отпил принесенный официантом азиатской внешности и уже успевший остыть кофе и слегка усмехнулся.

— Да-да, — увидев эту ухмылку, произнес Ефим Соломонович. — В ответ на мои якобы демократические доводы они мне сказали: зачем что-либо менять, если это хорошо работает.

— То есть на них наши реформы не произвели впечатления, — сказал Крисп.

— Никакого, — сказал Ефим Соломонович.

— Не важно, черная или белая кошка, если она умеет хорошо ловить мышей — это хорошая кошка, — сказал Крисп.

— Вот именно, — сказал Ефим Соломонович. — Уверен, они тоже знают это изречение Дэн Сяопина.

— Кто его не знает, — сказал Крисп.

Они оба замолчали.

— Что-либо у вас спрашивать по делу Хромчева можно? — спросил Ефим Соломонович.

— Попозже. Тем более, что сейчас я ничего не знаю, — сказал Крисп. — Мы с ним ни мои, ни его дела никогда не обсуждали.

— И надо понимать, что если мне что-либо станет известно по службе, то я вам эту информацию не передам, — добавил Крисп.

Ефим Соломонович понимающе кивнул головой и отпил кофе.

Подумав немного, Крисп сказал:

— Я вот читал, что на Тайване есть мемориальный комплекс Сунь Ятсена, революционера, которого одинаково почитают и в КНР, и на Тайване. Что-то типа нашего Плеханова или Бакунина.

— Да, — подтвердил Ефим Соломонович. — Нас возили в этот мемориал. Как и на мемориальный комплекс Чан Кайши. Хотя Сунь Ятсен похоронен в КНР. Не знаю, где точно. Но насколько я слышал, в КНР к нему отношение не такое однозначное. Слишком близко он был связан с Чан Кайши. А Чан Кайши для КНР — фигура с очевидным знаком минус.

— Может быть, — не стал спорить Крисп.

В разговоре наступила пауза.

— А вы что-то знаете про Тайвань? — спросил Ефим Соломонович.

— У меня по одному делу проходил казах, который должен был быть направлен на Тайвань разведчиком. Только вот проштрафился, и его выгнали из КГБ, — вспомнил Крисп.

— И где он сейчас?

— Не знаю.

Ефим Соломонович допил кофе и стал вертеть между пальцами чайную ложечку.

Крисп знаком позвал к столику того самого официанта азиатской внешности, подумав про себя, какой он национальности. Может, как раз казах? Но спрашивать у официанта ответа на свой мысленный вопрос Крисп посчитал бестактным и просто попросил того принести счет.

5 марта

Крисп стоял на улице недалеко от выхода из следственного изолятора, расположенного на улице Лефортовский вал. Было утро понедельника.

Наконец дверь на проходной открылась, и на пороге появился Хромчев. В руках у него был небольшой рюкзак (Крисп вспомнил, что Хром-

чев все время его таскал с собой, когда они ездили на рыбалку). Выглядел Хромчев растерянно и суетливо. Он посмотрел вверх на солнышко, которое хотя уже светило ярко, но еще не грело, огляделся по сторонам и наконец заметил Криспа. Крисп махнул ему рукой, и Хромчев направился к нему.

Они поздоровались, Крисп довел его до машины, которая была припаркована неподалеку, они оба уселись на заднее сидение, и водитель начал движение. Машину Криспу выделил командир одной из воинских частей. Поскольку Криспу служебный автомобиль был не положен, а своего у него отродясь не было, он изредка пользовался услугами командиров поднадзорных частей. Это не было секретом, следователи нередко так делали, и военные прокуроры, естественно, об этом знали. Если подчиненные не злоупотребляли этими нигде не закрепленными возможностями, то руководство военной прокуратуры смотрело на происходящее полужакрытыми глазами.

Спустя примерно полчаса Крисп скомандовал водителю остановиться, и они с Хромчевым зашли в небольшое кафе.

— Ну, здравствуй! — сказал Крисп Хромчеву, когда они сдали верхнюю одежду в гардероб и наконец обнялись.

Потом сели за столик, и Крисп заказал обоим небольшой завтрак.

— Рассказывай, — сказал Крисп.

Хромчев вздохнул.

— Хочешь верь, хочешь нет, я ничего не понимаю. Меня обвиняют в хищении государственных средств, которые были якобы мною украдены путем обналичивания денег, выделенных на строительство храма. Бред какой-то.

— Это я знаю, — сказал Крисп. — Адвокату удалось поставить под сомнение доводы обвинения, потому что на документах о выделении денежных средств нет твоей подписи.

— Вот именно, — с жаром подтвердил Хромчев. — Я ведь только договаривался со спонсорами, находил бригады строителей, в денежных вопросах я ни бельмеса не понимаю.

Крисп мысленно про себя отметил, что надо посмотреть, откуда взялось выражение «ни бельмеса».

— Кто вел бухгалтерию? — спросил Крисп.

— Анна, помощник главного бухгалтера университета, — ответил Хромчев. — Она из старой команды. Я ей абсолютно доверяю.

— Что значит «из старой команды»? — настаивал Крисп.

— Ты же знаешь, полгода назад у нас пришел новый начальник, — начал Хромчев, и Крисп его перебил:

— Знаю. И ты с ним сразу начал конфликтовать. Хотя я тебе говорил, что это не лучший способ выстраивать отношения с новым руководством.

— Ну если он тупой, и распоряжения у него идиотские, — горячо возразил Хромчев.

Крисп с досадой махнул рукой. Переубедить Хромчева в том, что нельзя начальника везде и всюду публично называть идиотом, было невозможно.

В это время принесли завтрак, и Крисп с Хромчевым жадно набросились на еду. Крисп, как и Хромчев, не успел позавтракать. Рано утром ему домой позвонил Ефим Соломонович и сообщил, что Хромчеву изменили меру пресечения на подписку о невыезде и освобождают из следственного изолятора. Крисп позвонил в военную прокуратуру дежурному офицеру, предупредил, что утром его не будет, договорился насчет машины и помчался к проходной СИЗО.

— Зачем конфликтовать с начальником, если ты его все равно не скинешь, — съев первый бутерброд, сказал Крисп и, не дав Хромчеву возразить, продолжил. — Насколько я тебя понял, новый начальник университета сменил команду бухгалтеров.

— Правильно понял, — промямлил с набитым ртом Хромчев.

— А говоришь, что он тупой, — сказал Хромчев и продолжил. — Одна из тех, кто остался, — это Анна?

— Да, — подтвердил Хромчев. — Хотя она только в последнее время стала вести все бумаги по строительству. До этого все делала главный бухгалтер, которую новый начальник уволил.

Понимая, что бумаги в этом деле будут иметь едва ли не решающее значение, Крисп спросил:

— А где сейчас бывший главный бухгалтер?

— Устроилась в коммерческую структуру, — ответил Хромчев.

Крисп почувствовал, что Хромчев чего-то не договаривает, но промолчал.

— Ладно, — сказал Крисп. — Давай я тебя отвезу домой.

— Спасибо, — сказал Хромчев. — Моя небось вся испереживалась. И дети тоже.

У Хромчева с женой Екатериной было двое детей. Сын и дочка, погодки. Они ходили, соответственно, в шестой и пятый класс одной и той же школы. Дети были смышленные, учились хорошо. Правда, Хромчев, а все больше Екатерина не могли говорить о школе спокойно. Школьная программа была, мягко говоря, странноватая. Детей едва ли не с первого класса не учили в тради-

ционном значении этого слова, их натаскивали на решение всевозможных тестов, большей частью идиотских (так говорила Екатерина, и Крисп невольно про себя усмехнулся: вот откуда у Хромчева это выражение про своего нового начальника, не зря говорят, муж и жена — одна сатана). Крисп с иронией относился к этой бесконечной дискуссии, будучи уверенным, что родители всегда недовольны школьной программой и учителями. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что все чаще Крисп разделял негодование семьи Хромчевых школьной программой, особенно когда волею случая прочитал учебник по истории, в котором Сталинградской битве был посвящен один абзац, а следующие полторы страницы рассказывали о муках плененных под Сталинградом итальянских фашистов, которые не выдерживали степного тридцатиградусного холода и умирали один за другим. «Когда они маршем шли по летним степям и сжигали наши села, все было хорошо, — подумал тогда Крисп — а то, что сотни тысяч наших пленных солдат в 1941 году умирали от голода и жажды, а германские нацисты смотрели на их мучения и смеялись, об этом даже в советских учебниках ничего не было сказано».

А вообще-то, Крисп завидовал семье Хромчева, все у них было хорошо.

Крисп подозвал официантку и рассчитался с ней. Они с Хромчевым уже хотели подняться из-за стола, но в это время Хромчев, привстав, вновь почти что упал обратно на стул. Крисп увидел, как лицо Хромчева побелело.

— Что с тобой? — испуганно спросил Крисп.

В это время за спиной Криспа раздался громкий голос:

— Здравствуйте.

Крисп обернулся. Рядом с ним стоял среднего роста человек лет тридцати. Он был с большими залысинами, худощавого телосложения. Человек был одет в недорогой, но добротный костюм. Он полуулыбался, но глаза были, скорее, грустные, чем ничего не выражавшие.

Крисп узнал этот голос. С этим человеком он разговаривал по телефону в кабинете военного прокурора. Крисп понял, что сейчас произойдет, хотя и не знал почему.

— Я за вами, Хромчев, — сказал человек. — Нам с вами придется опять проехать к нам.

— Зачем? — с дрожью в голосе спросил Хромчев.

Крисп видел, что Хромчев не просто в панике, он раздавлен.

— Кое-что произошло, — сказал человек. — Надо задать вам вопросы.

Затем человек посмотрел на Криспа и сказал:

— Товарищ полковник, вас я тоже прошу проехать к нам.

После некоторой паузы человек добавил:

— Я думаю, Хромчеву так тоже будет удобнее. И вы сразу в курсе будете.

Крисп встал и хотел было задать вопрос, но человек его опередил:

— Майор Ветрянский Константин Сергеевич. Вас я знаю. Мое ведомство, как я понимаю, вам представлять не надо.

— Допустим, — сказал Крисп. — Но все-таки, может быть, потрудитесь объяснить, что происходит. Хромчеву решением судьбы изменена мера пресечения. Я хочу отвезти его домой. Его ждут жена и дети.

— Разумеется, объясню, но не здесь и не сейчас, — сказал Ветрянский. — Вот и народ собирается. Уверяю вас, нам лучше поговорить там, где не будет лишних глаз и ушей.

На них в кафе действительно тарачились несколько человек, внимательно прислушиваясь к разговору.

Ветрянский был один, но, оглянувшись, Крисп увидел на улице два автомобиля и трех человек, одетых примерно в такие же костюмы, как у Ветрянского. Крисп понял, что их не просто просят проехать, их задерживают. Если не арестовывают.

Крисп посмотрел на Хромчева. Тот выглядел жалко. Крисп подошел к нему, взял под локоть и помог подняться. После этого они втроем вышли из кафе. Один из тех, кто дежурил на улице, взял у Криспа номерки и сбегал за верхней одеждой. Крисп заметил, что официантка испуганно смотрит им вслед.

Они сели в машины, Хромчев в первую, Крисп во вторую. От опытного взгляда Криспа не укрылось, что Хромчева посадили на заднее сиденье посередине, и с двух боков от него сели оперативники, в то время как Крисп демонстративно сел на переднее пассажирское сиденье, и никто не попросил его пересесть. Только Ветрянский, видя это, слегка ухмыльнулся.

Автомобильный кортеж сорвался с места. Хотя на машинах не было проблесковых маячков, они двигались очень быстро. Крисп знал, что это оперативные машины со специальными номерами, которые известны всем сотрудникам дорожной милиции. Кроме того, их ведут сотрудники ДПС, обеспечивая беспрепятственный проезд через перекрестки.

Примерно через полчаса они остановились возле дома на Остоженке в центре.

Крисп вышел и осмотрелся. Ему это место ни о чем не говорило. Район был очень модный.

Криспу было известно, что многие богатые москвичи и гости столицы в последнее время массово сюда переселяются. Дома здесь были в стиле так называемого сталинского ампира, и, кроме того, здесь строились новые дома с очень просторными квартирами.

Из второй машины вышел Хромчев. Криспу показалось, что тот стал еще более бледным. Видимо, в отличие от него, это место Хромчеву было хорошо знакомо.

«Что-то сейчас будет нехорошее», — подумал Крисп.

Ветрянский, ничего не говоря, жестом пригласил Криспа и Хромчева следовать за ним. Они в сопровождении оперативников вошли в подъезд. Ветрянский вызвал лифт, и когда тот пришел, они поднялись на нем на четвертый этаж.

От нехорошего предчувствия у Криспа засало под лопаткой, а Хромчев стал обливаться холодным потом. Крисп пожалел, что они так мало поговорили, и говорили, как он сейчас особенно остро осознал, все не о том. Хромчев, очевидно, не успел (или не захотел?) ему рассказать самого главного.

На лестничной площадке четвертого этажа никого не было. Здесь было всего две квартиры. Ветрянский нажал на звонок квартиры, расположенной направо от лифта, и дверь немедленно открылась.

Крисп успел удивиться дважды. Первый раз, что в квартире было достаточно много людей, включая медиков, и второй раз, когда Хромчев грохнулся в обморок.

Оперативники, находившиеся рядом с Хромчевым, успели подхватить его, иначе он серьезно разбился бы о кафельный пол.

Ветрянский на это отреагировал удивительно спокойно и сказал, обращаясь непосредственно к Криспу:

— Мы обнаружили в квартире труп помощника бухгалтера университета Анны Беляевой.

Не дав Криспу опомниться от изумления, Ветрянский добавил:

— В квартире, которую для нее снимал полковник Хромчев.

5 марта

Крисп ехал домой. Он был подавлен. Нет. Он был, как и полковник Хромчев, раздавлен. Но Крисп считал, что ему намного хуже, чем Хромчеву. Человек, с которым он дружил много лет, оказался не просто двуличным человеком. Он оказался человеком, из-за которого теперь у Криспа будут большие неприятности. И это мягко ска-

зано. До пенсии оставалось несколько месяцев, но дослужит ли он теперь до этой пенсии.

После того как Криспа и Хромчева увезли из квартиры убитой Анны Беляевой (Криспу разрешили взглянуть на труп убитой, который он, находясь в шоковом состоянии, лишь смутно разглядел, машинально отметив про себя, что убита помощница главного бухгалтера была путем удушения, причем безо всяких других следов насилия), Крисп был подвергнут унижительной процедуре допроса.

Допрашивал не Ветрянский, допрашивал неприметный серый человек, который намеренно представился так, что Крисп тут же забыл его фамилию. Следователя ФСБ интересовал один вопрос, где был Крисп 27 и 28 февраля, из чего Крисп сделал для себя два вывода. Первый заключался в том, что, скорее всего, в эти дни по заключению судебного эксперта была Анна Беляева убита. Этот вывод был информативный и не более того. Второй вывод состоял в том, что Крисп оказался если не в роли подозреваемого, то во всяком случае в роли человека, непосредственно к этому делу причастного. И это было тем более серьезно, что как раз в эти дни, во всяком случае в вечернее время, Крисп был дома один, и никто, то есть совершенно никто не мог это подтвердить.

Очень много раз Крисп сам допрашивал подозреваемых, которые не могли подтвердить свое алиби, психовали и терялись из-за этого, и Крисп знал почти наверняка, что эти люди были не причастны к преступлению. Но! Были случаи, очень редкие, но все-таки были, когда демонстрация отсутствия алиби была как раз той самой игрой в невиновность, и человек был тем самым преступником, вину которого Криспу удавалось доказать.

Вот сейчас Крисп оказался в том самом положении, когда о том, что он не совершал преступления, совершенно точно знал только один человек — это он сам. И то самое чувство сомнения, которое всегда было у него самого, прямо осязаемо сквозило в поведении Ветрянского, когда тот его провожал до дверей подъезда и желал всего хорошего, отправляя домой и предупреждая, что он может понадобиться для дальнейших оперативно-следственных действий завтра или послезавтра.

Еще подходя к дверям своей квартиры на Балаклавском проспекте, Крисп услышал, как внутри надрывался телефон. Свой сотовый телефон он выключил после того, как позвонил в военную прокуратуру дежурному офицеру и коротко доло-

жил о случившемся, а также о том, что его сегодня не будет на службе, поскольку ему предписано находиться дома.

Крисп открыл дверь, прошел в комнату и посмотрел на телефон в надежде, что тот умолкнет, но тот продолжал звонить. Крисп снял трубку.

— Товарищ полковник, — услышал Крисп раздраженный голос дежурного офицера, — с вами будет говорить товарищ военный прокурор.

Крисп устало опустил в кресло. Через короткое время в трубке он услышал голос военного прокурора. Его поразило насколько голос был ровным и спокойным.

— Что там случилось? — спросил военный прокурор.

— Хромчева обвиняют в убийстве помощника главного бухгалтера университета, — ответил Крисп.

— Это я знаю, — сказал военный прокурор. — Вы каким боком вяпались в эту историю.

— Хромчева сегодня отпустили из следственного изолятора под подписку о невыезде, я его встретил, чтобы...

— Понятно, — перебил Криспа военный прокурор. — Умеете вы выбирать друзей.

— Не друзей, — обреченно сказал Крисп, — приятелей.

— Вам виднее, — сказал военный прокурор. — Сегодня будьте дома, на связь ни с кем не выходите. Завтра в девять ноль-ноль я вас жду у себя.

Военный прокурор отключился. Крисп положил трубку обратно на телефонный аппарат. Он был очень благодарен военному прокурору за то, что тот не стал учинять разнос и отложил это милое дело (то, что разнос будет устроен, Крисп несколько не сомневался) до завтра.

Крисп лег на диван и задумался. Что он знал о деле Хромчева? Ничего. В любом случае очевидно, что Хромчев если и не был замешан в хищении денег, то совершенно точно не был с ним (Криспом) до конца откровенен. Собственно говоря, Крисп никогда и не лез к нему с расспросами. У каждого, как говорится, свои тараканы. «Это новое выражение молодых или наше старое», — мысленно спросил себя Крисп. И зачем он будет спрашивать, чем занимается Хромчев. Тот же не спрашивал, чем занимается Крисп.

Неожиданно раздался резкий звонок в дверь. Крисп вздрогнул и открыл глаза. Он понял, что задремал.

Чертыхнувшись, Крисп поднялся с дивана и пошел открывать входную дверь. Сердце у него бешено колотилось. Он был готов ко всему, в том числе к тому, что к нему могли прийти с обыском.

Собравшись и успокоив дыхание несколькими глубокими вздохами, Крисп открыл дверь.

На пороге стоял Розин. Почти не удивившись, Крисп еще шире распахнул дверь и сказал:

— Проходи.

— И тебе доброе утро! — мрачно произнес Розин и вошел.

Розин, не разувшись и не сняв форменный плащ (он почти всю зиму ходил в плаще, а не в шинели), сразу прошел на кухню. Крисп уныло поплелся за ним.

На кухне Розин сбросил насквозь прокуренный плащ прямо на спинку стула и сел на этот же стул. Крисп налил в электрический чайник воды и включил его. Чайник, нагреваясь, зашипел. Крисп сел за кухонный стол напротив Розина.

— Рассказываю, — без предисловий начал Розин. — Твоего Хромчева фээсбэшники вели несколько последних месяцев. На него было подано анонимное заявление, но оперативники не сомневаются, что это дело рук нового начальника университета. По их мнению, он хотел инициировать служебную проверку в отношении Хромчева, чтобы от него избавиться. Видишь ли, твой Хромчев везде и всюду называл своего нового начальника идиотом.

Крисп невольно грустно усмехнулся.

— Вижу, ты в курсе, — не оставил без внимания это обстоятельство Розин и продолжил. — Новому начальнику не очень нравится, когда его называют идиотом, но он не ожидал, что в ходе проверки выяснятся факты такого масштабного хищения. Так что теперь он сам не рад своему письму, поскольку, как ты понимаешь, теперь начнут шерстить весь университет. И это уже не в интересах начальника.

Чайник автоматически выключился, и Крисп встал, чтобы приготовить кофе Розину и себе. Кофе он варил в турке, которую приобрел, будучи как-то на скоротечном семидневном отдыхе в Турции.

Розин между тем продолжал, хотя Крисп стоял к нему спиной, зная, что тот внимательно его слушает:

— Что касается хищений, то тут пока все очень непонятно. То ли Хромчев очень хитрый, то ли, в отличие от своего нового начальника, полный идиот. Заметь, не начальник, а твой Хромчев! Как за его спиной увели несколько миллионов, и он этого не заметил? Непонятно. Но это еще только предстоит выяснить. А вот с убийством Беляевой все намного хуже.

Крисп налил в две чашки кофе, сел обратно на свой стул и уставился на Розина.

Розин отхлебнул горячего кофе, поморщился, обжегшись, и сказал:

— Первое, как ты любишь при подобных рассуждениях, Беляева и Хромчев были в очень близких отношениях, и степень этих отношений, судя по всему, была очень-очень близкой, скорее всего, они были любовниками, причем на протяжении как минимум пары лет. Второе, Хромчев фактически ее содержал (вопрос: откуда у него на это деньги, между прочим). Третье...

Вдруг Розин замолчал и сосредоточенно маленькими глотками стал пить кофе.

— Ну? — спросил Крисп, не выдержав театральной паузы Розина.

— На месте убийства Беляевой найдены отпечатки пальцев Хромчева, — сказал Розин.

— Это понятно. Ты же сам сказал, что они любовники, — попытался возразить Крисп.

— Конечно, — согласился Розин и мрачно добавил. — Только отпечатки пальцев найдены на одежде Беляевой и на ремне, которым ее задушили.

Розин вновь взял театральную паузу и закончил:

— Ремень, кстати, нашли во дворе в помойном ящике. Ремень не Хромчева, ремень Беляевой. Сейчас женские поясные ремни, оказывается, носить очень модно. Между прочим, Анна Беляева одевалась, как сейчас говорят, стильно. Жила она небогато, но одежда у нее была, в отличие от обстановки в квартире, дорогая.

Розин замолчал и вопросительно уставился на Криспа. Тот в ответ тоже молчал и, как и Розин, маленькими глотками пил свой остывающий кофе. Некоторое время это было странное зрелище, когда два мужика, уставившись друг на друга, синхронно, как по команде, пьют кофе.

«Неделька не задалась», — подумал Крисп.

Розин допил остатки кофе и протянул пустую чашку Криспу. Крисп поднялся, чтобы приготовить еще кофе.

— Теперь о главном, — сказал Розин.

— Неужели еще будет четыре, пять? — попытался пошутить Крисп.

— Не будет, — не поддался Розин. — Мы запросили дело о хищениях в университете себе, и я принял его к своему производству. Тебя я беру в следственную группу. С главным военным прокурором я договорился. Сегодня он позвонит военному прокурору МосГара.

Крисп с удовольствием отметил про себя, что Розин назвал военную прокуратуру Москвы по старому, и спросил:

— Но я ведь лицо заинтересованное?

— Никаким образом, — сказал Розин. — Я специально это выяснял. Твои отношения с Хромчевым никак не связаны с хищениями, это подтвердили фээсбэшники.

— И на том спасибо, — сказал Крисп.

— Погоди радоваться, — сказал Розин. — Я тебя включил в группу только потому, что знаю, что ты сам начнешь копать по этому делу и неминуемо наломаешь дров.

Розин помолчал, отпил свежего кофе, который ему дал Крисп, и спросил:

— Знаешь, что главное, когда ты сделаешь ошибку?

Крисп не стал отвечать, понимая, что Розин не откажет себе в удовольствии поучить его, как это было на заре следственной практики юного Криспа, уму-разуму.

— Не наделать новых ошибок, пытаясь ее исправить, — сказал Розин.

— А я наделал ошибок? — спросил Крисп.

— Тебе видней, — уклонился от прямого ответа Розин, естественно, намекая на тесные отношения с Хромчевым, которые, как, по-видимому, считал Розин, относились к разряду так называемых неразборчивых.

Розин встал, подошел к раковине и сполоснул свою чашку. Это было сделано машинально. И Розин, и Крисп много и часто ездили в командировки, еще с советских времен они возили с собой алюминиевые кружки и заварку, поскольку раньше далеко не всегда в номерах дешевых гостиниц, где, как правило, они останавливались, были чашки (чая не было никогда). Отсюда и привычка сразу убирать за собой посуду, чтобы всегда быть готовым сорваться с места и ехать в другой город.

Розин накинул на плечи плащ и пошел к двери.

— Нам нужны люди. Есть у тебя на примете толковые ребята? — спросил на ходу Розин.

— Много толковых, лейтенант Филимонов, например, — ответил Крисп, идя вслед за Розиным в прихожую.

— Хорошо. Предупреди его. Я сегодня позволю твоему начальнику и решу этот вопрос.

— Меня завтра в девять ноль-ноль венный прокурор вызвал к себе, — сказал Крисп.

— Сходи, — сказал Розин и достал из кармана плаща пачку дешевых сигарет и спички, — пусть он тебе прочистит мозги. Лишним не будет.

Розин зажег спичку и закурил. Вонючий дым окутал Криспа, и тот сморщился. Розин открыл дверь, помахал рукой, пытаясь выгнать дым из квартиры Криспа в коридор, вышел и закрыл за собой дверь.

Крисп вернулся на кухню и открыл окно.

6 марта

Крисп сидел в своем кабинете и расписывал дела, которые он вел, помощникам и другим следователям.

Другие следователи понимающе с ним здоровались и отводили глаза. Только после этого Крисп понял, что для него сделал Розин. Он не просто забрал его в следственную группу, он, словно громоотвод, отвел от него грозу, если не бурю.

В девять утра Крисп зашел к военному прокурору города Москвы и в течение получаса выслушивал от того все, что тот думал по поводу него, Хромчева и много чего еще. Военный прокурор очень подробно рассказал Криспу, что ему (военному прокурору) пришлось, в свою очередь, выслушать от руководителей кадровой службы Генеральной прокуратуры (Крисп про себя отметил, что, по-видимому, из Главной военной прокуратуры ему не звонили, и это тоже была целиком и полностью заслуга Розина), а также то, что будет, если Криспа вышибут со службы (военный прокурор так и сказал «вышибут») за несколько месяцев до того, как тот должен был бы уйти на пенсию. В общем, это надо было пережить, и Крисп это пережил. Было, конечно, очень неприятно слушать всю эту брань от пацана (Крисп всячески пытался вслух не дай бог не ляпнуть это слово в лицо военному прокурору, который пешком под стол ходил, когда Крисп расследовал свои первые дела), но он понимал военного прокурора. В конце концов, за каждого своего подчиненного отвечает начальник. И начальнику было особенно досадно, что в не очень красивую историю попал, казалось бы, самый опытный работник. Особенно досадно было осознавать, что совершенно не понятно, чем эта история закончится. А если виноватым окажется Крисп, то, конечно, и военному прокурору тоже достанется — не доглядел, вовремя не распознал и т.д. и т.п. (ничего не меняется в правилах управления, несмотря на демократию, изменения строя, страны и всего остального).

После того как все дела были расписаны, Крисп сдал дежурному офицеру ключи от кабинета и сейфа. Сейфом называли обычный железный шкаф, в котором хранились дела, а также бутылки со спиртным. Некоторые наиболее продвинутые военные следователи хранили там же сухую закуску, всякие там печенки, хотя это было чревато, поскольку уголовные дела, а также другие прокурорские материалы очень любили читать мышки, для которых оставленная закуска была дополнительным бонусом за удачное проникновение в шкаф. Криспа всегда удивляла приклеенная

к сейфу (металлическому шкафу) бумажка с печатью канцелярии «В случае пожара выносить в первую очередь». Он постоянно пытался себе представить, как он, когда в прокуратуре неожиданно начнется пожар, станет пытаясь переть на себе этот сейф из кабинета и, конечно, застрянет вместе с ним в дверном проеме. Впрочем, Крисп сомневался, что сумеет с этим шкафом пройти несколько метров до этого самого дверного проема.

Дежурный офицер принял ключи, попросил Криспа расписаться за них в журнале и на прощание они пожали друг другу руки.

Крисп оглянулся в сторону своего кабинета. В нем он провел большую часть времени за последние 15 лет. Вернется ли он сюда?

— Товарищ полковник, — услышал Крисп голос, раздававшийся с улицы, и увидел, как из-за входной двери в военную прокуратуру ему машет, как всегда радостно улыбающийся, лейтенант Филимонов. Крисп еще накануне вечером позвонил Филимонову домой и сообщил, что забирает его в следственную группу в Главную военную прокуратуру, и предупредил, чтобы тот утром ждал его на улице.

Крисп вышел на улицу, и они с Филимоновым пошли в сторону метро. Раньше они ходили через резервное закрытое летное поле на бывшем печально знаменитом Ходынском поле (том самом, на котором произошла массовая давка 18 мая 1896 года в день коронации последнего императора России Николая II, в результате чего погибло по разным оценкам от двух до четырех тысяч человек — весьма неприятное предзнаменование для будущего царя, на что тогда, наверное, не очень обратили внимание), которое было, разумеется, закрыто для прохода, но их, по договоренности с начальником военного аэродрома, пропускали по удостоверениям, и они могли идти до метро «Динамо» или «Аэропорт». Криспу многие говорили, что с этого летного поля по традиции с инспекционными проверками вылетал Министр обороны СССР. Однако Крисп этого ни разу не видел.

Сейчас в военном аэродроме в центре Москвы надобность отпала, и его отдали под застройку очередного модного и дорогого жилого комплекса. Кажется, название ему дали соответствующее — «Авиапарк». Поэтому ходить стало с одной стороны проще (никакого удостоверения не требовалось, проход был свободный), а с другой стороны, намного сложнее, поскольку вокруг шла стройка. Впрочем, Крисп никогда не ходил этой дорогой. До метро «Беговая» было и ближе, и привычнее.

Крисп мог вызвать дежурную машину, и ему наверняка не отказали бы, но он захотел пройтись,

а заодно ввести в курс дела Филимонова, чтобы не говорить о делах в машине в присутствии водителя.

— Итак, — начал Крисп и увидел, как Филимонов превратился во внимательного слушателя. — Из университета Минобороны пропали бюджетные деньги, предназначавшиеся для строительства храма. В преступлении обвиняется полковник Хромчев, который является заместителем начальника университета по научной работе. Нюанс заключается в том, что Хромчев как раз был инициатором строительства храма, поэтому логично предположить, что он мог быть организатором хищений. Очень удобно, не так ли? Собрал деньги, часть потратил, часть, соответственно, увел. Так что в том, что Хромчев является сегодня основным подозреваемым в совершении преступления, нет ничего удивительного.

— Вы ведь его знаете? — спросил Филимонов.

— Если ты намекаешь, о чем, как я думаю, тебе наверняка уже сказали, что мы с Хромчевым были приятелями, то да — мы с ним были приятелями. Насчет дружбы не уверен. Я, как ты тоже знаешь, по субботам в университете преподавал.

— Что преподавали, если не секрет? — спросил Филимонов.

— Разные дисциплины, в основном связанные с практикой. Вот в прошлую субботу, например, тактику ведения допроса, — ответил Крисп и продолжил. — То, что мы с Хромчевым приятельствовали, к делу не имеет отношения. Как и мое мнение о том, это я заранее предупреждаю твой следующий вопрос, мог ли Хромчев совершить то, в чем его обвиняют.

Крисп никогда не запрещал своим подчиненным задавать ему вопросы. Наоборот, он поощрял эти вопросы и разрешал в том числе перебивать его, если у кого-то во время совещания (оперативки) такой вопрос неожиданно возникал. Это было важно, во-первых, потому что вопрос мог вылететь из головы того, кто хотел его задать, и во-вторых, вовремя заданный вопрос позволял акцентировать внимание на мелочах, которые могли быть упущены.

— А что, мог? — спросил Филимонов.

— Не наглей, — сказал Крисп, продолжая вместе с лейтенантом Филимоновым идти к метро.

— Итак. Есть хищения, есть подозреваемый. Что нам нужно? — задал на этот раз вопрос Крисп.

— Установить схему вывода денег, — сказал Филимонов.

— Точно, — сказал Крисп. — А без кого невозможно вывести деньги из организации?

— Без главного бухгалтера, — сказал Филимонов.

— Правильно, — сказал Крисп, — и наша с тобой первая задача — найти главного бухгалтера.

— А что, он спрятался? — спросил Филимонов.

— Во-первых, не он, а она. Во-вторых, не знаю, знаешь ты или нет, но в университете сейчас новый начальник и новый главный бухгалтер. Прежний уволена, и где она сейчас, толком никто не знает. Так что вот тебе первое задание — найди все контакты и все данные на старого главного бухгалтера, и как только это сделаешь, немедленно сообщи мне или полковнику Розину. Будем думать, как и где ее допрашивать. Очень вероятно, что она — ключевая фигура в этом деле.

— Понятно, — сказал Филимонов.

Они дошли до метро и остановились перед спуском в подземный переход. Крисп внимательно посмотрел на Филимонова и сказал:

— Дело будет непростое, вот увидишь. То, что сейчас тебе понятно, завтра может быть совершенно непонятно. Все подобные дела о хищениях длятся по несколько месяцев, а иногда по несколько лет. Люди, которые задумывают такие преступления, не дураки. И вряд ли они в этом случае придумали примитивную схему.

— Что-то теперь уже не совсем понятно, — сказал Филимонов.

— Как ты думаешь, главный бухгалтер могла бы переводить, скажем, деньги на подставные счета без того, чтобы об этом никто больше в университете не знал? — спросил Крисп.

— Не могла, наверное, — сказал Филимонов, а потом добавил. — А может, и могла.

— Может, и могла, — как бы согласился Крисп, но тут же возразил. — Но ведь все исходящие из любой организации финансовые документы не могут быть изданы без утверждения руководителя этой организации, как думаешь?

— Не могут, — подтвердил Филимонов.

— Значит, что? — спросил Крисп.

— Что? — машинально переспросил Филимонов и сказал в вопросительной форме. — Намеряете, что в деле о хищениях может быть замешан бывший начальник университета?

— Ну про начальника это ты сказал, не я, — ответил Крисп.

— Ну, товарищ полковник, — обиженно заговорил Филимонов, сообразив, что Крисп нарочно его подвел к этой мысли, подставил, как в последнее время стало модно говорить, хотя Крисп предпочел бы слово «спровоцировал», что он в действительности и сделал.

— Ладно-ладно, — примирительно, слегка улыбаясь, сказал Крисп. — Но ты прав, что сама

по себе главный бухгалтер такие хищения, если она к ним, конечно, причастна, провести одна никак не могла. У нее должен быть, опять-таки при условии, что она к этому имеет отношение, сообщник. И даже не сообщник, а прямой соучастник, может быть, даже в статусе организатора. А таким соучастником должен быть кто-то из руководства университета. В противном случае провести и, главное, утвердить бухгалтерские документы, тем более получить команду на перевод денег невозможно. Во всяком случае, я пока что не представляю себе, как можно издать приказ без ведома начальника. Особенно на такие суммы.

— А какие суммы? — вежливо поинтересовался Филимонов.

— Большие, — ответил Крисп. — Скоро сам увидишь. Из документов.

Крисп начал было двигаться в сторону перехода, и Филимонов пошел за ним. Но Крисп неожиданно остановился, и Филимонов буквально в него влетел и тут же сделал шаг назад. Крисп наоборот придвинулся к Филимонову вплотную и сказал:

— Теперь о Хромчеве. Мы с ним действительно, скажем так, тесно приятельствовали. Я никогда не замечал, чтобы у него были какие-то лишние деньги или чтобы он вел себя, как подпольный миллионер. Но ведь это ничего не значит. Чужая душа потемки, как говорится.

— Еще говорят, что человек — слаб, — сказал Филимонов.

— Да, слаб, — согласился Крисп. — Слаб перед земными соблазнами.

Они помолчали. Филимонов ждал. И не ошибся.

— Скажу честно, — после затянувшейся паузы продолжил Крисп. — Не могу себе представить Хромчева в роли вора. Тем более в роли организатора таких масштабных хищений. Не тот типаж. Это мои, так сказать, сомнения не как следователя, а как человека. Хотя в разговоре со мной он чего-то не договаривает. Возможно, как говорится, рыльце в пушку. Но вот в чем я совершенно точно уверен, что Хромчев не убивал помощницу главного бухгалтера Анну Беляеву.

Филимонов молча ждал.

— А то, что на Хромчева пытаются повесить, помимо хищений, еще и убийство, говорит о многом, — сказал Крисп после очередной паузы.

— О чем о многом? — спросил Филимонов.

— О том, что за этим делом стоит кто-то очень умный, хитрый и коварный, — ответил Крисп.

Еще немного помолчал, Крисп наконец закончил свою мысль:

— Нам предстоит расследовать очень трудное дело. Запомни нашу с тобой сегодняшнюю беседу, но у меня такое ощущение, что дело выйдет за пределы университета, и нам с тобой придется не раз обсуждать каждый наш шаг. Как говорится, будь начеку.

9 марта

— Ну что?! — громыхал в своем кабинете в здании Главной военной прокуратуры полковник Розин. — Отметили восьмое марта, погуляли! Хорошо погуляли!!! И где теперь искать этого вашего главного бухгалтера?! Что мне главному военному прокурору докладывать?! Доложить, как мы за несколько дней умудрились просрать все дело?! Помощник главного бухгалтера убита, главный бухгалтер исчезла, основной наш подозреваемый в почти что невменяемом состоянии в психиатрической больнице института имени Сербского! Отличная неделька, ничего не скажешь!!!

Розин, в расстегнутом кителе, весь багровый от ярости, плюхнулся в служебное кресло. Он достал пачку сигарет, засунул одну себе в рот, взглянул на табличку с надписью «Не курить», стоящую у него на столе, зло посмотрел на Криспа и положил сигарету на стол.

Потом Розин опять вскочил на ноги, словно кавалерист без лошади, прошелся перед спешившимися гусарами, роль которых исполняли Крисп и Филимонов, которые вынуждены были вскочить со своих стульев, на которые они только что присели, поскольку до этого слушали монолог Розина на ногах, который тот исполнял, только что не бегая по кабинету, грозно размахивая при этом руками.

«Хорошо, что у него сабли, пусть даже сувенирной, нет», — усмехнулся про себя Крисп.

Пройдясь таким кавалерийским шагом из угла в угол небольшого кабинета раз пятьдесят, Розин вернулся за стол, плюхнулся в кресло, схватил со стола недавно брошенную сигарету и, боясь, видимо, что снова передумает, быстро чиркнул спичку о спичечный коробок и с наслаждением затянулся, победно посмотрев на Криспа, взгляд которого был, естественно, осуждающим.

В кулуарах Государственной Думы давно обсуждался проект закона о запрете курения в общественных местах, в том числе на работе. Табачное лобби всячески препятствовало принятию этого закона. Главный военный прокурор в этой связи издал приказ о запрете курения в здании, опережая, так сказать, принятие закона, который он, между прочим, очень поддерживал (может, потому что сам не курил?).

— Что молчите? — спросил Розин, явно успокаиваясь, — сказать нечего?

— Центр, — сказал Крисп.

— Что? — не понял Розин.

— Не институт Сербского. Уже давно — центр психиатрии имени Сербского, — сказал Крисп и улыбнулся.

Розин в ответ тоже улыбнулся и покачал головой, мол, «ну-ну, типа умыл».

— Ладно, — сказал Розин, когда кабинет наполнился вонючим дымом до такой степени, что лейтенант Филимонов закашлялся. — Что будем делать? Есть какие-то мысли?

Крисп слегка осипшим от дыма голосом сказал:

— Надо начать отрабатывать окружение полковника Хромчева. Предлагаю это поручить лейтенанту Филимонову.

— Естественно, Филимонову, — тут же ехидно отреагировал Розин, очевидно, намекая, что Крисп не может этим заниматься из-за его дружбы с Хромчевым.

— Да, — согласился Крисп и сделал вид, что не заметил поддевки Розина. — Также нам надо отработать окружение погибшей Анны Беляевой. Предлагаю это поручить мне.

Розин молчал.

— Хорошо, — наконец произнес Розин. — Давайте так и сделаем. Для начала.

Розин опять замолчал. Сигарета тлела между пальцами его правой руки. Через некоторое время он спросил:

— Лейтенант Филимонов?

— Да, — ответил Филимонов и опять вскочил на ноги.

— Вам задание понятно?

— Так точно.

— Тогда почему вы до сих пор здесь?

Лейтенант Филимонов испуганно посмотрел на Криспа. Тот лишь пожал плечами.

— Разрешите идти, товарищ полковник, выполнять задание? — спросил Филимонов и потянулся за своим портфелем, который стоял рядом с его стулом.

Розин в ответ, как и Крисп до этого, только пожал плечами и выпустил в сторону Филимонова струю едкого вонючего дыма. В этом вонючем дыме лейтенант Филимонов через секунду растворился. Даже закрываемая за ним дверь не скрипнула.

— Думаешь, справится? — спросил Розин Криспа.

Крисп опять пожал плечами:

— Ну когда-то же начинать надо.

— Не слишком ли сложно для начинания? — спросил Розин.

— Нормально, — сказал Крисп и задал свой вопрос. — Какие еще дополнительные сведения ты хотел мне сообщить?

Розин усмехнулся.

— Догадался, что я его не просто так выставил.

— Ну для этого не надо считать до пяти.

— Хорошо, — сказал Розин и затушил остаток почти докуренной сигареты. — Первое. Установлено, что у Беляевой на счету столько денег, сколько она могла откладывать со своей зарплаты. Так что либо она ни при чем, либо деньги за рубежом, и до них оперативники из ФСБ пока не докопались. Второе. В пользу того, что деньги все-таки за рубежом, говорит тот факт, что у Беляевой есть загранпаспорт, и она регулярно ездила отдыхать на заграничные курорты. Это тебе так сказать для начала.

— По способу убийства есть новости? — спросил Крисп.

— Нет. Как я тебе уже говорил, ее задушили ее же ремнем.

Помолчав немного, Розин добавил:

— Если ты намекаешь на то, мог ли это сделать неподготовленный человек, такой, как Хромчев, то ответ — да. Ничего сложного в этом нет.

Крисп задумчиво почесал подбородок.

— Теперь самое главное, — сказал Розин. — В нашу следственную группу включен следователь ФСБ.

Крисп молчал. Розин, по всей видимости, довольный произведенным эффектом, продолжил:

— Это было условием включения тебя в группу. Кстати, ты уже с ним знаком. Он тебя допрашивал по поводу убийства Беляевой.

Крисп не смог скрыть удивления:

— Но разве это возможно? Чтобы допрашиваемый по делу и тот, кто допрашивал, работали в одной группе?

— Наверное, нет, — сказал Розин и добавил. — Если только факт допроса документально не подтверждается.

Крисп понял, что по договоренности между Главной военной прокуратурой и ФСБ его протокол допроса из дела изъяли. И это тоже заслуга Розина. Впрочем, как почти наверняка знал Крисп, изъять-то изъяли, но не уничтожили. Сохранили, так сказать, про запас.

— Это третье, — сказал Розин и улыбнулся. — На сегодня последнее.

Розин протянул Криспу листок бумаги, на котором был записан телефон следователя ФСБ:

— Позвони ему сегодня и договорись о встрече. Надо составить план на ближайшие две недели. Он обеспечит оперативное сопровождение. Об этом тоже договорено.

Крисп взял бумагу с номером телефона и встал.

— Спасибо, — сказал Крисп.

— Удачи тебе, — сказал Розин и добавил. — Всем нам.

Крисп подошел к двери, оглянулся и сказал:

— Я думаю, что Хромчев не убивал Беляеву.

Не так просто убить человека, тем более задушить молодую женщину ее же ремнем.

— Знаю, — сказал Розин. — Но не просто, не значит невозможно, верно?

Они смотрели друг другу в глаза некоторое время. Потом Розин тихо произнес:

— Может быть, я неясно выразился, но следователь ФСБ ждет твоего звонка сейчас и встретиться хочет с тобой сегодня.

— Разрешите идти? — спросил Крисп.

— Ты еще до сих пор здесь? — вопросительно ответил Розин и улыбнулся.

Крисп вышел из кабинета Розина. Мимо прошел полковник Главной военной прокуратуры, посмотрел на струи дыма, вырывающиеся из-под двери Розина и покачал головой. Крисп понял, что надо сматываться, пока его не вовлекли в разборки по поводу нарушения приказа главного военного прокурора о запрете курения в служебных кабинетах. Он посмотрел на бумажку, переданную ему Розиним, достал свой сотовый телефон, вздохнул, представляя, сколько сейчас спишут с его личного счета денег связисты, и набрал номер...

Они сидели в маленьком кафе в центре Москвы. Судя по ценам, это маленькое кафе принадлежало модному московскому ресторатору. Может быть, в том числе поэтому Крисп и следователь ФСБ заказали всего по маленькой чашке кофе. Следователем ФСБ был тот самый серый человек, который допрашивал Криспа после того, как его с Хромчевым доставили в здание ФСБ. Он был одет ровно в тот же самый костюм и представился таким образом, что Крисп то ли не расслышал его фамилию, то ли он так ее сказал, что Крисп не расслышал. Но, во всяком случае, Крисп хотя бы узнал, что следователя зовут Игорь Михайлович.

— У нас довольно мало информации, — признался Игорь Михайлович.

Крисп отставил пригубленную чашку с кофе. Его в очередной раз удивили. Игорь Михайлович, конечно, не оставил это без внимания:

— Да. Я понимаю ваше недоумение. Несмотря на то, что Хромчев был в оперативной разработке, информации о нем и о том, как происходили хищения, мы собрали немного.

— Вы хотите сказать, что доказательств вины Хромчева у вас нет? — спросил Крисп.

— Скорее, по-другому. Доказательств того, что Хромчев здесь главный, у нас нет, — ответил Игорь Михайлович и продолжил. — Проблема в том, что вина Хромчева доказана его служебными полномочиями.

Крисп все-таки взял чашку с кофе и сделал небольшой глоток. Кофе был ароматный, в меру сладкий и в меру негорячий. Модный московский ресторатор держал марку.

— Хотите сказать, что Хромчев будет осужден за халатность?

Игорь Михайлович не ответил и тоже отпил свой кофе.

— Но в таком случае я не понимаю, кого мы ищем, — сказал Крисп.

Игорь Михайлович еще раз отпил кофе и спросил:

— Может быть, по бокалу вина?

Крисп задумался и внимательно посмотрел на следователя ФСБ.

— Почему нет, — сказал Крисп. — Но в таком случае надо бы заказать что-нибудь покушать?

— Разумеется, — сказал Игорь Михайлович. — Против хорошего стейка возражать не будете?

— Не буду.

Игорь Михайлович сделал знак официанту и быстро оформил заказ.

Когда принесли вино (это была бутылка, как успел заметить Крисп, «Шато Бернье», не самого дорогого, но и не самого дешевого сухого красного вина), Игорь Михайлович начал наконец серьезный разговор:

— В ФСБ прошла информация (не спрашивайте откуда и какая, я все равно не скажу, тем более что далеко не все мне известно), что при строительстве храма в университете происходят злоупотребления и хищения денежных средств. Соответственно, была начата оперативная проверка. В ходе этой проверки факты хищений были подтверждены. Но дальше начались проблемы. Мы никак не могли понять схему хищений. Все деньги на месте, но на строительство храма, судя по документам, потрачено намного меньше, чем собрано. При этом следы излишков отсутствуют.

— То есть на самом деле хищений не было? — спросил Крисп.

— В том то и дело, что были, — сказал Игорь Михайлович. — По документам деньги есть, а на самом деле их нет.

Крисп задумался и сказал:

— Но в таком случае Хромчев вряд ли при делах. Ведь он занимался только освоением полученных средств и к тому, о чем вы говорите, не мог быть причастен. Ведь это называется...

— Правильно, — перебил Криспа Игорь Михайлович. — Это называется отмыванием денег. И вся история со строительством храма на территории университета — это история большой стирки грязных денег. Но согласитесь, придумано неплохо. Университет и его руководство используется втемную под благовидным предлогом строительства, по сути, домового храма. К счетам университета очень ограниченный доступ, все-таки счета оборонного министерства, спонсоры — сплошь благородные люди, которым обеспечена масштабная социальная реклама: не на какие-то шоу и развлечения тратят деньги, заработанные честным капиталистическим трудом, а на богоугодное дело, тем более для защитников Отечества.

Игорь Михайлович замолчал. Крисп немного подумал и спросил:

— И вы это знали, когда санкционировали арест Хромчева?

— В общих чертах, — сказал Игорь Михайлович.

Крисп еще немного подумал и сказал:

— В той информации, которая первоначально пришла в ФСБ о хищениях в университете, фигурировал Хромчев?

— Мне говорили, что вы все очень быстро схватываете. Угадываете даже то, о чем вам не говорят, — сказал Игорь Михайлович. — Скажу вам больше. Кроме Хромчева, никаких других фамилий указано не было.

— И что это значит? — озадаченно спросил Крисп.

— Я думал, вы мне скажете, — ответил Игорь Михайлович.

Подали стейки. Игорь Михайлович попробовал принесенного красного французского вина (Крисп в них совершенно не разбирался), после чего одобрительно кивнул, и официант разлил вино по бокалам. Игорь Михайлович поднял свой бокал и сказал:

— Вы знаете, французы за обедом выпивают вино, как мы с вами компот. Поэтому для них это не праздник, а рядовое событие. Соответственно, тосты за обедом не произносятся. Но поскольку мы с вами не во Франции, а в России, предлагаю не отходить от наших традиций и выпить за наше сотрудничество.

Крисп и Игорь Михайлович соединили бокалы в легком соприкосновении. Раздался мелодичный звон. Не только вино было изысканное, но и бокалы тоже.

Крисп сделал хороший глоток вина. Игорь Михайлович слегка покачал головой. Крисп пожал плечами, как бы говоря, извините, мы из про-

стых, дорогих вин пить не обучены. После этого оба взялись за стейки. Мясо было приготовлено на славу. Крисп такого вкусного еще не пробовал. Оно было прожарено ровно на столько, чтобы без помех таять во рту.

— Мы очень на вас надеемся, — разбираясь со своей порцией мяса, сказал Игорь Михайлович, профессионально орудуя острым, специально принесенным ножом и вилкой.

— В смысле? — спросил Крисп.

— Мы знаем, как вы умеете работать, знаем ваши способности находить черную кошку, даже там, где ее нет, — сказал Игорь Михайлович. — Кроме того, ваш хороший знакомый обвиняется в серьезном преступлении.

— Друг, вы хотели сказать, — сказал Крисп.

— Вам виднее, — сказал Игорь Михайлович. — Друг или приятель. Скорее приятель, а не друг, так ведь?

Крисп застыл с поднесенным ко рту куском мяса, наколотым на вилку. Он часто про Хромчева, особенно после ареста, говорил именно так — не друг, а приятель.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал Игорь Михайлович. — Это наша работа. Моя и моих коллег. Можно подумать, вы об этом не знаете и не догадывались, что за вами также ведется наблюдение.

— Догадывался, — согласился Крисп и положил мясо себе в рот. — Просто, когда вот так тебе дают знать, что за тобой следят, это как-то, скажем так, неожиданно.

— Неприятно, — сказал Игорь Михайлович. — Вы хотели сказать, это неприятно. Но спешу вас успокоить, слежки за вами никакой нет и не было. Все, что мы знаем, это информация, так сказать, второстепенного значения. Кто-то что-то в разговоре с кем-то упомянул.

— И на том спасибо, — не удержался от ерничества Крисп.

— Но есть то, что действительно важно, — продолжил Игорь Михайлович и отложил свои столовые приборы.

Крисп посмотрел на него. Игорь Михайлович молчал.

— У меня такое ощущение, — медленно заговорил Игорь Михайлович, — что анонимная информация о Хромчеве и хищениях в университете в действительности направлена против вас.

Крисп смотрел на Игоря Михайловича. Тот смотрел на Криспа.

— Я думаю, что вы об этом тоже подумали, — сказал Игорь Михайлович. — Не надо отвечать. Хотите верить, хотите нет, но эту свою догадку

я держу при себе. Никому пока что ничего не докладывал.

Игорь Михайлович опять замолчал. Крисп тоже молчал, ожидая продолжения.

— У вас есть женщина? — неожиданно спросил Игорь Михайлович.

— В каком смысле? — в ответ спросил Крисп.

— В смысле — постоянная женщина, с которой вы много лет общаетесь. Спите, в конце концов.

— С которой много лет общался уже много лет не общаюсь.

— А у Хромчева их две. И вы об этом нечего не знали, верно?

— Верно, — согласился Крисп, не понимая к чему клонит следователь ФСБ.

— А вот тот, кто все это, извините за сленг, замутил, скорее всего, об этом знал. Так что Хромчев вам действительно приятель, не друг. Друг с вами поделился бы сокровенной информацией.

— К чему вы ведете? — прямо спросил Крисп. — Зачем нам играть в кошки-мышки?

Игорь Михайлович усмехнулся, и Крисп понял невольную аналогию, к которой он только что прибегнул, в свете недавно сказанного про черную кошку, которую он может найти даже там, где ее нет.

— Согласен, — сказал Игорь Михайлович. — Я именно так хочу с вами дальше вести наше общее расследование. Без игр и недомолвок. Убийство Беляевой очень все запутало. Я не понимаю, зачем ее убили. Кто ее убил, оставим это пока за скобками. Но зачем? Или за что? Я не понимаю.

Игорь Михайлович немного помолчал и продолжил:

— Я веду к тому, что Хромчев много чего не рассказывает из того, что мог бы рассказать. И есть только один человек, которому он может довериться. Это вы.

Крисп откинулся на спинку стула и недоуменно уставился на Игоря Михайловича.

— Интересно, как я могу заставить его мне довериться? — спросил Крисп. — Кроме того, кто мне позволит допрашивать по делу моего знакомого, которого обвиняют в серьезном преступлении, в расследовании которого я непосредственно принимаю участие?

В этот момент в конце кафе мелькнула фигура официанта казахской национальности, который обслуживал Криспа и Ефима Соломоновича в момент их первой встречи по делу Хромчева. Официант ловко нес на ладони правой руки поднос, на котором стояла бутылка вина и несколько бокалов. Впрочем, Крисп толком не успел уди-

виться тому, что увидел знакомое лицо, потому что в этот момент его к действительности вернул голос Игоря Михайловича, который почти что ласково и даже с небольшой усмешкой произнес:

— Дорогой товарищ полковник, я уверен, что вы легко все организуете, в том числе ваш допрос Хромчева.

19 марта

— Послушайте, Крисп, все-таки вы поступили со мной по-свински, — горячился Ефим Соломонович Бутман. — Так не поступают с адвокатами, тем более с очень хорошими адвокатами. А я хороший адвокат. И так не поступают с друзьями. Хотя, судя по тому, на что вы подбили меня, вы своим другом меня точно не считаете. Я вам этого никогда не прощу.

Крисп грустно улыбнулся:

— Ефим Соломонович, я же перед вами уже сто раз извинился. Прошу вас простить меня в сто первый раз. И конечно, я вас не просто считают хорошим адвокатом, но считаю, что вы — профессионал, каких поискать надо. Что касается друга, то если бы я не надеялся, что вы мой самый близкий друг, то никогда не обратился бы к вам с просьбой помочь в таком щекотливом деле.

Крисп и Ефим Соломонович сидели в том же самом кафе, в котором встретились, когда Крисп просил адвоката взяться за дело Хромчева. Крисп пришел немного пораньше и заказал сразу салаты и горячее, предвидя бурную реакцию Ефима Соломоновича, кода тот придет.

— И все-таки вы поступили плохо, — продолжал кипятиться Ефим Соломонович, не забывая правда при этом нарезать куски корейки из баранины и отправлять их себе в рот. Салат он съел почти сразу, как только сел за стол, одновременно высказав Криспу все, что о нем думал.

— Плохой поступок может оправдать только одно — невозможность по-другому помочь человеку, — сказал Крисп.

— Но как же быть с моими коллегами, — не сдавался Ефим Соломонович. — В каком свете я буду выглядеть перед ними?

— В том же самом, как и сейчас, — сказал Крисп. — В свете того, что вы один из лучших московских адвокатов. Нет, лучший российский адвокат.

— Лыстите-лыстите, — сказал Ефим Соломонович. — Я вам все равно этого никогда не забуду.

Крисп про себя тут же отметил, что Ефим Соломонович изменил формулировку с «никогда не прощу», на «никогда не забуду». Очевидный прогресс.

— Имейте в виду, — доедая последний кусочек баранины, сказал Ефим Соломонович, — я льстецов не люблю. Но труд их уважаю.

Крисп и Ефим Соломонович улыбнулись друг другу.

— Ну, раз вы до сих пор меня не выгнали из-за стола и начали шутить, я так понимаю, что мы можем перейти к обсуждению того, что у вас случилось, — вкрадчиво произнес Крисп.

Ефим Соломонович отодвинул тарелку и сказал:

— Какой вы хитрец.

— Не такой уж большой, — сказал Крисп. — Правда, Ефим Соломонович, другого выхода не было, кроме как попросить вас все узнать у Хромчева и рассказать сейчас мне. Понимаю, что это нарушает все писаные и неписаные нормы и правила поведения адвоката, но, как я вам уже говорил, когда обращался с этой просьбой, у Хромчева могут быть еще большие проблемы, чем сейчас, если он не поделится в том числе интимной информацией.

Ефим Соломонович внимательно посмотрел на Криспа и сказал:

— Вы мне обещали, что не используете полученные сведения против Хромчева.

— Обещаю, — подтвердил Крисп.

— Ну ладно, — сказал Ефим Соломонович. — Я передал вашу просьбу Валентину Васильевичу Хромчеву, и он рассказал мне следующее.

Ефим Соломонович вздохнул и сделал паузу. Было очевидно, что ему очень трудно пересилить себя и рассказать следователю конфиденциальную информацию, которую ему поведал его подзащитный, пусть даже по согласованию со следователем, с которым его подзащитный был дружен (приятельствовал).

— Действительно, Хромчев и Беляева были любовниками. Причем сблизило их строительство церкви. Когда стали приходиться деньги на строительство, вот тогда они стали проводить много времени вместе, ходили на деловые встречи, засиживались допоздна со спонсорами и их представителями, ну и однажды, после того как Хромчев в очередной раз довез Анну Петровну Беляеву до дома, она предложила выпить по чашке чая, тут все и случилось. Потом это стало происходить, так сказать, на регулярной основе.

— Инициатором интимных отношений была она? — спросил Крисп.

— Хромчев считает, что он был первым. Мол, она ему давно нравилась, — сказал Ефим Соломонович.

— Ну да, — с сомнением сказал Крисп.

— Да, мужчинам только кажется, что они командуют женщинами. Всегда выбирают женщины, — согласился Ефим Соломонович.

— Что Хромчев рассказал по поводу начала строительства храма, кто первым предложил эту идею? — задал следующий вопрос Крисп.

— Тут дело непонятное, — после некоторой паузы ответил Ефим Соломонович. — Хромчев говорит, что это его идея. Что он, мол, давно об этом подумывал, и что как-то поговорил с начальником университета, и тот поддержал эту затею. Правда, не с первого раза. Хромчеву пришлось убеждать начальника. Очень сильно убеждать, так мне сказал Хромчев, поскольку начальник боялся влезать в эту историю.

— И, как оказалось, был совершенно прав, — сказал Крисп.

— Наверное, — ушел от прямого ответа Ефим Соломонович.

Крисп внимательно посмотрел на адвоката и спросил:

— Вы полагаете, что Хромчев лукавит насчет того, что идея строительства храма целиком и полностью принадлежит ему?

— Скорее, не лукавит, — ответил Ефим Соломонович. — Его заставляют так думать. Внушили, так сказать, что это его гениальная мысль.

— Анна Петровна?

— Не знаю, — сказал Ефим Соломонович. — Судя по тому, что он рассказывал о Беляевой, мне кажется она довольно бесхитростный человек. Душа, кто-то другой. Кто-то поважней.

— Бывший начальник университета? — спросил Крисп.

— Ну вы меня удивляете, — сказал Ефим Соломонович. — Хромчев, по его утверждению, по сути дела, вынудил начальника согласиться с идеей строительства храма.

— Всякое бывает.

— Не в этом случае.

— Намекаете на бывшего главного бухгалтера? — спросил Крисп.

— Вы же сами сказали, что она исчезла.

— Может быть, — согласился Крисп и спросил. — А как появился первый спонсор?

Ефим Соломонович оживился:

— Вот это действительно интересно. Дело в том, что первые деньги на счет университета пришли еще до того, как вопрос о строительстве храма был согласован. Хромчев сказал, что он не знает, от кого пришли деньги, но сумма была весьма приличная, сразу несколько миллионов. А потом уже начальник поручил ему взять все дело под свой контроль, и со всеми другими

жертвователями он, так сказать, встречался лично.

— И больше таких анонимных платежей не поступало? — спросил Крисп.

— Хромчев считает, что нет. Все шло через него и Анну Петровну Беляеву. Все платежи визирует он, а подписывал начальник университета, — ответил Ефим Соломонович и после паузы добавил. — Да и первый жертвователь не был анонимный. Хромчев потом все платежи поднял. Говорит, что первые деньги пришли от какого-то ООО, даже учредителя запомнил.

— Да? — удивился Крисп.

— Фамилия была казахская. Поэтому и запомнил. Саму фамилию, конечно, он не назвал (запомнил не до такой степени), но сказал, что точно казахская, хотя компания была зарегистрирована в Москве.

— Интересно, — сказал Крисп. — Что-нибудь еще сказал?

Ефим Соломонович пожал плечами:

— Сказал, что все счета проверял, все было чисто. Дебет с кредитом, так сказать, всегда сходился.

— Да-да, — погружаясь в свои мысли, сказал Крисп. — Дебет с кредитом. То есть без бухгалтеров никак не могло обойтись.

— Само собой, — сказал Ефим Соломонович. — Только какая во всем этом роль Хромчева?

Крисп облокотился на стол, внимательно посмотрел на Ефима Соломоновича и сказал:

— Мы же с вами прекрасно понимаем, что его подставили. Но проблема в том, что он сам был рад подставиться. Так сказать, медовая ловушка. Подвели к нему женщину, а он дал слабину.

— Не знаю, не знаю, — сказал Ефим Соломонович. — Я считаю, что мой клиент не виновен.

Ефим Соломонович приблизился через стол к Криспу и сказал, глядя ему в глаза:

— Вы обещали, что рассказанная клиентом информация ему не навредит.

Крисп утвердительно кивнул.

Затем Крисп рассчитался за обед за двоих с официанткой азиатской внешности. «У них тут все официанты из Азии», — подумал про себя Крисп, вспомнив, что в первый раз их с Ефимом Соломоновичем обслуживал юноша азиатской внешности. Посмотрел в кошелек и прикинул, когда ожидается зарплата. За обед со следователем ФСБ они заплатили пополам, но его даже половинная стоимость была в два раза больше, чем та, счет за которую Крисп оставил сейчас. Что-то в результате походов в кафе и рестораны его бюджет заметно подсократился, а впереди еще почти

полмесяца. Обеды и ужины в кафе и ресторанах, даже когда они посвящены решению служебных вопросов, не будут считаться деловыми и компенсации не подлежат.

Ефим Соломонович ушел, а Крисп задумался. Утром он был у медицинского эксперта. Крисп пытал эксперта и так, и этак, но тот ничего нового ему сообщить не смог. Единственное, на что эксперт обратил внимание, это то, что у Беляевой были непонятного происхождения небольшие синяки на лодыжках ног. Кроме того, эксперт очень неопределенно предположил, что, кажется, Беляева умерла не сразу. Крисп чувствовал, что здесь что-то есть, но что именно, пока понять не мог. Как и не мог он понять, каким образом Хромчев умудрился не заметить огромные хищения, которые прошли буквально перед его носом.

«Посмотрим, что там нарыл наш следователь Филимонов», — подумал Крисп и вышел из кафе.

На улице он задумался, где ему лучше поговорить с Филимоновым, в Главной военной прокуратуре или где-то в неформальной обстановке. Потом он вспомнил про свой кошелек и решил, что еще одного обеда или ужина его бюджет точно не выдержит. Крисп оглянулся на кафе, из которого он только что вышел, и увидел там за стеклом официанта с азиатской внешностью, который обслуживал их с Ефимом Соломоновичем в первый раз. Видимо, сегодня тот работал во вторую смену, потому что в течение всего времени, пока они с Ефимом Соломоновичем обедали, того не было видно.

Из центра Москвы до Главной военной прокуратуры Крисп доехал на метро, благо это было всего три остановки. От метро до, как сегодня было модно говорить, офиса, или, как работники военной прокуратуры продолжали говорить по старинке, до конторы оставалось пройти примерно 200 метров.

Весна медленно, но верно вступала в свои права. Было все еще прохладно, но солнце начинало греть, а не просто освещать, как было совсем недавно. Ветерок был холодным, но не морозным, ветви деревьев в парке, очевидно, стремились набухнуть почками.

Крисп погрузился в мысли. Что-то очень важное проходило мимо него. Если, как сказал Игорь Михайлович, вся история с хищениями направлена не против Хромчева, а против Криспа, то те, кто ее задумали, не только с самого начала знали о приятельских отношениях между ними, но и просчитывали, какие последствия арест Хромчева повлечет для Криспа. Строго говоря, Криспа должны были не только отстранить

от дела, но и начать в отношении него серьезную проверку на предмет его причастности к тому, чем занимался Хромчев. Значит, должна была быть какая-то провокация. Какая? Скорее всего, связанная с деньгами. Например, с поступлением на личные счета Криспа денег. Но он только недавно проверял счета, там все было в порядке. Никаких лишних денег не было. Значит провокации пока не было.

«Пока не было, — подумал Крисп, — ключевое слово «пока». Значит, провокация готовится? Какая?»

Крисп быстрее зашагал в сторону военной прокуратуры, продолжая на ходу размышлять: «Кому и зачем понадобилось меня гнобить? Почему сейчас? Почему через Хромчева? Не понимаю. Кто-то из моих старых клиентов?»

Конечно, у Криспа была такая работа, в результате которой многие люди, которых он допрашивал и которым предъявлял обвинения в совершении уголовных преступлений, его после этого не сильно любили. Но он никогда не выбивал показания, никогда не вменял в вину обвиняемому лишнего, никогда не предлагал обвиняемому взять чужое преступление на себя (мол, тебе все равно, срок за еще одно небольшое преступление не увеличится, а у меня одним висяком меньше, ну и, соответственно, тебе будут определенные поблажки при отбытии наказания, в том числе условно-досрочное освобождение). Крисп никогда не давал таких обещаний, тем более в большинстве случаев те, кто подобные обещания давали, заведомо обманывали своих подопечных — никакого влияния на то, в каких условиях осужденному предстоит отбывать наказания, они оказать не могли. Максимально, что они могли сделать, это поговорить с судьями военного трибунала, благо все друг друга знали, и попросить учесть те или иные смягчающие обстоятельства. Впрочем, даже это следователи могли сделать далеко не всегда. Судьи с опаской относились к подобным просьбам следователей. «И правильно делали», — так считал Крисп. Договариваться с обвиняемым можно только об одном — о его чистосердечном признании. Криспу, наверное, чуть чаще, чем другим, удавалось добиваться этих самых чистосердечных признаний. Но эти признания давались под тяжелым весом улики и доказательств, которые Крисп собирал либо благодаря содействию обвиняемых, либо благодаря их сопротивлению по сбору этих доказательств. В последнем случае доказательств всегда собиралось больше. Так что дружеских отношений к Криспу никто из его бывших обвиняемых испытывать не мог. Но и мстить Криспу

им было не за что. В конце концов преступления совершали они, а не Крисп. Крисп лишь только фиксировал эти преступления. Криспу даже приходило несколько поздравительных открыток от его подопечных. В них не было ни слов благодарности, ни тем более признаний в любви. Просто осужденные поздравляли Криспа с Новым годом, давая тому понять, что они оценили его объективность и непредвзятость. Пришла, правда, один раз очень странная открытка с изображением иероглифов без обратного адреса. Крисп решил, что она попала в его почтовый ящик по ошибке, и выбросил ее.

Крисп опять остановился непосредственно перед зданием Главной военной прокуратуры.

— Черт побери, — вслух сказал Крисп, и несколько проходивших рядом прохожих удивленно на него посмотрели.

— Черт побери, — повторил Крисп, — невероятно. Этого не может быть.

19 марта

Крисп сидел в небольшом кабинете, можно даже сказать, кабинетике, который ему выделили на период его откомандирования в следственную группу Главной военной прокуратуры, за рабочим столом. Напротив него сидел лейтенант Филимонов и докладывал о результатах проделанной работы.

— У Хромчева нет ни левых дач, ни каких-то сверхъестественных сбережений. Во всяком случае, на его банковских счетах. Существует маловероятная версия, что он может где-то хранить наличные деньги, но его родственники и близкие друзья, с которыми он общался, ничего об этом не знают, — завершил свою пятнадцатиминутную речь лейтенант Филимонов.

Собственно говоря, лейтенант Филимонов мог бы быть более кратким, потому что все его расследование можно было свести к одному предложению — ничего подозрительного не обнаружено.

— Почему ты считаешь маловероятной версию о том, что у Хромчева могут быть припрятаны наличные деньги? — спросил Крисп.

— Во-первых, я разговаривал с оперативниками из ФСБ, которые вели Хромчева до его ареста, и они заявили, что тот никуда на протяжении нескольких последних месяцев не отлучался. Маршрут его ежедневных передвижений был предсказуем — работа, деловые встречи, дом. Ну или Беляева, а потом — дом.

На последнем предложении Филимонов несколько смутился.

— Понятно, — сказал Крисп, сделал вид, что ничего не заметил, и спросил:

— Во-вторых?

— Во-вторых, его траты за год не дают оснований полагать, что у него появились лишние деньги.

Крисп задумался.

— Тем не менее эти деньги у него были, — сказал Крисп. — И он их не откладывал, а тратил, предположительно, на Беляеву. У которой, кстати, эти лишние деньги тоже были. Не в таком большом количестве, как могли быть, исходя из суммы хищений, но были, — сказал Крисп. — А теперь вопрос, как эти лишние деньги к ним попадали?

Лейтенант Филимонов честно признался:

— Пока непонятно.

— Вот когда будет понятно, — сказал Крисп, — тогда и раскроем преступление. Что с беглым бухгалтером?

— Исчезла, — как-то по-детски растерянно сказал Филимонов.

— И следов нет?

— Нет.

Посмотрев на Криспа, лейтенант Филимонов добавил:

— Ни оперативники ФСБ, ни сыскари ничего найти не могут.

Крисп отметил, что Филимонов все больше переходит в разговорах на профессиональный сленг, что, конечно, портит язык, но сильно экономит время. Например, понятно, что сыскарями он назвал оперативников МВД, что, в свою очередь, означало, что к поискам главного бухгалтера были подключены все возможные силы.

Крисп задумался. Конечно, страна у нас большая, и при желании в ней можно относительно просто затеряться. Тем более что можно также выехать за границу и спрятаться там. То есть — спрятаться на планете под названием Земля. Однако все меняется, если человек причастен к хищениям больших денег.

«В этом случае прятаться придется по большей части не от правоохранительных органов, а от тех, с кем ты эти хищения совершал, — подумал Крисп. — Если только...»

Крисп не успел додумать пришедшую ему в голову мысль, когда заскучавший лейтенант Филимонов спросил у него:

— Товарищ полковник, а вы что-нибудь интересное про Беляеву выяснили?

— Выяснил, — сказал Крисп, откинулся на стул и проговорил вслух информацию, которую он собрал. — Анна Петровна Беляева, родом из Смоленска. Закончила там педагогический

институт. По специальности никогда не работала. Торговала в девяностых годах на рынке для того, чтобы обеспечивать лекарствами больную мать. Отец оставил семью давным-давно, завербовался еще в советские времена на стройку Байкало-Амурской магистрали и пропал. То ли умер там, то ли погиб, то ли, что вероятнее всего, нашел другую женщину и решил не возвращаться. Одновременно с торговлей на рынке Беляева заочно закончила филиал Московского финансового института и после смерти матери переехала в Москву. Здесь она сначала поработала в одном банке кассиром, потом в ООО заместителем главного бухгалтера, потом переехала в университет. Между прочим, в университет она устроилась сама, подала о себе так называемое резюме.

При этих словах Крисп поморщился, все эти новомодные словечки вызывали у него какое-то брезгливое отношение, причину которого он до конца сам себе не мог объяснить.

— Ее пригласили на собеседование, — продолжил Крисп, — она его успешно прошла и была принята на должность помощника главного бухгалтера. Везде Беляеву характеризуют очень хорошо — и на прежнем месте работы, и соседи по дому — тихая, скромная.

— А ее отношения с Хромчевым? — спросил лейтенант Филимонов и опять смутился.

— Все верно, — подбодрил его Крисп. — Правильный вопрос. Мы с вами вынуждены копать в чужом грязном белье. Как правило, именно в нем мы найдем ответы на многие вопросы, в том числе на главный вопрос — кто убил Беляеву.

— И зачем, — добавил Филимонов.

— Зачем убили, как раз понятно, — сказал Крисп. — Чтобы не допустить снятия пусть даже временного обвинения с Хромчева. Это с одной стороны. А с другой стороны, чтобы Хромчева наверняка посадили.

Крисп немного помолчал и добавил:

— Даже думаю, что тот, кто это сделал, продумал комбинацию еще более детально.

Лейтенант Филимонов молчал, но вопрос был написан у него на лице: какую комбинацию?

— Тот, кто это сделал, хотел, чтобы отношения между Хромчевым и Беляевой воспринимались нами совершенно точно, как любовные отношения, и главное, чтобы мы в этом нисколько не сомневались. Тот, кто это сделал, очевидно хотел, чтобы мы занялись выяснением подробностей этих отношений. Чтобы мы как можно быстрее установили, о чем ты, кстати, только что доложил, что у Хромчева и у Беловой были лишние деньги.

То есть они так или иначе причастны к хищениям. Но вопрос в другом.

На этот раз лейтенант Филимонов не выдержал и задал свой вопрос в слух:

— В чем?

— Как убили Беляеву.

Повисла пауза. Но прежде, чем лейтенант Филимонов задал очевидный следующий вопрос, в чем, собственно, секрет того, как убили Беляеву (задушили ее же собственным поясным ремешком), на столе у Криспа зазвонил стационарный телефон.

— Полковник Крисп, слушаю, — сказал в трубку телефона Крисп.

— Привет, — услышал Крисп голос Розина. — Чем занимаешься?

— Подводим с лейтенантом Филимоновым промежуточные итоги, — сказал Крисп.

— А они у вас есть, итоги? — сказал Розин, и Крисп не мог не уловить едкие интонации сарказма в его голосе.

Зная Розина, Крисп предпочел не вступать в дискуссию.

— Заходите ко мне оба, — продолжил Розин. — У меня в кабинете генерал-майор Обухов.

Крисп положил трубку телефона обратно на аппарат, встал из-за стола и сказал Филимонову:

— Пойдем к Розину. Он беседует с бывшим начальником военного университета.

Лейтенант Филимонов подхватился, и они, пройдя через несколько этажей и повернув налево по коридору, вскоре очутились перед кабинетом Розина.

Но прежде, чем Крисп успел постучать в дверь Розина, Филимонов как-то встал сбоку от него и неожиданно спросил:

— Товарищ полковник, а Беляева и Хромчев были любовниками?

Крисп удивленно посмотрел на Филимонова и постучал в дверь.

— Заходите, — сказал Розин, и Крисп толкнул дверь вперед.

В кабинете за приставным к рабочему столу столиком сидел Розин и человек, одетый, как говорят военные, по гражданке. Это был уже не молодой, но очень подтянутый мужчина с копной волос на голове, которые закрывали ему уши ровно на половину и слегка доходили сзади головы до воротника. Волосы были абсолютно седыми с серебряным отливом. Если бы Крисп не знал, что этот человек был военным, то все равно точно это определил бы, потому что прическа, несмотря на копну волос, у него была строго по уставу.

— Присаживайтесь, — обратился Розин к Криспу и Филимонову.

Крисп огляделся по сторонам. Розин и Обухов сидели на двух стульях, а остальные стулья (собственно говоря, свободных стульев оставалось в кабинете еще только три, не считая кресла за рабочим столом, которое в настоящий момент пустовало) стояли в другом конце небольшого кабинета рядом со стеной.

— Берите стулья и присаживайтесь к столу, — скомандовал Розин. — Полковник Крисп, возьмите чашки себе и лейтенанту Филимонову. Присоединяйтесь к нам.

Розин и Обухов пили за столом чай. На столе стояла тарелка с сушками. Крисп подошел к шкафу, открыл дверцу и достал чашки. Он много раз был в рабочем кабинете Розина и, конечно, знал, где что у того находится.

Крисп с чашками в руках вопросительно посмотрел на лейтенанта Филимонова, тот, конечно, быстро сообразил, что от него требуется, подхватил обе чашки, взял из шкафа маленькие блюдца, чайные ложечки и не только водрузил все это на стол, но и быстро наполнил обе чашки чаем из чайника, который стоял на столе.

Поскольку приставной столик был небольшим, а Розин с Обуховым сидели напротив друг друга, Крисп и Филимонов взяли каждый по стулу и сели как бы немного с краю, причем Крисп оказался рядом с Обуховым, а Филимонов — с Розиним.

— Товарищ генерал, — начал Розин, отхлебнув свой чай, — рассказал мне о том, как начиналось строительство храма. Первым к нему с этой идеей обратился вовсе не Хромчев, а коллеги из тылового обеспечения министерства. Так, Василий Егорович?

Вопрос был адресован Обухову, и тот ответил:

— Так точно, товарищ полковник. Ребята приходили несколько раз, и каждый раз я их, что называется, отфутболивал. Говорил, что у меня некому этим заниматься. Действительно, мой зам по хозяйственной части всячески меня убеждал не связываться с этим делом, и я был с ним полностью согласен.

— А Хромчев? — спросил Крисп.

— Хромчев, как мне всегда казалось, не был человеком набожным, но почему-то этой идеей, что называется, проникся. Когда он первый раз об этом заговорил, я его спрашиваю, какой твой интерес? Он отвечает, это будет здорово, если наши курсанты станут больше приобщаться к нашей традиционной вере. А самое главное, так Хромчев мне сказал, что сейчас все строят или восстанавливают церкви, и мы будем идти в ногу

со временем. Тем более руководство страны регулярно посещает церковные службы.

— И много раз он к вам с этим предложением приходил? — спросил Крисп.

— Один, — ответил Обухов и добавил, увидев удивленное лицо Криспа. — Потом пришли деньги на счет, причем целевые — на строительство храма. Я вызвал Хромчева, поскольку мой зам по хозяйственной части по-прежнему отказывался от участия в этом проекте, и сказал ему, вот пришли деньги, ты хотел, вот и займись этим делом.

— И Хромчев согласился? — спросил Крисп.

— С радостью, — ответил Обухов. — К тому моменту он стал едва ли не регулярно ходить в церковь, завел знакомства со священниками, вообще стал, что называется, воцерковленным.

— Стал сильно верить? — спросил Крисп.

— Нет, я бы так не сказал, — ответил Обухов, — но стал вникать во все детали церковной истории. Мне показалось, что он заинтересовался историей церкви как таковой и историей религии в том числе. Он же заместитель по научной работе, не забывайте.

Обухов опять отпил чай и продолжил:

— Я все это проанализировал, сопоставил и решил воспользоваться ситуацией. Есть деньги, есть человек, который готов заняться строительством храма. Почему нет? Я соединил эти два компонента, спросил нашего главного бухгалтера, не будет ли нам все это сильно напряжно, услышал, что нет, и дал добро.

Повисла недолгая пауза.

— Я рассчитал так, — оглядев всех присутствующих по очереди и не дождавшись никакой реакции ни от кого, вновь заговорил Обухов. — Если все получится, я как руководитель получу лишний балл. Если не получится, виноватым будет Хромчев, но с него взятки гладки, ведь он не строитель, а всего лишь ученый. Ну и, в общем-то, я оказался прав.

Обухов посмотрел на Криспа:

— Вы же были на открытии храма, все было очень торжественно, верно?

— Верно, — согласился Крисп, — только взятки не оказались гладки. Во всяком случае, не для Хромчева, и особенно не для Беляевой.

Обухов смутился.

— Да, такое несчастье, Анна Петровна, так жаль. Но кто же мог подумать, что из-за этого храма возникнут такие осложнения?

— Например, ваш зам по хозяйственной части, — сказал Крисп. — Он ведь не стал этим заниматься. Кстати, вы его не просили как-то контролировать процесс строительства?

— Он и контролировал, — сказал Обухов. — После того, как стали поступать деньги, он непосредственно занимался поиском подрядчиков и решал все организационные вопросы по строительству. Единственное, от чего он категорически продолжал отказываться, это от того, чтобы заниматься деньгами.

— А кто занимался деньгами? — спросил Крисп.

— Хромчев и главный бухгалтер, — сказал Обухов. — Хромчев искал спонсоров, договаривался с ними о перечислении денег, подписывал договора, а главный бухгалтер оформляла переводы, накладные и другие финансовые документы.

— Которые подписывали не вы, а Хромчев? — уточнил Крисп.

— Да, я оформил на него доверенность, — сказал Обухов.

— А что делала Беляева? — спросил Крисп.

— Насколько мне известно, участвовала вместе с Хромчевым в переговорах со спонсорами, помогала составлять договоры и тоже готовила какие-то финансовые документы.

— А вы в это дело не вникали?

— Нет. Зачем? Я же вам рассказал, как я все рассчитал.

Наступила очередная пауза. Все потихоньку пили чай, Розин и Обухов грызли вприкуску сушки. Лейтенант Филимонов сидел прямо, держал свою чашку чая навесу и с нескрываемым любопытством смотрел на все происходящее.

Через некоторое время Обухов произнес, обращаясь одновременно и к Криспу, и к Розину (лейтенанта Филимонова он не то чтобы игнорировал, но, видимо, в силу его молодости не воспринимал):

— Послушайте, я понимаю к чему вы клоните. Вот, мол, руководитель государственной организации, счета которой использовались мошенниками в своих целях, а он ни сном ни духом и вообще ни при чем. Но не я был инициатором строительства. Проще всего мне было запретить Хромчеву этим заниматься. Но я знал Хромчева как очень порядочного и честного офицера и доверял ему. В конце концов, рисковал не только он, но и я. Собственно, в том числе из-за этого риска я сейчас у вас.

— А Хромчев в СИЗО, — сказал Крисп.

— Идея строительства храма — это его идея, — напомнил Обухов.

— Ну хорошо, — примирительно сказал Крисп, — для меня остается непонятным, откуда пришли те первые деньги на строительство?

Обухов поерзал на стуле и сказал:

— Тут такое дело. Когда эти деньги пришли, я стал спрашивать у тыловиков, что это такое и что мне делать. Они сказали, хочешь, верни деньги отправителю, если совсем дурак, а если не совсем дурак, начни стройку.

— Но откуда деньги, они не знали? Это не по их инициативе деньги были перечислены? — спросил Крисп.

— Они сами были удивлены, когда я им сказал об этом переводе, — сказал Обухов.

— Если можно, еще вопрос, — сказал Крисп.

— Спрашивайте, — сказал Обухов, — я же для этого здесь. При всем при том я не меньше вас заинтересован, чтобы найти убийцу Беляевой.

Крисп про себя отметил, что Обухов, очевидно, не считает убийцей Беляевой Хромчева.

— Насколько я понимаю, вы не знаете, как поступающие деньги выводились из оборота и как значительные суммы исчезали в неизвестном направлении? — спросил Крисп.

— Не знаю, — подтвердил Обухов и добавил, — даже сейчас не понимаю, как это делалось, хотя я об этом думал несколько последних недель. Ведь до самого последнего момента все было практически идеально.

Крисп вопросительно посмотрел на Обухова, и тот добавил:

— По бумагам.

Обухов посмотрел на Розина и еще добавил:

— Так мне главный бухгалтер говорила.

— Я так понимаю, что единственный человек, кто мог бы нам рассказать, куда делись деньги, — это как раз главный бухгалтер? — спросил Крисп.

— Главный бухгалтер, — подтвердил Обухов. — Она контролировала процесс перечисления денег и регулярно, ну в смысле, когда я спрашивал, говорила, что все бухгалтерские отчеты в порядке.

— А Беляева могла знать о переводах и перечислениях? — спросил Крисп.

— Могла, — сказал Обухов, но менее определенно, на что обратил внимание Крисп и Розин (Крисп заметил, как у того на миг поднялась вверх правая бровь).

Крисп также отметил, что Обухов не назвал Хромчева человеком, который мог быть причастен к хищениям денег.

— Вы слышали, что главный бухгалтер исчезла?

— Конечно, — сказал Обухов, — я к ней езжал, пытался поговорить после того, как узнал, что Хромчева арестовали. Но никто не открыл, а соседи сказали, что она несколько дней тому назад с вещами вышла из дома и села в такси.

Крисп увидел, как Розин изо всех сил старается не подавать вида, как сильно он удивлен. Крисп

тоже не стал акцентировать внимание на том, что бывший начальник университета приехал домой к главному бухгалтеру, у которой, судя по всему, он бывал и раньше.

— И где она сейчас может быть? — спросил Крисп.

Обухов отставил чашку и внимательно посмотрел на Криспа. Видимо, он понял, что сболтнул лишнего.

— Не знаю, — сухо сказал Обухов.

Вновь наступила пауза, которую нарушил Обухов:

— Я понимаю, что вы дальше будете копать, но, что бы вы ни накопили в наших личных отношениях с главным бухгалтером, уверяю вас, это никаким образом не связано с хищениями денег на строительство храма.

Крисп решил сменить тему и спросил:

— Меня в таких случаях всегда удивляет одно обстоятельство, знаете какое?

— Какое?

— Какая выгода от перечисления денег для спонсоров?

Обухов задумался и через небольшое время сказал:

— Хорошо, скажу вам откровенно. Если вы намекаете, обращались ли они к нам с просьбами о поступлении в университет абитуриентов, то да, обращались. Но все было строго в рамках установленных процедур. Так что в этом смысле вряд ли для них это было главным. Больше того, часть выделенных денег на строительство, по согласованию в каждом конкретном случае с конкретным спонсором, тратилась на доплаты преподавателям. Поэтому выгода для них была только моральная — на их деньги будет построен храм.

— А Хромчев получал доплаты? — спросил Крисп.

— И Хромчев, и главный бухгалтер, и Беляева, — сказал Обухов, подумал и добавил. — Я не получал.

— В каких отношениях были главный бухгалтер и Хромчев? — спросил Крисп.

— В рабочих, — не задумываясь, ответил Обухов, — в очень тесных рабочих отношениях.

— То есть Хромчев и главный бухгалтер все делали вместе? — спросил Крисп.

— Конечно, — ответил Обухов.

Все опять замолчали. Крисп хотел было спросить у Обухова, как и почему тот оставил должность начальника университета, но Розин вдруг встал (естественно, все присутствующие тоже поднялись), протянул руку через стол Обухову и сказал:

— Большое вам спасибо, что нашли время и пришли. Если у нас появятся еще вопросы, уж не обессудьте, побеспокоим.

— Разумеется, — со вздохом сказал Обухов, пожал руку Розина, пожал руки Криспа и Филимонова и направился к двери.

Крисп посмотрел на его упавшие плечи и спросил:

— Простите, вы знали, что у Хромчева и Беляевой были отношения?

Обухов отпустил ручку двери, за которую он взялся, и обернулся.

— Какие отношения? — спросил Обухов.

— Они были любовниками? — в лоб спросил Крисп.

Обухов застыл. Причем в самом прямом смысле. Словно в детстве он сыграл в игру «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура, замри». На лице Обухова было не удивление — изумление. Потом он посмотрел на всех, как будто первый раз вот только что увидел Розина, Криспа, Филимонова, и от души рассмеялся. Прикрыв смеющийся рот рукой, он как можно быстрее подавил этот смех, понимая всю его неуместность, и сказал:

— Кто вам сказал такую чушь. У Хромчева была только одна женщина. И потом, я же вам говорил, что вместе со строительством храма он сам стал воцерковленным.

— Но не верующим, — сказал Крисп.

— Так это более серьезно. У нас полно так называемых верующих, которые не становятся воцерковленными, — сказал Обухов.

Окончание следует.

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

ПРИЧИНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ПРИЧИННОСТЬ И ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Цель: познакомить с наследием, оставленным выдающимся российским ученым, доктором юридических наук О.Л. Дубовик.

Методология: цитирование.

Выводы. В приведенном отрывке рассматриваются причины экологической преступности, даются рекомендации для работников правоохранительных и природоохранных органов по выявлению причин экологических преступлений.

Научная и практическая значимость. Приведенный текст может быть полезен для юристов-практиков, экологов и использован при изучении экологического права.

Ключевые слова: экологическое право, причины преступлений, экологические преступления, экология, проблемы экологии.

Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М.: Наука, 1988. — 240 с.

Глава 1. Причинность и детерминация

1. *Причины экологических преступлений: постановка проблемы*

Проблема причин экологических преступлений (экологической криминогенной причинности) отражает собой существование негативных явлений в общественном бытии и общественном сознании, предполагает необходимость уяснения механизма порождения ими преступного поведения людей в системе «общество — природа» и вызывает потребность в интенсификации антикриминогенного социального регулирования. Решение этой проблемы осуществляется на теоретическом уровне и в ходе практической преобразовательной социальной деятельности, требуя тем самым затраты дополнительных ресурсов: интеллектуальных, материальных, финансовых и др.

Резкое обострение экологических проблем во всем мире, и в том числе в нашей стране, меняет отношение общества к охране природы как условию своего существования. Обстановка гласности позволяет активно и плодотворно обсуждать самые болезненные экологические проблемы. Чернобыль, Байкал, Аральское море, Севан, утрата черноземных почв, поворот рек, загрязнение

воды и воздуха в крупных городах, применение дефолиантов, воздействие нитратов на здоровье людей — вот очень неполный перечень тем, находящихся сейчас в центре общественного внимания, государственных и партийных органов.

Логика социального мышления и социального поведения приводит к осознанию потребности выяснить истоки вреда, причиняемого природе, найти пути предотвращения его в будущем. Наряду с этим сейчас, хотя и недостаточно быстро, проявляется тенденция устранять негативные явления, а не только говорить о них. Растет требовательность к лицам, ответственным за принятие и исполнение экологических решений.

Лишь в 1987 г. экологические проблемы неоднократно обсуждались на Политбюро ЦК КПСС. По этим вопросам принят ряд постановлений ЦК КПСС. Проведены заседания соответствующих комиссий Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

Рассмотрев в мае 1987 г. вопрос «О письмах трудящихся, связанных с экологической обстановкой в бассейне Ладожского озера», ЦК КПСС указал на ряд факторов, приведших к невыполнению ранее принятых постановлений по охране окружающей среды бассейнов Ладожского озера и Балтийского моря (*Правда*. 1987. 25 мая).

Здесь, в частности, названы: невыделение необходимых объемов капиталовложений, материально-технических ресурсов, лимитов подрядных работ на природоохранные объекты; отсутствие контроля за работой очистных сооружений; невыполнение планов и технологических требований к природоохранной деятельности; пассивная и примиренческая позиция Минводхоза СССР и Госкомгидромета СССР к нарушениям природоохранительного законодательства.

Еще в более широком плане эти вопросы поставлены в принятом в июле 1987 г. постановлении ЦК КПСС «Об экологической обстановке в ряде районов и промышленных центров страны» (*Правда*. 1987. 15 июля). Здесь указывается на необеспеченность руководителями ряда отраслей последовательного и настойчивого осуществления организационно-технических мероприятий по предотвращению загрязнения окружающей среды, распыление капиталовложений на сооружение многочисленных природоохранных объектов, отсутствие у Госкомгидромета СССР, Минводхоза СССР, Минздрава СССР и технических инспекций труда профсоюзов достаточной настойчивости и принципиальности в пресечении нарушений производственной дисциплины и другие факторы.

Наконец, наиболее глубоко экологические проблемы рассматриваются в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», в котором дана оценка экологической ситуации, поставлены задачи в сфере взаимодействия «общество — природа», решены важнейшие организационно-управленческие вопросы, повышена ответственность за нарушение природоохранительного законодательства.

Состояние научной разработки причин экологических преступлений трудно оценить однозначно. В эколого-правовой литературе представлен богатый теоретический и эмпирический материал об охране окружающей среды, в котором содержатся многие важные выводы о состоянии, структуре, динамике и генезисе экологических правонарушений, включая преступления [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Криминологи, специалисты в области общей теории права, как известно, весьма успешно разрабатывали теорию причин преступности, проблемы криминогенной детерминации в целом [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13]. При этом исследователи достигли значительных результатов в научном определении содержания причин преступлений и некоторых иных негативных социальных яв-

лений, в расширении и уточнении понятийного аппарата криминогенной и деликтогенной причинности, классификации причин, отграничении их от иных связей между преступностью и различного рода социальными явлениями.

Исследование причин преступного поведения опирается на философское понимание причинных связей. Поэтому едва ли не в каждой монографической работе, посвященной причинам преступности, правонарушений, других социальных отклонений, рассматриваются теоретико-методологические основания причинного объяснения, дается характеристика материалистического подхода к данному явлению. В целом, по-видимому, можно утверждать, что теория причин преступности, сложившаяся в советском правоведении, способна в современных условиях перестройки удовлетворять соответствующим потребностям общества.

Вместе с тем нужно отметить и два обстоятельства много плана. Первое: отсутствие в правовой литературе работ, специально посвященных причинам экологических правонарушений и преступлений. Это влечет либо отсутствие необходимой информации, либо неупорядоченность и необработанность известной информации, по не пропущенной сквозь фильтры научных методик и оценок. Второе: в криминологической характеристике причин преступности, правонарушений остается много спорного, неясного, неисследованного. Общая теория причин преступности нуждается и в совершенствовании, и в адаптации применительно к генезису группы преступлений, в данном случае экологических. При внимательном чтении работ по криминологии выявляется определенный разрыв между теоретическим пониманием причин преступлений, описанием содержания криминогенной детерминации, с одной стороны, и реализацией этих положений при переходе к конкретной группе преступлений — с другой. Это обязывает указать на ряд неразрешенных проблемных ситуаций, существование которых придется учитывать при непосредственном анализе причин экологических преступлений.

Не достигнуто единства в подходе к самой категории причины. Известно, что одни авторы широко используют понятие так называемой полной причины, другие отрицают его. В одном случае говорят о возможности существования лишь непосредственной причины, в других же выделяют причины первого, второго, третьего ряда. При четком определении используемых понятий это может и не мешать проведению теоретически

ценного и практически сориентированного исследования причин.

Действительные трудности начинаются, однако, при разногласиях в определении предмета исследования причин экологических преступлений, при отборе и оценке релевантных социальных факторов, процессов, закономерностей, а главное — при анализе их воздействия на поведение, при попытке доказать, что именно тот или иной круг явлений неизбежно порождает другое явление (следствие).

Далее, в исследованиях на среднем уровне, в частности когда речь заходит об экологических преступлениях, практически не проводится различие между причинами и условиями, которое, как правило, декларируется на более общем уровне. Здесь отсутствует какая-либо иерархичность при анализе явлений, образующих, по мнению исследователя, содержание причин данной группы преступлений. Например, если на общетеоретическом уровне речь идет действительно о категории причинности, то при переходе к группе преступлений, по существу, реализуется факторный подход. Так, авторы «Курса советской криминологии» пишут о криминогенных обстоятельствах, выступающих в роли причин и условий, способствующих должностным и хозяйственным преступлениям, совершаемым с использованием служебного положения, относя к ним: непродуманное штатное обеспечение конкретных участков управленческой деятельности, отсутствие вычислительной техники и т.п. [14, с. 163].

Во многом это связано с неразработанностью критериев признания связей причинными. К тому же возникают довольно серьезные трудности классификации считающихся причинными связей по силе воздействия, его продолжительности, а собственно явлений, именуемых причинами, — по масштабам, постоянству, глубине. Вследствие этого трудно сказать, почему снятие того или иного обстоятельства, изменение тех или иных ситуаций не сказывается или слабо сказывается на состоянии данной группы преступлений. Трудно сколько-нибудь уверенно и прогнозировать результаты преодоления тех или иных явлений, которые рассматриваются в качестве причин.

Так, в эколого-правовой литературе одной из причин экологических преступлений считается слабость контроля за деятельностью по использованию природных ресурсов, в частности на уровне проектирования [15, с. 79]. Это правильная мысль в принципе. Но в рамках исследования причин необходимо проследить, чем

вызваны эти слабости, насколько они присущи содержанию контроля или противоречат ему; не может ли случиться так, что контрольным органам или системам свойственна возможность адаптации к деятельности контролируемых, принятия их целей и интересов.

Совершенно недостаточно разработаны гносеологические основы исследования причин экологических преступлений. Истинность суждений о причинах практически не оценивается. Именно при анализе экологических преступлений это особенно опасно. Дело в том, что в комплексе явлений, так или иначе связанных с экологическим отклоняющимся, и в том числе преступным поведением, далеко не все элементы поддаются оценке с морально-нравственных позиций. В настоящее время, например, довольно единодушно критикуется положение дел в области мелиорации. При обсуждении в Верховном Совете СССР деятельности Министерства мелиорации СССР академик Б. Ласкорин говорил о крупных ошибках Минводхоза, допущенных в результате неправильной, научно необоснованной концепции водного хозяйства, построенной на базе экстенсивного, расточительного использования водных ресурсов, завышенных норм потребления воды (*Известия. 1987. 28 июня*). Если это так, то неверная научная концепция представляет собой звено в цепи причин, приведших к тому, что, как говорилось на этом же заседании, нанесен ущерб системам рек и озер Байкала, Ладоги, Амударьи, к выводу из строя более миллиона гектаров земель, на которых проведена мелиорация, и т.д. Но все же не исключено, и юрист не может игнорировать высказываемые суждения о том, что сама стратегия является правильной, а исполнение ее на практике ведется неудачно. Возможно, что сейчас вообще не удастся полностью избежать негативных последствий мелиорации, поскольку известно, что за все полученное так или иначе необходимо платить. При всем стремлении защитить природу, уберечь ее от преступных посягательств нельзя менять одни догмы на другие, принимать на веру утверждения, реализация которых может стоить очень дорого или, напротив, дать очень много.

По-видимому, постановка вопроса о развитии гносеологических основ теории причин экологических преступлений имеет организационные, информационные, специально-научные и социальные аспекты. Примером правильного подхода к его решению, на наш взгляд, является предложение о разработке комплексной программы биосферных и экологических исследе-

дований, связанных с нарушением экологического равновесия в биосфере, которая определена как «живое вещество, дискретно распределенное по поверхности земли». Авторы пишут, что в связи с интенсификацией сельского хозяйства и увеличением количества вносимых азотных удобрений в стране наблюдаются случаи гибели сельскохозяйственных животных. Внесение отходов в окружающую среду приводит к рождению детей с отклонениями от нормы, росту численности людей, страдающих ишемической болезнью сердца, снижению трудового потенциала населения. По некоторым оценкам, потери вследствие антропогенных изменений в биосфере и окружающей среде составляют несколько десятков миллиардов рублей в год (*Гроза над биосферой // Правда. 1987. 11 июля*). Эти факты, возмущая и тревожа общественное мнение, актуализируют вопрос о познании причинной цепочки, приведшей к ним, об упреждении ошибок, из-за которых борьба с экологическими отклонениями одного характера вызовет появление экологических отклонений другого характера.

Существенные пробелы в исследовании причин экологических преступлений, равно как и иных групп преступлений, связаны с тем, что сами причины крайне редко и недостаточно исследуются как регулируемый объект, как явления, которые обладают специфической для каждого данного случая устойчивостью, степенью саморегуляции, потенциалом приспособления к ходу социального развития, управляемостью и т.п. В результате генетический подход, выявление и оценка явлений в качестве причинных оказываются самоцелью.

Мешает решению проблемы экологических причин преступлений имеющая свои корни пассивность практики. Ряд вопросов охраны природы от общественно опасных посягательств не решается годами. Повторяющиеся публикации в прессе с эмоциональной критикой, например, нарушений порядка принятия решений о строительстве различных эколого-опасных объектов дают лишь частные результаты. Неоднократно ставятся и вопросы о нецелесообразности строительства гидроаккумуляторной станции на территории заповедника в Армянской ССР (*Вокруг заповедника // Известия. 1986. 29 ноября*), о разрушении Жигулей на Волге добычей извести и щебня, об очистке ложа таежных водохранилищ при строительстве ГЭС и др.

Это влечет необходимость усиления управленческой ориентации при исследовании причин экологических преступлений, что через критерий

практики будет также способствовать обеспечению истинности и достоверности научных суждений о причинных явлениях.

Вполне понятно, что правоведы полностью обеспечить необходимой информацией соответствующие органы не могут. Но собранные ими определенные данные о причинах экологических преступлений, о том, почему они оказываются устойчивыми, в чем механизм их самовозобновления, могут дать существенные практические результаты.

Итак, причины экологических преступлений необходимо рассматривать как специфический, относительно самостоятельный процесс, представляющий собой один из моментов социальной истории и имеющий собственные закономерности, количественные параметры, сущностные свойства, внешние признаки. При этом, конечно, следует считаться с тем, что причины экологических преступлений не существуют изолированно, в чистом виде. Причинные воздействия переплетаются с иными связями и выделяются лишь в процессе познания.

Социальная практика, пока еще не богатая, показывает, что общество может воздействовать на причины экологических преступлений, регулировать их, и том самым доказывает реальность функционирования экологической криминогенной причинности. Этим определяется содержание исследования причин экологических преступлений, так и возможности использования его результатов в практических целях. Причины экологических преступлений как один из видов связей, формирующих поведение людей, должны обязательно изучаться на основе данных о направленности и содержании процесса взаимодействия общества и окружающей среды и о процессе детерминации экологического поведения. Это позволит, на наш взгляд, дать их онтологическую и генетическую характеристику, т.е. рассмотреть регулируемый объект как социальную данность и выявить их истоки.

2. Основные направления взаимодействия общества и природы

Направленность и содержание взаимодействия общества с природой определяются: а) условиями, в которых общество функционирует, характером «экологической ниши» человечества; б) потребностями общества, т.е. необходимостью использовать природные ресурсы для обеспечения собственного существования; в) способом производства, закономерностями социального развития.

Общее, особенное и отдельное в человеческой истории обуславливают при этом существование глобальных, общечеловеческих экологических проблем, региональных и групповых их проявлений. Взаимодействие общества и природы представляет собой постоянное разрешение противоречия между необходимостью сохранять природные ресурсы и необходимостью их потреблять, ухудшая их состояние либо вообще уничтожая некоторые их компоненты.

Оба эти направления взаимодействия общества с природой и разрешение противоречия между ними образуют содержание социальной истории человечества. Запечатлевшись в общественном и индивидуальном сознании, пройденные этапы этой истории и сейчас участвуют в детерминации экологически значимого поведения людей [16, с. 16–26, 85–95]. Именно характер труда на определенных этапах истории общества породил противостояние и противопоставление человека и природы. «Это отношение, — отмечал К. Маркс, — есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» [17, с. 91].

Смена общественно-экономической формации, радикальные социальные преобразования, связанные с переходом средств производства в собственность общества, с ликвидацией эксплуатации человека человеком, приводят в конечном счете к тому, что происходит, как подчеркнул К. Маркс «действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [17, с. 116].

Но сама по себе ликвидация эксплуататорских отношений не устраняет противоречивого характера взаимодействия с природой в данной стране, хотя и меняет содержание и тип противоречия. Более того, развитие производительных сил превращает проблему взаимодействия человека с природой в глобальную проблему.

Таким образом, объективная противоречивость взаимодействия общества и природы — это закономерность социального развития, которая меняет свой характер, остроту, форму проявления, но всегда присутствует в социальной практике, образующей человеческую историю.

Это положение принципиально важно для понимания, анализа истоков экологического поведения, процесса его детерминации, а затем

исследования причин экологических преступлений — экологической криминогенной причинности. Во многих острых экологических ситуациях критикуется связанное с воздействием на природу поведение людей без учета его вынужденной необходимости. Но такой подход бесплоден. Общество на протяжении обозримой истории не может существовать, не меняя природу. Другой вопрос, какова оптимальность разрешения противоречия, но само оно остается. Протянутая до отдельного акта человеческого поведения, эта закономерность в конечном счете определяет собой нравственную и правовую ответственность индивида. Исторически сложившиеся возможности разрешения противоречий в процессе взаимодействия общества и природы определяют собой цели, содержание и формы массового поведения, складывающегося из индивидуальных поступков, т.е. детерминируют его на основе общих социальных закономерностей. Сказанное подтверждается фактическими данными.

«По мере роста численности населения и развития производительных сил, — писал акад. Е.К. Федоров, — человек сам начинает оказывать большее воздействие на окружающую среду. Это воздействие, как и воздействие жизнедеятельности любой другой совокупности живых существ, заключается в преобразовании структуры окружающей среды, состава и круговорота составляющих ее веществ, ее энергетического баланса. Но если взаимодействие животных и растений со средой изменяется в процессе очень длительной биологической эволюции, то воздействие человеческой деятельности очень быстро возрастает и в абсолютной мере, и в расчете на душу населения, в связи с тем, что человек меняет или развивает все формы своего взаимодействия с природной средой, преобразует, как говорил Вернадский, “технику жизни”» [18, с. 19].

Раскрывая это положение, он писал далее, что воздействие человека на биосферу сводится к четырем главным формам: 1) изменение структуры земной поверхности (распашка степей, вырубка лесов, мелиорация, создание искусственных озер и морей и т.д.); 2) изменение состава биосферы, круговорота и баланса слагающих ее веществ (изъятие ископаемых, создание отвалов, выброс различных веществ в атмосферу и водные объекты, изменение влагооборота); 3) изменение энергетического, в частности теплового, баланса отдельных районов земного шара и всей планеты; 4) изменения, вносимые в биоту — совокупность живых организмов, в результате истребления некоторых их видов, создания новых пород живот-

ных и сортов растений, перемещение их на новые места обитания [18, с. 52–53]. По-видимому, человеческое общество не может существовать и развиваться, не оказывая такого воздействия на природу. И думать иначе — значит уходить от понимания реальных процессов.

Во многих случаях сознание людей отказывается примириться с подобным положением, что объяснимо в психологическом плане. Возникают идеи экологического алармизма, активизируются борцы за отказ от достижений науки и техники [19, 20, 21, 22, 23]. Но вряд ли можно оптимизировать взаимодействие общества и природы, а в рамках этого устранять причины экологических преступлений, не учитывая закономерностей происходящих процессов. Следовательно, нужно, считаясь с объективно существующими потребностями общества и уровнем технологии, исходить из того, что противоречивость взаимодействия общества и природы, обуславливая мощную нагрузку на природу, создает принципиальную возможность уменьшать ее, хотя и не снимая окончательно. Здесь уже, как известно, в дело вступают иные общественные закономерности и процессы: характер производственных отношений, уровень производительных сил, состояние общественного сознания, система социального управления, хозяйственный механизм и др. Обязательно поэтому анализировать влияние социально-природных факторов на причины экологической преступности, осознавая, что они представляют собой исторически сложившиеся условия, которые определяют содержание взаимодействия общества и природы, проявляются в нем, детерминируют экологическое поведение, состояние причин экологических преступлений и разумные пределы личной ответственности.

Современная социальная практика в принципе свидетельствует о потенциальной эффективности социального управления. Так, в постановлении Верховного Совета СССР «О соблюдении требований об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов» отмечается, что последовательное осуществление в нашей стране мер по выполнению требований природоохранительного законодательства позволило в целом уменьшить выброс вредных веществ в атмосферу стационарными источниками, сократить сброс в водоемы загрязненных сточных вод, увеличить объем оборотного и последовательного водоснабжения. Снижился уровень загрязнения внутренних и территориальных вод страны.

Улучшились использование и охрана земли, недр, лесов и животного мира, продолжает раз-

виваться сеть заповедников и других особо охраняемых территорий (*Известия. 1985. 4 июля*).

Интенсивность негативных воздействий на окружающую среду не является постоянной величиной. В 1986 г. по сравнению с 1985 г. сброс загрязненных сточных вод снизился на 800 млн кубометров. Выбросы вредных веществ в атмосферу в 1986 г. уменьшились на 1,8 млн т (*В ответе перед природой // Правда. 1987. 5 июня*).

Выступая 17 мая 1985 г. на собрании актива Ленинградской партийной организации, М.С. Горбачев говорил: «Мы сейчас, товарищи, тратим значительно больше сырья, энергии, иных ресурсов на единицу национального дохода, чем в ряде других стран... Поэтому проблема использования, экономии ресурсов — это очень острая и актуальная проблема. Опять-таки и здесь все должно решаться на основе технологии — энергосберегающей, ресурсосберегающей» (*Коммунист. 1985. № 8. С. 30*). В подтверждение этого положения приведен ряд данных о том, что на устаревших установках тепловых электростанций для производства киловатт-часа энергии расходуется от 400 до 600 г топлива. На современных установках — 240 г., а в среднем по стране — 326 г. Если расход на всех тепловых электростанциях сейчас довести до среднего, то за один год можно сэкономить 20–22 млн т топлива, а за пятилетку — около 100 млн т. Миллионы тонн экономии топлива может дать переход автомобилестроения на дизели. В сельском хозяйстве можно землю пахать до основания, а можно обрабатывать плоскорезом, добываясь тех же результатов и даже сберегая почву. В этом случае затраты топлива на 35 % меньше. Применение в сельском хозяйстве новой техники, например широкозахватной жатки в двадцать один метр, сокращает расход горючего на один гектар при подборе с 3,2 до 1,7 кг (*там же*).

Это вновь было подчеркнуто на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса: «В целом наша экономика во многом остается расточительной. До 8 миллионов тонн бензина ежегодно пережигается из-за отставания в переводе автопарка на дизельные двигатели. Из-за несовершенства оборудования тепловых электростанций ежегодно перерасходуется свыше 20 миллионов тонн условного топлива. В стране насчитываются сотни тысяч тонн примитивных котельных, нерационально расходующих топливо. Плохо используются вторичные ресурсы» (*Коммунист. 1985. № 9. С. 19*). М.С. Горбачев делает чрезвычайно важный и характерный вывод: «Ресурсосбережение

должно быть одним из главных критериев инвестиционной политики. Задача состоит в том, чтобы на 75–80 процентов удовлетворить прирост потребности народного хозяйства в топливе, сырье и материалах за счет их экономии» (там же, с. 20).

Проблемы взаимодействия общества и природы отражены в материалах XXVII съезда КПСС. «Перед нами остро встает задача **охраны природы и рационального использования ее ресурсов**, — сказано в Политическом докладе ЦК КПСС. — Социализм с его плановой организацией производства и гуманистическим мировоззрением способен внести гармонию во взаимоотношения между обществом и природой. У нас уже осуществляется система мер в этом направлении, отпускаются средства, и немалые. Имеются и практические результаты. И тем не менее в ряде регионов состояние природной среды вызывает тревогу. И правильно общественность, наши писатели ставят вопрос о бережном отношении к земле, ее недрам, озерам и рекам, растительному и животному миру» [24, с. 50].

Таким образом, взаимодействие общества и природы как исторически обусловленный процесс многими сторонами связано с выбором целей и приоритетов использования окружающей среды, добычи и потребления ресурсов как основы человеческой деятельности, равно как и с выбором целей сохранения условий человеческого существования, стремлением уменьшить потребление природы, ослабить давление на нее, устранить негативные последствия. Включение либо учет целей человека позволяет выделить в рамках взаимодействия процесс детерминации целенаправленного экологического поведения.

3. Детерминация экологического поведения

Процесс детерминации экологического поведения при всей его разветвленности, сложности контролируется обществом. Он имеет определенные организационные формы и нормативные основы. В целях решения основного противоречия во взаимодействии с природой общество осознанно или не вполне осознанно, оптимально или нет организует экологическую деятельность людей и разрабатывает ее правила. На этой стороне взаимодействия с природой наиболее сильно сказывается тип общественной формации, и прежде всего отношения собственности, определяющие, усиливающие или нейтрализующие «экологический эгоизм» человека. Поэтому наличие организационно-нормативной основы является

очень важной объективно существующей чертой экологических процессов.

Экологически значимое поведение может быть признано правомерным и одобряемым морально и нравственно; юридически безразличным; позитивным либо антиобщественным; противоправным, но одобряемым; противоправным и неодобряемым. Особый, крайний случай социального неодобрения — объявление определенного вида поведения уголовно наказуемым.

Социальная оценка экологически значимого поведения, как и его направленность и его содержание, детерминирована объективными и субъективными условиями. Но, будучи детерминирована, она сама — выраженная в различной форме — включается в процесс детерминации человеческого поведения. Дело в том, что когда поведение индивидов, больших групп людей, классов, деятельность органов государства и общества в сфере взаимодействия с окружающей средой объявляются правильными или неправильными, то такая оценка порождает проблему выбора варианта поведения, одобряемого или неодобряемого, а тем самым и проблему ответственности за сделанный выбор в условиях, когда сам он детерминирован отнюдь не только волей.

Разумеется, содержание оценки поведения в сфере взаимодействия с окружающей средой как отклоняющегося исторически обусловлено для каждого данного этапа. Но, меняясь, оценка как элемент, опосредующий экологическое поведение, осуществляется на протяжении всей истории человеческого общества. Во всяком случае, уже в первобытном обществе существовали некоторые неписанные правила охоты [25], земледелия, добычи природных ресурсов, которые определяли содержание поведения людей и которые уже и тогда нередко нарушались.

По-видимому, все эти оценки находились и находятся сейчас в очень сложном соотношении с действительными потребностями, с объективным характером взаимодействия общества и природы.

В эксплуататорском обществе господствующие оценки экологически значимого поведения имеют тот же характер, что и иные оценки, отражающие интересы господствующего класса, и так же складываются в ходе классовой борьбы, воплощая в себе ту или иную степень компромисса сил, целей и интересов борющихся классов и отдельных групп.

Но и в условиях социалистического общества оценки экологически значимого поведения, в какой бы форме они не были выражены и ка-

кими бы санкциями не были обеспечены, могут содержать в себе сложное переплетение истинного, обусловленного действительными потребностями человечества, и ошибочного, отражающего недостаточность знаний людей; социально полезного, отражающего общие интересы, и социально вредного, отражающего групповые или индивидуальные интересы, противостоящие общим. В своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР депутат А.А. Логунов отмечал, что даже полная ликвидация связанных с неправильным хозяйствованием экологических нарушений не обеспечит устойчивых, оптимальных взаимоотношений человека и среды. Для этого нужны глубокие знания основных экологических законов и конкретных типов взаимодействия составляющих систему компонентов (*Известия. 1985. 4 июля*). Следовательно, под влиянием социальных и иных факторов данная оценка превращается в норму, определяя понятие противоправного и правомерного, преступного, правонарушающего и законопослушного поведения, а тем самым в известном смысле определяет возможность совершения преступлений. Чем жестче норма, тем больше противостоит она привычным либо естественным на определенном этапе развития общества видам поведения; чем в большей мере она противопоставляет интересы сравнительно узкой группы людей большинству, тем шире объективные возможности совершения правонарушений и преступлений. Это значит, что положение К. Маркса о том, что законодатель сам создает преступления, реализуется постольку, поскольку он находится под воздействием факторов, детерминирующих поведение людей (в данном случае экологическое).

Именно поэтому, как уже отмечалось, к причинам экологических преступлений следует продвигаться через анализ более общего процесса детерминации экологического поведения, соотношенный, что принципиально важно, с существующей правовой системой.

Социально-экономические, технические и иные условия прежде всего определяют технологию и способы присвоения природных благ, равно как и выполнения обязанностей по охране окружающей среды, взятые в реальном поведенческом и нормативном планах. Уже здесь возникает ситуация выбора. Так, пока поведение физического лица, связанное с использованием атмосферным воздухом, не ограничивается, не известны и какие-либо связанные с этим правонарушения. Но они возникают, например, при нарушении правил эксплуатации индиви-

дуального транспорта. Нет нарушения правил индивидуального пользования водой и там, где присвоение воды для индивидуальных целей не связано с какими-либо трудностями. А как только устанавливается порядок использования воды и она превращается в распределяемый объект, возникает вариант поведения, состоящий в нерациональном ее использовании для полива и других целей.

Значит, в процессе детерминации способов, методов, форм использования и охраны окружающей среды, в частности присвоения ее благ, возникают значимые для права обстоятельства, и прежде всего — осуществимость и ресурсоемкость способа поведения, его сложность, опасность для окружающей среды. Это проявляется в различных сферах социальной деятельности. Современная технология обработки почвы, традиционная пахота вызвали рост эрозийных процессов, потерю плодородия почвы. Но одновременно разработаны методы сохранения почвы, что обусловило принятие еще в 1967 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии» (*СП СССР. 1967. № 9. Ст. 45*).

Затем социальные, естественнонаучные и иные факторы определяют возможности присвоения природных благ, а значит — средний потенциальный уровень экологического потребления. Человечество не может, как сейчас выяснилось более чем наглядно, потреблять сколько угодно энергии, материи, бесконечно расширять операционный базис земледелия. Средняя мера потребления обусловлена исторически. Она объективна, хотя и различна для каждого данного периода. Критика Мальтуса была верна, но односторонняя. Она переходила в безудержный оптимизм и становилась вредной.

Разумеется, реальное нормированное или ненормированное потребление социальными группами, индивидами природных благ весьма различно. Эти различия детерминируются отношениями собственности на орудия и средства производства, целями и условиями социального развития, объективно и субъективно обусловленными возможностями и приоритетами. И здесь возникают ситуации выбора, разрешение которых требует нормативного регулирования. Ограничивается право пользования недрами, устанавливаются нормы потребления земельных и водных ресурсов. При этом правовые нормы выполняют и регулятивную функцию, скажем, устанавливая в ряде случаев плату за природ-

ные ресурсы, и охранительную, вводя запреты. Но так или иначе детерминация поведения приводит к возможности социально-экологических отклонений. Это проявляется, например, в многочисленных ограничениях на территории заповедников и заказников, хищническом потреблении нефтяных ресурсов и т.д.

Действительно, под влиянием стремления к увеличению прибылей, более полному удовлетворению потребностей, в ряде случаев на фоне искусственного их завышения, желания использовать факт относительной дешевизны природных ресурсов, добыча которых требует меньшего вложения труда, чем получение каких-либо альтернатив на основе глубокой переработки, происходит постоянное расширение такого воздействия на природу, которое не соответствует действительным потребностям и интересам общества.

Одновременно общество испытывает объективное давление необходимости длительной эксплуатации природных ресурсов, сохранения возможности присваивать их максимально долго и с наибольшими результатами, хотя бы в части конечного продукта. Это приводит к объективной интенсификации поведения, представляющего собой охрану окружающей среды, природоохранительную деятельность, к применению ресурсосберегающих, малоотходных и безотходных технологий, к повышению индивидуального интереса к сохранению эстетических, культурных и иных параметров природы.

Отсюда расширение процесса детерминации экологического поведения, постоянная необходимость выбора между оптимальным и неоптимальным его вариантами, между действительными и мнимыми (но нередко выглядящими как действительные) интересами.

Таким образом, процесс детерминации экологического поведения всегда определяет правила, пределы и нормы использования и охраны окружающей среды как компромисс, как попытку преодолеть противоречие между необходимым и возможным. Это объективное положение дел. Оно позволяет осуществлять разрешенное обществом экологическое поведение, но таит в себе возможности социально-экологических отклонений. Проблема поэтому состоит в том, чтобы выявить, какие процессы и как «накладываются» на действие факторов, детерминант, определяющих правомерное экологическое поведение, и деформируют их, приводя к отклонениям, а затем к совершению уголовно наказуемых действий.

Известно, что правила экологически значимого поведения, закрепленные уголовным законом:

- детерминированы по своему объективному содержанию и субъективной выраженности (форма, охват актов поведения — пределы регулирования — выбор санкций);
- защищают ценности, максимально одобряемые обществом;
- могут находиться в большем или меньшем соответствии с интересами общества и отдельных социальных групп;
- охватывают лишь часть видов негативного экологически значимого поведения;
- предполагают возможность их соблюдения на основе волевого выбора;
- доступны для исполнения всеми без исключения гражданами, что не устраняет различий в заинтересованности и подготовленности отдельных лиц к их исполнению, в выборе правомерного варианта поведения и осуществлении его в соответствии с правовыми нормами.

В случае же отсутствия объективной возможности исполнения уголовного закона, равно как и любого другого закона, должен быть поставлен вопрос о его изменении. Выявление неисполнимости нормы ведет не к криминологическим, а к собственно правовым выводам.

Криминогенными оказываются такие детерминанты экологического поведения, которые действуют следующим образом:

- а) деформируют представления об истинных потребностях, сами потребности и оценку принятых норм присвоения природных благ, обязанностей по их сохранению;
- б) ограничивают возможности реализации потребности в ее нормативном выражении и создают социально неодобряемые способы реализации нормативных и ненормативных потребностей;
- в) препятствуют усилиям общества по поддержанию экологического правопорядка, ограничивая ресурсы, деформируя соответствующие интересы, мотивы и цели социальной деятельности и индивидуального поведения;
- г) порождают возникновение либо оживление пережиточных, антиобщественных, негативных элементов общественного сознания и социальной психологии, включая сильно действующие нравственные негативные нормы;
- д) приводят к концентрации негативных явлений, возникновению промежуточного криминогенного эффекта, например криминогенных ситуаций, включающих в себя и криминализацию населения.

В процессе криминогенной детерминации активно участвуют:

а) различные по характеру общеисторические факторы, которые и превращают экологические проблемы в глобальные;

б) факторы пережиточные, принадлежащие к эксплуататорской формации по своему происхождению;

в) факторы, порожденные закономерностями и противоречиями развития данной формации. Значит, мощные экологические криминогенные факторы исторически существуют длительный период.

Но их действие может ослабляться либо усиливаться. Все это определяет существование и унаследованных от прошлого задач, еще не решенных в социалистическом обществе, и задач, возникших в процессе развития социалистического общества.

Так, действующий сейчас процесс детерминации экологического поведения и возникновения причин экологических преступлений отражает условия, когда, как отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, «развитие экономики приобретало нездоровый характер», когда стремление «экстенсивными методами сдерживать падение темпов роста вело к непомерным затратам на наращивание топливно-энергетических отраслей, форсированному вовлечению в производство новых природных ресурсов, их нераціональному использованию...» (*Коммунист. 1987. № 10. С. 26*).

Нужно отметить и остроту познания проблемы процесса детерминации экологических преступлений (равно как и в целом экологического поведения), которая имеет объективную и субъективную сторону. Здесь многие негативные последствия влечет и исторически обусловленная недостаточность знаний о природе, отрицание которой перерастает в самонадеянность, и порой преступную. Значительный ущерб наносит непознанность или, точнее, незнание закономерностей взаимодействия с природой, проистекающее от невежества, халатности, самодовольства, безразличия людей. Трагедия Чернобыля должна долго занимать специалистов, изучающих механизм поведения людей.

Процесс детерминации имеет собственные источники, содержание, структуру, предметную основу, интенсивность, объект, следствия. Он осуществляется через систему различных связей: причинения, обусловливания, связей состояний и др. Все это как раз означает, что процесс криминогенной детерминации, как сторона взаимодействия общества и природы, приводит к возникновению криминогенной экологической причинности — причин экологических преступлений, которые

и представляют собой главное в детерминации, ее решающее звено [26, с. 230].

4. Детерминация экологических преступлений: гносеологический подход

Гносеология, как известно, изучает взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания.

Познание причин преступности, выявление причин отдельных групп преступлений, анализ механизма индивидуального преступного поведения, исследование процессов детерминации правового поведения — весь этот комплекс проблем всегда представлял для правоведения сложнейшую исследовательскую задачу [8, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34].

Рассмотрим в рамках гносеологического подхода такие его проблемы, как определение соотносимости явлений, связанных между собой, т.е. приемы опознания характера связей; критерии истинности выводов о причинных связях и познавательные возможности анализа причинности, с более общих позиций детерминизма.

Выделить из общего взаимодействия те детерминанты и детерминационные процессы, которые соотносимы на общем и индивидуальном уровнях с экологической преступностью и экологическими преступлениями, т.е. определить соотносимость, довольно трудно по нескольким обстоятельствам. В их числе: разнообразие потенциального и наличного действия социальных процессов и явлений, наличие негативных и позитивных направлений; зависимость детерминирующего потенциала по содержанию и интенсивности от действия иных, внешне, быть может, далеких по своему характеру процессов (мода и состояние животного мира, сбережение одного вида ресурсов и усиление нагрузки на другой и т.д.); неразвитость воздействия на определенном этапе, когда направленность еще не проявилась, не реализовалась и неясно, в какую связь она перерастет — причинную негативную, причинную позитивную, связь состояний или какую-то иную.

Проблема соотносимости криминогенных факторов тесно связана с характером следствия, т.е. той группы явлений, связи с которыми нуждаются в исследовании. Известно, что некоторые криминологи вообще возражают против возможности выделить специфические причины преступности, поскольку само следствие исторически изменчиво

и представляет собой неоднородное социальное явление [35].

На наш взгляд, определение соотносимости криминогенных детерминант и процессов решается двумя шагами. Один состоит в выработке методологического подхода к идентификации, включающего в себя общетеоретические исходные положения. Второй предполагает использование специальных приемов распознавания криминогенных процессов и оценки характера связей.

В теоретическом плане проблема выделения детерминант рассмотрена выше. Они носят объективный и субъективный, а также объективно-субъективный характер, принципиально познаваемы, их проявление имеет закономерный и случайный характер. Они представляют собой делящийся процесс и неотделимы по сферам проявления от иных сторон социальной детерминации.

Что касается второго «шага», то определение соотносимости, распознавание криминогенных детерминант должно учитывать тот факт, что в большинстве случаев степень выраженности во вне внутренних признаков явления или процесса, придающих им криминогенный характер, невелика, а в некоторых случаях она вообще отсутствует.

Вследствие этого должен, по-видимому, проявляться дифференцированный подход к элементам детерминации: источнику, их детерминирующей (причиняющей, обуславливающей) направленности, интенсивности направленности, объекту детерминационного воздействия, пределам детерминации, следствию.

В основе определения соотносимости детерминант лежит осознание факта возможности отнесения однотипных, одинаковых процессов или одного и того же процесса в разное время к различным видам детерминант.

Распознавание детерминант возможно двумя приемами. Первый — прогнозирование развития данного явления до получения оценок о его возможной распространенности и его связи с экологически значимым поведением. Второй — анализ реальных связей между действием фактора и поведением и их распознавание на основе возникших теоретико-методических представлений о действии тех или иных детерминант. Это можно условно назвать прецедентным способом распознавания причин.

Каждый из этих приемов, разумеется, дополняет друг друга, они применяются на основе научной методологии, развертываются в систему различного рода количественных и качественных процедур, подвергаются социальному контролю в виде научной критики, проверяются практикой

как критерием истины, взятом и историческом разрезе.

Поэтому процесс распознавания криминогенных детерминант бесконечен (в пределах их существования), как и любой иной процесс познания, его выводы подлежат повседневной проверке и пересмотру в случае возникновения контраргументов или изменения исторической обстановки.

В этом плане наибольшие результаты дает характеристика обратной связи между преступностью, экологической преступностью и факторами, которые опредмечиваются в этих видах массового поведения. При этом имеется в виду, что преступность состоит из отдельных преступлений и не существует вне их, но она от отдельного преступления отличается массовидностью, повторяемостью, наличием внутренних механизмов саморегуляции, происхождением, социальной функцией, суммой последствий.

Прослеживание этой обратной связи состоит в реконструкции тех признаков, которые могли воплотиться в преступлениях и их последствиях под влиянием тех или иных детерминант. Например: переход от способа преступления к использованию условий, ему способствовавших; от мотива к давлению криминогенной ситуации; от цели к признакам психической структуры личности; от роста спекуляции мехами или рыбой к явлению дефицита и другие связи.

Познание криминогенной экологической детерминации далее требует обеспечения истинности и достоверности выводов о механизме воздействия, его интенсивности, направленности, наконец, о степени податливости детерминант управленческому воздействию. Решение этой задачи в методическом плане необходимо начинать с анализа научных предпосылок изучения криминогенных экологических детерминант.

Вопрос о научных предпосылках анализа процесса детерминации экологических преступлений возникает в русле опыта, накопленного при проведении многочисленных исследований причин преступности и причин совершения отдельных видов преступлений. Советские криминологи, установив огромную сложность социальных процессов, так или иначе связанных с совершением преступлений, обосновали необходимость их научной оценки с позиций социологии, экономики, теории управления [8, 9, 26, 28, 36–39]. При этом делались ссылки на саму социальную реальность, в частности на многообразие факторов, соотносимых с преступностью, действие социальных противоречий, интенсивность социальных процессов, их различную роль в разных взаимодей-

ствиях и многие другие обстоятельства (примером может служить сложность такого социального явления, как ведение подсобного личного хозяйства, противоречиво влияющего на поведение людей).

Исследование процессов, взаимодействующих с экологическими преступлениями, также опирается на уяснение научных оценок процессов взаимодействия общества и природы и использование их в качестве исходных положений анализа криминогенной детерминации.

Действительно, уже первоначальный подход к проблемам порождения экологических преступлений, этой крайней формы негативного отношения к окружающей среде, дает нам богатейший фактический материал, накопленный социально-экологическими и естественно-экологическими научными исследованиями. В этих работах, как известно, раскрыто негативное влияние на окружающую среду новейшей технологии, роста народонаселения, применения химических средств в сельском хозяйстве, переустройства систем орошения и других процессов, аналогичных им [20, 22, 23, 40].

Именно поэтому научной предпосылкой правовых исследований детерминации экологических преступлений является компетентная оценка с марксистско-ленинских позиций социальной ценности, допустимости, необходимости различных направлений социального развития и научно-технического прогресса, осуществляемых в различных социально-экономических формациях. В советской экологической литературе дана убедительная критика различных буржуазных экологических концепций, в частности взглядов Дж. Форстера, Д. Медоуза и др. Вместе с тем в профессиональной компетентной оценке нуждаются и конкретные направления взаимодействия с природой в условиях социалистического общества. Если обратиться к советской экологической литературе, то можно убедиться, что конкретные направления и формы взаимодействия общества с природой оцениваются по-разному. Господствующим как будто бы является стремление к использованию данных науки для таких оценок. С этих позиций ведущие процессы и достижения социального и научно-технического прогресса рассматриваются как расширяющие — прямо или косвенно — возможности охраны природы. К ним относятся, в частности, замкнутые технологические циклы, ресурсосберегающие технологии, многообразные проявления становления научного экологического мышления, экологической активности населения и др. Ряд процессов, менее благоприят-

ных, вероятно, временно необходим, даже если причиняемый ими ущерб природе неизбежен на данном этапе развития общества. Третьи, по имеющимся данным, могут быть расценены как действительно негативные, причиняющие ущерб природе без необходимости, направляющие поведение людей в сторону нарушения ими уголовно-правовых запретов. И вполне понятно, что оценки такого рода должны быть выработаны вне правопедания, но обязательно усвоены им, переработаны, интерпретированы с позиций решаемых юристами задач.

В то же время все более слышны эмоциональные призывы, например, В. Белова «вернуться к парусу и ветряку» (*Балаян З. Закон надежды // Литературная газета. 1987. 19 августа*).

Исследование детерминации экологических преступлений имеет своей предпосылкой научное познание реально сложившегося соотношения объективного и субъективного в сфере взаимодействия природы и общества, сравнительной распространенности традиционных способов поведения и новейших видов деятельности, связанных с достижениями научно-технической революции. Реально влияют на познание окружающей среды социальная память, уровень общественного сознания и правосознания, в особенности экологического и эколого-правового мышления как их активной части, профессиональной компетенции, традиций.

Такова лишь часть реально существующих предпосылок исследования процесса детерминации экологических преступлений, тех факторов и данных о них, которые должны быть подвергнуты — в разной степени и разными науками — изучению для получения необходимой информации о механизме детерминации преступных посягательств на окружающую среду.

Известно, однако, что совершение экологических преступлений — это результат действия массы факторов, поэтому каждый из них и все они вместе должны получить социальную и естественнонаучную оценку и быть исследованными на основе марксистско-ленинской концепции детерминации, отражающей сложные связи между этими факторами, ими и следствием и выделяющей их, хотя бы в абстракции, в относительно самостоятельный процесс.

Детерминистский подход, как отмечалось в литературе, расширяет возможности научного познания комплекса явлений, воздействующих на преступность [12, с. 228–229].

Проблема детерминизма применительно к обществу, как отмечается в философской литера-

туре, включает в себя: «вопросы о закономерных и незакономерных, причинных и не причинных связях, о необходимости и случайности, возможности и действительности, динамических и статистических закономерностях и ряд других» [41, с. 3]. Это значит, в частности, что марксистско-ленинская концепция детерминации, ее категориальный аппарат представляют собой могущественное средство научного отражения, на основе которого могут быть глубоко познаны реальные жизненные процессы, связанные с совершением экологических преступлений, а соответствующая информация о них правильно оценена и должным образом упорядочена.

Процесс детерминации должен обязательно «разводиться» в процессе познания по разным уровням и может быть вычленен применительно к единичному преступлению, одной из групп преступлений, ко всей преступности в целом. Он представляет собой реальное взаимодействие различного рода, реальное состояние объективной действительности, находящейся в постоянном развитии.

На наш взгляд, детерминистский подход к экологическим преступлениям может ставить перед собой ряд целей. Прежде всего, как это отмечает В.Н. Кудрявцев, следует исследовать те социальные факторы, которые не охватываются теорией причин преступности, поскольку они действительно не выступают в качестве причин [12]. Тем самым подход с позиций детерминации более точно вычленяет объект и предмет исследования, позволяет более широко смотреть на механизм противоправного поведения. Во всяком случае, невозможно игнорировать влияние усилившегося потребления природных ресурсов на характер поведения отдельных граждан. Указанная цель является тем более важной, что правоведы неоднократно отмечали необходимость исследования таких факторов, оценка роли которых затруднительна в рамках сложившейся концепции причинного объяснения, а не анализа детерминации.

Следующая цель познания состоит в выявлении механизма всех видов связей тех или иных факторов с экологической преступностью. В правовой литературе не раз критиковалось положение, при котором едва ли не всякая парная связь объявляется причинной или связью условия [38]. Наличие утверждений такого характера в немалой степени объясняется отсутствием научной традиции постепенного перехода от признания того или иного явления фактором экологических преступлений или вообще преступности к основанному

на обширном экспериментальном и эмпирическом материале признанию этого фактора причиной либо условием совершения преступлений. В самом деле, объявление рассматриваемых связей причинными как бы устраняет потребность в переходе от менее строгой к более строгой оценке, хотя в действительности она, конечно, существует. Отсюда стремление иногда сразу рассматривать корреляционные связи как причинные.

Так, в литературе по вопросам правовой охраны окружающей среды говорится о существовании «низкого уровня сознательности как причины неправомерного отношения ряда граждан к природным богатствам» [42, с. 114], о корыстных мотивах как причине браконьерства. Все такого рода выводы должны быть подтверждены определенными эмпирическими данными и теоретическими объяснениями.

Третья цель состоит в расширении возможности использования данных, полученных в ходе исследования факторов, связанных с преступным поведением. В литературе справедливо подчеркивается, что причинное объяснение отбирает лишь некоторые события и обстоятельства, отвечающие определенным требованиям (в зависимости от концепции причинности и от аспекта изучения). Тем самым выявляются главные, решающие пружины действия анализируемого механизма [12, с. 230]. В то же время для практики в ряде случаев бывает одинаково важным не только уяснение того, что является продуцирующей силой, но и информация о том, что с этой «силой» можно сделать, на какой эффект смягчения, устранения здесь можно рассчитывать. А это основывается на описании материально-предметной основы воздействующих факторов как объекта управленческого, социально-регулирующего воздействия. Разумеется, нужно говорить о низкой сознательности граждан как факторе противоправного экологически значимого поведения. Но при этом было бы недостаточно только квалифицировать «этот фактор как причину, либо условие, состояние, содержание, определяющее форму явления или какой-то иной детерминант» [43, с. 166]. Нужно давать также информацию о том, как можно перестроить сознание. Из-за отсутствия ответов на этот вопрос профилактика экологических преступлений в ряде случаев ограничивается мерами агитационно-пропагандистского характера, необоснованно переоценивая их действительно огромные, но не безбрежные возможности.

Важна, наконец, и цель обеспечения реального соответствия (изоморфности) социальной

и специальной профилактики экологических преступлений, правовой охраны природы факторам, связанным с преступностью, ее порождающим, изменяющим.

Сейчас недостатки профилактической работы рассматриваются как условие, способствующее совершению преступлений [9, с. 142], т.е. как один из детерминантов преступности. Но успешная профилактика, эффективная природоохранительная политика, снижая экологическую преступность, также детерминируют ее, хотя и по иному вектору. В рамках учения о причинности трудно рассматривать эффективность общесоциальных мероприятий, их воздействие на преступность; в рамках процесса детерминации это не только можно, но и нужно.

Разумеется, достижение всех названных и иных целей представляется достаточно сложным делом. Оно требует соблюдения ряда методологических условий, проведения многих социально-правовых исследований, создания ряда теоретических предпосылок.

Одной из таких предпосылок является построение Структуры процесса детерминации экологических преступлений, позволяющей получать достаточно полные и внутренне взаимосвязанные данные об отдельных элементах этого процесса, механизме его функционирования, устойчивости и податливости социально-регулирующему воздействию, о перерастании различного рода связей в ядро детерминации — процесс причинного воздействия.

5. Структура детерминации: онтологический подход

Онтологический подход к процессам детерминации экологических преступлений, охватывающий возникновение и действие их причин, предполагает возможность «остановки движения», рассматривает взаимодействие как проявление бытия, предстающего перед наблюдателем неподвижно. Вполне понятно, что такое рассмотрение процесса не противоречит диалектике познания и не отрицает диалектику бытия только тогда, когда совершенно четко понимается его ограниченность, возможности познания истины на его основе. В философской, социологической и правовой литературе указанный подход, как нам кажется, выражен довольно четко. В философских словарях понятию «онтология» придается ряд значений. Одно из них — «философское учение о бытии вообще, бытии как таковом» [44]. Здесь же отмечается, что с точки зрения марксистской философии в современный период развития научного позна-

ния онтологические проблемы все более переходят в сферу исследования частных наук.

Криминологи в ряде работ исследовали бытие причинности как в целом, так и через образующие ее элементы, много внимания уделяя и тому, что, по-видимому, можно без больших натяжек назвать статикой онтологического, или субстанционального, подхода. На наш взгляд, В.В. Панкратов, удачно обратив внимание на значимость субстанциональных характеристик объекта, вряд ли прав в оценке их распространенности. Он пишет: «Субстанциональные (описывающие вещественные характеристики объекта) в криминологии используются сравнительно редко. Это специфика предметной области криминологической науки, ее объекта. Строго говоря, субстанцией в криминологии можно признать лишь основные объекты данной науки, взятые в нерасчлененном виде, — преступность и преступник. Названные субстанции наукой расчленяются и связываются в некоторые структуры. Преступность как субстанцию в криминологии представляет уголовная статистика, а также Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, как систематизированный уголовный закон, регулирующий общественные отношения, возникающие в результате совершения преступлений. Преступника представляет лицо, а тип преступника — группа лиц, обладающих характеристикой: “совершившие преступление”, “преступление данного вида” и т.д.» [39, с. 23–24].

Это относится, в частности, к условиям нравственного формирования личности, структурному анализу конкретной жизненной ситуации, иным слагаемым причинности. Анализ литературных источников показал, что, например, основная часть онтологических характеристик механизма индивидуального причинения была подтверждена последующими исследованиями и воспринята ими. Укажем лишь некоторые работы, носящие обзорный характер или обобщающие итоги развития криминологической науки: *Аванесов Г.А.* Криминология; Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М.: Наука, 1977; Курс советской криминологии и др.

Применительно к причинам правонарушений онтологический подход был развит В.Н. Кудрявцевым в работе «Причины правонарушений». Здесь, в частности, исследованы в этом плане свойства правонарушений, объективные условия общественного развития, структура общественного сознания, юстиция в системе социального контроля [28].

Исследования статистики криминогенной детерминации и причинности отражены также в целом ряде работ М.М. Бабаева, Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, Л.И. Долговой, В.М. Когана, Н.Ф. Кузнецовой, Л.Б. Сахарова, Г.М. Миньковского, в журнальных статьях и кандидатских диссертациях [9, 45–50]. Так, А.И. Долгова правильно подчеркнула: «Важно устанавливать совокупность указанных обстоятельств; исследовать личность тех, кто совершает преступления, а также условия ее формирования и деятельности не изолированно, а во взаимосвязи; выяснять, на фоне каких иных взаимовлияний протекает взаимодействие данной личности и среды. Лицо, внутренне готовое к совершению преступления в результате специфики социализации, должно сначала подыскать либо, если ее нет, создать «удобную» ситуацию для нарушения уголовно-правового запрета; при этом оно должно быть уверено в возможности избежать строгой ответственности в результате, например, низкой социально-правовой активности других граждан, просчетов в деятельности правоохранительных органов и т.п.» [38, с. 12].

Таким образом, развитый криминологами онтологический (субстанциональный) подход может рассматриваться как теоретико-методическая основа анализа статистики криминогенной детерминации экологических преступлений.

Он, во всяком случае, дает возможность:

а) выявить, отобрать и описать детерминанты, связи и другие явления, соотносимые с преступным экологическим поведением и экологической преступностью;

б) упорядочить их в структуру, логика которой отражает необходимое и случайное в историческом, временном развитии.

Корректность и практическая значимость этих процедур нуждается в обосновании прежде всего того, что позволяет рассматривать криминогенную детерминацию экологических преступлений как процесс. Относительная устойчивость группы экологических преступлений во времени, их повторяемость и распространенность в пространстве приводят к тому, что в общественной жизни наличествуют в каждый данный момент причинные и иные детерминационные связи на разных этапах своего развития, в различных местах. При этом некоторые звенья детерминации — как правило, отдаленные — существуют относительно долго. Ближайшие к следствию звенья относительно быстро угасают или опредмечиваются в противоположном экологически значимом поведении, но затем возникают вновь.

А.И. Долгова, ссылаясь на философские работы, отмечает в этой связи: «Надо учитывать такие важные черты конкретного взаимодействия, как: 1) предметность, т.е. то, что носителями данного типа связи выступают материальные системы, обладающие вполне определенными свойствами; 2) его процессуальность — развертывание в определенные промежутки времени» [51, с. 13].

Такой механизм действия детерминации дает возможность выделить ее как процесс, имеющий некоторую постоянную структуру и рассмотреть его в статике [13, с. 230]. В основе этого лежит гипотеза о том, что процесс детерминации экологических преступлений и правомерного экологически значимого поведения действует постоянно, хотя, конечно, на вероятностной основе. Он существует и функционирует и тогда, когда еще его действие не превратилось в преступление как в следствие. Здесь мы абстрагируемся от обсуждения вопроса, является ли причиной нечто, не породившее преступление при одних условиях и породившее при других [43, 52, 53].

Это, в частности, удачно подчеркнуто в статье А.К. Черненко и А.Л. Ременсона. Они пишут, говоря о более глубоком уровне понимания причинности: «На этом, более глубоком, уровне в такую характеристику включаются обратные связи; причина испытывает на себе причиняющее воздействие следствия и поэтому, изменяясь сама, оказывает на следствие уже иное воздействие. И такое иное воздействие является иным еще и потому, что иным становится объект этого воздействия, изменившийся как в силу первоначального влияния, так и в связи с тем, что он сам выступал как причина, передав первоначально действовавшей причине часть своего движения, своей «энергии». При этом одновременно может происходить и изменение условий, в которых осуществляется указанное взаимодействие. Здесь мы уже имеем дело с процессом, развитие которого определяется не только воздействием внешних факторов, но и внутренними закономерностями взаимодействующих явлений, причем закономерностями не только статического, но и динамического характера». Эта длинная цитата необходима. Она дает четкое представление о нечастом случае: о позиции, выработанной совместно правоведом и философом-историком [54, с. 12–13].

И поэтому взгляд на детерминацию как на процесс, пожалуй, является одной из самых общепризнанных и хорошо работающих парадигм криминологической науки [55].

Признание криминогенной экологической детерминации процессом приводит к постановке во-

проса о направлениях исследования, об исследовательских задачах, которые при этом могут быть решены. На наш взгляд, онтологическая характеристика процесса криминогенной экологической детерминации выявляет:

- а) объект исследования и управления;
- б) его содержание, структуру и «состав», т.е. совокупность элементов (явлений и процессов), связи между ними, иными словами, позволяет охватить объект системно;
- в) субъектно-предметную основу процесса, т.е. людей, которые его реализуют, и материальные образования, на которые он опирается.

Процесс детерминации можно раскрыть через:

- а) источники взаимодействия и собственно детерминанты — состоящие в передаче информации, материального воздействия и энергии;
- б) связи, т.е. взаимодействия, происходящие определенным способом, и статически фиксирующие момент воздействующих прямых и обратных контактов;

в) результаты взаимодействия, представляющие собой содержание воздействия, опредмеченное в актах поведения, состоянии детерминантов.

Таким образом, анализ статистики процесса детерминации экологических преступлений, раскрывая его предметную основу, оказывается предпосылкой оценки потенциальных и действительных, осуществляемых возможностей передачи детерминирующего, причинного, обуславливающего, поддерживающего и других воздействий.

Еще раз подчеркнем, что реального состояния статистики у процесса детерминации быть не может. «Остановка» процесса, его статическое рассмотрение возможны исключительно как прием, средство познания.

В философской литературе развит, хотя, на наш взгляд, крайне недостаточно, понятийный аппарат, который может быть использован для описания статистики детерминации. Здесь можно указать на такие понятия: материальные предпосылки детерминации [56, с. 174], системообразующее отношение [56, с. 165–166], материальный объект [56, с. 167], материальные образования [43, с. 153–154], субстанциональные связи [57, с. 147–148] и др.

Источники криминогенной экологической детерминации раскрываются через характеристику деятельности: производственной, социокультурной, рекреационной, социально-управленческой (включая реализацию социального контроля) и иной⁶⁰, а затем через характеристику противоречий социального характера, которые связаны с этой деятельностью и возникают в свя-

зи с ней и в процессе ее осуществления организационными, правовыми и иными структурами и формами. Критерием их отбора, на наш взгляд, является вначале цель, объект деятельности, ее приспособительная к природе роль, а далее — порождение противоречий и экологически значимой деятельностью.

Способы добывания пищи, энергии, устройства жилищ и т.п. представляют собой содержание взаимодействия человека с окружающей средой, которая единственно является источником существования индивида, группы, общества. Отсюда детерминирующее значение способа производства, производительных сил, деятельности, представляющей собой сумму технологий, отражающей содержание и распространенность не только трудовых, но и рекреационных, познавательных и преобразовательных процедур, операций, приемов.

Противоречия социального развития в связи с преступностью интенсивно изучались в советской криминологии [8, 13, 27, 28, 45, 48, 50, 58].

Не раскрывая пока содержания противоречий, отметим, что они несут в себе лишь возможность того или иного развития событий. Онтологический подход позволяет познать выраженность противоречия на общесоциальном и локальном уровнях, его состояние в данной исторической обстановке.

На наш взгляд, значимыми параметрами противоречий для анализа процессов криминогенной детерминации экологических преступлений являются:

- а) состояние экологической деятельности, ее правовых и организационно-структурных форм, т.е. части предметной основы детерминации;
- б) неравномерность (или рассогласованность) отдельных сторон противоречия;
- в) количество осознаваемых отклонений от нормативного порядка взаимодействия с природой;
- г) деформация целей и интересов субъектов деятельности, образующей противоречие.

В литературе по вопросам правовой охраны окружающей среды сделаны серьезные шаги в направлении исследования выделенных параметров [59–62]. Лишь для примера укажем на детальную разработку проблемы противоречия между целями и объемом экологически значимой деятельности по рациональному использованию природных ресурсов и ее организационными формами. Ныне, когда образован Госагропром страны, эта проблема представляется еще более значимой.

Предметная основа детерминационного процесса и его элементов оказывает серьезное воз-

действие на его интенсивность и направленность [63, с. 168; 64, с. 26]. В правовой охране окружающей среды с этих позиций исследовались практика проектирования объектов, порядок приемки строительства, технологическая основа животноводства и др.

На наш взгляд, предметное выражение отдельных источников детерминирующего воздействия можно обрисовать следующим образом:

а) применительно к сфере поведения людей следует указать на стереотипы и обычаи, технологию производства и управления, равно как на технологию осуществления иных социальных функций общества и индивида; здесь существенную роль играют традиции, привычные виды производственной и рекреационной деятельности, в частности создающие нагрузку на отдельные районы, такие, как курортные зоны, лесные массивы, распространенность любительской и промысловой охоты; еще более велика, разумеется, роль способов принятия управленческих решений, их обсуждения и контроля, уровень развития промышленных технологий, используемые орудия и средства производства и другие способы деятельности в их предметно-поведенческом выражении;

б) применительно к сфере общественного сознания значимыми, в частности, являются исторически сложившиеся взгляды на роль и ценность окружающей среды, ее отдельных элементов, установки, способы научного и обыденного мышления, нравы, обычаи, традиции, морально-этические и эстетические нормы, явно или неявно, более или менее интенсивно воздействующие на поведение людей;

в) в сфере естественно-географических, природных условий значимы их климатическая характеристика, богатство недр и другие проявления, так, морской, островной характер страны вполне закономерно определяет развитие рыболовства, мореплавания, а тем самым определяет поведение людей, их усилия по эксплуатации либо охране природы; характер произведет на, перевозки нефти, использование интенсивных методов рыбного промысла, исторически сложившиеся и культивируемые взгляды — все это также порождает и направляет процесс детерминации поведения. На наш взгляд, обоснованные выступления против географического детерминизма привели к некоторому игнорированию роли собственно природных условий и явлений, роли, которая никогда не отрицалась марксизмом.

Связи детерминации, поскольку они носят длительный, устойчивый характер, также являются предметом онтологического анализа.

Высший тип классификации связей — это разделение их по характеру детерминации на причинные, связи состояний, содержания и формы, элемента и функции, структуры и элемента и др. Но, строго говоря, определение характера тех или иных связей возможно либо как вывод из исследования, либо на основе аналогии, относя их к данной группе по предполагаемым признакам. В онтологическом же плане полезно анализировать:

- а) устойчивость связей;
- б) их предметную выраженность, характер циркулирующей материи, энергии, информации, форму и способы контактов;
- в) распространенность связи;
- г) интенсивность передачи воздействия по объему во времени и пространстве.

При этом значительный интерес представляют каналы передачи детерминирующего воздействия, т.е. формы, в которых осуществляется взаимодействие людей в обществе, способы общения, средства массовой коммуникации, правовые средства организации человеческой деятельности, фольклор, литература, искусство и т.д.

Выделение каналов передачи детерминирующего воздействия имеет, на наш взгляд, существенное практическое значение.

Во-первых, от их развитости зависит и объем воздействия, и возможность искажений его, что особенно значимо, когда речь идет об антикриминальном воздействии, которое может блокироваться из-за слабой развитости или забитости каналов общения.

Например, изменения в состоянии объектов окружающей среды (засоление земель, эрозия почвы, хищническое истребление леса и др.) длительное время не становились и не становятся фактом общественного сознания во многом из-за того, что они просто до общественного сознания не доводились достаточно активно. В то же время по каналам неформального общения пренебрежительное отношение к природным ценностям распространяется порой гораздо быстрее.

Во-вторых, сами каналы детерминирующего воздействия выступают в качестве объекта социальной, экономической, экологической политики. Значительные усилия общество прилагает к тому, чтобы расширить возможности экологического образования и самообразования, включая приобретение правовых знаний и навыков их применения. По этому вопросу существует обширная литература. Разрабатываются и осуществляются национальные и межнациональные программы, например, проект ЮНЕСКО по экологическому воспитанию в средних школах и т.п. [65, 66].

Проявляется забота о повышении роли литературы, публицистики в формировании правильного экологического поведения. Особое внимание уделяется реализации принципа гласности в проведении мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов и природоохранительной деятельности (*Материалы сессии Верховного Совета СССР третьего созыва о соблюдении требований законодательства об охране природы и рационального использования природных ресурсов // Известия. 1985. 4–5 июля*). Важно устранять возможность искажения позитивного воздействия каналами передачи информации, энергии, ресурсов и перекрывать искаженные, заведомо деформирующие каналы передачи негативного, криминогенного воздействия (слухи, негативное влияние микросреды, примеры безнаказанности за совершение экологических преступлений и др.), хотя здесь, конечно же, дело не всегда в каналах.

Результаты взаимодействия, криминогенной детерминации традиционно рассматриваются как преступления, преступность. Между тем, как будет показано ниже, детерминация дает не только окончательные, но и промежуточные результаты, которые являются внутренним двигателем ее функционирования. Это промежуточный криминогенный эффект, имеющий различные проявления и параметры.

Выделяемые таким образом элементы процесса криминогенного детерминирования имеют свои собственные свойства, поддающиеся количественной и качественной оценкам. Во всяком случае можно измерить развитость того или иного элемента для анализа детерминации преступного экологически значимого поведения. Это имеет самое серьезное значение, например, когда речь идет о нагрузке предприятий на водные источники, интенсивности промышленного производства, земледелия, рыболовства и других процессов.

Такой подход широко применяется в советской криминологии при исследовании многих групп преступлений, а также отдельных явлений, имеющих криминогенно-детерминирующее значение. При анализе причин преступности несовершеннолетних исследуются и измеряются, в частности, количество так называемых неполных семей, интенсивность связей подростков с лицами, ранее судимыми и ведущими антиобщественный образ жизни, и т.д. [10, 67]. Количественный подход широко применяется также и при исследовании процессов миграции, рассматриваемой в связи с преступностью [68].

По-видимому, для анализа реального состояния процесса детерминации экологического поведения в целом и экологического преступного поведения в частности необходим качественный и количественный анализ буквально всех ее сторон, начиная с природных ресурсов и природных объектов как некоторой количественной данности, объема и интенсивности нагрузки на природу, соотношения различных способов взаимодействия с природой (ее использования и охраны) и заканчивая получением количественной характеристики распространенности антиобщественных взглядов в этой сфере, уровня квалификации лиц, принимающих экологически значимые решения, нервной и физической нагрузки на лиц, профессионально работающих по освоению природных богатств.

6. Возникновение причин экологических преступлений: генетический подход

Генетический подход, по мнению философов, представляет собой способ исследования природных и социальных явлений, основанный на анализе их развития. Детерминация социального поведения, причины преступности, причины экологических преступлений — это явления, которые так же, как и все иные, возникают, развиваются, функционируют и отмирают, т.е. находятся в постоянном движении. Понимание природы детерминации и причинности, механизма их действия поэтому возможно только с позиций принципа историзма, с учетом развития, социального движения [9, с. 17].

Есть ряд практически важных вопросов, которые при изучении причин экологических преступлений необходимо решать на основе генетического подхода. Среди них следует выделить как наиболее общий вопрос о том, как связи детерминации перерастают в криминогенные причинные связи, как и когда в процессе детерминации возникает криминогенная причинность. Решая этот вопрос, следует установить:

а) как процесс детерминации в его предметно-временных проявлениях созревает до такого состояния, при котором он реально порождает преступность и преступления, делая это относительно массово и устойчиво;

б) какие связи в своем совокупном функционировании порождают причинность, как они проявляются, «опредмечиваются» в отдельных причинных связях, каково их взаимодействие после возникновения;

в) как действуют отдельные детерминанты, каков характер связей, которые они преимуще-

ственно образуют в типовых ситуациях, как эти связи действуют на поведение людей;

г) какова интенсивность и устойчивость негативного развития детерминации и возникающей криминогенной причинности, насколько они поддаются социальному регулированию.

Значимость подобного рода исследований для дела борьбы с экологическими преступлениями определяется возможностями использования категории «криминогенная причинность» в теории и на практике.

Общая ориентация советского правоведения при изучении причин преступности состоит в установлении объективно существующих явлений, что дает возможность намечать практически осуществимые меры предупреждения преступлений [12, с. 226]. Поэтому интегрированное теоретическое объяснение детерминации и причинности должно обязательно включать в себя показ этапов их возникновения с тем, чтобы предупредительные меры могли быть приняты своевременно и надежнее, чтобы общество имело как можно более полное представление о ходе событий и возможности их регулирования в желательном для него направлении. Как уже отмечалось выше, характер процесса взаимодействия общества и природы и экологической детерминации как его стороны таковы, что пределы оптимизации связей «общество — природа» не столь широки, как этого хотелось бы.

Изложим некоторые соображения теоретического характера, прежде чем перейти к общей характеристике механизма возникновения экологической криминогенной причинности.

Прежде всего следует отметить, что причинность, ядром которой являются источники причинного воздействия и причинные связи, существуя наряду с иными состояниями детерминации и иными детерминационными связями, все же представляет собой, по нашему мнению, наиболее зрелый, конечный этап детерминации, взятый в рамках выделенного взаимодействия. Поэтому такие связи детерминации, как связи состояния, обусловливания и другие, как бы «умирают» в причинности, порождают ее и действуют через нее. В этом смысле гораздо точнее говорить не об условиях, способствующих преступлению, а об условиях возникновения причины, хотя во многих случаях, быть может, соблюдение этого требования и не существенно в практическом плане. Выделяя условия, способствующие совершению преступлений, обычно пишут, что «понятие условий подчеркивает тот факт, что в генезисе преступности определенную роль играют обстоятель-

ства, необходимые для того, чтобы преступления имели место, но недостаточные для этого. При наличии лишь одних способствующих условий преступления не имеют места» [69, с. 42]. В то же время криминологи нередко цитируют мнение философов, что условия — это явления, которые в отличие от причин действительно сами не могут породить непосредственно некоторое событие, «но, сопутствуя причинам и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия» [70, с. 95].

Следовательно, условия и по философским представлениям соотносятся с развитием причины, причинного воздействия. Они существуют вместе с причинами, если в действительности причины еще не перешли в стадию зрелости, либо параллельно, если стороны и направления процесса экологической детерминации обладают различной степенью зрелости, находятся на разных этапах развития. Попытки постоянно подчеркивать невозможность наступления события — совершения преступления — вряд ли состоятельны, ибо это событие не может наступить не только без так понимаемых причин, но и без так понимаемых условий. По-видимому, здесь просто сказывается излишняя эмоциональная нагрузка на понятие причин, к которым легко отнести все отрицательное и трудно — что-то положительное.

Таким образом, возникновение причин экологических преступлений, с нашей точки зрения, есть этап процесса детерминации, в котором участвуют самые различные связи: состояния, обусловливания и др.

В сущности, такой подход к понятию причинности и причин нередко проявляется в криминологии. Так, Н.Ф. Кузнецова относит к причинам преступности явления субъективные, по совершенно правильно пишет, что обусловливание создает благотворные возможности для формирования, проявления, реализации причин [9, с. 47]. Говоря, в частности, о действии социально-экономических детерминант, которые она рассматривает как условия, Н.Ф. Кузнецова подчеркивает их роль в формировании, оживлении, поддержке мотивации поведения, т.е. причин [9, с. 104].

В этом плане интересные соображения высказал Л.Н. Костенко, который выдвинул идею использования категории «основания преступления», охватывающую внешнюю причину и внутреннее отражение, или необходимость, и свободу воли [7, с. 12]. На наш взгляд, категория причин преступлений, несомненно, отражает и внешние и внутренние факторы, во всяком случае проявляясь через субъекта социального действия, так

или иначе охватывает волю. И это естественно. Действие причин, а окончательным оно может быть вначале только на индивидуальном уровне, а затем и на более высоком, всегда связано с выбором варианта поведения, т.е. со свободой воли. Но тем не менее сама нацеленность на понимание причин, даже если они именуется основанием, как интегрированного действия развитых связей, несомненно, заслуживает одобрения.

Приведенные соображения и рассмотренные позиции криминологов позволяют считать, что причинность — это социальное движение и этап социального движения, который получает различное предметное выражение и состояние законченности на разных социальных уровнях. Зрелость причин преступности, по-видимому, имеет иное содержание и признаки, чем зрелость причин группы преступлений, а последняя отличается от зрелости причин индивидуального преступного поведения. Разумеется, это не отрицает их единства как различных проявлений, имеющих одинаковую природу социальных процессов.

Именно поэтому понятие криминогенной причинности может быть отнесено: к началу формирования причин как комплекса специфических связей, порожденных соответствующими источниками; к промежуточному действию процесса криминогенной детерминации, когда возникает промежуточный эффект, и, наконец, к зрелому этапу причин и причинности, когда они непосредственно реализуют себя в преступном поведении. При этом представляется чрезвычайно важным подчеркнуть, что в возникновении, а затем и в действии криминогенной причинности участвуют факторы и связи между ними, которые не могут быть однозначно оценены как негативные или позитивные. Особенно это следует иметь в виду, когда речь идет об экологических преступлениях, ибо к ним могут — через опосредующие звенья — вести и позитивные факторы.

Приведем пример. Бакинская городская санэпидстанция с мая по август 1987 года, по сообщения главврача, провела 460 исследований проб продуктов растениеводства на содержание нитратов. 101 проба выявила в овощах и бахчевых количество нитратов, превысившее допустимые нормы. Ряд партий сельскохозяйственных продуктов был уничтожен. Имели место случаи отравления (*Размышления у рыночных рядов // Вышка (газета ЦК КП Азербайджана). 1987. 16 августа*). В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства об охране природы» от 7 июля 1983 г. с последующими изменениями 16 февраля и 4 апреля 1986 г.

разъясняется, что нарушение правил использования минеральных удобрений, причинившее или могущее причинить вред здоровью людей, сельскохозяйственному производству, надлежит квалифицировать по ч. 1 или 2, ст. 223 УК РСФСР или по соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик (*Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 4; 1986. № 2, 3*). Значит, речь идет о совершении преступлений, в причинную цепь которых включены необходимая интенсификация выращивания бахчевых культур и овощей, стремление повысить урожай, невежество земледельцев, отсутствие должного контроля. Благо (удобрения, применяемые в меру) оказалось элементом предметной основы причинности и привело к негативным явлениям.

Это ставит еще один вопрос, относящийся к проблеме возникновения причин экологических преступлений. Речь идет о более широком понимании социальной ответственности за возникновение причин экологических преступлений. Традиционно правоведы интересуются ответственностью правонарушителя, особенно преступника.

Но возникновение криминогенной причинности — итог деятельности многих людей. В этой связи должна выявляться ответственность за негативный ход событий, даже если к нему привели поступки, действия, решения, которые в иной ситуации были бы социально одобряемыми.

С учетом сказанного перейдем к механизму возникновения экологической криминогенной причинности.

В основе возникновения причин экологических преступлений, совершаемых в социалистическом обществе, лежит воспроизводство материальной жизни, проявляющееся прежде всего в труде людей, их непосредственном воздействии на природу и связанное с постоянным разрешением противоречия между производительными силами и производственными отношениями (*Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 12*).

В условиях социалистического общества, при отсутствии отношений эксплуатации и наличии общественной собственности на орудия и средства производства сохраняется и не может не сохраняться постоянная альтернатива социального развития, порожденная разделением труда и обусловленными им различными позициями (под которыми в общем можно понимать спектр потребностей, целей, мотивов, предпочтений, поведенческих стереотипов) в процессе использова-

ния природных благ и охраны окружающей среды. Альтернативность развития и, значит, детерминации проявляет себя на фоне существования иных противоречий, в частности: между производством и потреблением; потребностями и возможностями; стабильностью и изменчивостью технологических систем; организационно-управленческой системой и объемом деятельности; интенсификацией потребностей на основе закона их возвышения и сокращением возможностей их удовлетворения; интересами общества и отдельной личности; интересами исторического развития человечества и актуальными нуждами; антропоцентристским поведением и потребностями ограничения интересов человека как части природы.

Альтернативность детерминации открывает широкий спектр возможностей социального развития. Но при этом возникают и ограничения поведения людей, структуры и характера отношений. Соблюдение этих ограничений еще не снимает криминогенный вектор развития детерминации; их игнорирование направляет его в сторону криминогенной причинности.

Чрезвычайно важно здесь правильно понять и оценить роль субъекта детерминационных процессов, роль личности, действительно являющейся творцом истории, но могущей быть в некоторых ситуациях и ее тормозом. Та или иная возможность социального развития, варианта взаимодействия с природой осуществляется людьми, сознание которых неоднозначно, но оно воплощает в себе объективное и субъективное, необходимое и случайное, позитивное и негативное. Процессы, связанные и не связанные собственно с отношением к природе, формируют личность, сознание группы, общества и превращают его в самостоятельную силу развития, оказывающуюся в конкретных условиях отрицательной либо положительной. Неудивительно, что споры о крупнейших экологических проектах нередко выходят за пределы собственно научной полемики и обращаются к этике ученых, их ответственности за корректность разработок и решений. Здесь невозможно оценить, насколько в каждом случае справедливы упреки в обмане, подгонке результатов, даже корысти, но настойчивое обращение к таким сюжетам не случайно (*Наш современник. 1987. № 1*).

В известном смысле уже здесь можно констатировать возникновение причин посягательства на окружающую среду, но порождающая сила противоречий далеко не сразу оказывается направленной, соотносимой только или главным образом с нарушением уголовного закона. По ходу

развития процесса детерминации действие противоречий может стать результативным именно в определенной узкой сфере.

Так, противоречия между потребностями и возможностями их удовлетворения проявляют себя в сфере сельского хозяйства через деятельность, в итоге которой расширение посевных площадей ведет к сокращению ареала диких животных, создает помехи для их миграции, введение промышленных технологий выращивания тех или иных культур влечет уничтожение ряда видов растений. В поведении людей распространяются стереотипы и привычки к пренебрежению интересами охраны природы. Это сказывается на системе нравственных норм, когда привычное поведение начинает оправдываться производственной необходимостью либо невозможностью что-либо сделать. Затем возникает оправдание браконьерства как поведения, так или иначе безобидного по сравнению с ущербом, который наносится применяемыми технологиями. Наконец, выделенное противоречие реализуется в определенном состоянии инфраструктуры, т.е. в доле распаханых, обрабатываемых земель, применяемой технике, интенсивности воздействия на природу и других технологических процессах, осуществляемых на определенной технической базе. Таким образом, уже проявление противоречий осуществляется на некоторой основе, они могут выступать более или менее «концентрированно». Они интенсивно воздействуют на микрогруппы населения, отдельные участки производства, где на противоречия как бы накладываются относительно случайные детерминанты, связанные с субъективными факторами, особо трудными условиями производства, отсутствием контроля, слабостью управления, искажением стимулов и другими факторами, особо заслуживающими внимания.

Так, прослеживается детерминирующее действие деятельности и противоречий, проявляющееся достаточно далеко и, главное, уже в преобразованных, возникших связях, которых могло и не быть. Но если говорить только о начале процесса детерминации, наблюдается то, что Л.И. Спиридонов достаточно удачно охарактеризовал как сохранение абстрактной возможности негативно отклоняющегося поведения людей как формы реализации различных отрицательных социальных явлений [71, с. 43].

Возникает вопрос, действительно ли можно здесь говорить о возникновении и действии причин экологических преступлений? Нам кажется, что можно, но лишь понимая под причинами и объективную порожденность преступлений,

обусловленность их социальными явлениями, материальный характер. Видимо, поэтому в криминологической литературе обычно говорят о связи сохранения преступности с противоречиями, подчеркивая, что их наличие «не означает, что они всегда с неизбежностью порождают преступность» [10, с. 234]. Практическое значение этого тезиса состоит в признании принципиальной возможности такого обеспечения деятельности и регулирования противоречий, при котором абстрактная возможность преступности не станет реальной.

В связи с этим можно было бы устранить и некоторые споры об отнесении тех или иных противоречий в сфере бытия и сознания к причинам. Их решение требует не спора о наименовании того или иного явления причиной, а прослеживания его развертывания в социальной действительности по криминогенному вектору.

Скорость возникновения причин экологических преступлений, их интенсивность и распространенность во многом зависят от содержания потребностей и интересов, определяющих поведение людей. Конечно, вне экологических и иных потребностей вообще невозможно совершение любого поступка. Но сила потребностей различна.

Различной оказывается и интенсивность причин, которые порождаются потребностями и воплощают их в себе.

Экологические интересы могут быть охарактеризованы как интересы профессиональные и бытовые, личные и групповые, региональные и отраслевые, интересы уровней управления, т.е. они определенным образом приобретают институциональный характер и входят в содержание причинности. Аналогично изменяются и развиваются потребности, их институционализация, содержание через оценку интересов как важных, неотъемлемых, престижных, необходимых. В правовой литературе многократно писали о различиях в приоритетах ведомства — промышленного министерства, сориентированного на рост производства, и местных Советов народных депутатов, сориентированных в первую очередь на удовлетворение социальных потребностей населения. Отсюда разрыв между значимостью интересов производства и развития инфраструктуры, который также направляет процесс детерминации экологического поведения к порождению причин экологических преступлений.

В сфере взаимодействия общества и природы, в частности, возникают состояния и ситуации, которые как бы накапливают в себе действие детерминант и включаются в дальнейший процесс возникновения криминогенной при-

чинности, усиливая либо ослабляя возможность выбора одного из вариантов экологического поведения. Такое положение нередко отмечается наблюдателями. Сейчас довольно много пишут об экологическом кризисе, остроте экологической ситуации, говорят о напряженном состоянии природной среды во многих регионах и т.п. Главное, что реально существуют накопления действия связей детерминации, и они резко меняют характер детерминационных процессов. По-видимому, на промежуточные эффекты экологической детерминации действуют и промежуточные эффекты иных детерминационных процессов, в частности криминализация и алкоголизация населения, возникновение условий труда, рассчитанных на маргинальные группы, и др.

Для обострившихся экологических ситуаций характерны устойчивые негативные изменения в общественном бытии и общественном сознании: возникают и усиливаются (поскольку речь идет не просто о существовании, а о конкретном содержании и форме существования) антиобщественные взгляды на процесс взаимодействия с природой и распространяются антиобщественные стереотипы поведения. Здесь усиливаются существующие и возникают новые причины преступного поведения в сфере взаимодействия с окружающей средой, интенсифицируется процесс криминогенного причинения. Конечно, и тут проявляется возможность выбора различных вариантов поведения, способов деятельности. Даже в самой сложной экологической ситуации лицо может и не совершать уголовно-наказуемых действий, они могут на каком-то этапе не получить значительного распространения в обществе, социальной группе, отрасли, регионе. И в складывающейся криминогенной ситуации абстрактная возможность совершения преступлений все больше превращается в реальную.

Если не вмешивается действие позитивных социальных процессов, усиление криминогенных изменений, распространение криминогенных ситуаций приводят к такой степени развитости причин экологических преступлений, которая влечет их относительно массовое совершение. Такое развитие событий означает становление криминогенной причинности как устойчиво функционирующего процесса порождения преступлений и преступности.

Вместе с тем необходимо обозначить подход к признанию причинным того или иного воздействующего комплекса. С этих позиций на основе

работ советских философов и криминологов для данного исследования принимается подход, при котором в качестве криминогенной причинности рассматривается такое воздействие социальных, социально-экологических явлений и процессов на личность и поведение, когда наиболее вероятным и единственным оказывается преступный вариант поведения, а выбор другого варианта может произойти только под влиянием дополнительного более интенсивного воздействия, меняющего характер причинного.

Отсюда идентификационными признаками причинной связи являются:

а) направленность, проявляющаяся в том, что она как бы снимает иные, ранее равновозможные варианты поведения, ограничивает выбор решения или возможности присоединения к решению;

б) интенсивность порождения, проявляющаяся в том, что она оказывается более значимой, чем иные связи, наличествующие в данный момент [28].

Эта характеристика относится (когда речь идет об экологических преступлениях) и к общему, и к индивидуальному уровню. Разница состоит в охвате предметной стороны причинности, ка-

налов ее передачи, ресурса и отсюда — широты и результативности воздействия.

Следовательно, если попытаться суммировать результаты ряда исследований, можно сказать, что причины экологических преступлений возникли и действуют там и тогда, где и когда:

а) возникла система объективно обусловленных интересов, целей и мотивов совершения уголовно наказуемых поступков;

б) возникла референтная прослойка населения, оправдывавшая и одобрявшая совершение таких поступков как на уровне эксцессов, так и на уровне преступлений;

в) создалась возможность замещения преступлениями экологических потребностей либо удовлетворения ими случайно или закономерно возникших извращенных потребностей;

г) альтернативное правомерное поведение требует больших усилий, чем неправомерное, преступное;

д) возникла группа людей, внутренне готовых совершать преступления либо не способных противостоять внешним факторам;

е) растет число и объем видов поведения, которые могут перерасти в преступные.

Литература

1. *Бринчук М.М.* Правовая охрана атмосферного воздуха. М.: Наука, 1986.
2. *Дубовик О.Л.* Механизм действия права в охране окружающей среды. М.: Наука, 1984.
3. *Колбасов О.С.* Экология: политика — право. М.: Наука, 1975.
4. *Петров В.В.* Экология и право. М.: Юрид. лит., 1981.
5. Правовая охрана окружающей среды в области промышленного производства. Киев: Наук. думка, 1986.
6. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды. М.: Наука, 1986.
7. *Костенко А.Н.* Принцип отражения в криминологии. Киев: Наук. думка, 1986.
8. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. М.: Юрид. лит., 1968.
9. *Кузнецова В.Ф.* Проблема криминологической детерминации. М.: Изд-во МГУ, 1983.
10. Курс советской криминологии. М.: Юрид. лит., 1985.
11. *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причина, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985.
12. Социальные отклонения: введение в общую теорию. М.: Юрид. лит., 1984.
13. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.
14. Курс советской криминологии: предупреждение преступности. М.: Юрид. лит., 1986.
15. *Шемшученко Ю.С., Мунтян В.Л., Розовский Б.Г.* Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев: Наук. думка, 1978.
16. *Дубовик О.Л.* Механизм действия права в охране окружающей среды. М.: Наука, 1984.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42.
18. *Федоров Е.К.* Экологический кризис и социальный прогресс. Л.: Гидрометеиздат, 1977.
19. *Израэль Ю.Л.* Проблемы охраны природной среды и пути их решения. Л.: Гидрометеиздат, 1984.
20. Здоровье и окружающая среда. М.: Мир, 1979.
21. Охрана окружающей среды: модели социально-экономического прогноза. М.: Экономика, 1982.
22. *Павельев А.* Социальный оптимизм и экологический пессимизм. М.: Мысль, 1977.
23. *Сен-Марк Ф.* Социализации природы. М.: Прогресс, 1977.

24. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.
25. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
26. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
27. *Аванесов Г.А.* Криминология. М.: Акад. МВД СССР, 1984.
28. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М.: Наука, 1976.
29. Курс советской криминологии. М.: Юрид. лит-ра, 1985.
30. *Сахаров А.В.* О концепции причин преступности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1976. № 9.
31. *Долгова А.И.* Методика криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника. М., 1977.
32. Криминальная мотивация. М.: Наука, 1985.
33. Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981.
34. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.
35. *Блувштейн Ю.Д.* Причины преступности. Минск, 1982.
36. *Долгова А.И.* Изучение взаимосвязи социальной среды и преступности // Социальная среда и преступность. М., 1983.
37. *Жалинский А.Э.* Социально-правовое мышление в борьбе с преступностью // Социалистическая законность. 1984. № 12.
38. *Долгова А.И.* Взаимодействие и причинность в системе научно-детерминистического подхода к изучению преступности. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
39. *Панкратов В.В.* Методологические вопросы объяснения причин преступности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
40. *Шолохов М.М.* К методологии исследования системы «человек–природа». Ростов н/Д, 1978.
41. *Чинакова Л.И.* Социальный детерминизм: Проблема движущих сил развития общества. М.: Политиздат, 1985.
42. *Боголепов Р.Д.* О профилактической деятельности административных органов по предупреждению нарушений природоохранительного законодательства // Научно-технический прогресс и правовая охрана природы. М.: Изд-во МГУ, 1978.
43. *Шептулин А.П.* Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983.
44. Краткий словарь по философии. М.: Политиздат, 1982.
45. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М.: Акад. МВД СССР, 1980.
46. *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М.: Акад. МВД СССР, 1973.
47. *Бабаев М.М.* Социальные последствия преступности. М.: Акад. МВД СССР, 1982.
48. *Коган В.М.* Социальные свойства преступности. М.: Акад. МВД СССР, 1977.
49. *Сахаров А.В.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1961.
50. *Яковлев А.М.* Преступность и социальная психология. М.: Юрид. лит-ра, 1971.
51. *Долгова А.И.* Взаимодействие и причинность в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 34. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
52. *Иванов В.Г.* Причинность и детерминизм. Л., 1974.
53. *Парнюк М.А.* Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972.
54. *Черненко А.К., Ременсон А.Л.* Категория причинности и ее применение в уголовно-правовых и криминологических исследованиях // Проблемы причинности в криминологии. Владивосток, 1983.
55. *Хохряков Г.Ф.* Объяснение в криминологии. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983.
56. Материалистическая диалектика как общая теория развития: Философские основы теории развития. М.: Наука, 1982.
57. *Черненко А.К.* Причинность в истории. М.: Мысль, 1983.
58. *Бабаев М.М.* Криминологическая характеристика последствий социально-демографических процессов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. М.: Юрид. лит-ра, 1977.
59. *Иконицкая И.А.* Проблема эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979.
60. Охрана окружающей среды в городах: Организационно-правовые вопросы. Киев, 1981.
61. Правовая охрана окружающей среды в области промышленного производства. Киев: Наук. думка, 1986.
62. *Розовский Б.Г.* Правовое стимулирование рационального природопользования. Киев, 1981.

63. Материалистическая диалектика как общая теория развития: Философские основы развития. М.: Наука, 1982.
64. *Чинакова Л.И.* Социальный детерминизм. Проблема движущих сил развития общества. М.: Политиздат, 1985.
65. Условия эффективности экологического образования в начальной и средней школах // Информационный бюллетень «Социально-экономические, организационно-правовые и педагогические аспекты охраны окружающей среды». Вып. 12. Варшава, 1985.
66. Рекомендации по проблемам экологического образования в средней школе и вузе. М.: Изд-во СЭВ, 1983.
67. Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах. М., 1975.
68. *Бабаев М.М.* Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 21. М.: Юрид. лит-ра, 1974.
69. *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. Минск, 1983.
70. Категории материалистической диалектики. М., 1962.
71. *Спиридонов Л.И.* Проблема причинного комплекса преступности // Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М.: Акад. МВД СССР, 1981.

References

1. *Brinchuk M.M.* Pravovaya okhrana atmosfernogo vozdukha [Legal protection of atmospheric air]. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian)
2. *Dubovik O.L.* Mekhanizm deistviya prava v okhrane okruzhayushchei sredy [The mechanism of action of law in environmental protection]. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russian)
3. *Kolbasov O.S.* Ekologiya: politika — pravo [Ecology: politics — law]. Moscow, Nauka Publ., 1975. (In Russian)
4. *Petrov V.V.* Ekologiya i pravo [Ecology and law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1981. (In Russian)
5. Pravovaya okhrana okruzhayushchei sredy v oblasti promyshlennogo proizvodstva [Legal protection of the environment in the field of industrial production]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1986. (In Russian)
6. Effektivnost' yuridicheskoi otvetstvennosti v okhrane okruzhayushchei sredy [Efficiency of legal liability in environmental protection]. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian)
7. *Kostenko A.N.* Printsip otrazheniya v kriminologii [The principle of reflection in criminology]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1986. (In Russian)
8. *Kudryavtsev V.N.* Prichinnost' v kriminologii [Causality in criminology]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1968. (In Russian)
9. *Kuznetsova V.F.* Problema kriminologicheskoi determinatsii [The problem of criminological determination]. Moscow, MGU Publ., 1983. (In Russian)
10. Kurs sovetskoi kriminologii [The course of Soviet criminology]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985. (In Russian)
11. *Malein N.S.* Pravonarushenie: ponyatie, prichina, otvetstvennost' [Offense: concept, reason, responsibility]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985. (In Russian)
12. Sotsial'nye otkloneniya: vvedenie v obshchuyu teoriyu [Social deviance: an introduction to a general theory]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984. (In Russian)
13. *Yakovlev A.M.* Teoriya kriminologii i sotsial'naya praktika [Theory of criminology and social practice]. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russian)
14. Kurs sovetskoi kriminologii: preduprezhdenie prestupnosti [The course of Soviet criminology: crime prevention]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1986. (In Russian)
15. *Shemshuchenko Yu.S., Muntyan V.L., Rozovskii B.G.* Yuridicheskaya otvetstvennost' v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy [Legal responsibility in the field of environmental protection]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1978. (In Russian)
16. *Dubovik O.L.* Mekhanizm deistviya prava v okhrane okruzhayushchei sredy [The mechanism of action of law in environmental protection]. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russian)
17. *Marks K., Engel's F.* Soch. [Works]. 2nd ed. V. 42. (In Russian)
18. *Fedorov E.K.* Ekologicheskii krizis i sotsial'nyi progress [Ecological crisis and social progress]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1977. (In Russian)

19. *Izrael' Yu.L.* Problemy okhrany prirodnoi sredy i puti ikh resheniya [Problems of environmental protection and ways to solve them]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1984. (In Russian)
20. *Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda* [Health and environment]. Moscow, Mir Publ., 1979. (In Russian)
21. *Okhrana okruzhayushchei sredy: modeli sotsial'no-ekonomicheskogo prognoza* [Environmental protection: models of socio-economic forecast]. Moscow, Ekonomika Publ., 1982. (In Russian)
22. *Pavel'ev A.* Sotsial'nyi optimizm i ekologicheskii pessimizm [Social optimism and ecological pessimism]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. (In Russian)
23. *Sen-Mark F.* Sotsializatsii prirody [Socialization of nature]. Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russian)
24. *Materialy XXVII s"ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz*a [Materials of the XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. (In Russian)
25. *Porshnev B.F.* O nachale chelovecheskoi istorii: (Problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history: (Problems of paleopsychology)]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. (In Russian)
26. *Sotsial'nye otkloneniya: Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [Social Deviations: An Introduction to General Theory]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1984. (In Russian)
27. *Avanesov G.A.* Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1984. (In Russian)
28. *Kudryavtsev V.N.* Prichiny pravonarusheniya [Causes of offenses]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russian)
29. *Kurs sovetskoi kriminologii* [The course of Soviet criminology]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1985. (In Russian)
30. *Sakharov A.V.* O kontseptsii prichin prestupnosti v sotsialisticheskom obshchestve [On the concept of the causes of crime in a socialist society]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1976, no. 9. (In Russian)
31. *Dolgova A.I.* Metodika kriminologicheskogo izucheniya lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Methods of criminological study of the personality of a juvenile delinquent]. Moscow, 1977. (In Russian)
32. *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal motivation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russian)
33. *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The mechanism of criminal behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russian)
34. *Yakovlev A.M.* Teoriya kriminologii i sotsial'naya praktika [Theory of criminology and social practice]. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russian)
35. *Bluvshstein Yu.D.* Prichiny prestupnosti [Causes of crime]. Minsk, 1982. (In Russian)
36. *Dolgova A.I.* Izuchenie vzaimosvyazi sotsial'noi sredy i prestupnosti [Study of the relationship between the social environment and crime]. In *Sotsial'naya sreda i prestupnost'* [Social environment and crime]. Moscow, 1983. (In Russian)
37. *Zhalinskii A.E.* Sotsial'no-pravovoe myshlenie v bor'be s prestupnost'yu [Socio-legal thinking in the fight against crime]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 1984, no. 12. (In Russian)
38. *Dolgova A.I.* Vzaimodeistvie i prichinnost' v sisteme nauchno-deterministicheskogo podkhoda k izucheniyu prestupnosti [Interaction and causality in the system of scientific and deterministic approach to the study of crime]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1981. (In Russian)
39. *Pankratov V.V.* Metodologicheskie voprosy ob'yasneniya prichin prestupnosti v kriminologii [Methodological issues of explaining the causes of crime in criminology]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Questions of combating crime]. Issue 35. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1981. (In Russian)
40. *Sholokhov M.M.* K metodologii issledovaniya sistemy «chelovek–priroda» [To the methodology of the study of the “man-nature” system]. Rostov-on-Don, 1978. (In Russian)
41. *Chinakova L.I.* Sotsial'nyi determinizm: Problema dvizhushchikh sil razvitiya obshchestva [Social determinism: The problem of the driving forces of the development of society]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. (In Russian)
42. *Bogolepov R.D.* O profilakticheskoi deyatelnosti administrativnykh organov po preduprezhdeniyu narusheniya prirodookhranitel'nogo zakonodatel'stva [On the preventive activity of administrative bodies to prevent violations of environmental legislation]. In *Nauchno-tekhnicheskii progress i pravovaya okhrana prirody* [Scientific and technical progress and legal protection of nature]. Moscow, MGU Publ., 1978. (In Russian)
43. *Sheptulin A.P.* Dialekticheskii metod poznaniya [The dialectical method of cognition]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. (In Russian)
44. *Kratkii slovar' po filosofii* [Concise Dictionary of Philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1982. (In Russian)

45. *Avanesov G.A.* Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika [Criminology and social prevention]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1980. (In Russian)
46. *Antonyan Yu.M.* Rol' konkretnoi zhiznennoi situatsii v sovershenii prestupleniya [The role of a specific life situation in the commission of a crime]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1973. (In Russian)
47. *Babaev M.M.* Sotsial'nye posledstviya prestupnosti [Social consequences of crime]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1982. (In Russian)
48. *Kogan V.M.* Sotsial'nye svoistva prestupnosti [Social properties of crime]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1977. (In Russian)
49. *Sakharov A.V.* O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti v SSSR [On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. (In Russian)
50. *Yakovlev A.M.* Prestupnost' i sotsial'naya psikhologiya [Crime and social psychology]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1971. (In Russian)
51. *Dolgova A.I.* Vzaimodeistvie i prichinnost' v kriminologii [Interaction and causality in criminology]. In *Voprosy bor'by s prestupnost'yu [Issues of combating crime]*. Issue 34. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1981. (In Russian)
52. *Ivanov V.G.* Prichinnost' i determinizm [Causality and determinism]. Leningrad, 1974. (In Russian)
53. *Parnyuk M.A.* Printsip determinizma v sisteme materialisticheskoi dialektiki [The principle of determinism in the system of materialistic dialectics]. Kiev, 1972. (In Russian)
54. *Chernenko A.K., Remenson A.L.* Kategoriya prichinnosti i ee primeneniye v ugovorno-pravovykh i kriminologicheskikh issledovaniyakh [The category of causality and its application in criminal law and criminological studies]. In *Problemy prichinnosti v kriminologii [Problems of causality in criminology]*. Vladivostok, 1983. (In Russian)
55. *Khokhryakov G.F.* Ob"yasneniye v kriminologii [An explanation in criminology]. Moscow, VNII MVD SSSR Publ., 1983. (In Russian)
56. Materialisticheskaya dialektika kak obshchaya teoriya razvitiya: Filosofskie osnovy teorii razvitiya [Materialistic dialectics as a general theory of development: Philosophical foundations of the theory of development]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian)
57. *Chernenko A.K.* Prichinnost' v istorii [Causality in history]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (In Russian)
58. *Babaev M.M.* Kriminologicheskaya kharakteristika posledstviy sotsial'no-demograficheskikh protsessov [Criminological characteristics of the consequences of socio-demographic processes]. In *Voprosy bor'by s prestupnost'yu [Issues of combating crime]*. Issue 27. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1977. (In Russian)
59. *Ikonitskaya I.A.* Problema effektivnosti v zemel'nom prave [The problem of efficiency in land law]. Moscow, Nauka Publ., 1979. (In Russian)
60. Okhrana okruzhayushchei sredy v gorodakh: Organizatsionno-pravovye voprosy [Environmental protection in cities: Organizational and legal issues]. Kiev, 1981. (In Russian)
61. Pravovaya okhrana okruzhayushchei sredy v oblasti promyshlennogo proizvodstva [Legal protection of the environment in the field of industrial production]. Kiev: Nauk. dumka Publ., 1986. (In Russian)
62. *Rozovskii B.G.* Pravovoe stimulirovaniye ratsional'nogo prirodopol'zovaniya [Legal stimulation of rational nature management]. Kiev, 1981. (In Russian)
63. Materialisticheskaya dialektika kak obshchaya teoriya razvitiya: Filosofskie osnovy razvitiya [Materialist dialectics as a general theory of development: Philosophical foundations of development]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian)
64. *Chinakova L.I.* Sotsial'nyi determinizm. Problema dvizhushchikh sil razvitiya obshchestva [Social determinism. The problem of the driving forces of the development of society]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. (In Russian)
65. Usloviya effektivnosti ekologicheskogo obrazovaniya v nachal'noi i srednei shkolakh [Conditions for the effectiveness of environmental education in primary and secondary schools]. In *Informatsionnyi byulleten' «Sotsial'no-ekonomicheskie, organizatsionno-pravovye i pedagogicheskie aspekty okhrany okruzhayushchei sredy» [Information Bulletin "Socio-economic, organizational, legal and pedagogical aspects of environmental protection"]*. Issue 12. Varshava, 1985. (In Russian)
66. Rekomendatsii po problemam ekologicheskogo obrazovaniya v srednei shkole i vuze [Recommendations on the problems of environmental education in secondary school and university]. Moscow, SEV Publ., 1983. (In Russian)

67. Bor'ba s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v bol'shikh gorodakh [Combating juvenile delinquency in big cities]. Moscow, 1975. (In Russian)
68. *Babaev M.M.* Demograficheskie protsessy i problemy territorial'nykh razlichii prestupnosti [Demographic Processes and Problems of Territorial Differences in Crime]. In *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Combating Crime]. Issue 21. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1974. (In Russian)
69. *Bluvshstein Yu.D., Yakovlev A.M.* Vvedenie v kurs kriminologii [Introduction to the course of criminology]. Minsk, 1983. (In Russian)
70. Kategorii materialisticheskoi dialektiki [Categories of materialistic dialectics]. Moscow, 1962. (In Russian)
71. *Spiridonov L.I.* Problema prichinnogo kompleksa prestupnosti [The problem of the causal complex of crime]. In *Teoreticheskie voprosy izucheniya prichinnogo kompleksa prestupnosti* [Theoretical issues of studying the causal complex of crime]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1981. (In Russian)

ЮБИЛЕЙ

АЛЕКСАНДРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЗВЯГИНЦЕВУ – 75!

8 июля 2023 г. исполнилось 75 лет Александру Григорьевичу Звягинцеву. Казалось бы, совсем недавно на страницах журнала я поздравлял его с 70-летием. Но время неумолимо.

Однако с большим удовольствием отмечаю, что прошедшие 5 лет никак не сказались на творчестве и энергии А.Г. Звягинцева. Точнее, так: он стал еще более активным, застать А.Г. Звягинцева дома в Москве и раньше было проблематично, а сейчас стало невозможно.

А.Г. Звягинцев свою жизнь посвятил работе в прокуратуре. Начиная трудовой путь в Советской Украине. С самого начала его трудовой деятельности были отмечены блестящие аналитические способности А.Г. Звягинцева. Поэтому довольно скоро он был переведен в Москву, где более 30 лет занимал различные руководящие должности: старший помощник прокурора РСФСР, помощник Генерального прокурора СССР, начальник центра информации и общественных связей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с июня 2000 г. по январь 2016 г. заместитель Генерального прокурора России.

А.Г. Звягинцев — заслуженный юрист Российской Федерации. Он оставил весьма заметный след в истории прокуратуры не только своими профессиональными достижениями. Благодаря ему прокуратура России вернула себе свою собственную историю. Не будет преувеличением сказать, что праздник 12 января как День основания прокуратуры России отмечается сегодня потому, что А.Г. Звягинцев не только нашел этому документальное подтверждение, но и доказал в своих многочисленных исторических книгах об истории прокуратуры, что в этот день 12 (23) января 1722 г. император Российской империи Петр I подписал именную указ об утверждении поста генерал-прокурора. Как написал в одной из книг А.Г. Звягинцев, представляя первого генерал-прокурора Павла Ягужинского, Петр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть». Это крылатое выражение с легкой руки А.Г. Звягинцева стало сегодня девизом прокурорских работников.

Несмотря на кажущуюся легкость, судьба А.Г. Звягинцева была непростой. Его талант вряд ли бы раскрылся в полной мере, если бы не титанический каждодневный труд, который подкреплялся невероятной целеустремленностью и настойчивостью в достижении поставленных целей. В то время как многие мальчишки в школе гоняли в футбол и играли в разные дворовые игры, юный Александр занимался французским языком и думал о том, как посвятить будущую жизнь защите людей. Самое невероятное при этом заключается в том, что в футбол он тоже успевал поиграть. Да еще как! Играл за разные местные юношеские сборные.

А.Г. Звягинцев родился в Житомире. Его отец был партийным работником и должен был ездить по послевоенной Западной Украине, восстанавливать там разрушенное войной хозяйство, а по сути дела, устанавливать там новую советскую власть. Это было непростое время, во многих поселках местное население терроризировали бандиты всех мастей —

от самых обычных, до идеологических противников (которых сегодня мы все знаем как бандеровцев) не столько даже советской власти, сколько вообще любой власти, за которой стоят так называемые москаля. А.Г. Звягинцев рассказывал мне, что он вынужден был ездить с отцом по западным украинским хуторам и помнит, как местные жители, которые, вопреки современной пропаганде, не были настроены ни против русских, ни даже против новой советской власти, просили отца А.Г. Звягинцева об одном: чтобы он не оставался ночевать у них дома, а ночевал в их сарае на сеновале, а они якобы (если нагрянут бандеровцы) об этом ничего не знают. Не хочется даже в страшном сне представить, что было бы, если бы бандеровцы нашли отца А.Г. Звягинцева и его самого на одном из таких ночлегов (а их было немало).

Может, в том числе поэтому, когда перед А.Г. Звягинцевым после школы стал выбор, куда идти и чему себя посвятить, он выбрал юридическую специальность, а среди всего многообразия юридических профессий — профессию прокурора.

Я думаю, что на этот выбор повлияли три обстоятельства.

Первое. Юридическое образование — это очень широкое образование. Я, например, лично убежден, что современное высшее образование началось с юридического образования (формально с церковного, но штудирование церковных канонов — это есть обучение знанию нормативных актов и умению их применять). А.Г. Звягинцев стремился получить самое широкое и самое хорошее образование. А это есть — юридическое образование.

Второе. А.Г. Звягинцев еще в школе начал писать и весьма преуспел в этом деле. Но как человек, очень требовательный к себе, он не хотел писать о том, чего не знает. Ему нужна была фактология, и он справедливо решил, что юридическая правоприменительная практика обеспечит его таким фактическим материалом (уверен, обеспечила в избытке).

Третье. А.Г. Звягинцев с тех самых мальчишеских времен остро ощущал необходимость социальной справедливости для людей. Наблюдая за тем, как совершенно обычные люди, вместо того чтобы спокойно жить, вынуждены были каждый день и каждую ночь трястись от страха, не зная, что будет завтра, А.Г. Звягинцев, как я думаю, решил для себя, что он сделает все от него зависящее, чтобы простой человек в этой стране чувствовал себя защищенным.

А.Г. Звягинцев много сделал и продолжает делать для пропаганды идей Нюрнбергского трибу-

нала. Исторически это был единственный и до сих пор уникальный случай, когда представители разных взглядов, разных политических устремлений (часто взаимоисключающих), что особенно важно, разных правовых систем сумели не только договориться, но и осуществить правовой проект суда над теми, кто заведомо отрицал какие-либо юридические и человеческие нормы поведения.

Благодаря А.Г. Звягинцеву о Нюрнбергском трибунале помнят во всех странах мира. И я не преувеличиваю, поскольку знаю, как много А.Г. Звягинцев ездил по всему миру и убеждал и политиков, и простых граждан других стран в необходимости помнить уроки Нюрнберга.

Работая над историей Нюрнбергского трибунала, А.Г. Звягинцев лично общался со многими участниками процесса, пока они были живы. Он входил в семью бывшего Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, который, как мы все помним, был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе.

А.Г. Звягинцев общался с не менее легендарным И.И. Карпечом, который был первым директором Института изучения причин преступности при Прокуратуре СССР (первый криминологический институт в стране, а если говорить о государственном криминологическом институте, то, скорее всего, и в мире), со всеми Генеральными прокурорами СССР, начиная с 1970-х гг., со всеми Генеральными прокурорами Российской Федерации.

Как человек творческий, он знает многих выдающихся отечественных и зарубежных писателей, отечественных режиссеров и артистов. На протяжении многих лет он дружил с Александром Градским, который безвременно оставил этот мир.

А.Г. Звягинцев был вице-президентом, а потом и пожизненным сенатором Международной ассоциации прокуроров. Он сделал невероятно много для установления дружеских связей между прокурорами всех стран мира, доносил позицию России по самым сложным вопросам, и я сам был свидетелем, как к нему не столько прислушивались, сколько принимали его позицию (читай — позицию России).

Военный прокурор Италии Марко де Паолис не без активного влияния и даже участия А.Г. Звягинцева провел серию судебных заседаний по стыдливо прикрытым ранее действующими правительствами Италии и современными итальянскими политиками делам о преступлениях германских нацистов. Мало кто знает у нас и, как выяснилось, в Европе, как это ни странно звучит, и даже в Италии о том, как германские нацисты

ЮБИЛЕЙ

во время Второй мировой войны уничтожали итальянские деревни вместе со всеми их жителями (включая детей, в том числе грудных младенцев) за то, что у них имелись подозрения в помощи жителей этих деревень партизанам. У Италии были свои Хатыни, но о них на протяжении более 50 лет итальянские политики в угоду якобы европейской интеграции предпочитали стыдливо молчать. Марко де Паолис и А.Г. Звягинцев эту неблагоприятную политику сумели изменить.

Честь и хвала за это!

Сегодня А.Г. Звягинцев — заместитель директора Института государства и права РАН, секретарь Союза писателей, первый заместитель президента Академии российской словесности.

Отрадно подчеркнуть, что А.Г. Звягинцев также является вице-президентом Союза криминалистов и криминологов.

А.Г. Звягинцев — известный, успешный и популярный российский писатель. Я лично очень рад тому обстоятельству, что его писательский талант по заслугам оценен уже сейчас. А.Г. Звягинцев — лауреат Международной премии имени Кирилла и Мефодия, лауреат премии «Золотой орел», лауреат специальной премии ФСБ России. Уверен, что не назвал еще многие другие премии и награды, которые А.Г. Звягинцев заслуженно получил как замечательный писатель и драматург.

Время неумолимо, как я уже отметил, но в случае А.Г. Звягинцева оно еще и наша надежда. Надежда на лучшее будущее, потому что А.Г. Звягинцев в беседе со мной сказал, что будущее — за нами.

Ему как человеку, наделенному даром предвидения, виднее.

Мацкевич Игорь Михайлович

К ЮБИЛЕЮ ДАНИЛА АРКАДЬЕВИЧА КОРЕЦКОГО

Стешич Елена Сергеевна

***Аннотация.** Данил Аркадьевич Корецкий — классик нового российского детектива, а еще человек, добившийся успеха во всем: в науке, писательстве, в семье и на службе. В этом году Данилу Аркадьевичу исполнилось 75 лет. Коллектив Союза криминалистов и криминологов с теплотой и сердечностью поздравляет Данила Аркадьевича со знаменательным юбилеем! Приводим отрывки из автобиографической книги юбиляра «Эликсир Мефистофеля».*

***Ключевые слова:** Д.А. Корецкий, «Эликсир Мефистофеля», автобиография, заслуженный юрист РФ, оперативная работа, мемуары, профессиональный путь.*

«Я создаю мир, каким хотел бы его видеть...»

Данил Корецкий

4 августа 1948 г. в Ростове-на-Дону родился Данил Аркадьевич Корецкий — ученый, сценарист и писатель с мировым именем, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник милиции в отставке, почетный сотрудник МВД, председатель Комиссии по вопросам помилования на территории Ростовской области.

Данил Аркадьевич родился в семье врачей — стоматолога Аркадия Львовича и кардиолога Юлии Георгиевны Корецких, в детстве мечтал

стать журналистом и сыщиком. В 1967 г. окончил Ростовский радиотехнический техникум, в 1972 г. — юридический факультет Ростовского государственного университета. Работал следователем прокуратуры Кировского района г. Ростова-на-Дону, в 1975 г. был назначен старшим научным сотрудником первого в стране отдела криминологических исследований Центральной Северо-Кавказской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции РСФСР, где работал до 1980 г.

С 1981 по 2011 гг. служил в Ростовском факультете Академии МВД СССР, впоследствии преобразованном в Ростовский юридический инсти-

Следователь прокуратуры Д. Корецкий. 1972 г.

тут МВД РФ, возглавлял кафедру криминологии и уголовно-исполнительного права, затем был профессором этой кафедры.

С 2011 г. — профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета.

Данил Аркадьевич Корецкий является разработчиком комплексного учения о правовом режиме оружия «Криминальная армалогия», участвовал в совершенствовании федерального оружейного законодательства. 15 высказанных им в публикациях предложений вошли в законы и другие подзаконные акты. Д.А. Корецкий постоянно поддерживает связи с практическими работниками, консультируя следователей, участвуя в проведении служебно-уставных экспертиз по уголовному делу.

Научно-практические пособия Д.А. Корецкого по проблемам боевого применения оружия использовались при обучении сотрудников органов внутренних дел и специальной (правительственной) связи.

Научные направления Данила Аркадьевича Корецкого «Вооруженная преступность» и «Предупреждение современной преступности» активно развиваются, пополняя ряды ученых молодыми кандидатами, а научную базу — новыми глубокими исследованиями. Под его научным руководством защищено 36 кандидатских и одна докторская диссертация.

Данил Аркадьевич четырежды лауреат литературных премий МВД СССР и МВД России, признавался лучшим по профессии МВД России, лауреат Высшей юридической премии «Фемида». Его перу принадлежат более 400 публицистических статей, более 250 научных работ и 62 романа, по которым сняты три художественных и четыре многосерийных фильма. В сериале «Рок-н-рол под Кремлем» автор бестселлеров получил опыт актерского мастерства, сыграв роль генерала ФСБ Ефимова (2013 г.).

Главное направление в творчестве Корецкого — криминальные сюжеты, частично основанные на реальных событиях и уголовных делах. Герои произведений Данила Аркадьевича нередко имеют реальные прототипы.

Интересного собеседника с большой охотой приглашают на радио и телевидение. Корецкий принимал участие в телевизионных передачах «Тема», «Что? Где? Когда?», «Национальный интерес», «Культурная революция», «Слушается дело», «К барьеру!», «Рожденный в СССР». Его многочисленные интервью разнообразны: о жизни и творчестве, о семье и науке, о том, чем рискует следователь, легко ли пробиться в писатели и откуда черпаются реальные криминальные сюжеты.

Собственно, ответы на эти и многие другие вопросы, волнующие читателей Данила Аркадьевича, содержатся в автобиографической книге «Эликсир Мефистофеля». Вот, что пишет Корецкий о начале своего профессионального пути:

«Должность следователя в 70-е годы считалась незавидной: следователи являлись “рабочими лошадками” и должны были пахать кругло-суточно. Жизненный калейдоскоп закрутился в невиданном темпе! Черная ночь, синий маяк, желтая машина, зеленый “следак”: осмотры мест происшествий, обыски, допросы, задержание, очные ставки, аресты, трупы, кровь, вонь, ложь, истекающие сроки, постоянное противостояние, конфронтация — с обвиняемыми, их родственниками, адвокатами, ночные вызовы, ненормированный рабочий день. Были и плюсы: азарт погони, радость раскрытий, чувство того, что творишь справедливость... Но и минусов больше, чем достаточно: постоянный цейтнот, даже жену с ребенком из роддома забирал отец, стрессы, конфликты с начальством, которому, оказывается, нужен послушный, “ручной” следователь, а не самостоятельный и независимый, как по закону.

Эти плюсы и минусы раскачивали весы удовлетворенности жизни. Романтика — романтикой,

но минусы должны компенсироваться материальным эквивалентом, тем более когда жена не работает, воспитывая маленького ребенка. И при таком взгляде минусы явно перевешивали. Все на нервах, отключиться практически невозможно — вызвать на работу могут в любой момент: днем и ночью, в праздники и выходные, однажды нашли в гостях, и я поехал на происшествие, а жену с полугодовалым сыном оставил у родственников. Суточные дежурства, непреходящая нервотрепка, бесконечная писанина, постоянно подходящие к концу сроки следствия, разносы начальства всех уровней — все это явно не окупалось зарплатой в 150 рублей, хотя для того времени это была не самая маленькая сумма. Но помощники прокурора зарабатывали столько же, а адвокаты — побольше, хотя работа у тех и других была куда спокойней. Квалифицированный токарь на заводе “Ростсельмаш” получал 200–220 рублей.

Первые несколько лет я с этим мирился. Все же у следствия имелись и несомненные преимущества: острота ощущений, азарт поиска, всестороннее изучение жизни... “Мир — это люди, а жизнь — отношения между ними”, — к сожалению, я забыл автора этой гениальной фразы. В кабинет следователя заходят сотни людей: свидетели, потерпевшие, эксперты, адвокаты, понятые, подозреваемые или обвиняемые, не взятые под стражу... В следственном изоляторе на очных ставках кипят шекспировские страсти, на местах происшествий каждый раз получаешь удар по психике и обнаженными нервами ощущаешь — что такое есть преступление... Еще стажером пришлось проводить осмотр самоубийцы на левом берегу Дона: неизвестная женщина несколько дней провисела в петле под летним солнцем, почернела, распухла и полопалась, я не говорю о запахе... Почти год после этого некстати пришедшее воспоминание вызывало рвотный рефлекс... Конечно, очень часто приходилось окунаться в атмосферу человеческого страдания, ощущать собственное бессилие — особенно на местах убийств...

По напряженности следственную работу не сравнить ни с чем. Если во время суточного дежурства водворил подозреваемого в КПЗ, то следующий день отдыха пропадает — надо собирать доказательства, чтобы обеспечить арест виновного. И за тебя никто не сделает эту работу. Если заболел, а срок по “арестантскому” делу подходит к концу, то тоже придется выходить и работать. Так что не зря говорят, что следователь — это рабочая лошадка...

Хотя у отца тоже была напряженная ночная работа. Достаточно сказать, что Новый 1973 год

наши жены встречали без мужей, только с маленьким сыном — семнадцати дней от роду. Отец дежурил в скорой помощи, я, зеленый следователь прокуратуры, — в УВД города. Дежурным следователем милиции был недавний соученик Володя Колесников. Ни шампанского, ни тостов, ни веселья. Мы коротали время в разговорах о жизни и работе. И, конечно, не догадывались, что он станет генерал-полковником и заместителем министра, а я полковником милиции, профессором и писателем, потому что не дано человеку заглядывать в будущее.

Надо сказать, что фактическая сторона следственной работы, вопреки ожиданиям, не дает богатых материалов для художественных книг или публицистики. Следователь, который руководит оперативной группой и в кино раздает направо и налево указания, выполняемые немедленно и четко, очень часто попадает в совершенно дурацкие ситуации и выполняет функции постового милиционера-сержанта. Как-то я несколько часов простоял в подъезде возле трупа с разможенной головой, ожидая, пока привезут судмедэксперта и криминалиста и направляя жильцов дома в обход страшного места... через окно. Понятно, что люди возмущались, те, кто не могли забраться с ящика на подоконник, перешагивали через обезображенное тело и ругали меня за нераспорядительность и головотяпство.

В другой раз аналогичная история произошла на пустыре, где лежал труп, я ходил в расположенный рядом кинотеатр, звонил в райотдел, выслушивал, что сейчас идет пересменка, сердобольные билетерши предлагали мне бесплатно посмотреть кино на только начавшемся сеансе... Но кино уже шло полным ходом: поднятый в пять утра с постели, я опаздывал к вызванным свидетелям, запланированные мероприятия наезжали друг на друга, напряженный график работы на день срывался, а то, что остался без завтрака, вообще никого не интересовало, даже меня самого. Что тут можно описать?

Безалаберность и бардак (надо отметить, что и того, и другого в семидесятые годы прошлого века было гораздо меньше) приводили к трагикомическим ситуациям, хотя комизм осознавался уже тогда, когда сглаживался трагизм. Поступило сообщение об убийстве, вопреки естественному ходу событий, следователь и милиционер-шофер оказываются на месте раньше, чем участковый и оперативники. Толпа возмущенных соседей окружает машину:

— Скорей, он там с топором по двору бегает! Вяжите его!

Физический захват преступников никак не входит в компетенцию следователя прокуратуры.

— Оружие есть? — спрашиваю у сержанта.

Водитель качает головой:

— А у вас?

А у меня только папка с бланками протоколов. Следователь прокуратуры — это чиновник, фиксатор событий, мозг следствия. Но людям это объяснить невозможно: они с надеждой смотрят на представителей власти и ждут решительных действий. С уверенным видом выхожу из машины, совершенно не представляя, что можно сделать в такой ситуации.

— Скорей, идите скорей, — кричат из двора жаждающие справедливости соседи. — Он вас увидел и в доме заперся!

Слава Богу!

Оказывается, и потерпевшая жива: только ухо слегка повреждено. Еще раз, слава Богу! Раз нет убийства, прокуратуре тут делать нечего...

Особенно насыщены праздничные дежурства. По дороге в УВД видишь томящиеся очереди у винных магазинов, в 10 или 11 начинается торговля, а в 13–14 начинается: “Пьяный выпал из окна...”, “Пьяный попал под поезд”, “Пьяный утонул...”. Это уже не голое морализаторство, а реальная жизнь!

Оказывается, если пьяным курить в постели, то легко поджечь матрац, он тлеет, обильно выделяя дым, в этом дыму и задыхается несчастный курильщик. Приезжаешь по вызову — все в комнате цело, только стены закопчены — непонятно: почему погиб человек?

Оказывается, замерзнуть насмерть можно и в октябре, при температуре воздуха плюс тринадцать: ослабленный алкоголем организм, холодная земля — полежал несколько часов, переохладился, и готово...

Оказывается, если покрыть лаком паркетный пол в школьном спортзале, а потом чиркнуть спичкой, то весь воздух в зале на миг вспыхнет, и там останутся три внешне не поврежденных трупа рабочих. Много лет спустя узнал про эффект вакуумной бомбы — принцип поражения примерно такой же.

Когда находишься в дежурной части УВД, кажется, что идет война: звонок за звонком, происшествие за происшествием. Кажется, что все люди в городе, области, стране, только и делают, что убивают друг друга, кончают самоубийством или погибают от несчастных случаев. Что интересно: происходит психологическая перестройка — когда спишь на сдвинутых стульях в подвале, неподалеку от служебной собаки, то выезд на очередной

вызов воспринимаешь вполне буднично. Если же в спокойную ночь отпросился у дежурного домой, и тебя выдергивают из семейного тепла и уюта, то сердце колотится, как в первый раз, и ехать очень не хочется.

Следствие очень хорошо учит жизни. Уже через год я научился определять, когда люди врут, о чем они в данный момент думают, что из себя представляют... Через год ситуации стали повторяться: все преступления типовые, как и их раскрытия, поэтому новизна ощущений ушла, только жизненный опыт накапливался — в пропорции год за три, не меньше. После трех лет службы в прокуратуре я пять лет профессионально изучал преступность в первом в стране отделе криминологических исследований, много лет занимаюсь преподавательской и научно-исследовательской работой в этой же сфере. Но по интенсивности, сложности, напряженности, изнурительности и сотням других показателей следственная работа не сравнится ни с чем.

Хотя на ней случались и забавные ситуации. Меня вдруг стали “узнавать” свидетели происшествий, на которые я не выезжал и выезжать не мог, поскольку они не входили в прокурорскую подследственность: кражи, грабежи, разбои. В следственном изоляторе вдруг приводили не моего подследственного. Оказалось, что меня путают со следователем райотдела милиции Александром Мейтиным. Нельзя сказать, что мы выглядели близнецами, но типажом действительно напоминали друг друга: молодые, худые, с волнистыми шевелюрами... Он тоже столкнулся с такой путаницей, и мы решили сфотографироваться вместе на память — я в прокурорской, а он в милицейской форме. Но так и не собрались. А теперь нас уже никто не перепутает: время по-разному изменяет людей.

Уйдя со следствия и став в большей степени теоретиком, много лет изучая вооруженную преступность и правовой режим оружия, я неожиданно оказался вновь востребованным следственной практикой. В восьмидесятые годы широкую известность получило дело о применении оружия работниками милиции в поезде “Новороссийск — Томск”. О нем написали многие центральные газеты, только по-разному: одни — что милиционеры пресекали действия хулиганов, другие — что они сами хулиганили и превышали должностные полномочия.

А через некоторое время в Ростовский факультет Академии МВД СССР обратился следователь Северо-Кавказской транспортной прокуратуры с ходатайством о производстве служебно-уставной экспертизы. Я согласился выступить экспертом,

дал соответствующие подписки, изучил несколько томов уголовного дела.

Картина вырисовалась следующая: преступник, объявленный в розыск Новороссийским УВД, был задержан в Новокузнецке. Для доставления его к инициатору розыска в Новокузнецк направили спецконвой в составе сержантов Б. и Т.

Командировка на Руси рассматривается как праздник, ибо дает возможность оторваться от опостылевшей службы, от начальства, от домашних дел и забот, от повседневной серой рутины... А праздник требуется отмечать. Что делает праздник ярким и запоминающимся, тоже хорошо известно. Сержанты выпили на двоих полторы бутылки водки. Потом Б. отправился в вагон-ресторан, чтобы “заглянцевать” все пивом. Поскольку в те годы еще не было известно, что пиво делает людей умными, красивыми, трудолюбивыми и привлекательными для девушек, то оно находилось в дефиците, и в ресторане Б. предмета своих вождлений не нашел. Зато нашел шеф-повара — здорового парня, который тоже находился в подпитии и, как оказалось, из-за давней драки имеет свои счета с новороссийцами. А Б. как раз новороссийцем и являлся.

Слово за слово, как говорится, одной штукой — по столу. Б. был не кинематографическим ментом, а обычным — низкорослым, плохо обученным и мало боеспособным, к тому же в штатской одежде и без оружия. О своей принадлежности к милиции сержант ничего не сказал. Поэтому шеф-повар, не связанный никакими ограничениями, разделал его, как котлету. Как потом выяснилось, сломал несколько ребер и причинил трещину шейного позвонка, что относилось к тяжким телесным повреждениям.

Избитый Б. вернулся к напарнику, после чего они, действуя крайне непрофессионально: не как представители власти, а как обычные обиженные, зато вооруженные граждане, взяли пистолеты, и пошли “разбираться”. На этот раз были предъявлены красные корочки, но должного воздействия они не оказали. Упоенные сладостью победы и тем самым дефицитным пивом, шеф-повар с помощником вооружились металлическим совком и кочергой и вступили в поединок с милиционерами, вытеснили их в соседний вагон, выбили у многострадального Б. пистолет... Т. выстрелил в потолок — не помогло, прострелил шеф-повару бедро, но и это не остановило нападения. Тогда он произвел выстрел на поражение...

Подсевший на ближайшей станции наряд милиции обнаружил в вагоне убитого шеф-повара, тяжело раненого его помощника и двух нетрез-

вых людей в гражданской одежде, но с оружием и милицейскими удостоверениями. Вот такая, как говорил герой недавнего популярного сериала, “картина маслом”!

Факт смерти человека, как обычно, перевесил все другие обстоятельства. Сержантов уволили из органов, начальство и сослуживцы тут же о них забыли, как будто те по своей инициативе поехали в Новокузнецк и набедокурили без всякой связи со службой. Ни адвоката, ни юридической или моральной поддержки, ни материальной помощи — ничего!

А прокуратура предъявила им целый букет обвинений: и хулиганство, и превышение служебных полномочий, и убийство... Искалеченный Б. остался под подпиской о невыезде, а Т. сидел в следственном изоляторе и защищался, как мог. Денег на адвоката у него не было, но он оказался крепким орешком: писал ходатайства, цитировал статьи Закона “О милиции”, которыми руководствовался, применяя оружие. И служебно-уставную экспертизу потребовал он.

Я дал заключение, что хотя сержанты допустили ряд служебных нарушений, но убийства Т. не совершал. Применение оружия в отношении шеф-повара является правомерным, а в отношении помощника, возможно, имело место превышение пределов необходимой обороны. На процессе прокурор попросил для Т. 12 лет лишения свободы, но суд, опираясь на выводы экспертизы, ограничился годом, который он уже провел под стражей, и освободил бывшего сержанта прямо в зале. К условной мере был приговорен и Б.

Стрельба в поезде описана в “Антикиллере-2” и вошла в одноименный кинофильм. Но дело не в том. Когда однажды журналисты спросили меня, чем сделанным в науке я горжусь больше всего, то я назвал эту экспертизу. Потому что ни теоретические изыскания, ни проекты законов, ни научные достижения не могут сравниться с судьбой конкретного человека. И это не громкие слова, а чистая правда.

Кстати, еще не раз приходилось консультировать милиционеров, применивших оружие и ставших жертвами уголовного преследования. Каждый раз поражало одно и то же: начальники, направившие своих сотрудников для решения оперативно-служебных задач, всеми силами старались дистанцироваться от ситуации и изобразить, что командированные подчиненные сами по себе, хотя и с табельным оружием, оказались на месте происшествия. Нехорошо это. Некрасиво. И поднятию боевого духа сотрудников отнюдь не способствует...

Следственной работой я занимался три года, а научно-педагогической — тридцать три (*на сегодняшний день 48. — Прим. ред.*). Наука довольно долго привлекала и приносила удовлетворение. Кроме всего прочего, занятие ею дало мне счастливую возможность познакомиться и сблизиться с известными учеными, по трудам которых я учился и которые раньше казались мне бронзовыми статуями: Г.А. Аванесовым, Ю.М. Антоняном, М.И. Ковалевым, М.М. Бабаевым, Э.Ф. Побегайло и многими другими.

Лишний раз я смог убедиться, что в причудливых случайностях жизненных событий закономерно проявляется predeterminedенная линия судьбы. В конце 70-х, работая над кандидатской диссертацией о бытовых убийствах, я широко использовал статьи и монографию Э.Ф. Побегайло “Умышленные убийства и борьба с ними”. Когда

подошло время защиты, руководство диссертационного Совета Харьковского юридического института предложило пригласить в качестве официального оппонента специалиста по данной проблеме Эдуарда Филипповича Побегайло. Для меня это представлялось совершенно нереальным: фамилия на обложках фундаментальных научных трудов не ассоциировалась с человеком из плоти и крови, с которым можно познакомиться и который к тому же специально приедет выступать на моей защите! Эдуард Филиппович любезно согласился. Несмотря на свою научную значимость и монументальную внешность, он оказался очень простым и доступным, доброжелательным и компанейским.

Но время неумолимо, учителя уходят, ученики вырастают, взрослеют и сами становятся учителями... И это радует, недаром есть поговорка: “Плохо тот оплачивает своему учителю, кто навсегда остается учеником...”».

Коллектив Союза криминалистов и криминологов с теплотой и сердечностью поздравляет Данила Аркадьевича со знаменательным юбилеем! Желаем Вам, уважаемый Данил Аркадьевич, крепкого здоровья, захватывающих радостных событий, интересных встреч, творческого вдохновения, и, непременно, большой сопутствующей удачи для реализации всего задуманного!

Подготовлено по материалам СМИ, интернет-изданий и книги Д. Корецкого «Эликсир Мефистофеля» (М.: АСТ, Астрель, 2008. — 318 с.).

«ПРОКУРОРЫ ОБЯЗАНЫ БЫТЬ БЛИЖЕ К ЖИЗНИ». ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОЮЗА ССР АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ СУХАРЕВ

**Звягинцев Александр Григорьевич,
Мацкевич Игорь Михайлович**

***Аннотация.** Статья о выдающемся государственном и общественном деятеле, ветеране Великой Отечественной войны, известном ученом-юристе, министре юстиции РСФСР, Генеральном прокуроре СССР, действительном государственном советнике юстиции Александре Яковлевиче Сухареве. Сделав блестящую карьеру, он не отступил от своих принципов — любви к Отечеству, стремления к правде, закону и справедливости. Статья представляет интерес для широкой аудитории, интересующейся историей и неравнодушной к судьбе нашего Отечества.*

***Ключевые слова:** генеральный прокурор, прокуратура, ученый, юрист, судьба человека, принцип справедливости, история СССР, перестройка, А.Я. Сухарев.*

Александр Яковлевич Сухарев родился 11 октября 1923 г. в селе Малая Трещевка Землянского района Воронежской области и был старшим ребенком в семье Якова Тихоновича и Марии Михайловны. Брат Николай родился в 1925 г., а сестра Мария — в 1930 г. На благодатной воронежской земле прошли его детские и юношеские годы. Окончив восемь классов Землянской средней школы, Александр Сухарев уехал в Воронеж и стал трудиться слесарем на авиационном заводе № 18. Одновременно учился в вечерней школе рабочей молодежи, которую окончил накануне войны. Несколько ранее, в феврале, он перешел на другой военный завод № 16, где работал до 5 июня 1941 г.

Сразу после окончания десятилетки Александр поступил в Воронежское военное училище связи, однако завершать учебу ему пришлось в Самарканде. Нацистская Германия вероломно вторглась на нашу землю, и училище вместе с курсантами было эвакуировано. В декабре 1941 г. молодой выпускник училища лейтенант А. Сухарев стал командиром взвода связи 237-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии 50-й армии, который тогда дислоцировался в узбекском город-

ке Чирчик. Через два месяца он уже сражается на Западном фронте. Здесь в июле 1942 г. вступает в ВКП(б). Более двух с половиной лет Александр Яковлевич воевал на различных фронтах: после Западного были Центральный, 1-й и 2-й Белорусские. С боями прошел тернистый путь от Москвы до Вислы — командовал взводом, ротой, был начальником связи полка. Последние три месяца перед ранением исполнял обязанности начальника штаба полка.

За участие в боях и проявленные при этом незаурядные храбрость и мужество молодой офицер удостоивается первых наград: орденов Отечественной войны II степени (октябрь 1942 г.), Отечественной войны I степени (июль 1943 г.), Красной Звезды (декабрь 1943 г.) и Красного Знамени (июль 1944 г.). В сентябре 1944 г. после тяжелого ранения, полученного при форсировании реки Нарев в Польше, отправлен в тыл. В течение года лечился в госпиталях городов Сумы и Харькова. В родные воронежские места вернулся только в сентябре 1945 г. Здесь проживали его мать, брат и сестра. Отец, Яков Тихонович, погиб на фронте в 1942 г.

Несколько месяцев А.Я. Сухарев, числясь еще на военной службе, занимал должность началь-

ника отдела воронежского военного окружного управления связи. После демобилизации в июле 1946 г. устроился в строительный участок № 2 Воронежского вагоноремонтного завода имени Тельмана, где занимался воспитательной работой среди молодежи. Общественная работа молодого фронтовика была оценена, и в марте 1947 г. его направили на комсомольскую работу. К этому времени Александр был уже студентом Всесоюзного юридического заочного института, который окончил в 1950 г.

В течение последующих одиннадцати лет Александр Яковлевич постепенно поднимался по ступеням комсомольской аппаратной иерархии: был заведующим отделом пионеров и вторым секретарем Железнодорожного райкома комсомола Воронежа, инструктором и заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Воронежского обкома ВЛКСМ. В сентябре 1950 г. его переводят в Москву в Центральный комитет ВЛКСМ. Здесь занимал должности инструктора, ответственного организатора, заведующего сектором, заместителя заведующего отделом комсомольских органов и наконец в апреле 1958 г. стал заведующим международным отделом ЦК ВЛКСМ. Принимал активное участие в подготовке всех крупнейших мероприятий, проводившихся под эгидой Центрального комитета, в том числе шестого (Москва, 1957 г.) и седьмого (Вена, 1959 г.) Всемирных фестивалей молодежи и студентов, за что получил несколько Почетных грамот ЦК ВЛКСМ. В 1956 г. был награжден орденом «Знак Почета» за участие в освоении целинных земель, где он также проявил себя как талантливый организатор.

В декабре 1959 г. А.Я. Сухарева выдвинули на еще более высокий пост — в аппарат Центрального комитета КПСС, где он проработал более десяти лет. Первое время занимал должность инструктора, а затем заместителя заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР. В 43 года стал заведующим сектором отдела административных органов ЦК КПСС.

Постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 г. Александр Яковлевич назначается первым заместителем министра и членом коллегии только что воссозданного Министерства юстиции СССР, ликвидированного еще в середине 1950-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева.

Одновременно с ним заместителями министра стали также председатель Московского городского суда Н.А. Осетров и начальник отдела общего надзора прокуратуры Союза ССР А.А. Холявченко.

А.Я. Сухарев, имевший к этому времени солидный партийный опыт, занимался в министерстве кадровой работой, организацией правовой пропаганды и установлением связей с партийными и советскими органами. Возглавлял также Межведомственный координационный совет по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР. При его содействии был основан популярнейший в советское время журнал «Человек и закон», членом редакции которого он был долгое время (тираж достигал 12 млн, и появилась телевизионная передача с таким же названием (особенно популярной она была, когда ее вел известный правед и писатель, доктор юридических наук, профессор А.А. Безуглов). Именно в те годы в школах и профтехучилищах стали в обязательном порядке изучать основы советского права. Одновременно шел процесс демократизации судопроизводства, повышения культуры судебных процессов. Активно начала проводиться работа по правовому воспитанию населения, в особенности молодежи. Ко всем этим процессам Александр Яковлевич имел самое непосредственное отношение.

В системе Министерства юстиции А.Я. Сухарев прослужил почти 18 лет. До 1984 г. он был первым заместителем министра юстиции СССР, а затем — министром юстиции РСФСР. За это время он защитил диссертацию в Академии общественных наук и получил ученую степень кандидата юридических наук (1978 г.). В 1984 г. избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

В Министерстве юстиции СССР А.Я. Сухарев много внимания уделял развитию связей советских юристов со своими зарубежными коллегами. Он был избран членом правления Ассоциации советских юристов (в июне 1986 г. стал ее президентом), способствовал ее вхождению в Международную ассоциацию юристов-демократов, и был избран первым вице-президентом этой организации. Часто возглавлял делегации юристов страны в зарубежных поездках, занимался подготовкой и проведением международных конференций юристов, выступал на них с докладами и сообщениями. За эти годы он посетил Испанию, Францию, Йемен (был организатором и председателем Общества советско-йеменской дружбы), США, Болгарию, Монголию, Швецию, Венесуэлу, Польшу, Чехословакию и другие страны.

Александр Яковлевич всегда был включен в общественную жизнь. Являлся сопresidentом Всемирной ассоциации «Юристы против ядерного оружия» (IALANA), членом ученого совета Института государства и права Академии наук СССР, президиума Всесоюзного общества «Знание», воз-

главлял общественный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

В 1988 г., в самый разгар перестройки, Сухарев, который ранее никогда не работал в органах прокуратуры, был направлен на работу в Прокуратуру Союза ССР. Президиум Верховного Совета СССР указами от 26 февраля 1988 г. назначает его первым заместителем Генерального прокурора СССР, утверждает членом коллегии Прокуратуры Союза ССР и присваивает классный чин государственного советника юстиции 1 класса. Спустя ровно три месяца, 26 мая 1988 г. постановлением Верховного Совета СССР, подписанным Председателем Президиума А.А. Громыко, он назначается Генеральным прокурором Союза ССР. В 1989 г. становится народным депутатом, избирается делегатом XXVII съезда КПСС. В бурное перестроечное время Александр Яковлевич смог продержаться в кресле Генерального прокурора СССР чуть более двух лет.

В самом начале нахождения в этой должности, не проработав и месяца, он оказался в эпицентре опасного конфликта. Выплеснулось наружу начавшееся еще при бывшем Генеральном прокуроре СССР А.М. Рекункове противостояние следственной группы Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова с ЦК КПСС. Следователей, расследовавших так называемое «Узбекское дело» о коррупции, которое они сами просили называть «Кремлевским делом», ибо, по их мнению, преступные нити от руководителей некоторых среднеазиатских республик тянулись в Кремль, обвинили в массовых процессуальных нарушениях. По данному факту в бытность А.Я. Сухарева было возбуждено уголовное дело, которое хотя в дальнейшем (при Н.С. Трубине) и было прекращено, но тогда имело очень большой резонанс и стоило многих бессонных ночей и нервов действующему Генеральному прокурору страны. Примечательно, что для объективного рассмотрения вопроса Александр Яковлевич обратился за помощью к видным отечественным ученым — академику В.Н. Кудрявцеву и профессору А.М. Яковлеву.

В те годы в стране предпринимались попытки преодолеть наследие застойного периода, происходило раскрепощение экономической инициативы, расширение политической демократии, обогащение правового статуса личности. Именно в этом магистральном направлении совершенствовались законодательство. Одновременно менялась концепция прокурорского надзора. На одном из заседаний коллегии Прокуратуры СССР А.Я. Сухарев говорил: «Вместо привержен-

ности курсу “держать и не пущать” острие надзора фокусируется на предупреждении и пресечении командно-бюрократических препон, защиты прав и свобод человека, воплощение концепции “разрешено все, что не запрещено”». И еще он говорил: «Нам предстоит заметно раздвинуть границы надзорной работы, настраиваясь на принцип: там, где действует закон, должен быть и надзор за законностью... Выработывая совершенную концепцию прокурорского надзора, мы должны четко представлять его юридическую природу. Прокуратура не орган управления, а высшая контрольная власть за соблюдением законов».

По выражению А.Я. Сухарева, органы прокуратуры оказались «недостаточно подкованными» по целому ряду практических аспектов прав человека. В Молдавии, на Украине, в Прибалтике и Закавказье, в ряде областей РСФСР эти права грубо нарушались. В Херсонской области, например, прокурор признал правомерным факт изъятия у верующего Библии и по этой причине отказал в удовлетворении обращения заявителя. В Чувашии один человек был осужден за хранение романа «Котлован» писателя А.П. Платонова и повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова. При этом указанные произведения не только широко издавались по всей стране, но и ставились на сцене.

Со всеми этими перегибами в органах прокуратуры А.Я. Сухарев повел решительную борьбу. Он говорил: «Во всем, что касается прав человека, прокуроры обязаны быть ближе к жизни, всемерно поддерживать и защищать людей с активной и здоровой социальной позицией, изучать новые явления общественной жизни».

В самый разгар перестройки стал нарастать экстремизм и национализм. Уже пролилась кровь в Сумгаите, завязался «карабахский узел», начались многомесячные забастовки трудящихся, чьи заработки стремительно обесценивались. Все это наносило колоссальный ущерб стране. На заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР Сухарев признал, что в некоторых местах прокуроры «проглядели националистический нарыв, не упредили разгула беспорядков». Особенно это относилось к Закавказью и Прибалтийским республикам. «Такая политическая беспринципность и близорукость дала возможность экстремистам и некоторым номенклатурным преступникам направить недовольство людей от действительно социальных проблем, взяточничества и коррупции в русло националистического угара», — говорил он.

Спустя несколько лет после начала перестройки в стране резко обострилась ситуация с пре-

ступностью. В первом полугодии 1989 г. впервые за предшествующие 20 лет было зарегистрировано свыше одного миллиона преступлений (на треть больше, чем за аналогичный период 1988 г.). Преступность росла невиданными темпами во всех союзных республиках, резко увеличилось число убийств, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбоев и грабежей. Опасно нарастала корыстная преступность, во многом определяющая устойчивость преступных группировок как в сфере экономики, так и в уголовной среде. Участились случаи применения преступниками оружия, они стали использовать новейшие технические средства, их деятельность носила характер активного противодействия правоохранительным органам, чего давно уже не было. Все больше и больше поступало заявлений и жалоб об угрозах и вымогательстве со стороны рэкетиоров. Экономика срачивалась с преступной средой. В то же время в структуре наказаний произошли кардинальные перемены. Если раньше до 70 % осужденных отправлялись в исправительно-трудовые колонии, то теперь эти цифры уменьшились наполовину. Получалось, что как минимум каждый второй вчерашний кандидат в места лишения свободы теперь был на воле.

Руководители и члены Политбюро ЦК КПСС, Правительства СССР, рассматривая положение дел с преступностью, признавали его критическим. Резкой критике подверглись правоохранительные органы, в их числе и прокуратура. Верховный Совет СССР в своем постановлении «О решительном усилении борьбы с преступностью» признал возможным образовать временные комитеты по борьбе с преступностью. Однако какого-либо существенного влияния на улучшение ситуации они не оказали.

Генеральный прокурор понимал, что в таких условиях нужны новые, нетрадиционные подходы к работе. На это он настраивал своих подчиненных. Напоминал, что от них требуется «особая проницательность и бдительность». «Есть много симптомов бесконечного попустительства по признакам малозначительности преступлений, — говорил А.Я. Сухарев, — и оно стало распространяться не только на молодежь, но и на рецидивистов... Я понимаю, что рискую впасть в крайность, но экстремальная обстановка требует решительных мер. Мы обязаны найти адекватный ответ на стихию паразитизма и уголовщины, дать почувствовать трудящимся, что правоохранительные органы способны оградить от преступных посягательств правопорядок в наших городах, жизнь, здоровье и имущество гражд-

дан. Мое видение ситуации таково, что до подхода основных профилактических резервов, которые, я уверен, будут сформированы на базе общесоюзарственной программы, надо подтянуть все юридические рычаги контроля и ответственности, широко использовать для этого гласность и общественное мнение».

Для того чтобы представить концепцию прокурорского надзора в условиях «революционного преобразования общества», по инициативе Александра Яковлевича 1–2 декабря 1989 г. в Прокуратуре Союза ССР состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция на тему: «Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества». На ней присутствовали более 400 человек, представляющих все направления правовой системы. За два дня выступили 52 участника, в том числе 20 ученых. Среди выступивших были заместитель Председателя Совета Министров СССР академик Л.И. Абалкин, член-корреспондент Академии наук СССР Д.А. Керимов и др.

Рекомендации, выработанные конференцией, Генеральный прокурор сразу же начал претворять в практику прокурорской деятельности. С этой целью было проведено несколько коллегий по наиболее актуальным проблемам прокурорской практики, начала изменяться структура центрального аппарата. На базе управления общего надзора сформированы надзорные структуры в экономической, социальной и экологической сферах, создана подчиненная непосредственно центру Волжская природоохранная прокуратура. Происходили и другие изменения.

* * *

В октябре 1989 г. впервые в истории СССР к нам в страну с визитом прибыл министр юстиции США Р. Торнберг. Принимал его Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев. Отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами в те годы заметно потеплели, начался активный поиск контактов. Встреча продолжалась три дня. В целом конструктивно и обстоятельно обсуждались проблемы сотрудничества, касающиеся привлечения к ответственности нацистских военных преступников. Однако, как мы увидели позже, дело дальше разговоров не пошло. Американцы начатый диалог эффективно не поддержали.

Но тогда, находясь в Москве, Торнберг подробно рассказал о деятельности отдела специальных расследований, у которого на тот момент находилось на учете около 500 уголовных дел. Впрочем, из его слов вытекало, что масштаб ра-

боты мог бы быть больше, поскольку в то время в мире, по нашим подсчетам, насчитывалось около десяти тысяч нацистских преступников, избежавших наказания.

В конце встречи был подписан меморандум о понимании между Прокуратурой СССР и Министерством юстиции США по поводу сотрудничества в преследовании скрывающихся нацистов. Этот заранее согласованный документ юридически закрепил взаимодействие двух стран в проведении расследований и привлечении к суду лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений.

Меморандум о понимании между Прокуратурой СССР и Министерством юстиции Соединенных Штатов Америки по поводу сотрудничества в преследовании нацистских военных преступников

Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США в духе взаимности, сотрудничества и взаимной заинтересованности в преследовании, проведении расследований и привлечении к суду лиц, подозреваемых в совершении нацистских военных преступлений или в содействии совершению таких преступлений в годы Второй мировой войны, договорились о следующем:

— Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США согласны оказывать правовую помощь на взаимной основе в проведении расследований в отношении лиц, подозреваемых в совершении нацистских военных преступлений либо в содействии совершению таких преступлений.

— Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США будут предоставлять друг другу на конфиденциальной основе по дипломатическим каналам фамилии, другие данные и архивные документы относительно указанной категории лиц.

— Поскольку разработанные в процессе складывающейся практики сотрудничества обеими сторонами процедуры сбора доказательств, которым следует Отдел Специальных Расследований/ОСР/Министерства юстиции США, признаются многочисленными судами и трибуналами согласно соответствующим законам, регуливающим нормам, правилам и судебным прецедентам Соединенных Штатов Америки и не противоречат советским правовым нормам, Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США подтверждают свою готовность продолжать оказывать взаимное содействие в сборе соответствующих доказательств.

— Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США будут облегчать специалистам и экспертам проезд в свои страны для совместной

работы по конкретным делам этой категории. Все расходы, связанные с такими поездками и рассмотрением конкретных дел, берет на себя запрашивающая сторона.

— Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США, признавая правовое и нравственное значение расследования дел в отношении лиц, совершивших нацистские преступления или содействовавших совершению таких преступлений, настоящим подтверждают свою неизменную решимость и приверженность активному сотрудничеству в расследовании таких дел.

— Прокуратура Союза ССР и Министерство юстиции США выражают согласие периодически проводить встречи в Москве и Вашингтоне в целях продолжения и расширения сотрудничества в этой области.

— Настоящий Меморандум о понимании вступает в силу с момента его подписания. В него могут вноситься поправки при письменном согласии сторон, оформляемые дополнительными протоколами.

В удостоверение сего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные, подписали настоящий Меморандум.

Совершено в Москве, в двух экземплярах, 19 дня октября 1989 г., на русском и английском языках, оба текста в равной степени аутентичны.

Меморандум о сотрудничестве в привлечении к ответственности нацистских военных преступников, подписан Генеральным прокурором СССР А.Я. Сухаревым и министром юстиции США Р. Торнбергом.

В целом встреча прошла, как отмечала пресса, «в духе оптимизма» и завершилась небольшим банкетом в пользу будущего сотрудничества, который был организован в конференц-зале Генеральной прокуратуры сразу же после подписания документа. «Меморандум доказывает наше стремление не оставить безнаказанными тех, кто зверствовал во время Второй мировой войны», — подчеркнул Торнберг. Сухарев, в свою очередь, назвал меморандум «документом доброй воли в сотрудничестве двух юридических систем».

Конечно, мы понимали, что далеко не все материалы дойдут до суда — многие беглецы уже давно ушли в мир иной. Но радовал тогда хотя бы тот факт, что у наших коллег было желание продолжить дело Нюрнбергского трибунала.

Далеко не все фашистские бонзы предстали перед судом. Порой даже складывалось впечатление, что чем выше был ранг и «заслуги» военных преступников, тем деликатнее обходилась с ними американская юстиция.

* * *

При А.Я. Сухареве произошло еще одно событие — была изменена форменная одежда и введены новые знаки различия для прокурорско-следственных работников. Еще в 1954 г. погоны (введены в 1943 г.) были из формы исключены и заменены плечевыми петлицами на воротнике. И вот спустя 35 лет в форменной одежде прокуроров и следователей вновь появились погоны и лампасы, правда, уже другого цвета.

15 октября 1990 г. постановлением Верховного Совета СССР, подписанным Председателем Верховного Совета СССР А.И. Лукьяновым, Александр Яковлевич Сухарев был освобожден от обязанностей Генерального прокурора СССР в связи с уходом на пенсию.

За кресло главного законоблюстителя страны А.Я. Сухарев никогда не держался и говорил об этом публично — для него важнее было дело, чем занимаемая должность. После освобождения от должности Генерального прокурора Александр Яковлевич был назначен заместителем директора по науке Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР, а через 6 лет стал директором института, который к этому времени именовался уже НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Должность директора Института он занимал дважды. Второй раз — после назначения тогдашнего директора С.И. Герасимова заместителем Генерального прокурора Российской Федерации.

В декабре 2006 г., оставив работу в НИИ, Александр Яковлевич стал советником Генерального прокурора Российской Федерации.

Какую бы должность ни занимал А.Я. Сухарев, он всегда вел активную научную деятельность, уделял большое внимание разработке актуальных проблем обеспечения законности и борьбе с преступностью.

Например, им были организованы комплексные научные исследования состояния законности в стране, результатами которых являлись информационно-аналитические доклады (1994–1995 гг. и 1996–1997 гг.), предусматривавшие конкретные меры противодействия нарушениям законности. Эти доклады направлялись в дальнейшем в адрес руководства страны. Материалы исследований использовались при формировании правовой политики и в работе по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики.

Под его руководством коллектив института внес существенный вклад в развитие теории

борьбы с преступностью в современных условиях укрепления законности, защиты прав человека и гражданина, развитие правоохранительной системы страны.

Во исполнение задания Совета Безопасности Российской Федерации под руководством Александра Яковлевича было проведено масштабное монографическое исследование по проблеме эффективности взаимодействия правоохранительных органов с государственными и общественными организациями в сфере противодействия преступности. Он лично участвовал в подготовке проекта Основ государственной политики борьбы с преступностью, одобренного комиссией Совета Безопасности.

Закономерным результатом проведенных в Институте исследований по изучению причин противоправных явлений и мер, направленных на их противодействие, стала высоко оцененная научным сообществом докторская диссертация А.Я. Сухарева «Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия», успешно защищенная в 1996 г.

В статье «Россия в поисках преступности» он справедливо говорил: «Государству недостает идеологии, выстраивания приоритетов законоотворчества, нередко оно носит лоскутный, спонтанный характер. Из-за разрыва во времени принятия однородных законов они, по существу, находятся в нерабочем состоянии, напоминая машину без колес». К сожалению, эти слова во многом актуальны и сегодня.

При непосредственном участии А.Я. Сухарева происходило укрепление международного сотрудничества прокуратур и научных учреждений стран Содружества Независимых Государств. К его мнению, как ученого международного уровня, коллеги из многих зарубежных стран всегда прислушивались. Поэтому неудивительно, что в декабре 1997 г. решением Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ (КСГП) Александра Яковлевича назначили первым руководителем Научно-методического центра КСГП.

По решению КСГП и в соответствии с планом модельного законоотворчества Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА СНГ) под его руководством был разработан проект Модельного закона о прокуратуре, который после прохождения согласований был принят 16 ноября 2006 г. на Пленарном заседании МПА СНГ. Модельный закон, учитывающий особенности правовых систем стран СНГ, выполняет методологическое предназначение и слу-

жит инструментом по сближению законодательств дружественных стран.

Александр Яковлевич лично принимал участие в работе таких международных юридических организаций, как Международная ассоциация «Юристы против ядерного оружия» (IALANA), о чем уже упоминалось выше, Международная ассоциация уголовного права, Международный союз юристов, Международная ассоциация прокуроров (МАП).

А.Я. Сухарев — автор более 200 научных трудов и публикаций, посвященных различным аспектам права, в том числе фундаментальных работ о правосудии и прокуратуре, правовой культуре, законности и борьбе с преступностью в реформируемом обществе, социальной и криминологической профилактике. Его перу принадлежат такие работы, как «Кризис законности грозит реформам», «Криминальная цена социальной профилактики». Под редакцией Александра Яковлевича опубликованы «Юридический энциклопедический словарь» (1984 г.), «Большой энциклопедический юридический словарь» (1997 г.), «Российская юридическая энциклопедия» (1999 г.), включившая в себя более четырех тысяч статей, учебник для вузов «Прокурорский надзор», Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (2000–2004 гг.). Кроме того, он принимал деятельное участие в разработке множества законодательных актов, в их числе Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Указом Президента Российской Федерации «За высокие заслуги в укреплении законности и пра-

вопорядка» А.Я. Сухареву 5 мая 2010 г. присвоен наивысший классный чин в органах прокуратуры — действительный государственный советник юстиции.

К боевым наградам Александра Яковлевича за годы работы в государственных, партийных и комсомольских органах прибавился орден Отечественной войны I степени, а также многие государственные и ведомственные награды. Среди них два ордена Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции, «Знак Почета», Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР» и «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации». Он удостоен государственных наград Йемена, Болгарии, Вьетнама, Монголии, Чехословакии.

Умер А.Я. Сухарев 7 марта 2021 г.

Человек прямой и честный, Александр Яковлевич не скрывал своего отношения ко многим проводимым в 1990-е гг. реформам, особенно когда они были ориентированы на Запад. Он говорил: «Реформируя те или иные сферы общественных отношений либо государственные институты правоохраны, законодателя и политики обязаны учитывать ситуацию, характеризующую состояние правопорядка, предвидеть последствия экспериментов, в том числе просчитать цену зарубежных заимствований, бережно относиться к отечественным традициям и опыту прошлого».

Под этими словами можно смело подписаться и сегодня!

Сухарев А.Я. Избранные труды. М. 2017, с. 243.

К 90-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО-ЮРИСТА ЮРИЯ МИРАНОВИЧА АНТОНЯНА

В этом году мы отмечаем знаменательный юбилей — 90 лет Юрию Мирановичу Антоняну, выдающемуся юристу, чья жизнь и карьера стали воплощением приверженности праву и справедливости.

Юрий Миранович родился 29 июня 1933 г. в Тбилиси. Он начал свой путь в юриспруденции в сложное послевоенное время, когда стране требовались специалисты, способные восстановить правопорядок и законность. С тех пор его жизнь и карьера неразрывно связаны с развитием юридической мысли и формированием правовой системы страны. Ю.М. Антонян стал не просто свидетелем многих ключевых событий в истории нашей страны, но активным участником в формировании ее правового поля.

Доктор юридических наук, профессор, Юрий Миранович является автором научных работ, с которых в советской и российской правовой науке

начиналось исследование ряда новых, получивших впоследствии заметное развитие направлений криминологии и юридической психологии. В подтверждение этому — более 600 опубликованных научных трудов по криминологии. Юрий Миранович сделал исключительный вклад в изучение целого ряда предметов в сфере юридических наук. Его перу принадлежат книги на множество актуальных тем — по уголовному праву, психологии, философии, религии, патопсихологии и социальной психиатрии.

Основным достижением Юрия Мирановича Антоняна является его весомый вклад в изучение теории преступности в целом. Его научное наследие охватывает темы причинности и предмета криминологического исследования, личности преступника и преступного поведения, психологии подростковой и молодежной преступности, проблем жертвы преступлений, классификации преступлений и прогнозирования преступности, факторов, влияющих на совершение преступлений, профилактики преступлений, взаимосвязи между социальной структурой и преступностью.

В своих работах он представляет преступность не как явление изолированное, а как неразрывно связанное с общественными процессами. Он проанализировал преступность в контексте исторического развития общества, показал роль социальных и культурных факторов в формировании преступных тенденций в обществе, разработал комплексную модель криминогенных факторов, учитывающую как индивидуальные, так и общественные аспекты формирования преступности. Благодаря его исследованиям аспектов причинности криминология получила более глубокое и разнообразное понимание мотивов и причин совершения преступлений, что способствовало разработке эффективных стратегий предотвращения преступности. Его исследования успешно применяются для разработки социальных и право-

вых мер, направленных на снижение уровня преступности. Им также внесен существенный вклад в развитие международного сотрудничества в области противодействия преступности.

Всегда в его трудах присутствуют новые идеи, новые взгляды, оригинальные суждения и предложения. Его научные работы, основанные на глубоко понимании законов и тонком чувстве справедливости, стали фундаментом для многих юридических исследований и практических решений.

Юрий Миранович Антонян никогда не шел в ногу со временем, он всегда его опережал. Его теоретические положения о тревожной личности как одной из главных причин совершения преступлений в начале 1990-х гг. вызвали, мягко говоря, недоумение среди научной общественности. Сейчас это положение воспринимается как аксиома, и нет ни одного учебника по криминологии, где этот важный тезис не воспроизводился бы как само собой разумеющаяся составная часть характеристики личности преступника.

У Юрия Мирановича было и есть много идей. Он находится в эпицентре научных и общественных событий, имеет собственную точку зрения и в науке, и в общественной жизни. Его взгляды всегда современны, а выводы всегда актуальны. Он ценит свою страну, близких, знает и любит Жизнь.

Будучи чрезвычайно требовательным к себе в последние годы, Юрий Миранович много пишет о Боге. Но и здесь он подходит скорее с жи-

тейских, чем идеалистических позиций. Он рассуждает о влиянии Мессии на переустройство мира и, видя современное, в значительной части больное во всех смыслах слова мировое сообщество, задается логичным вопросом: ожидать ли нам нового Мессию для кардинального изменения всего, в том числе и нигилистического отношения к преступности и личности преступника.

Безусловный авторитет и заслуги Юрия Мирановича перед Отечеством подтверждены множеством наград и званий, включая почетные звания заслуженного деятеля науки РСФСР и почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Юрий Миранович продолжает активную научную деятельность, его работы отличаются глубиной анализа, остротой ума и неизменной актуальностью. В свои 90 лет Юрий Миранович по-прежнему в великолепной интеллектуальной форме. Что нужно еще настоящему ученому, кем Ю.М. Антонян всегда был и есть!

Дорогой Юрий Миранович!

Сердечно поздравляем Вас и выражаем глубочайшее уважение к Вашему вкладу в развитие юридической науки и криминологии! Ваша неутомимая работа, научные исследования и посвященность профессии вдохновляют многих специалистов и исследователей. Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и продолжения Вашего творческого пути в науке!

*С уважением и лучшими пожеланиями,
редакция журнала*

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВИТАЛИЯ ЕФИМОВИЧА КВАШИСА

Гилинский Яков Ильич

С большой горечью и печалью узнал о смерти доктора юридических наук, профессора Виталия Ефимовича Квашиса. Собственно говоря, для меня он был Виталий так же, как он меня звал по имени. Мы были знакомы с ним более 30 лет, нас объединяли криминология, участие в отечественных и зарубежных конференциях и даже моя жена — Наталия Николаевна, к которой Виталий Ефимович относился с большим уважением и даже нежностью.

Хорошо помню наши встречи и совместную деятельность в Сеуле и Таллинне, Москве и Краснодаре, Санкт-Петербурге и Новороссийске.

В.Е. Квашис был одним из крупнейших криминологов России. Его работы по криминологическим проблемам неосторожной преступности, по уголовной политике и виктимологии, сравнительные криминологические исследования в России, США, Японии внесли неоценимый вклад в развитие отечественной криминологии. Особое место занимают его статьи и монографии по проблемам такого наказания, как смертная казнь. Для меня, твердого и принципиального противника смертной казни, важны основательные доводы против смертной казни, приводимые в трудах Виталия Ефимовича.

Для развития отечественной криминологии чрезвычайно важны многочисленные исследования и публикации В.Е. Квашиса в зарубежных странах и, прежде всего, в США. Я неоднократно повторяю, что любая наука интернациональна, если она — Наука. К сожалению, у нас не так много криминологов, ведущих активную работу по взаимодействию с зарубежными коллегами.

В этом отношении зарубежные исследования, выступления, публикации В.Е. Квашиса особенно ценны.

К сожалению, уход из жизни классиков современной отечественной криминологии (В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев, А.Э. Жалинский, Н.В. Щедрин, Э.Ф. Побегайло, Б.В. Волженкин, В.В. Лунеев, Г.А. Аванесов, А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова и др.) восполняется медленно... Об этом с горечью писал и Виталий Ефимович: «Именно криминологические идеи должны, как известно, служить генератором политических и, соответственно, уголовно-правовых решений». Между тем «среди криминологов все более заметен отрыв от уголовного права... А среди специалистов уголовного права все заметнее пренебрежительное отношение к криминологии, заведомо неоправданный снобизм... Указанная ситуация свидетельствует не только о флюсах специализации и тенденции в их развитии... Она ведет к застою и деградации науки, к схоластике в уголовном праве и, с другой стороны, к дрейфу криминологии в публицистику» [1, с. 5–6]. Тем горше потеря В.Е. Квашиса. Тем ценнее его труды и история его жизни.

Виталий Ефимович отличался упорством в отстаивании выдвигаемых им положений. Был ироничен, самокритичен, великолепно владел языками — как русским, так и английским. И сама смерть В.Е. Квашиса — свидетельство его мужества.

Смерть В.Е. Квашиса — Ученого и Человека — большая потеря для отечественной науки и для всех, знающих самого Виталия Ефимовича или его труды.

Литература

1. *Квашис В.Е.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). СПб.: Юридический центр, 2015. — 1039 с.

References

1. *Kvashis V.E.* Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1967–2014 gg.) [Selected Writings in Criminal Law and Criminology (1967–2014)]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2015. 1039 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Светлана Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, svetlana.afan@gmail.com

Ахпанов Арстан Нокешевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Астана), заслуженный работник МВД Республики Казахстан, ahpanov_a@mail.ru

Борисевич Галина Яковлевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Войнич Константин Викторович – адвокат адвокатской палаты Пермского края; Ленинская коллегия адвокатов г. Перми, advocatvoinich@mail.ru

Гилинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор, yakov.gilinsky@gmail.com

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, crim@izak.ru

Звягинцев Александр Григорьевич – заместитель директора Института государства и права Российской академии наук по международному сотрудничеству, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, iggran@iggran.ru

Килина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, kilinairinav@gmail.com

Киселев Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Института экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», alskiselev@fa.ru

Лукьянов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, serezha.lukyanov.1959@mail.ru

Мальцев Олег Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФБОУ ВО РАНХиГС, malczevoleg@yandex.ru

Машкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации maskevich2004@mail.ru

Осадчая Анастасия Игоревна – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, член Молодежного отделения Союза криминалистов и криминологов, nastya_batalova@inbox.ru

Пастухов Павел Сусоевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, pps64@mail.ru

Сарсенбаев Талгат Есеналиевич – доктор юридических наук, профессор, директор Школы права и государственного управления Университета NARXOZ (г. Алматы), почетный профессор Союза криминалистов и криминологов, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Стешич Елена Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, esteshich@mail.ru

Струков Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, alexandr.strukov@yandex.ru

Тангиев Бахаудин Батырович – кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор, эксперт ЮНЕСКО в области экокriminalологии и информационно-криминологических технологий, tangievb@yandex.ru

Филиппов Михаил Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, fmn01@list.ru

Хомич Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, ul.khomich@tut.by

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызстане, taalha@mail.ru

Шумихин Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, shumihin_v@mail.ru

Шуров Александр Александрович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», ivanov020221@gmail.com

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Afanasyeva Svetlana Ivanovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin für Strafprozessrecht und Kriminalistik, Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, svetlana.afan@gmail.com

Akhpanov Arstan Nokeshovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht der juristischen Fakultät an der Eurasischen Nationalen Gumilev-Universität (Astana), Verdienter Mitarbeiter des Innenministeriums der Republik Kasachstan, akhpanov_a@mail.ru

Borisevich Galina Yakovlevna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Leiterin der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik, Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Filippov Mikhail Nikolaevich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Leiter der Abteilung für Berufsausbildung und ergänzende Berufsausbildung im Permer Institut des russischen föderalen Strafvollzugsdienstes, fmn01@list.ru

Gilinsky Yakov Ilyich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, yakov.gilinsky@gmail.com

Khomich Vladimir Mikhailovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Anwalt der Republik Belarus, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Rechtsdisziplinen, Belarussische Staatliche Wirtschaftsuniversität, ul.khomich@tut.by

Kilina Irina Vladimirovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin für Strafprozessrecht und Kriminalistik an dem Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, kilinairnav@gmail.com

Kiselev Alexander Sergeevich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent für Zivilrecht an der juristischen Fakultät des Instituts für Wirtschaft, Management und Recht an der Staatlichen Universität für Bildung, leitender Wissenschaftler am Forschungs- und Expertisezentrum der juristischen Fakultät an der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation, alskiselev@fa.ru

Lukyanov Sergey Alexandrovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor des Lehrstuhls für Staats- und Zivilrecht der Abteilung des Moskauer Gebiets der Moskauer Kikot' Universität des Innenministeriums Russlands, serezh.lukyanov.1959@mail.ru

Maltsev Oleg Valerievich – Kandidat für Wirtschaftswissenschaften, Dozent, Dozent für zivilrechtliche Disziplinen, Russische Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, malczevoleg@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Leitender Forscher am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, wissenschaftlicher Chefsekretär der Obersten Attestierungskommission des Ministeriums für Wissenschaft und Hochschulbildung der Russischen Föderation, mackevich2004@mail.ru

Osadchaya Anastasia Igorevna – Dozentin der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Mitglied der Jugendabteilung des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, nastya_batalova@inbox.ru

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor für Strafprozessrecht und Kriminalistik, Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, pps64@mail.ru

Sarsenbaev Talgat Yesenalievich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Direktor der Schule für Recht und öffentliche Verwaltung an der NARXOZ-Universität (Almaty), Ehrenprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminalistik an der Kirgisisch-Russischen Slawischen B.N. Jelzin-Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, taalha@mail.ru

Shumihin Vladimir Grigorievich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Lehrstuhl für Strafrecht und staatsanwaltschaftliche Aufsicht, Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, shumihin_v@mail.ru

Shurov Alexander Alexandrovich – postgraduiertes Student der Abteilung für Strafprozessrecht und Kriminalistik, Südwestliche Staatliche Universität, ivanov020221@gmail.com

Steshich Elena Sergeevna – Doktorin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Professorin am Lehrstuhl für das Management von Strafverfolgungsbehörden Akademie für Management des Russischen Innenministeriums, esteshich@mail.ru

Strukov Aleksandr Vladimirovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Lehrstuhl für Strafrecht und staatsanwaltschaftliche Aufsicht, Staatliche Nationale Forschungsuniversität Perm, alexandr.strukov@yandex.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Kandidat der technischen Wissenschaften, Professor, UNESCO-Experte für Ökokriminologie und Informations- und Kriminologietechnologien, tangievb@yandex.ru

Voinich Konstantin Victorovich – Rechtsanwalt der Anwaltskammer der Region Perm, Lenin-Anwaltskollegium von Perm, advocatvoinich@mail.ru

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Chefwissenschaftler am Zentrum für Kriminalität, Strafprozessrecht des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Mitarbeiter der höheren Berufsbildung der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, crim@izak.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, zmax71@mail.ru

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich – Stellvertretender Direktor des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften für internationale Zusammenarbeit, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, igpran@igpran.ru

ABOUT THE AUTHORS

Afanasyeva Svetlana Ivanovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, svetlana.afan@gmail.com

Akhanov Arstan Nokeshovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, Eurasian National Gumilev University (Astana), Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, ahpanov_a@mail.ru

Borisevich Galina Yakovlevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Filippov Mikhail Nikolaevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Faculty of Vocational Training and Additional Vocational Education of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, fmn01@list.ru

Gilinsky Yakov Ilyich – Doctor of Legal Sciences, Professor, yakov.gilinsky@gmail.com

Khomich Vladimir Mikhailovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belarusian State Economic University, ul.khomich@tut.by

Kilina Irina Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Perm State National Research University, kilinairinav@gmail.com

Kiselev Alexander Sergeevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Institute of Economics, Management and Law of the State University of Education, Senior Researcher at the Center for Research and Expertise of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, alskiselev@fa.ru

Lukyanov Sergey Alexandrovich – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Moscow Regional Branch of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, serezh.lukyanov.1959@mail.ru

Maltsev Oleg Valerievich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, malczevoleg@yandex.ru

Matskevich Igor Mikhailovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Science and Education of the Russian Federation, mackevich2004@mail.ru

Osadchaya Anastasia Igorevna – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Member of the Youth Branch of the Union of Criminalists and criminologists, nastya_batalova@inbox.ru

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, pps64@mail.ru

Sarsenbaev Talgat Yesenalievich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the School of Law and Public Administration of NARXOZ University (Almaty), Honorary Professor of the Union of Criminalists and Criminologists, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Shamurzaev Taalibek Tursunovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Chairman of the Representative Office of the Union of Criminalists and Criminologists in Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Shumihin Vladimir Grigorievich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Prosecutorial Supervision of Perm State National Research University, shumihin_v@mail.ru

Shurov Alexander Alexandrovich – Postgraduate Student of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Southwest State University, ivanov020221@gmail.com

Steshich Elena Sergeevna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Management Department of Crime Investigation Bodies Management Academy of the MIA of Russia, esteshich@mail.ru

Strukov Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Prosecutorial Supervision of Perm State National Research University, alexandr.strukov@yandex.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich – Candidate of Legal Sciences, Candidate of Technical Sciences, UNESCO expert in ecocriminology and information-criminological technologies, tangievb@yandex.ru

Voinich Konstantin Victorovich – Perm Krai Bar Association attorney, Bar Council of Leninskiy Region of Perm, advocatvoinich@mail.ru

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher at the Center for Criminal Justice, Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, crim@izak.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law at the Moscow Regional Branch of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, zmax71@mail.ru

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich – Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences for International Cooperation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, igpran@igpran.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Rechtliche Gewährleistung der Informationssicherheit im Zusammenhang mit der Durchführung der militärischen Sonderoperation

Afanasyeva Svetlana Ivanovna

Ziel: auf der Grundlage der Analyse der Normen des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation und des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, wissenschaftlicher Quellen und Materialien aus der Ermittlungs- und Gerichtspraxis die Maßnahmen der administrativen und strafrechtlichen Verantwortlichkeit für die Verleumdung des Einsatzes der russischen Streitkräfte, freiwilliger Formationen, Organisationen oder Personen, die zur Erfüllung der ihnen während der militärischen Sonderoperation in der Ukraine übertragenen Aufgaben beitragen, unter Verwendung von Informations- und Kommunikationstechnologien zu systematisieren; Wege zur Korrektur der geltenden nationalen Gesetzgebung vorzuschlagen.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche Dialektik, universelle wissenschaftliche Methoden (Analyse und Synthese, Induktion und Deduktion, strukturell-funktionale, formal-logische Methode), spezielle juristische Methoden (rechtsvergleichend, Methode der systematischen Interpretation).

Schlussfolgerungen. Der Gesetzgeber hat die rechtliche Verantwortlichkeit für rechtswidrige Handlungen unter Verwendung von IT-Technologien verschärft, die darauf abzielen, die Streitkräfte der Russischen Föderation, Freiwilligenverbände, Organisationen oder Personen zu diskreditieren, die bei der Erfüllung von Aufgaben helfen, die ihnen während der militärischen Sonderoperation zum Schutz der Interessen der Russischen Föderation und ihrer Bürger sowie zur Wahrung des Weltfriedens und der internationalen Sicherheit übertragen wurden. In Zukunft ist eine systematische Arbeit der staatlichen und kommunalen Organe, ihrer Beamten, der öffentlichen Verbände und der Bürger erforderlich, um die Informationssicherheit der russischen Gesellschaft durch Maßnahmen des rechtlichen und präventiven Schutzes zu gewährleisten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wird eine systematische Analyse der verwaltungs- und strafrechtlichen Maßnahmen zur Verleumdung des Einsatzes von russischen Streitkräften, Freiwilligenverbänden, Organisationen oder Personen, die bei der Erfüllung der ihnen übertragenen Aufgaben während einer militärischen Sonderoperation in der Ukraine helfen, vorgelegt, die darauf abzielt, die Informationssicherheit der russischen Gesellschaft zu gewährleisten. Es werden Vorschläge zur Verbesserung der derzeitigen russischen Gesetzgebung zu diesem Thema konkretisiert.

Stichwörter: militärische Sonderoperation, Streitkräfte, Verleumdung, verwaltungsrechtliche Verantwortlichkeit, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Information, Sicherheit.

Zur Frage der Spezialkenntnisse der Prozessbeteiligten im Strafverfahren (am Beispiel eines Verbrechens gegen die sexuelle Integrität von Minderjährigen)

Voinich Konstantin Victorovich

Ziel ist es, die Notwendigkeit zu begründen, dass die Beteiligten an Strafverfahren über Spezialkenntnisse verfügen müssen, wenn sie ein Verbrechen gegen die sexuelle Integrität von Minderjährigen untersuchen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, formaljuristische Methode.

Schlussfolgerungen. Spezialkenntnisse der am Strafverfahren Beteiligten bei der Untersuchung von Straftaten gegen die sexuelle Integrität von Minderjährigen sind für eine vollständige und umfassende Ermittlung, Beweisführung sowie den Ausschluss traumatischer psychischer Zustände bei jugendlichen Opfern notwendig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag stellt die grundlegenden methodischen Empfehlungen für Juristen zur Organisation von Ermittlungsmaßnahmen bei jugendlichen Opfern der Straftaten gegen die sexuelle Integrität vor.

Stichwörter: sexuelle Integrität, minderjähriges Opfer, psychotraumatisches Ereignis, Pädagoge, Psychologe, Spezialkenntnisse, Vernehmung von Minderjährigen, Krisenintervention, Kinderpsychologie, psychologische Kenntnisse.

Privatinteresse im öffentlichen Strafverfahren in Russland: Geschichte und Perspektiven

Kilina Irina Vladimirovna

Ziel: die Entstehung der Institution des Opfers im Strafverfahren, seine Rolle und den Grad seiner Beteiligung an der Konfliktlösung in verschiedenen historischen Phasen der Existenz des russischen Staates zu analysieren und mögliche Wege zur Verbesserung des russischen Strafverfahrens aufzuzeigen, die auf einen Ausgleich zwischen privaten und öffentlichen Interessen abzielen.

Methodologie: die methodologische Grundlage der Studie bildeten allgemeine wissenschaftliche und spezielle wissenschaftliche Forschungsmethoden. Die Analyse- und Synthesemethoden ermöglichten die Formulierung von Vorschlägen zur Verbesserung der gegenwärtigen materiellen und prozessualen Strafgesetzgebung; die Induktions- und Deduktionsmethoden erlaubten die Formulierung von Schlussfolgerungen; die historische Methode wurde zur Untersuchung der Entwicklung der innerstaatlichen Gesetzgebung zur Lösung von strafrechtlichen Konflikten verwendet.

Schlussfolgerungen. Es wird der Schluss gezogen, dass die Sicherstellung der Wiedergutmachung des Schadens für das Opfer ein nicht weniger wichtiges Ziel des Strafverfahrens ist als die Wiederherstellung der sozialen Gerechtigkeit. Die Autoren vertreten die Auffassung, dass das Privatinteresse an einem modernen Strafverfahren nicht nur dadurch gesichert werden sollte, dass den Opfern von Straftaten das Recht eingeräumt wird, über das Strafverfahren in privaten und öffentlich-privaten Strafsachen zu entscheiden, sondern auch dadurch, dass in jeder Strafsache echte Garantien für die Wiederherstellung der verletzten Rechte gegeben werden. Es wird argumentiert, dass eines der wirksamen Mittel zur Lösung des Problems der Wiedergutmachung für das Opfer die Einführung der Befreiung der Person von der strafrechtlichen Verantwortung aus alternativen Gründen ist, die mit dem Ziel weiterentwickelt werden sollte, mehr die Rechte des Opfers wiederherzustellen, als die Steuerprobleme des Staates zu lösen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Vorschläge zur weiteren Verbesserung von Strafverfahren, die auf der Analyse der Stellung und Rolle des Opfers im Strafverfahren in verschiedenen historischen Epochen beruhen, können zu einer korrekten Entwicklung des Strafverfahrens beitragen.

Stichwörter: öffentliches Interesse, Privatinteresse, Geschädigter, Alternativen zur Strafverfolgung, Strafbefreiung, Schadenswiedergutmachung.

Glänzende Karriere, wissenschaftliches Erbe, wohlverdiente Anerkennung und Respekt! Zum Andenken an einen Völkerrechtswissenschaftler der Universität Perm Oleg Ivanovich Tiunov

Pastukhov Pavel Sysoevich, Borisevich Galina Yakovlevna

Ziel ist es, die wissenschaftlichen Errungenschaften von O.I. Tiunov auf dem Gebiet der Einhaltung des völkerrechtlichen Grundsatzes der gutgläubigen Erfüllung internationaler Verpflichtungen zu aktualisieren, die inzwischen zu einem ernsthaften wissenschaftlichen Problem geworden sind, dessen Erforschung noch zu früh ist, um eine Grenze zu ziehen.

Methodologie: die methodologische Grundlage der Forschung war eine Reihe von Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis, unter denen die dialektische Methode den führenden Platz einnimmt. In dem Beitrag wurden sowohl allgemeine wissenschaftliche (Dialektik, Analyse und Synthese, Abstraktion und Konkretisierung) als auch spezielle wissenschaftliche Methoden (rechtsvergleichend, rechtstechnisch) verwendet.

Schlussfolgerungen. Die Autoren kommen zu dem Schluss, dass die wissenschaftlichen und beruflichen Erfolge von O.I. Tiunov für die gesamte juristische Gemeinschaft der internationalen Juristen und modernen Politologen, die sich mit Problemen der Geopolitik befassen, wichtig sind. Seine beruflichen Erfolge sind von besonderer Bedeutung für die Staatsuniversität Perm, wo O.I. Tiunov eine gute Spur und ein gutes Gedächtnis als Spezialist auf höchstem Niveau hinterlassen hat. Als kluger, bescheidener, anständiger und sympathischer Mensch wird er immer in den Herzen derer weiterleben, die das Glück hatten, ihn zu kennen und mit ihm zu arbeiten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. O. I. Tiunovs wissenschaftliches Erbe auf dem Gebiet der Einhaltung des völkerrechtlichen Grundsatzes der gutgläubigen Erfüllung internationaler Verpflichtungen wird derzeit von Politikern, Politologen und Völkerrechtlern im Hinblick auf den Sanktionskrieg zwischen Staaten untersucht. Der praktische Wert seiner wissenschaftlichen Arbeiten hat nicht an Relevanz verloren, sondern hat in der verschärften internationalen Situation neuen Auftrieb erhalten.

Stichwörter: Völkerrecht, internationale Beziehungen, getreue Umsetzung internationaler Verpflichtungen, wissenschaftliche und berufliche Leistungen.

Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft der kriminalwissenschaftlichen Forschung

Filippov Mikhail Nikolaevich

Ziel: die wissenschaftliche Forschung auf dem Gebiet der Kriminologie in ihrer historischen Entwicklung zu analysieren und zu verstehen, welche Fragen der Kriminalität und ihrer Untersuchung in dieser oder jener Entwicklungsphase unseres Staates aktuell wurden, um mögliche Wege zur Verbesserung der Wissenschaft der Kriminologie unter Berücksichtigung der Entwicklung der Technologie und der laufenden historischen Ereignisse zu begründen.

Methodologie: Analyse, Synthese, historische Methode, Systemmethode, Modellieren, Beschreibung, Deduktion und Induktion.

Schlussfolgerungen. Die kriminalwissenschaftliche Forschung wird zweifellos fortgesetzt werden und sich auf die Errungenschaften sowohl der kriminalistischen als auch anderer Wissenschaftszweige stützen, wobei die Änderungen in der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation berücksichtigt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Analyse der Tendenzen der kriminalistischen wissenschaftlichen Forschung erlaubt es, den Vektor der Entwicklung der Kriminalistik, den Bedarf der Behörden der Strafverfolgung an Kenntnissen, praktischen Empfehlungen zur Aufdeckung und Untersuchung von Verbrechen zu verstehen. Die vom Autor gezogenen Schlussfolgerungen können in der weiteren wissenschaftlichen Forschung verwendet werden, die dem Studium der Entwicklung der Kriminalistik als Wissenschaft gewidmet ist. Darüber hinaus liegt die praktische Bedeutung des wissenschaftlichen Beitrags in der Anwendung der vorgeschlagenen Empfehlungen zur Verbesserung der Planung und Organisation der kriminalistischen wissenschaftlichen Forschung unter Berücksichtigung der Bedürfnisse der Praxis.

Stichwörter: Kriminalistik, wissenschaftliche Forschung, Methoden, Dissertation, Monographie, Beitrag, Handbuch, Wissenschaftler, Kriminalisten, Verbrechen, Wissen, Wissenschaft, Ermittler, Experten.

Plünderungen: neue Regelung im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Shumihin Vladimir Grigorievich, Strukov Aleksandr Vladimirovich

Ziel: eine strafrechtliche Analyse des Verbrechens nach Art. 3561 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu geben und auf die Probleme ihrer Durchsetzung zu achten.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, formal-rechtliche Methode, historische Methode.

Schlussfolgerungen. Es besteht die Notwendigkeit, die Zusammensetzung des Verbrechens "Plünderung durch das Militär begangen" in das Strafrecht aufzunehmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Aufnahme eines in Art. 3561 vorgesehenen Verbrechens in das Strafrecht erfordert eine detaillierte wissenschaftliche Begründung. Aus praktischer Sicht sollte die Umsetzung des Vorschlags der Autoren zur korrekten Anwendung des betreffenden Straftatbestands beitragen.

Stichwörter: Plünderung, Kriegsrecht, Kriegszeiten, Kampfhandlungen, Militär, Entwendung.

Die Rolle der Polizeibehörden des Russischen Reiches bei der Unterdrückung des Extremismus der radikalen Altgläubigen und des religiösen Sektierertums

Lukyanov Sergey Alexandrovich

Ziel ist es, die historischen und rechtlichen Erfahrungen mit der Unterdrückung des religiösen Extremismus durch die Polizeibehörden des Russischen Reiches unter den Bedingungen des multikonfessionellen russischen Staates zu beleuchten und zu analysieren. Die Untersuchung dieser Erfahrungen ist für das moderne Russland aufgrund der aktiven staats- und gesellschaftsfeindlichen Aktivitäten einer Reihe religiöser Organisationen von Bedeutung, die sowohl durch extremistische Erscheinungsformen im Bereich der Information und Propaganda als auch direkt durch illegale Handlungen mit extremistischer Ausrichtung gekennzeichnet sind.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche Methoden, historisch-juristische und rechtsvergleichende Methoden der Erforschung von Prozessen der sozio-politischen Entwicklung.

Schlussfolgerungen. Der Erfolg der Strafverfolgungsbehörden bei der Unterdrückung des religiösen Extremismus hängt unmittelbar von der konsequent umgesetzten staatlichen Politik im Bereich der staatlich-konfessionellen Beziehungen ab.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung der historischen und rechtlichen Erfahrungen der Polizeibehörden des Russischen Reiches mit den Erscheinungsformen des religiösen Extremismus im konfessionellen Umfeld ermöglicht es, die Art der direkten und potentiellen Bedrohung der nationalen Sicherheit durch religiöse und

pseudoreligiöse Organisationen mit radikal-extremistischem Charakter zu bestimmen. Die Untersuchung der bisher angewandten Formen und Methoden der Polizeitätigkeit in diesem Bereich ist notwendig für die Entwicklung der optimalen und wirksamsten Mittel zur Vorbeugung, Aufdeckung und Unterdrückung von religiös-extremistischen Aktivitäten.

Stichwörter: Polizeibehörden, religiöser Extremismus, religiöser Fanatismus, religiöse Kriminalität, religiöse Sekte, religiöses Sektierertum, Kirchenspaltung, Altgläubigkeit, Pfaffentum, Priesterlosigkeit, Massenselbstmorde, Chlysten, Chlystanismus, Verschnittene, Verschnittentum.

Individuelle Maßnahmen zur Verhinderung von bewusst falscher Anschuldigung

Shurov Alexander Alexandrovich

Ziel: Empfehlungen für die Verbesserung der individuellen Maßnahmen zur Verhinderung von bewusst falscher Anschuldigung zu entwickeln. Das Fehlen kriminologischer Studien über bewusst falsche Anschuldigungen und das daraus resultierende Ausbleiben von Empfehlungen für die Prävention dieses Verbrechens erfordert die Entwicklung einer Methodik für seine Verhinderung auf individueller Ebene.

Methodologie: dialektische Methode, allgemeine wissenschaftliche Methoden (Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, Analogie, Abstraktion), systemisch-strukturelle Methode, Methode der Systemanalyse.

Schlussfolgerungen. Die Besonderheit der bewusst falschen Anschuldigung als eine Art von kriminellem Verhalten im Rahmen der individuellen Prävention zeigt sich darin, dass die Identifizierung des Kriminellen hauptsächlich im Prozess der kriminellen Aktivität erfolgt, d.h. während des direkten Kontakts der Person, die eine bewusst falsche Anschuldigung begehen will, mit Strafverfolgungsbeamten zum Zweck der informativen Beeinflussung dieser und der Bildung einer falschen Vorstellung über die Tatsache der Begehung einer Straftat. Daraus ergibt sich, dass sich die Maßnahmen zur individuellen Prävention von bewusst falscher Anschuldigung darauf konzentrieren, die Falschheit der von der Person gemeldeten Informationen aufzudecken sowie deren Unzuverlässigkeit und korrigierende Auswirkungen auf das Verhalten des Antragstellers aufzudecken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung des Mechanismus der bewusst falschen Anschuldigung auf individueller Ebene ermöglicht die Entwicklung neuer, wissenschaftlich fundierter Empfehlungen zur Prävention dieser Straftat unter Berücksichtigung von praktischen Aspekten der Arbeit der Strafverfolgungsbehörden. Die vorgeschlagene Methodik ermöglicht es den Strafverfolgungsbehörden, zum Zweck der Aufdeckung der Falschanzeige einen umfassenden Ansatz zur Bewertung der bekannten relevanten Umstände und des beobachteten Verhaltens des Antragstellers zu verwenden, seine persönlichen Eigenschaften und mutmaßlichen Motive sowie den Kontext der Situation zu berücksichtigen und eine umfassende Analyse aller verfügbaren und eingehenden Informationen des Antragstellers durchzuführen.

Stichwörter: bewusst falsche Anschuldigung, Persönlichkeit des Täters, Motivation, Mechanismus, kriminelles Verhalten, individuelle Verhinderung, Lügen, Information, Methodik, Erkennung von Lügen, Entlarvung von Lügen, Überredung, Nötigung, Hilfestellung, Förderung.

Taktiken zur Ermittlung und Sicherung digitaler elektronischer Spuren von Verbrechen im Bereich der Computerinformation

Kiselev Alexander Sergeevich

Ziel: die Untersuchung neuer Ansätze und Techniken zur Verbesserung der Ermittlung von Computerkriminalität, was wiederum die berufliche Qualifikation von Strafverfolgungsbeamten und Cybersicherheitsspezialisten verbessern kann, die mit der Verhinderung und Bekämpfung von kriminellen Aktivitäten im Bereich der Informationstechnologie befasst sind.

Methodologie: materialistische, metaphysische und dialektische Methoden, sowie Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formaljuristische, rechtsvergleichende und systemische Methoden.

Schlussfolgerungen. Es wurde festgestellt, dass die Taktik der Ermittlung und Sicherung elektronischer digitaler Spuren von Verbrechen im Bereich der Computerinformation die Fähigkeit umfasst, Spuren krimineller Handlungen in Computersystemen zu erkennen, digitale Daten zu sammeln und zu analysieren sowie die gefundenen Informationen als Beweismittel zu sichern. Die taktischen Maßnahmen des Ermittlers können wie folgt strukturiert werden: Analyse des Zustands des Informationssystems nach der Straftat; Sammlung und Analyse digitaler Daten, einschließlich der Extraktion elektronischer und digitaler Spuren, wie z. B. Protokolldateien, Datenbanken, Dateien, Register, Metadaten; Sicherung digitaler Spuren auf elektronischen und materiellen Datenträgern, Bewahrung

wichtiger Informationen über die Straftat (Datum, Ort der Begehung, Methode, vom Täter verwendete technische Geräte, Programme) durch Foto- und Videofixierung, Speicherung von Informationen auf Flash-Laufwerken oder Datenträgern, Anfertigung von Sicherungskopien; eingehende Analyse, Prüfung und Interpretation digitaler Daten; erforderlichenfalls Einholung von Expertenhilfe; Erstellung von Berichten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Taktikstudium hilft bei der Verbesserung und Entwicklung von methodischen Ansätzen und Werkzeugen für die erfolgreiche Ermittlung und Sicherung von digitalen Spuren. Die Kenntnis und Anwendung der Taktik der Ermittlung und Sicherung elektronischer digitaler Spuren in der Arbeit der Strafverfolgungsbehörden ermöglicht es ihnen, Straftaten im Bereich der Computerinformationen effektiver und fachgerechter zu untersuchen und die Kompetenz der Mitarbeiter im Bereich der Cybersicherheit zu verbessern. In Anbetracht der Zunahme der Computerkriminalität in den letzten Jahren wird das Studium der Taktik der Ermittlung und Sicherung elektronischer digitaler Spuren dazu beitragen, die Abwehrmaßnahmen gegen verschiedene Cyberbedrohungen zu verbessern und ein hohes Maß an Informationssicherheit zu erreichen.

Stichwörter: digitale Spur, Taktik zur Ermittlung digitaler Spuren, Taktik zur Sicherung digitaler Spuren, Taktik zur Ermittlung, Taktik zur Sicherung, Ermittlung, Computerkriminalität, Cyberkriminalität, Computerinformationsdelikte, Computerinformationen, Informations- und Telekommunikationstechnologien.

Ökokriminologie (Oikoscrimenlogos): ein transdisziplinäres und multimodales wissenschaftliches Gebiet und seine Bedeutung für die Integration und Synchronisation in Moduldisciplinen (Systemen und integrierten Technologien)

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Ziel: die wissenschaftliche Richtung „Ökokriminologie“ (Oikoscrimenlogos) als spezielle Disziplin der innerstaatlichen Kriminologie zu begründen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Im Rahmen der Ökokriminologie werden sowohl die untrennbare Komplexität der Forschung selbst als auch die Effektivität der Ausbildung für ein effektives nationales Ökosicherheitssystem gewährleistet, d.h. der transdisziplinär-multimodale Ansatz. Auf der Grundlage der Analyse von Ausbildungsprogrammen, Handbüchern, methodischen Leitlinien und laufender Forschung (F&E) im Bereich der Ökokriminologie wurden typische Fehler identifiziert, auf die der Autor, der Begründer dieser wissenschaftlichen Richtung (einer der führenden Zweige der Kriminologie), aufmerksam macht und Erklärungen und Empfehlungen liefert. In der Praxis wird es bei der Entwicklung von Bildungs- und Methodikmaterialien unumgänglich, keine separaten Komponenten, sondern deren Systeme (multifunktionales wissenschaftliches und pädagogisches Konglomerat) zu schaffen, die als Kombination separater Arten von (wissenschaftlichen und praktischen) Bildungspublikationen auf der Grundlage einer gemeinsamen theoretischen, methodischen und empirischen Basis unter Verwendung des modularen Prinzips des Aufbaus der Inhalte dieser transdisziplinär-multimodalen Disziplin gebildet werden.

Bei der Lösung der Hauptaufgabe, hochqualifizierte Spezialisten in Theorie und Praxis auszubilden, Forschungsfähigkeiten zu beherrschen und junge Bewerber, die in kriminologischen und forensischen Kategorien denken, in die Suche nach der ökokriminologischen Wahrheit einzubeziehen, stellt der Autor seine Vision und den eingeschlagenen wissenschaftlichen und praktischen Weg bei der Bildung und internationalen Anerkennung der Ökokriminologie vor. Ihre Entwicklung ist durch die Gesetzmäßigkeiten des komparatistischen Ansatzes der Allianz von Kriminologen und Kriminalisten, der Interaktion und der Einbeziehung aller interessierten Wissenschaftszweige in diesen transdisziplinär-multimodalen Prozess bedingt.

Es ist bezeichnend, dass die nationale Ökokriminologie im Jahr 2023 ihr 25-jähriges Bestehen im Status einer transdisziplinären und multimodalen wissenschaftlichen Fachrichtung angeht. Dies ist vor allem darauf zurückzuführen, dass die Nutzung der empirischen Basis der Ökokriminologie es uns ermöglicht hat, das Konzept des Autors von miteinander verbundenen und voneinander abhängigen Modulen zu entwickeln, die die Architektur der ökokriminologischen Überwachung und den Aufbau eines einheitlichen Systems der Ökosicherheit bilden. Die Effektivität wird durch die entsprechenden Stützblöcke – Module – gewährleistet.

1. Modul – Ökodeviantologie.
2. Modul – Ökoviktimologie (kriminogene Ökoviktimisierung der Gesellschaft).
3. Modul – Kriminologie des Umweltschutzes (Ökokriminalistik).
4. Modul der Probleme der Gewährleistung der Wirksamkeit des Ökosicherheitssystems und der Schaffung eines einheitlichen Ökomonitorings, einschließlich ökokriminologischer Parameter, innovativer Technologien.

5. Modul der Probleme bei der Bekämpfung der nationalen und transnationalen Ökorkriminalität.

6. Modul der nationalen Sicherheitsprobleme im Zusammenhang mit Ökoterrorismus, Ökodiversion, Ökoextremismus, Ökokorruption, illegalem Handel mit Umweltkomponenten, umweltgefährdenden Produkten – transgenen Lebensmitteln (gentechnisch verändert), verbotenen Bio- und Gentechnologien, Ökosmuggel, illegalem Handel mit Abfällen, gefährlichen Stoffen und anderen Aspekten, die in den Bereich der Sicherheit fallen.

7. Modul der informationskriminologisch-kriminalistischen Methoden und Technologien der Ökorkriminologie zur Identifizierung, Bewertung und Vorhersage von ökokriminogenen Risiken, ökokriminologische Anforderungen bei der Durchführung von ökokriminologischen Gutachten.

8. Modul der digitalen ökokriminologischen Transformation und ökokriminologischen Modellierung.

9. Modul – System des Managements und der Vorbeugung von ökokriminogenen Risiken. Diversifizierung der Ökorisiken.

10. Modul – Internationale Ökorkriminologie. Herausforderungen und Wege in einer multipolaren Welt.

Ohne eine gründliche Untersuchung (Forschung) und Umsetzung dieser Module und einen umfassenden, vergleichenden Ansatz bei der Ausbildung hochqualifizierter Spezialisten – Ökorkriminologen, Umweltkriminologen, Spezialisten (auf Expertenebene) des Straf-, Strafprozess- und Umweltrechts, Kontroll- und Aufsichtsorgane und gerichtliche Untersuchungsorgane in diesem Bereich, einschließlich spezialisierter Juristen-Ökoräume – wird es problematisch sein, die Wirksamkeit des Ökosicherheitssystems zu erreichen und die Probleme der Qualifikation und Untersuchung von Umweltverbrechen in der Praxis zu lösen.

Die Entwicklung der Ökorkriminologie als transdisziplinäre und multimodale wissenschaftliche Richtung ermöglichte es also nicht nur, inhärente Methoden der Informations- und kriminologischen Technologien und der Ökoforensik zu entwickeln, sondern auch Grundsätze und Anforderungen an Methoden und Instrumente für die Entwicklung dieser Module zu formulieren, ihre Bedeutung für die Ausbildung von Spezialisten, die Forschung in diesem Bereich und den Bedarf der Strafverfolgungspraxis zu bewerten. Aufgrund der Vorschriften wird in diesem Beitrag eine Reihe von Themen in Kurzform behandelt; wer sich eingehender mit dem Thema befassen möchte, findet am Ende Quellen und empfohlene Literatur.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag wird für Studenten und Lehrkräfte an juristischen Fakultäten sowie für Juristen, die sich mit der Problematik der Umweltkriminalität und deren Bekämpfung befassen, von Nutzen sein. Auch trägt der Beitrag zur Entwicklung innovativer Technologien in der kriminologischen Wissenschaft bei.

Stichwörter: Ökorkriminologie, Oikoskriminallogos, etymologisches und terminologisches System, transdisziplinäre und multimodale wissenschaftliche Ausrichtung, Multimodalität und Transdisziplinarität der russischen Ökorkriminologie, Umweltkriminologie, Ökorisikomanagementsystem, Ökosicherheit, pädagogischer und methodologischer Komplex der Ökorkriminologie.

Auf der Suche nach der objektiven Bedeutung kriminologischen Wissens im Zeitalter der gesellschaftlich mitorganisierten Postmoderne (in Erinnerung an Professor Vitaly Efimovich Kvashin)

Khomich Vladimir Mikhailovich

Ziel: die Bedeutung des wissenschaftlichen und menschlichen Erbes des herausragenden sowjetischen und russischen Rechtsgelehrten V.E. Kvashin aufzuzeigen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formaljuristische, rechtsvergleichende und systemische Methoden.

Schlussfolgerungen. V.E. Kvashin vertrat die Auffassung, dass es heute wichtig ist, den naturwissenschaftlich-sozialen und humanistischen Ansatz zur Beurteilung des rechtlichen Status und Zustands aller Elemente des sozialen Systems (Person, Gesellschaft, Staat) wiederzubeleben. Dies ist das einzig mögliche wissenschaftliche Gegengewicht zur Politik der totalen gewaltsamen Robotisierung des Menschen und eine wissenschaftliche Methode des objektiv kriminologischen Überdenkens der etablierten Ansichten über die Allmacht der gewaltsamen Optionen zur Lösung sozialer Probleme.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Gutachten des Autors kann für Juristen und alle, die an der Entwicklung der Rechtswissenschaft interessiert sind, von Nutzen sein und im Studium des russischen Rechts verwendet werden.

Stichwörter: Kriminologie, Kriminallogik, Strafrecht, Postmoderne, wissenschaftliche Erkenntnisse, Rechtsgrundsätze, sozial-rechtliche Politik, Verbrechensbekämpfung, V.E. Kvashin.

Regelung der Steuer- und Abgabengesetzgebung in der Russischen Föderation als Element der finanziellen Sicherheit: Rechtsprobleme

Maltsev Oleg Valerievich

Ziel: die Sicht des Autors auf die Probleme der modernen Steuer- und Abgabengesetzgebung und wissenschaftlich fundierte Ansätze zur Verbesserung der rechtlichen Regelung im Steuerbereich darzustellen.

Methodologie: die methodologische Grundlage der Studie bildete eine Reihe von Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis, unter denen die dialektische Methode den ersten Platz einnimmt. In dem Beitrag wurden sowohl allgemeine wissenschaftliche (Dialektik, Analyse und Synthese, Abstraktion und Konkretisierung) als auch spezielle wissenschaftliche Methoden (rechtsvergleichend, rechtstechnisch) verwendet.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass eine kritischere Haltung gegenüber der Steuer- und Abgabengesetzgebung notwendig ist, um die Möglichkeit ihrer Verbesserung im Interesse der Organe, die die Steuerkontrolle ausüben, und der Erfüllung der Pflichten der Steuerzahler zu schaffen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Beitrag werden einzelne Probleme der Steuerregulierung in der Russischen Föderation betrachtet und mögliche Richtungen ihrer Lösung als Element der Stärkung und Harmonisierung der Beziehungen zwischen den Steuerzahlern und dem Staat im Rahmen des Aufbaus des Instituts für finanzielle Bildung und Sicherheit definiert. Die vorgeschlagenen Empfehlungen zur Verbesserung der Gesetzgebung über Steuern und Abgaben werden es ermöglichen, ein einheitliches Herangehen an die Anwendung ihrer Bestimmungen zu bilden, Unklarheiten bei ihrer Auslegung zu vermeiden und die Verringerung der finanziellen Risiken zu gewährleisten. Es wurden Empfehlungen zur Verbesserung der normativen, organisatorischen, funktionalen und kontrollierenden Elemente der Gesetzgebung formuliert, die eine Optimierung der Tätigkeit von Behörden und Steuerzahlern ermöglichen.

Stichwörter: Gesetzgebung, Steuerrecht, Steuern, Risiko, Probleme, Sicherheit.

Recht auf Rehabilitierung aufgrund der Einstellung des Strafverfahrens in der Kirgisischen Republik

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Osadchaya Anastasia Igorevna

Ziel: die Effektivität des Instituts der Rehabilitierung im Strafverfahren der Kirgisischen Republik zu analysieren, da diese Institution besonderer Aufmerksamkeit bedarf, weil mit der neuen Strafprozessordnung zusätzliche Gründe für das Entstehen von Rehabilitierungsrechten aufgrund der Einstellung des Strafverfahrens eingeführt wurden; die Gründe für das Entstehen des Rehabilitierungsrechts zu betrachten; die nationale Ermittlungs- und Gerichtspraxis zu analysieren.

Methodologie: Deduktion, analytische und rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Auf der Grundlage der Analyse von Strafsachen aus der inländischen Ermittlungs- und Gerichtspraxis wird die Schlussfolgerung gezogen, dass bei der Einstellung von Strafsachen im Rahmen der Strafverfolgung die Rechte des Angeklagten auf Rehabilitierung verletzt werden und dass einige Gründe für die Einstellung von Strafsachen, die dem Betroffenen das Recht auf Rehabilitierung wegen unrechtmäßiger Verfolgung/Verurteilung geben, ineffektiv sind. Die Notwendigkeit der Überarbeitung und Verbesserung einiger Bestimmungen der Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik im Bereich der Arbeitsweise des Rehabilitationsinstituts wurde nachgewiesen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der durchgeführten Untersuchung können für den Gesetzgeber von Nutzen sein und die weitere Verbesserung des Rehabilitationsinstituts im Strafverfahren beeinflussen.

Stichwörter: Angeklagter, Verurteilung, Rechtmäßigkeit der Tat, Recht auf Rehabilitierung, Einstellung des Verfahrens, Rehabilitierung, Ermittlungs- und Gerichtspraxis, Straftat, Tatgeschehen, Tatbestand, Strafverfolgung, Schaden.

In Gedenken an einen edlen Ritter der Ideen der Gerechtigkeit und des Humanismus in der Rechtswissenschaft – Professor Sergei Petrovich Shcherba

Akhpanov Arstan Nokeshevich, Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Sarsenbaev Talgat Yesenalievich

Abstrakt. Der Beitrag ist dem Gedenken an einen hervorragenden Wissenschaftler, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienten Mitarbeiter der Wissenschaft der Russischen Föderation Sergei Petrovich Shcherba gewidmet, dessen humanitär-prozessuale wissenschaftliche Schule einen bedeutenden Einfluss auf die Bildung von Institutionen des wiederherstellenden Strafverfahrens im postsowjetischen Raum im Gegensatz zur anklagend-strafenden Ausrichtung hat.

Stichwörter: *Sergei Petrovich Shcherba, Strafverfahren, Kriminalistik, Rechtspsychologie, Tätigkeit der Staatsanwaltschaft und der Strafverfolgungsbehörden, humanitär-prozessuale wissenschaftliche Schule.*

Zeitfaktor

Matskevich Igor Mikhailovich

Ziel: *die gesammelten Erfahrungen und Kenntnisse in künstlerischer Form zu vermitteln.*

Methodologie: *Zitieren.*

Schlussfolgerungen. *Die Geschichte „Zeitfaktor“ von I.M. Matskevich lässt den Leser in das Geschehen rund um die tägliche Arbeit der Militärstaatsanwaltschaft Anfang der 2000er Jahre eintauchen – in der Zeit der raschen Integration ausländischer Trends in die staatlichen Institutionen des Landes und das Leben der Bürger.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Leser erhält viele nützliche Fakten über die Funktionsweise der Militärstaatsanwaltschaft Russlands sowie weitere informative historische Hinweise in knapper und spannender Form. Der vorliegende Text kann sowohl für Studenten der juristischen Fakultäten beim Studium der inländischen Kriminalistik, als auch für Mitarbeiter der Strafverfolgungsbehörden und für alle, die sich für Fragen der Arbeit der Staatsanwaltschaft interessieren, nützlich sein.*

Stichwörter: *Militärstaatsanwaltschaft, Staatsanwaltschaft, Kriminologie, Kriminalistik, Staatsanwalt, Tribunal, Militärgericht.*

Ursachen der Umweltkriminalität. Kausalität und Determination

Ziel: *das Vermächtnis der herausragenden russischen Wissenschaftlerin, Doktorin der Rechtswissenschaften O.L. Dubovik, vorzustellen.*

Methodologie: *Zitierung.*

Schlussfolgerungen. *Im vorliegenden Text werden die Ursachen der Umweltkriminalität betrachtet, es werden Empfehlungen für die Mitarbeiter der Strafverfolgungs- und Umweltschutzbehörden gegeben, um die Ursachen der Umweltkriminalität zu ermitteln.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der vorliegende Text kann für Juristen und Umweltschützer nützlich sein und im Studium des Umweltrechts verwendet werden.*

Stichwörter: *Umweltrecht, Ursachen von Straftaten, Umweltkriminalität, Ökologie, Umweltprobleme.*

Zum Jubiläum von Danil Arkadyevich Koretsky

Steshich Elena Sergeevna

Abstrakt. *Danil Arkadyevich Koretsky ist ein Klassiker des neuen russischen Detektivs und ein Mann, der in allen Bereichen erfolgreich war: in der Wissenschaft, beim Schreiben, in der Familie und im Dienst. In diesem Jahr ist Danil Arkadyevich Koretsky 75 Jahre alt geworden. Die Mitarbeiter der Union der Kriminalisten und Kriminologen gratulieren Danil Arkadyevich mit Wärme und Herzlichkeit zu diesem bedeutenden Jubiläum! Hier sind Auszüge aus dem autobiographischen Buch des Jubilars „Elixier des Mephistopheles“.*

Stichwörter: *D.A. Koretsky, „Das Elixier des Mephistopheles“, Autobiographie, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, operative Arbeit, Memoiren, beruflicher Weg.*

„Staatsanwälte haben die Pflicht, näher am Leben zu sein.“ Generalstaatsanwalt der UdSSR

Alexander Yakovlevich Sukharev

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Matskevich Igor Mikhailovich

Abstrakt. *Der Artikel handelt von dem herausragenden Staatsmann und der Persönlichkeit des öffentlichen Lebens, dem Veteranen des Großen Vaterländischen Krieges, dem berühmten Rechtsgelehrten, dem Justizminister der RSFSR, dem Generalstaatsanwalt der UdSSR und dem ordentlichen Staatsjustizrat Alexander Yakovlevich Sukharev. Nach einer glänzenden Karriere hat er seine Prinzipien nicht aufgegeben: Liebe zum Vaterland, Streben nach Wahrheit, Recht und Gerechtigkeit. Der Artikel ist für ein breites Publikum von Interesse, das sich für Geschichte interessiert und dem das Schicksal unseres Vaterlandes nicht gleichgültig ist.*

Stichwörter: *Generalstaatsanwalt, Staatsanwaltschaft, Wissenschaftler, Jurist, menschliches Schicksal, Prinzip der Gerechtigkeit, Geschichte der UdSSR, Perestroika, A.Ya. Sukharev.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Legal provision of information security in connection with a special military operation

Afanasyeva Svetlana Ivanovna

Mission: based on the analysis of the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, scientific sources, materials of investigative and judicial practice, to systematize measures of administrative and criminal responsibility for discrediting the use of the Armed Forces of Russia, volunteer formations, organizations or persons contributing to the tasks assigned to them during a special military operation in Ukraine using information and communication technologies, and also suggest ways to correct the current domestic legislation.

Methodology: general scientific dialectical, universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, structural-functional, formal-logical), special legal methods (comparative legal, method of system interpretation).

Conclusions. The legislator has strengthened the legal responsibility for illegal actions with the use of IT technologies aimed at discrediting the use of the Armed Forces of Russia, volunteer formations, organizations or persons who contribute to the fulfillment of tasks assigned to them during a special military operation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security. In the future, the systematic work of state and municipal bodies, their officials, public associations and citizens is necessary to ensure the information security of the Russian society with legal and preventive protection measures.

Scientific and practical significance. The article presents a systematic analysis of administrative and criminal liability measures for discrediting the use of the Russian Armed Forces, volunteer formations, organizations or persons assisting in the performance of tasks assigned to them during a special military operation in Ukraine aimed at ensuring the information security of Russian society; the proposals for improving the current Russian legislation on the issue under consideration are specified.

Keywords: special military operation, armed forces, defamation, administrative responsibility, criminal responsibility, information, security.

Revisiting special knowledge of trial participants in criminal procedure (drawing on the cases of crimes against the non-adult sexual immunity)

Voinich Konstantin Victorovich

Mission: to prove the necessity of special knowledge of trial participants in criminal procedure in case of commission of a crime against the non-adult sexual immunity.

Methodology: dialectical method, analysis, formal and legal method.

Conclusions. Special knowledge of trial participants in criminal procedure during the investigation of crimes against the non-adult sexual immunity is necessary for a more complete and thorough investigation and evidence formation, as well as avoiding the non-adult victims' mental health traumatizing.

Scientific and practical significance. The creation of basic methodological recommendations for attorneys concerning investigation activities in the situation with non-adult victims in case of commission of a crime against the non-adult sexual immunity.

Keywords: sexual immunity, non-adult victim, psycho-traumatic occasion, teacher, psychologist, special knowledge, the non-adult questioning, crisis intervention, child psychology, psychological knowledge.

Private interest in the public criminal process in Russia: history and perspectives

Kilina Irina Vladimirovna

Mission: to analyze the genesis of the institute of victim's rights in criminal trials, its role and degree of participation in conflict resolution at different historical stages of the existence of the Russian state. To identify possible ways to improve Russian criminal trials aimed at ensuring a balance of private and public interests.

Methodology: the methodological basis of the research was implemented with general scientific and special scientific methods of research. Methods of analysis and synthesis ensured the possibility to formulate suggestions for

improving the current criminal material and procedural legislation; methods of induction and deduction allowed to formulate conclusions. The historical method has been used to study the development of domestic legislation regulating methods of resolving criminal law conflicts.

Conclusions. It is concluded that ensuring reparation for the victim is as important aim of criminal trials as restoring social justice. It has been argued that the private interest in modern criminal trials should not be limited to giving victims of crimes the right to take criminal trials in private and semi-public criminal prosecution procedures, but also real guarantees of the ensuring the right to restore violated rights in each criminal trial. The argument is made that one of the effective solutions to the problem of the effectiveness of the victim's reparation is the institution of exemption from criminal liability on alternative grounds, which should be further developed with a view to restoring the rights of the victim more than to solving the fiscal tasks of the State.

Scientific and practical significance. Proposals for the further development of criminal trials based on an analysis of the place and role of the victim in criminal trials in different historical periods can contribute to the proper development of criminal trials of procedural policy.

Keywords: public interest, private interest, victim, alternatives to criminal prosecution, exemption from criminal liability, reparation of harm.

Brilliant career, scientific heritage, well-deserved recognition and respect! In memory of an international lawyer from Perm University Oleg Ivanovich Tiunov

Pastukhov Pavel Sysoevich, Borisevich Galina Yakovlevna

Mission: to update the scientific achievements of O.I. Tiunov in terms of compliance with the principle of international law on the conscientious fulfillment of international obligations, which have now become a serious scientific problem, in the study of which it is still too early to put an end to it at the present time.

Methodology: the methodological basis of the study was a set of methods of scientific knowledge, among which the leading place is occupied by the dialectical method. The article uses general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and private scientific methods (comparative-legal, technical-legal).

Conclusions. The authors came to the conclusion that scientific and professional successes are important for the entire legal community of international lawyers, modern political scientists dealing with geopolitics. Professional success is of particular importance for Perm University, where Oleg Ivanovich has a good track and memory as a specialist of the highest level. As a bright, modest, decent and sympathetic person, he will forever remain in the hearts of those who were lucky enough to know him and work with him.

Scientific and practical significance. The scientific heritage of Oleg Ivanovich Tiunov in the field of compliance with the principle of international law on the conscientious fulfillment of international obligations is currently being studied by politicians, political scientists and academic international lawyers due to the sanctions war between states. The practical significance of his scientific works has not lost its relevance, but has received a new breath in the aggravated international situation.

Keywords: international law, international relations, conscientious fulfillment of international obligations, scientific and professional achievements.

The past, present and future of forensic scientific research

Filippov Mikhail Nikolaevich

Mission: to analyze scientific research in the field of criminalistics in their historical development, to understand which issues of committing crimes and their investigation became relevant at one stage or another of the development of our state, to substantiate possible ways to improve criminalistics science taking into account the development of technology and historical events.

Methodology: analysis, synthesis, historical method, system method, modeling, description, deduction, induction.

Conclusions. Forensic scientific research will undoubtedly be carried out further and will be based on the achievements of both criminology and other branches of scientific knowledge, taking into account changes in the criminal legislation of the Russian Federation.

Scientific and practical significance. The analysis of trends in forensic scientific research makes it possible to understand the vector of development of criminology, the need of law enforcement agencies for knowledge, practical recommendations for the detection and investigation of crimes. The conclusions reached by the author can be used

in further scientific research devoted to the study of the development of criminology as a science. In addition, the practical significance of the scientific article lies in the use of the proposed recommendations to improve the efficiency of planning and organization of forensic scientific research, taking into account the needs of practice.

Keywords: *criminalistics, scientific research, methods, dissertation, monograph, article, manual, scientists, criminologists, crimes, knowledge, science, investigators, experts.*

Looting: new regulation in the Criminal Code of the Russian Federation

Shumihin Vladimir Grigorievich, Strukov Aleksandr Vladimirovich

Mission: *to give a criminal law analysis of the crime provided for in Article 3561 of the Criminal Code of the Russian Federation and to draw attention to the problems of its enforcement.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, historical method.*

Conclusion. *There is a need to include in the criminal law the corpus delicti of "Looting committed by a serviceman".*

Scientific and practical significance. *The inclusion in the criminal law of the crime provided for in article 3561 requires a detailed scientific understanding. From a practical point of view, the implementation of the authors' proposal should contribute to the correct application of the norm on the crime in question.*

Keywords: *looting, martial law, wartime, warfare, soldier, embezzlement.*

The role of the police bodies of the Russian Empire in suppressing extremism from radical Old Believers and religious sectarianism

Lukyanov Sergey Alexandrovich

Mission: *the need to highlight and analyze the historical and legal experience of countering religious extremism of the police bodies of the Russian Empire in the conditions of a multi-confessional Russian state. The study of this experience is relevant for modern Russia due to the active anti-state and anti-social activities of a number of religious organizations, characterized by extremist manifestations both in the sphere of information and propaganda influence on society, and directly by illegal actions of an extremist orientation.*

Methodology: *general scientific methods, historical-legal and comparative-legal methods of studying the processes of socio-political development.*

Conclusions. *The successful activities of law enforcement agencies to counter religious extremism directly depend on the consistently implemented state policy in the sphere of state-confessional relations.*

Scientific and practical significance. *The study of the historical and legal experience of the struggle of the police bodies of the Russian Empire with manifestations of religious extremism in the confessional environment allows us to determine the nature of direct and potential threats to national security emanating from religious and pseudo-religious organizations of a radical extremist nature. The study of previously used forms and methods of police activity in this area is necessary to develop the most optimal and effective ways to prevent, detect and suppress religious extremist activities.*

Keywords: *police bodies, religious extremism, religious fanaticism, religious crime, religious sect, religious sectarianism, church schism, Old Believers, priestcraft, the movement in part of the Russian Old Believers priestless sect), mass suicides, whips, whiplash, eunuchs, skopchestvo.*

Individual measures to prevent deliberately false denunciation

Shurov Alexander Alexandrovich

Mission: *to develop recommendations for improving individual measures to prevent a deliberately false denunciation. The absence of criminological studies of a deliberately false denunciation and the resulting lack of recommendations for the prevention of this crime requires the development of a methodology for its prevention at the individual level.*

Methodology: *dialectical method, general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, abstraction), system-structural method, system analysis method.*

Conclusions. *The specificity of a deliberately false denunciation as a type of criminal behavior in the context of an individual warning is manifested in the fact that the identification of a criminal occurs mainly already in the process of carrying out criminal activity, i.e. in direct contact of a person who intends to make a deliberately false*

denunciation with law enforcement officers in order to influence them with information and form a false idea about the fact of a crime. The above determines the concentration of measures of individual prevention of a deliberately false denunciation on identifying the falsity of the information reported by the person, as well as exposing its unreliability and corrective impact on his behavior.

Scientific and practical significance. The study of the mechanism of committing a deliberately false denunciation at the individual level makes it possible to develop new scientifically based recommendations regarding the prevention of this crime, taking into account the practical aspects of the activities of law enforcement agencies. The proposed method of preventing deliberately false denunciation at the individual level allows law enforcement officers to use, in order to identify the falsehood of a denunciation, an integrated approach to assessing the known, relevant circumstances and observed behavior of the applicant, taking into account his personal characteristics and alleged motives, as well as the context of the situation to carry out a comprehensive analysis of all information available and received from the applicant.

Keywords: deliberately false denunciation, identity of the offender, motivation, mechanism, criminal behavior, individual warning, lie, information, methodology, lie detection, lie exposure, persuasion, coercion, assistance, encouragement.

Tactics of detection and fixation of electronic and digital traces of crimes in the field of computer information

Kiselev Alexander Sergeevich

Mission: to substantiate new approaches and techniques to increase the detection of crimes in the field of computer information, which in turn can improve the professional qualifications of law enforcement officers and cybersecurity specialists involved in the prevention and suppression of criminal activity in the field of information technology.

Methodology: materialistic, metaphysical and dialectical methods, analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal, comparative legal and system method.

Conclusions. It is determined that the tactics of detecting and fixing digital traces of crimes in the field of computer information includes the ability to detect traces of criminal actions in computer systems, collect and analyze digital data, as well as record the information found as evidence. Tactical actions of the investigator can be arranged as follows: analysis of the state of the information system after the crime committed; collection and analysis of digital data, including the extraction of electronic digital traces, such as logs, databases, files, registries, metadata, etc.; fixation of digital traces on electronic and material media, preservation of important information about the crime (date, place of commission, method, technical devices used by the offender programs) by photo and video recording, recording information on flash drives or disks, creating backups; in-depth analysis, study and interpretation of digital data; seeking expert help if necessary; reporting.

Scientific and practical significance. The study of tactics helps to improve and develop methodological approaches and tools for successfully identifying and fixing digital footprints. Knowing and applying the tactics of detecting and fixing electronic digital traces in the work of law enforcement agencies allows them to more effectively and efficiently investigate crimes in the field of computer information, and improve the competence of employees in the field of cybersecurity. In view of the growth in the number of crimes in the field of computer information in recent years, studying the tactics of detecting and fixing electronic digital traces will help improve protection against various cyber threats and achieve a high level of information security.

Keywords: digital footprint, digital footprint detection tactics, digital footprint fixation tactics, detection tactics, fixation tactics, investigation, cybercrime, crimes in the field of computer information, computer information, information and telecommunication technologies.

Ecocriminology (oikoscrimenlogos): a transdisciplinary-multimodal scientific direction and its significance in the integration and synchronization of modular disciplines (systems and integrated technologies)

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Mission: to substantiate the scientific direction “ecocriminology” (oikoscrimenlogos) as a special discipline of national criminology.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. *Within the framework of ecocriminology, both the inextricable complexity of the research itself and the effectiveness of training personnel for an effective national system of environmental safety are ensured, which is a transdisciplinary-multimodal approach. Based on the analysis of curricula, manuals, guidelines and ongoing research (R&D) in the field of ecocriminology, typical errors were identified, to which the author, the founder of this scientific direction (one of the leading branches of criminology), draws attention, gives explanations and recommendations. In practice, when developing educational and methodological materials, it becomes essential to create not individual components, but their systems (a multifunctional scientific and educational conglomerate), formed as an association of certain types of educational (scientific and practical) publications on the basis of a common theoretical, methodological, empirical foundation using the modular principle of constructing the content of this transdisciplinary-multimodal discipline.*

In solving the main task of training highly qualified specialists in the field of theory and practice, mastering research skills and involving young applicants thinking in criminological and forensic categories in the search for ecocriminological truth, the author sets out his vision and the scientific and practical path traveled in the development and international recognition of ecocriminology. Its development is determined by the laws of the comparative approach of the union of criminologists and criminologists, interaction and involvement in this transdisciplinary-multimodal process of all interested branches of science.

It is significant that in 2023, domestic ecocriminology approaches its 25th anniversary in the status of a transdisciplinary-multimodal scientific direction. This is primarily due to the fact that the use of the empirical base of ecocriminology made it possible to develop the author's concept of interrelated and interdependent modules that are part of the architecture of ecocriminological monitoring and building a unified system of environmental safety. Efficiency is provided by the corresponding support blocks – modules.

1. Module – ecodéviology.

2. Module – ecovictimology (criminogenic ecovictimization of society).

3. Module – environmental forensics (ecocriminalistic).

4. Module of problems of ensuring the effectiveness of the environmental safety system and the creation of a unified environmental monitoring, including eco-criminological parameters, innovative technologies.

5. Module of problems of combating national and transnational eco-crime.

6. Module of national security issues related to eco-terrorism, eco-sabotage, eco-extremism, eco-corruption, illegal trade in environmental components, products that are environmentally hazardous to the health of the nation – transgenic food products (genetically modified), prohibited biotechnologies and genetic engineering technologies, eco-smuggling, illegal waste trade, hazardous substances and other aspects within the jurisdiction of safety.

7. Module of information-criminological-forensic methods and technologies of ecocriminology for identifying, assessing, predicting ecocriminogenic risks, ecocriminological requirements during ecocriminological examination.

8. Module of digital ecocriminological transformation and ecocriminological modeling.

9. Module – a system for managing and preventing eco-criminogenic risks. Ecorisk diversification.

10. Module of international ecocriminology. Problems and ways of development in a multipolar world.

Without a thorough study (research) and implementation of these modules and a comprehensive, comparative approach in the training of highly qualified specialists – ecocriminologists, environmental criminologists, specialists (at the expert level) of criminal, criminal procedure and environmental law, control and supervisory and judicial and investigative authorities in this area, including specialized eco-lawyer offices, it will be problematic in practice to achieve the effectiveness of the environmental safety system, solve the problems of qualification, and investigate environmental crimes in practice.

Thus, the development of ecocriminology as a transdisciplinary-multimodal scientific direction made it possible not only to develop its inherent methods of information and criminological technologies, ecocriminalistic examinations, but also to formulate the principles and requirements for the methods and means of developing these modules, to assess their importance in training specialists, conducting research in this area and the demand for law enforcement practice. By virtue of the regulations, a number of issues are covered in this article in a short format, for those wishing to get acquainted with the topic in more detail, sources and recommended literature are presented in the references.

Scientific and practical significance. *The article will be useful for students and teachers of law schools, as well as lawyers studying the problems of environmental crime and combating it. It will also contribute to the development of innovative technologies in criminological science.*

Keywords: *ecocriminology; oikocrimenologos; etymological and terminological system; transdisciplinary-multimodal scientific direction; multimodality and transdisciplinarity of Russian ecocriminology; criminalistics of*

environmental protection; ecorisk management system; eco-safety; educational and methodological complex of ecocriminology.

In search of the objective significance of criminological knowledge in the era of socially co-organized postmodernity (in memory of Professor Vitaly Efimovich Kvashis)

Khomich Vladimir Mikhailovich

Mission: to reveal the significance of scientific and human heritage of the outstanding Soviet and Russian legal scientist V.E. Kvashis.

Methodology: analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal, comparative-legal methods and system method.

Conclusions. V.E. Kvashis believed that today it is important to revive the natural-social and humanistic approach to the assessment of the legal status and condition of all elements of the social system (person, society, state). This is the only possible scientific counterbalance to the policy of total violent robotisation of man and a scientific method of objectively criminological rethinking of the established views on the omnipotence of forceful options for solving social problems.

Scientific and practical significance. The author's opinion can be useful for lawyers and all those interested in the development of legal science and used in the study of Russian law.

Keywords: criminology, criminology, criminal law, postmodern, scientific knowledge, legal principles, socio-legal policy, crime control, V.E. Kvashis.

The legislation of the Russian Federation on taxes and fees as an element of financial security: legal problems

Maltsev Oleg Valerievich

Mission: to offer the author's vision of the problems existing in modern legislation on taxes and fees and the proposal of scientifically based approaches to improving the mechanism of legal regulation in the tax sphere.

Methodology: the methodological basis of the study was a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical method occupies a leading place. The article uses general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and private scientific methods (comparative legal, technical-legal).

Conclusions. The author comes to the conclusion that there is a need for a more critical attitude to the legislation on taxes and fees in order to form the possibility of its improvement in the interest of

Scientific and practical significance. The article discusses certain problems of tax regulation in the Russian Federation and identifies possible directions for their solution as an element of strengthening and harmonizing relations between taxpayers and the state in the framework of building the institution of financial literacy and security. The proposed recommendations on improving the legislation on taxes and fees will allow us to form a uniform approach to the application of its provisions and avoid ambiguity of its interpretation and ensure the reduction of financial risks. Recommendations are formulated to improve the regulatory, organizational, functional and control elements of legislation that will optimize the activities of authorities and taxpayers.

Keywords: legislation, tax legislation, tax, risk, problems, security.

The right to rehabilitation as a result of the termination of a criminal case in the Kyrgyz Republic

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Osadchaya Anastasia Igorevna

Mission: to analyze the effectiveness of the institute of rehabilitation in criminal proceedings in the Kyrgyz Republic, since this institution requires special attention in connection with the introduction to the new Code of Criminal Procedure of additional grounds for emergence of rights to rehabilitation as a result of the termination of a criminal case; to consider the grounds for emergence of right to rehabilitation; to analyze domestic investigative and judicial practice.

Methodology: deduction, analytical and comparative legal methods.

Conclusions. Based on the analysis of criminal cases of domestic investigative and judicial practice, it is concluded that there are violations of the rights of the accused persons to rehabilitation when criminal cases are terminated in law enforcement activities, as well as the ineffectiveness of some grounds for termination of criminal cases that

give the subject the right to rehabilitation as a result of illegal prosecution / accusal. The necessity of revision and improvement of some provisions of the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic in the field of functioning of the institute of rehabilitation is substantiated.

Scientific and practical significance. The results of the conducted research may be useful for the legislator and may affect the further improvement of the institute of rehabilitation in criminal proceedings.

Keywords: accused, conviction, legality of the act, right to rehabilitation, termination of the case, rehabilitation, investigative and judicial practice, event of a crime, elements of a crime, criminal prosecution, damage.

In memory of the noble knight of the ideas of justice and humanism in legal science – Professor Sergei Petrovich Shcherba

Akhpanov Arstan Nokeshovich, Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Sarsenbaev Talgat Yesenalievich

Abstract. The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist, doctor of legal sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation Sergei Petrovich Shcherba, whose humanitarian-procedural scientific school has a significant influence on the formation of restorative criminal justice institutions in the post-Soviet space as opposed to the accusatory-punitive bias.

Keywords: Sergey Petrovich Shcherba, criminal procedure, criminology, legal psychology, prosecutorial and law enforcement activities, humanitarian procedural scientific school.

Time factor

Matskevich Igor Mikhailovich

Mission: to convey accumulated experience and knowledge in an artistic form.

Methodology: citation.

Conclusions. The story of I.M. Matskevich “Time Factor” will plunge the reader into the thick of events related to the daily work of the military prosecutor’s office in the early 2000s – during the period of rapid integration of foreign trends in the state institutions of the country and the lives of citizens.

Scientific and practical significance. Readers will get in a concise and fascinating form a lot of useful facts about the functioning of the military prosecutor’s office of Russia, as well as other informative historical references. The given text can be interesting both to students of law schools at studying of domestic criminalistics, and employees of law enforcement bodies, and also all who are interested in questions of prosecutor’s work.

Keywords: military prosecutor’s office, prosecutor’s office, criminology, criminalistics, prosecutor, tribunal, military court.

Causes of environmental crimes. Causality and determination

Mission: to introduce the legacy left by the outstanding Russian scientist, Doctor of Law O.L. Dubovik.

Methodology: citation.

Conclusions. The above excerpt discusses the causes of environmental crime, provides recommendations for law enforcement and environmental authorities to identify the causes of environmental crime.

Scientific and practical significance. The above text can be useful for legal practitioners, environmentalists and used in the study of environmental law.

Keywords: environmental law, causes of crimes, environmental crimes, ecology, environmental problems.

To the anniversary of Danil Arkadyevich Koretsky

Steshich Elena Sergeevna

Abstract. Danil Arkadyevich Koretsky is a classic of the new Russian detective, and also a person who has achieved success in everything: in science, writing, in the family and in the service. This year Danil Arkadyevich turned 75 years old. The team of the Union of Criminalists and Criminologists warmly and cordially congratulates Danil Arkadyevich on his significant anniversary! Here are excerpts from the autobiographical book of the hero of the day “The Elixir of Mephistopheles”.

Keywords: D.A. Koretsky, “The Elixir of Mephistopheles”, autobiography, honored lawyer of the Russian Federation, operational work, memoirs, professional path.

“Prosecutors have a duty to be closer to life.” Prosecutor General of the USSR Alexander Yakovlevich Sukharev

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Matskevich Igor Mikhailovich

Abstract. *An article about an outstanding statesman and public figure, a veteran of the Great Patriotic War, a famous legal scholar, Minister of Justice of the RSFSR, Prosecutor General of the USSR, Actual State Counselor of Justice Alexander Yakovlevich Sukharev. Having made a brilliant career, he did not deviate from his principles – love for the Fatherland, desire for truth, law and justice. The article is of interest to a wide audience interested in history and not indifferent to the fate of our Fatherland.*

Keywords: *prosecutor general, prosecutor’s office, scientist, lawyer, human destiny, principle of justice, history of the USSR, perestroika, A. Ya. Sukharev.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)